

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ГРАЖДАНСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ ПРИ ГОССТРОЕ СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ПРОЕКТНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ

В. А. ЛАВРОВ

РАЗВИТИЕ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ ГОРОДОВ

МОСКВА СТРОЙИЗДАТ 1977

Рекомендовано к изданию решением Научно-технического совета Центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству.

Лавров В. А. Развитие планировочной структуры исторически сложившихся городов. М., Стройиздат, 1977, 176 с (Гос. ком. по гражд. стр-ву и архитектуре при Госстрое СССР. Центр. науч.-исслед. и проектный ин-т по градостроительству).

Рассматриваются вопросы поэтапного формирования и развития планировочной структуры исторически сложившихся городов с учетом задач их реконструкции. Основное внимание уделено градостроительным аспектам взаимосвязи исторически сложившейся и современной застройки в зонах концентрации памятников архитектуры. Прослежены этапы развития массовой застройки жилых и промышленных районов по «образцовым» проектам. Освещаются вопросы формирования общественных центров городов. Сделана попытка использовать метод системного анализа в истории градостроительства.

Книга открывает цикл работ, в которых рассматриваются и анализируются вопросы исторической преемственности при реконструкции городов.

Книга предназначена для архитекторов и искусствоведов.

Рис. 168

ВВЕДЕНИЕ

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», утвержденных XXV съездом КПСС, записано: «Основной задачей советской науки является дальнейшее расширение и углубление исследований закономерностей природы и общества, повышение ее вклада в решение актуальных проблем строительства материально-технической базы коммунизма...»¹. Указывается также на необходимость дальнейшего развития фундаментальных и прикладных научных исследований в области общественных, естественных и технических наук.

Эти установки имеют прямое отношение к дальнейшему развитию градостроительной деятельности в нашей стране и, в частности, к такой ее сложной разновидности, как реконструкция исторически сложившихся городов. Наше внимание привлекает прежде всего проблема культурно-исторической преемственности, когда в процессе градостроительной деятельности возникает необходимость критической оценки остающихся от прошлых поколений материальных и историко-художественных ценностей. Архитектурно-планировочное наследие — это овеществленный опыт культуры народов, крупные вехи в его историческом развитии, которые помогают увидеть жизнь в движении, в пространственных и временных связях. Благодаря соприкосновению с современным окружением в старых ценностях выявляются новые качественные грани. Достижения прошлого присоединяются к современным усилиям и направляются на удовлетворение новых потребностей — практических и эстетических, материальных и духовных. Познавание градостроительного достояния прошлого — это одно из условий глубокого современного преобразования жизни.

Творческий подход к преемственному развитию городов с большим культурным наследием заключается в том, чтобы рассматривать памятники, относящиеся к различным эпохам, как структурные звенья, которые соединяют настоящее с прошлым во всем его культурном богатстве. Отдельные черты предстоящего, прогнозируемого развития города формируются уже на предшествующих этапах. При этом нужно обращать первоочеред-

ное внимание на характер тех процессов, которые происходят на стыках разных эпох.

Преемственное развитие городов, обладающих культурным наследием, — это не механическое соединение произведений разных эпох, а создание нового единства исторических ассоциаций с современными тенденциями и прогнозами на будущее, когда новое не перечеркивает прежних достижений, а старое не заглушает ростки нового, участвуя в усовершенствовании современной среды.

В процессе постоянного изменения городской среды от одного исторического периода к другому происходит создание и накопление культурных ценностей, причем каждая последующая эпоха в унаследованном от своих предшественников художественном достоянии открывает новые стороны. Памятники культуры — не только напоминание о прошлом и материальное свидетельство величия нашей истории, но также явление современности, которая дает им новое идейно-художественное истолкование и назначение. Такое широкое понимание историко-культурной преемственности обуславливается непрерывным развитием общественной жизни.

Из всего многообразия вопросов, связанных с творческой преемственностью и использованием архитектурного наследия, в данном исследовании выделяется градостроительная сторона проблемы. Становится невозможным исследование развития планировочной структуры городов на различных исторических этапах без одновременного и взаимосвязанного учета всех сторон градостроительной деятельности без ясного представления о том, какой же уровень материально-пространственной среды может удовлетворить все повышающиеся и усложняющиеся запросы общества на каждом этапе его развития.

Для того чтобы представить себе преемственное развитие градостроительных процессов во всей их сложности и последовательности, необходимо знать фактический материал, связанный с планировочным развитием городов, и на каждом историческом этапе выявлять традиционные формы и зарождающиеся новые градостроительные черты, переходящие от прошлого в будущее.

Изучая историю градостроительства, мы, с одной стороны, непосредственно соприкасаемся с историческими событиями и материальными следами прошлого, осознаем их в связях и сопоставлениях с настоящим. При от-

¹ Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. М., Политиздат 1976. с. 64.

боре фактов нужно различать те из них, которые являются историческим событием, и факты, представляющие собой не более чем эпизоды, не имеющие самостоятельного значения, но тем не менее помогающие более тщательно разобраться и правильно истолковать интересующие нас крупные градостроительные события. Вместе с тем в процессе исследования мы получаем возможность воспроизвести утраченные факты по источникам, реконструировать и воссоздать их, принимая во внимание, что каждому общественному строю, культуре, исторической эпохе присущи как общие, так и свои специфические закономерности. Правдивого, истинного истолкования исторического процесса можно достигнуть, если брать отдельные факты и события, воспроизводить и интерпретировать их не оторванно и разрозненно, а в целостности и взаимодействии. Обращаясь к отдельным фактам и оценивая их, мы должны каждый раз представлять себе их совокупность по тем или иным признакам, воспроизводя и поясняя прошлое в единстве необходимого и случайного.

В конкретных исторических материалах соединяются общие события и единичные факты, как сосуществующие, так и сменяющие друг друга. Прямая непосредственная хронологическая связь между ними может быть прослежена лишь на сравнительно небольшом временном участке. При исследовании же крупных, взаимосвязанных исторических событий возникает необходимость продвигаться более сложным путем, возвращаясь иной раз к ранее рассмотренным фактам с тем, чтобы проследить другие возможности их связей.

Говоря о прошлых этапах развития градостроительства, можно всегда выделить тот или иной заверченный исторический цикл, подтвержденный имевшими место фактами. Иное дело современные и перспективные этапы развития исторически сложившихся городов, содержащие в себе не одну, а ряд альтернативных возможностей развития. При разработке прогнозов для исторических городов нужно иметь в виду, что всегда есть несколько вариантов развития общественной жизни, а следовательно, и использования градостроительного наследия. Не всегда легко определить, какой из прогнозов будет наиболее надежным, принимая также во внимание, что процессы развития происходят по-разному в пределах общей планировочной структуры городов, в районах массовой и усадебной жилой застройки и, наконец, при формировании центральных частей городов, где

в наибольшей степени концентрируются здания, представляющие историко-художественный интерес, и происходят наиболее острые конфликты столкновения старого и нового.

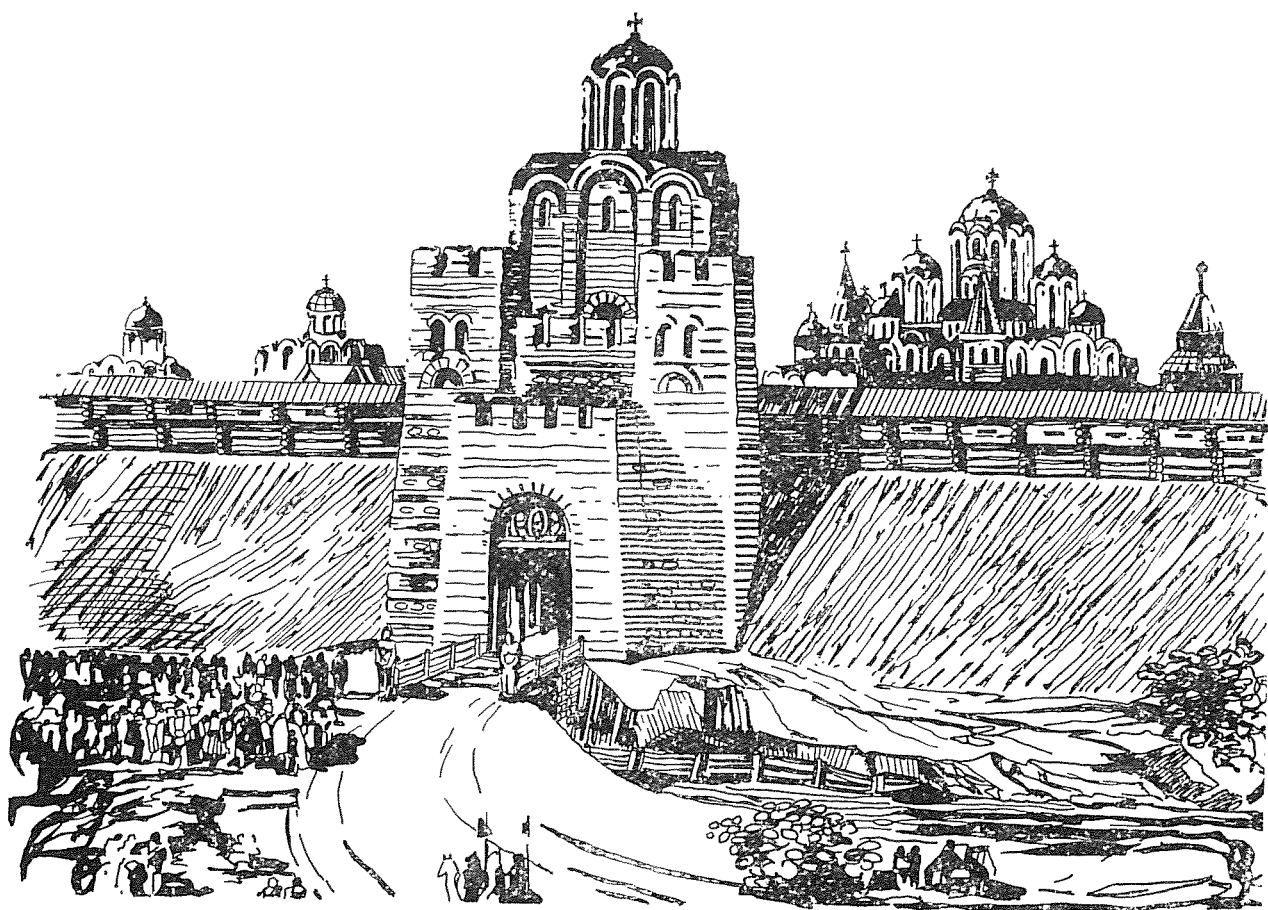
Изучение процессов, происходивших на разных этапах развития градостроительства, поможет в поисках путей и возможностей будущего развития наших городов, увеличивая их разнообразие, и приумножая привлекательные черты, заложенные на предыдущих этапах развития. Замыслы древних зодчих, их творчество, созданные ими образы становятся фактами нашей современной художественной жизни и градостроительной культуры. Нужно рассматривать наших талантливых предшественников как участников вместе с современными градостроителями формирования художественного облика населенных мест, повышения эстетических качеств жизненной среды человека.

В данном исследовании внимание сосредоточено исключительно на ярких фактах, связанных с полной творческих дерзаний историей русского градостроительства, на примерах тех исторических городов, которые выделены специальным постановлением Госстроя РСФСР и коллегии Министерства культуры РСФСР № 36 от 31 июля 1970 г. В одних из этих городов в определенные исторические периоды их развития сформировалась выразительная и целостная планировочная структура, основы которой дошли до нашего времени. Здесь сложились центральные площади с общественными зданиями, представляющими собой выдающиеся памятники архитектуры, и главные улицы, планомерно и регулярно застроенные. В других городах сохранились отдельные значительные древние памятники архитектуры или их группы, придающие городу своеобразный облик. При реконструкции этих городов, особенно их центральных районов, естественно стремление в наибольшей степени использовать положительный опыт прошлого.

В процессе данного исследования на первых этапах работы привлекались и использовались материалы, которые подготовили д-р ист. наук Н. Воронин (по городам древней Руси), д-р искусств. М. Ильин (по городам централизованного Русского государства), д-р ист. наук П. Третьяков (об истоках русского градостроительства), канд. арх-ры П. Гольденберг (по архитектуре Москвы), канд. искусств. С. Палентреер (по усадебному строительству), канд. арх-ры А. Суслов (по планировке военных поселений), совместную работу с которыми автор вспоминает с благодарностью и признательностью.

Глава 1

ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ

Истоки русского градостроительства берут начало в недрах того исторического процесса, который привел к созданию Древней Руси — Киевского государства на Днепре. В IX—X столетиях, когда иноземные купцы начали постоянно бывать на Руси, она предстала перед их глазами как страна многочисленных и оживленных поселений. На высоких берегах Днепра был основан Киев — центр восточнославянской жизни и государственности. С ним соперничали Чернигов на Десне и Смоленск в верховьях Днепра. Древний Новгород и Ладога на Волхове стояли на страже отдаленных рубежей славянской земли. Белоозеро, Ростов и Муром отмечали пути славянской миграции на северо-восток в землю древней веси, меря и муромских племен, а отдаленная Тьмутаракань свидетельствовала о стремлении Руси прочно утвердиться на берегах Черного моря, которое называли тогда морем Русским. Все эти поселения играли организующую роль в экономической, политической и культурной жизни страны и пользовались заслуженной славой далеко за пределами славянского мира. Они были хорошо известны в Царьграде-Константинополе — столице Византийской империи. Ими интересовались любознательные арабские географы и историки. В древней Скандинавии, за морем Варяжским, Русь называли «Страной городов».

Киевское государство явилось не столько началом исторической жизни славянских племен, сколько итогом длительного, уже пройденного ими исторического пути. Первые основатели русских городов имели за плечами немалый опыт строительства поселений и разнообразных укреплений. Древний славянский поселок представлял собой группу построек, расположенных на мысу высокого берега реки и защищенных от военного набега рвами, валами и деревянными стенами. Это были поселения первобытных общин, обитатели которых вели нераздельное хозяйство, хранили свои запасы в общинной житнице и помещали останки умерших в одно общее погребальное сооружение. Их центральную часть занимало большое здание, рубленное из бревен, служившее местом сбора всех жителей. Встречались поселения, вдоль оборонительных стен которых размещались жилые постройки — «длинные дома», разделенные на обособленные помещения, каждое из которых имело свой каменный очаг. Такая форма домостроительства принадлежала

трипольским племенам неолитической эпохи, обитавшим в районе днепровского Правобережья в III в. до н. э. Отдельные поселки, особенно наиболее древние из них, располагались обычно небольшими группами, принадлежавшими членам одного и того же рода. Примером более поздних поселений славянской первобытной общины являются городища VII—X вв., основанные в районе днепровского Левобережья — на Десне, Суле, Ворскле и в верховьях Дона. Они обычно занимали береговые отроги у реки, окруженные склонами, а со стороны плато защищались рвом и валом, за которым лежала неукрепленная часть поселка. Постройки располагались неравномерно, образуя тесные группы, иногда соединенные внутренними переходами. Эти группы составляли большое поселение, центром которого была укрепленная цитадель. Отдельные укрепления объединялись наружным валом и рвом, в пределах которого располагались курганные могильники.

Во второй половине I в. н. э. славянские племена достигают последних ступеней первобытно-общинного строя, вступая в начальный период государственной жизни — в эпоху Киевской Руси. Рушатся старые формы быта и общественного устройства, закладываются основы средневековой Руси. Первыми вступили на новый путь южные племена, издавна связанные с Причерноморьем и Византийской империей. Позднее этот процесс развернулся на далеком славянском севере — на верхнем Днепре, Волге и Западной Двине, а затем у восточной группы племен — вятичей, радимичей и северян, обитавших к востоку от верхнего Днепра в верховьях Оки, на Десне и на верхнем Дону. В основе этого исторического процесса лежали изменения в экономической жизни восточного славянства, вызванные повсеместным распространением пашенного земледелия, появлением ремесленного производства и развитием обмена с арабским востоком, Причерноморьем и странами Прибалтики. С VIII—IX вв. реки Итиль (Волга) и Дон превратились в оживленный торговый путь, связывающий славянские племена с Поволжьем, Хазарским каганатом, Хвалынским (Каспийским) и Черным морями. Торговые пути — Волжский и Днепровский, идущие по Западной Двине и Волхову к Прибалтике, приобретают общеславянское значение.

Социальные и хозяйственные преобразова-

ния отражаются на формах поселений. Постепенно, с разделением производства на две крупные отрасли — земледелие и ремесло, расселение компактными, родовыми группами уступает место торгово-ремесленным поселениям и местам торжищ — первым восточно-славянским городам. Формирование их началось с группы разрозненных селений, окружавших место постоянных или периодически повторяющихся торжищ. Например, такое гнездо селений представлял собой первоначально кривичский Смоленск. Подобная группа поселков находилась некогда в Верхнем Поволжье на месте будущей Твери. По-видимому, такую же картину представлял в VIII — начале IX в. и Чернигов. Группа древних селений находилась на р. Волхове, где позже возник г. Ладога. Вокруг селений высились курганы. Целое гнездо селений предшествовало и столице Древней Руси — Киеву.

Расположенные на возвышенном месте над рекой и обнесенные рвами, валами и деревянными укреплениями славянские поселения были не только центрами экономического значения, но и центрами политическими, а возможно, и религиозными. Древняя русская летопись «Повесть временных лет» указывает, что городом полян являлся Киев, столицей кривичей был Смоленск, древляне объединялись вокруг Искоростеня и т. д. Такие же центры — своего рода племенные столицы — имелись и у других восточно-славянских племен: дреговичей, северян, вятичей, родимичей и др. В них наряду с торговой площадью центральное место занимали двор или дворец предводителя или князя, а также место культа — капище или храм.

Во время опасности под защиту городов-крепостей собиралось окрестное сельское население. Такими были, например, летописный Искоростень, Киев и Чернигов на юге, Псков и Ладога на севере. Развитие и возрастающая роль защитной функции поселений являются симптомом глубокого исторического перелома — перехода варварства к цивилизации, конца патриархального строя. Именно эта военная функция городов и выступает с особой яркостью. Термином «город» в древней Руси обозначалось укрепленное «огороженное» поселение вне зависимости от его подлинного содержания — был ли это город в собственном смысле слова, т. е. более или менее значительный торгово-ремесленный центр, или княжеский укрепленный замок. Крепости на границах или во внутренних областях имели едва ли не преобладающее значение в условиях полных боевых тревог жизни молодого русского государства.

Многие города, возникавшие на северных и восточных рубежах славянской земли, являлись опорными пунктами славянской миграции. Такими городами являлись Белоозеро в земле древней веси, Ростов на оз. Неро среди меренских племен и, наконец, Муром — форпост славян на нижней Оке с IX в. Строительный опыт восточных славян, глубокими корнями уходящий в прошлое, в конечном счете подводит к формам поселений, характерным для средневековья — городам и деревням, связанным между собой и нитями экономических взаимоотношений, и необходимостью военной защиты.

Древний Киев унаследовал занятый старым городищем VIII—IX вв. высокий отрог холмистого берега, наиболее живописный и неприступный по сравнению с двумя другими «докиевскими» городищами. В это время был освоен лишь маленький мыс, опоясанный рвом, за которым простирался курганный могильник, а на отроге горы стоял идол Перун. Здесь уже были значительные постройки, как, например, теремные дворы Ольги и Владимира. Эта территория оказалась явно недостаточной для столицы укреплявшейся Киевской державы. Поэтому она была расширена, старый ров был засыпан, срыты и разровнены курганы языческого некрополя, на месте которого стал первый на Руси каменный храм Богородицы Десятинной. Близ церкви лежала центральная городская площадь — Бабин торжок. По ее сторонам стояло несколько каменных дворцовых зданий, образовавших вместе с храмом архитектурно-композиционный центр города.

Если в Киеве времен князя Владимира зарождалось начальное ядро будущей столицы русской державы, то при его преемнике князе Ярославле прежний небольшой город превращается во внутреннюю крепость-детинец и украшается новыми каменными зданиями. Пояс земляных валов и стен охватывает обширный участок к западу от него. Стена имеет трое каменных ворот — Золотые, Лядские и Львовские, ориентированные на новый городской центр, образуемый Софийским собором с близлежащими храмами монастырей Ирины и Георгия. В основных элементах планировки древнего Киева прослеживается отчетливо осознанная пространственная связь его важнейших сооружений с широко раскрывавшимся ландшафтом днепровского левобережья (рис. 1).

Во второй половине XI в. сооружаются два княжеских монастыря — Дмитриевский и Михайловско-Златоверхий, и активно заселяется «нижний город» — подол у подножия «горы»

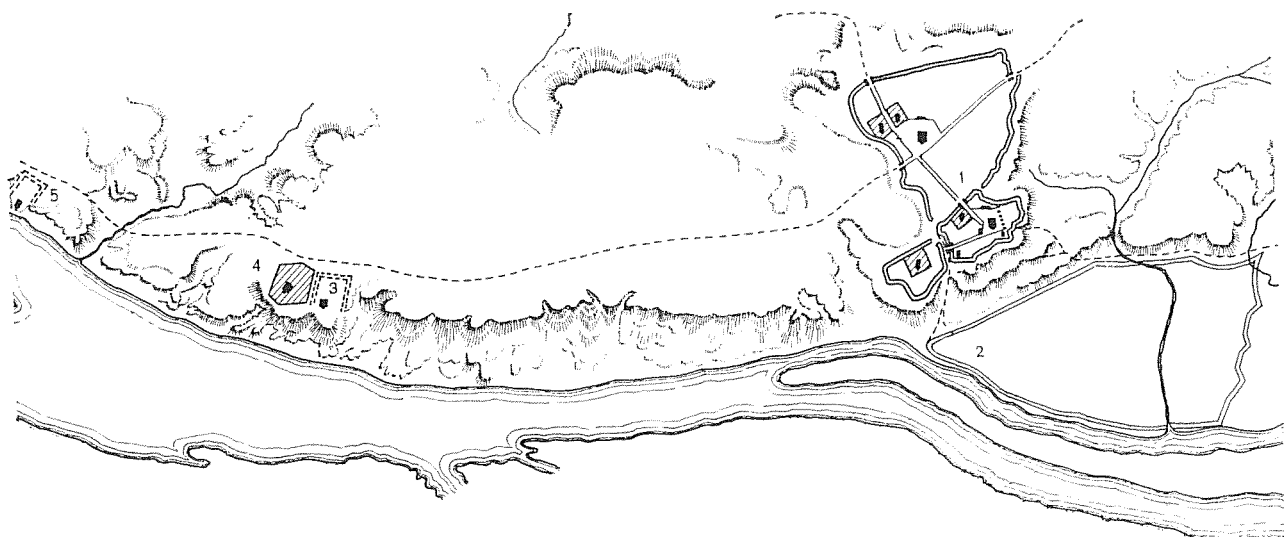

Рис. 1. Схематический план Киева и его окрестностей (X—XIII вв.)

1 — город; 2 — предместье подол; 3 — Берестово; 4 — Печерский монастырь; 5 — Выдубицкий монастырь

на берегу Почайны. Это был торгово-ремесленный участок Киева, его центром была обширная площадь, на которой собирались вечевые собрания. Здесь появилось несколько храмов, в том числе большая каменная церковь Успения. В середине XII в. этот участок Киева получил легкое ограждение «столпием». Однако княжеская «гора» безраздельно продолжала господствовать в широкой панораме города и ландшафта, оставаясь привилегированным районом Киева.

Княжеские и боярские дворы выходили и за черту города, располагаясь в наиболее красивых уголках окрестностей. На «блоньи» — берегу Днепра за городом — был богатый двор тысяцкого Радилы, над Днестром Юрий Долгорукий поставил свой второй двор. К этому времени здесь разместились пригородное княжеское имение Берестово и Печерский монастырь с его большим каменным собором, входными воротами с надвратной церковью и другими строениями. С юга панораму киев-

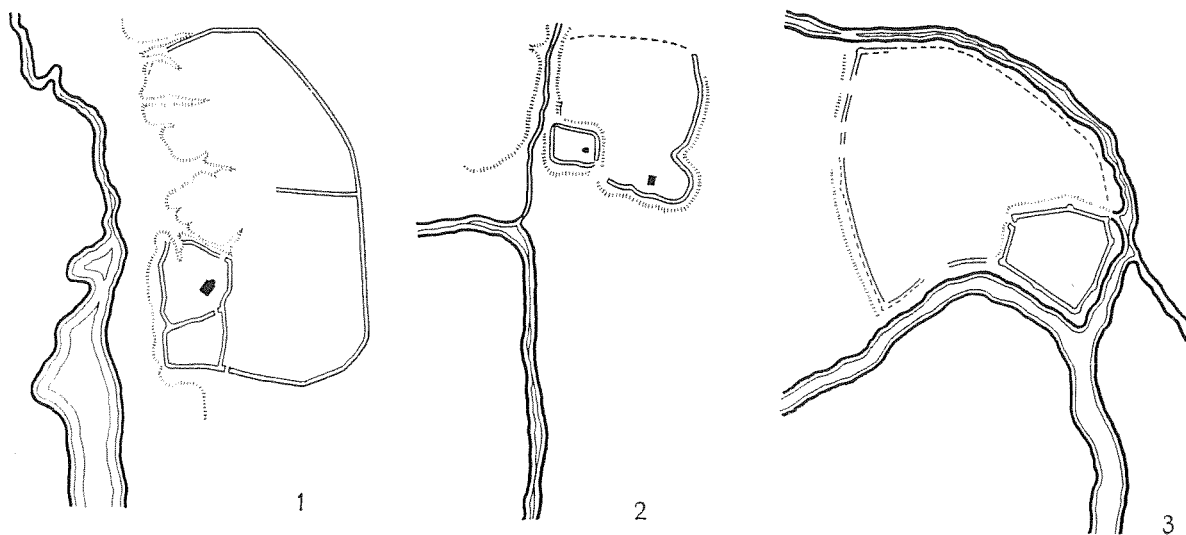

Рис. 2. Схематические планы городов Киевской земли (X—XIII вв.)

1 — Белгород; 2 — Овруч; 3 — Переяслав

ских предместий замыкали живописно расположенный Выдубицкий монастырь с каменным храмом и смежный с ним «красный» княжеский двор.

Все двухвековое развитие города обнаруживает одну последовательную тенденцию — преимущественной обстройки именно его восточного, выходящего к Днепру, края. Город как бы органически вырастает из южных зеленых холмов берега отдельными группами монастырей и усадеб. Так создавалась на протяжении XI—XII вв. та величественная и прекрасная панорама Киева, которая неизменно пленяла воображение современников.

Киевская держава, обращенная своими границами к степи, должна была обезопасить себя от губительных налетов печенежских орд. С этой целью были созданы мощные пограничные оборонительные линии, сочетавшие в целостной системе водные преграды рек с насыпными валами и городами-фортами. В эту систему включались и так называемые «змиевые валы», частью восходящие еще к скифскому времени, частью насыпанные вновь. Вдоль них ставились города-крепости, среди которых выделялись своим масштабом и сложностью укреплений Вышгород на высокой горе над Днепром, Белгород и Переяслав-Южный. Белгород, возникший в 980 г., в стратегическом отношении был чрезвычайно выгодно расположен на высоком берегу р. Ирпени. Это был крупный город, сложенный из внутреннего укрепления — «детинца» и внешнего вала. Переяслав-Южный был расположен в сравнительно ровной местности, но его надежной защитой являлись две реки — Альта и Трубеж, у слияния которых и были сооружены его мощные земляные валы. Другие города Киевской державы также имели мощные оборонительные сооружения (рис. 2).

Гораздо менее мы знаем о первоначальном облике двух других древнейших городов Киевской Руси — Чернигове и Смоленске. По своему возрасту Чернигов едва ли уступает Киеву — о нем упоминается уже в начале X в., а памятником этой поры является «Черная могила» — огромный курган богатого дружинника или вождя. Город возник на основе нескольких родовых укрепленных поселений, расположенных вдоль изрезанного оврагами берега р. Десны, сравнительно невысоко поднимающегося над окружающей местностью. В устье р. Стрижня, впадающей в Десну, был расположен древнейший участок города — его детинец, в котором в середине XI в. был построен большой городской собор Спаса, а позже, в XII в., возник еще ряд каменных храмов, образуя, как и в Киеве, четко выде-

ляющийся архитектурный центр города. У северо-западной стороны детинца располагался древний посад («окольный град»), также связанный с берегом р. Стрижня. К посаду и детинцу непосредственно примыкала еще одна укрепленная часть города, называемая «третьяк», как бы продолжающая пространство посада. Вся эта территория, вместе взятая, равновелика территории Киева времен Ярослава.

В середине XII в. территория столицы Черниговского княжества сильно разрастается, образуя обширное «предгордие», обнесенное острогом. В его пределах находился обширный «торг» с храмом Параскевы Пятницы, выделяющимся своим своеобразием. Непосредственно у городских укреплений и охватываемый ими находился Елецкий монастырь, а несколько поодаль, на древнем урочище — Болдиных горах — Ильинский. В ближайшем окружении Чернигова сохранился ряд курганных групп, являющихся остатками огромного некрополя, по-видимому, вплотную подходившего к стенам детинца. На левом берегу Десны, неподалеку от Троицкого монастыря, находилось урочище Святая роща, связанное с языческим культом (рис. 3). Древний город был окружен пригородными селами и боярскими усадьбами.

Чернигов был стольным городом большого княжества, территория которого простиралась от берегов Днепра до района расселения вятичей на р. Оке, а на юге совпадала с общими границами расселения русских, включая стратегический ключ Причерноморья — Тьмутараканскую землю. Черниговская земля была открыта со стороны степи и постоянно находилась под угрозой нападений. Поэтому на близких и далеких подступах к городу исстари основывались городки-крепости, конфигурация которых определялась условиями местности и традициями древних славянских городищ (рис. 4). Несколько позже к северу от стольного Чернигова, по мере углубления феодальных отношений, вырастает сложная система княжеских владений-городков, служивших опорными пунктами хозяйственной деятельности черниговских князей. Среди них можно назвать Вщиж на высоком мысу Десны.

Смоленск, подобно Киеву, занял место на высоких холмах, разрезанных глубокими оврагами. Начало его истории связано с жизнью крупнейшего славянского племени кривичей, расположившихся в VI—IX вв. в верховьях Днепра. Здесь, неподалеку от нынешнего Смоленска, на пространстве до 3 км разместились селища, среди которых было сооружено два детинца, охранявшие их от неожиданных вражеских набегов. Несколько отступая от

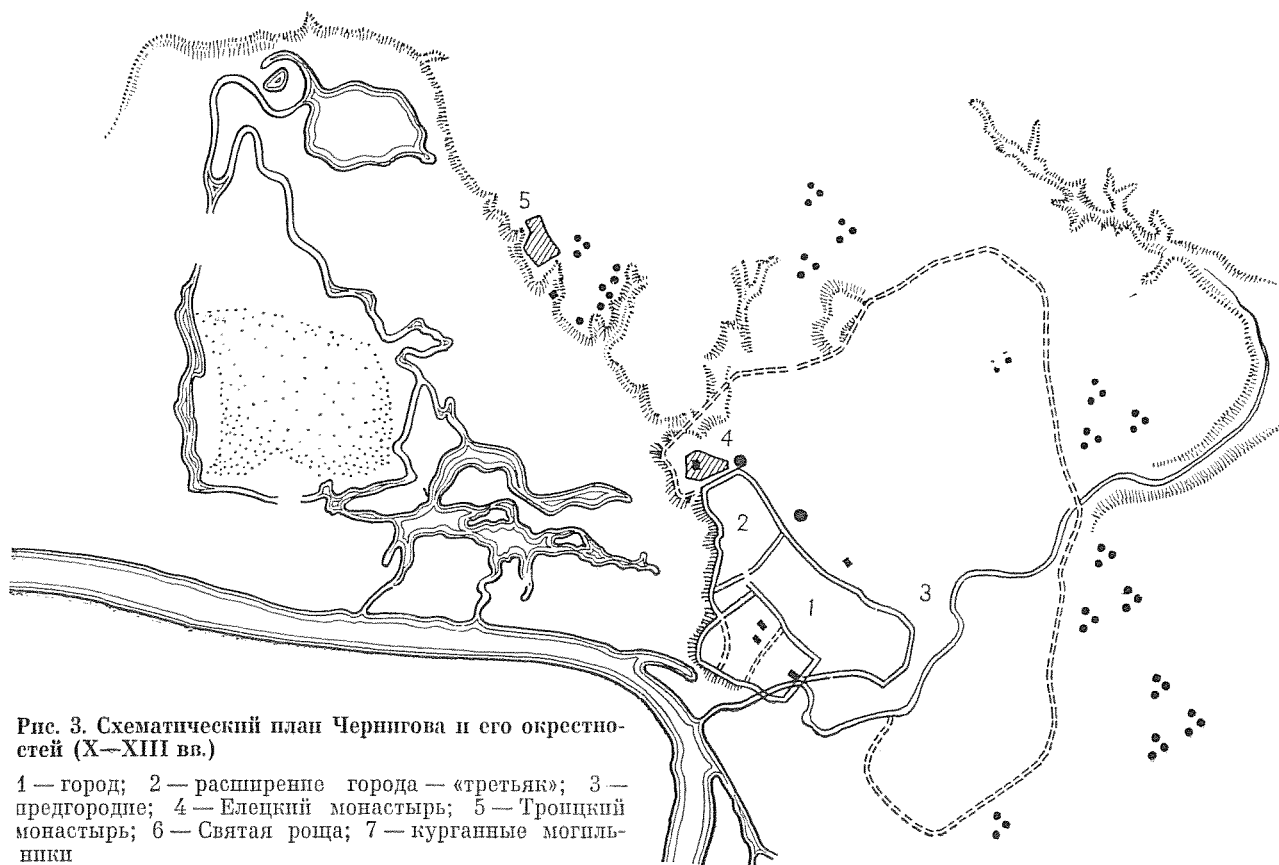

Рис. 3. Схематический план Чернигова и его окрестностей (X–XIII вв.)

1 — город; 2 — расширение города — «третьяк»; 3 — предгорье; 4 — Елецкий монастырь; 5 — Троицкий монастырь; 6 — Святая роща; 7 — курганные могильники

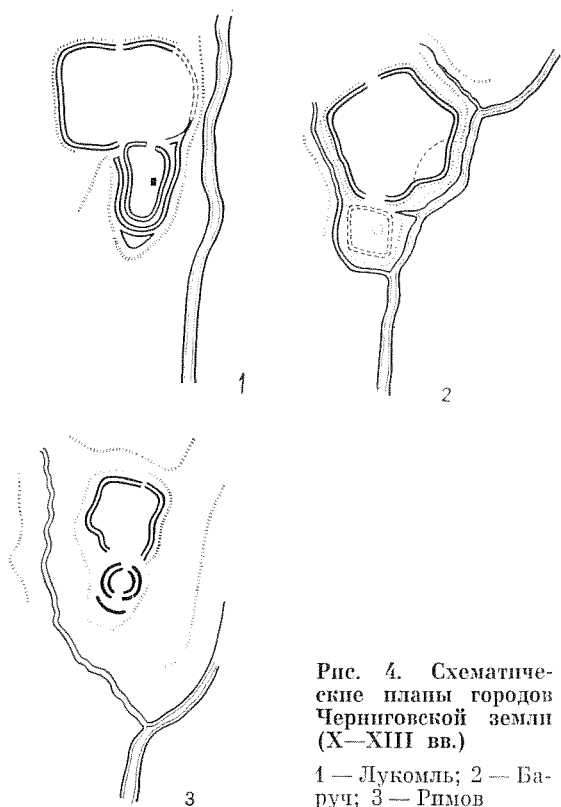

Рис. 4. Схематические планы городов Черниговской земли (X–XIII вв.)

1 — Лукомль; 2 — Баруч; 3 — Рымов

берега Днестра, отдельными группами располагались курганные могильники, сохранившиеся до настоящего времени и подобно черниговским поражающие воображение своей обширностью (рис. 5). Жизнь в этих селищах обрывается в середине XI в., уступая место поселению на месте теперешнего Смоленска. Здесь в самом начале XII в. Владимир Мономах построил большой городской собор Успения Богородицы. В это же время были созданы и первоначальные укрепления города, опоясывавшие часть возвышенности, выделенной впоследствии крепостной стеной XVI в. Однако в отличие от Киева «гора» не стала здесь центром стольного города, князья вынуждены были переселиться к ее подножию и обосновать свою резиденцию на р. Смядыни в торговом предместье, где был построен в XII в. большой княжеский Борисоглебский монастырь, а ближе к городу были построены церковь Михаила Архангела и поселок зарубежных купцов со своим храмом. Город простирался и за Днепр, где памятником того времени осталась церковь Петра и Павла. По остаткам храмов можно заключить, что каменное строительство не сосредоточивалось на одном участке города, а сравнительно равно-

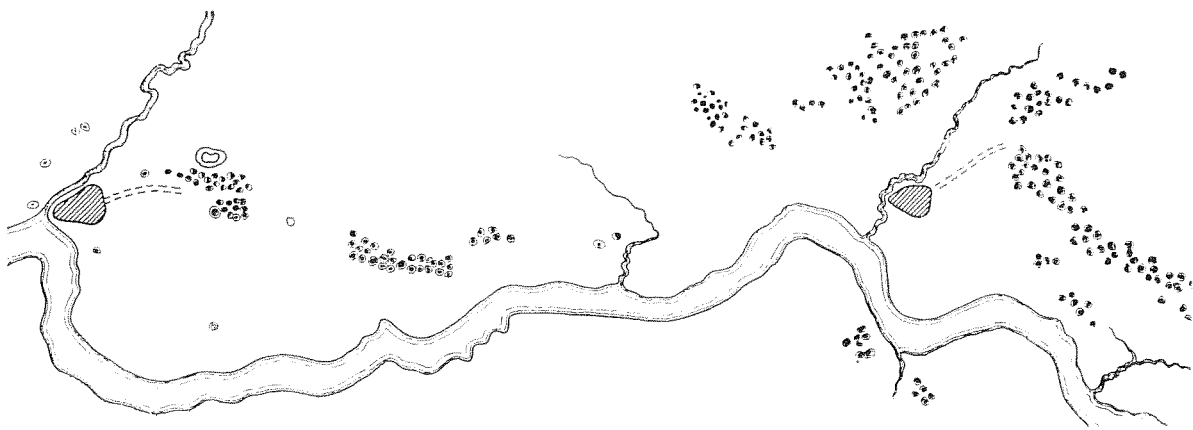

Рис. 5. Схематический план Гнездовского курганного могильника близ Смоленска

мерно распределялось по всей его территории. В этом отношении, равно как и своеобразным размещением центра, Смоленск несколько напоминает Новгород (рис. 6).

Второй по величине и значению город Киевской Руси — Великий Новгород — складывался в совершенно иных природных условиях и получил свой глубоко индивидуальный облик. Равнинный ландшафт берегов р. Волхова делал город легко обозримым. Древней-

шее поселение — предшественник современного Новгорода — относящееся к IX—X вв., находилось к югу от города около Рюрикова Городища в устье р. Малого Волховца. Отсюда поселение в конце X в. перешло на нынешнее место. В отличие от живописных высот над Днепром, городу предстояло самоопределиваться в ландшафте, образуемом равнинными берегами р. Волхова, и стать его организующим ядром. Здесь в 989 г. был построен

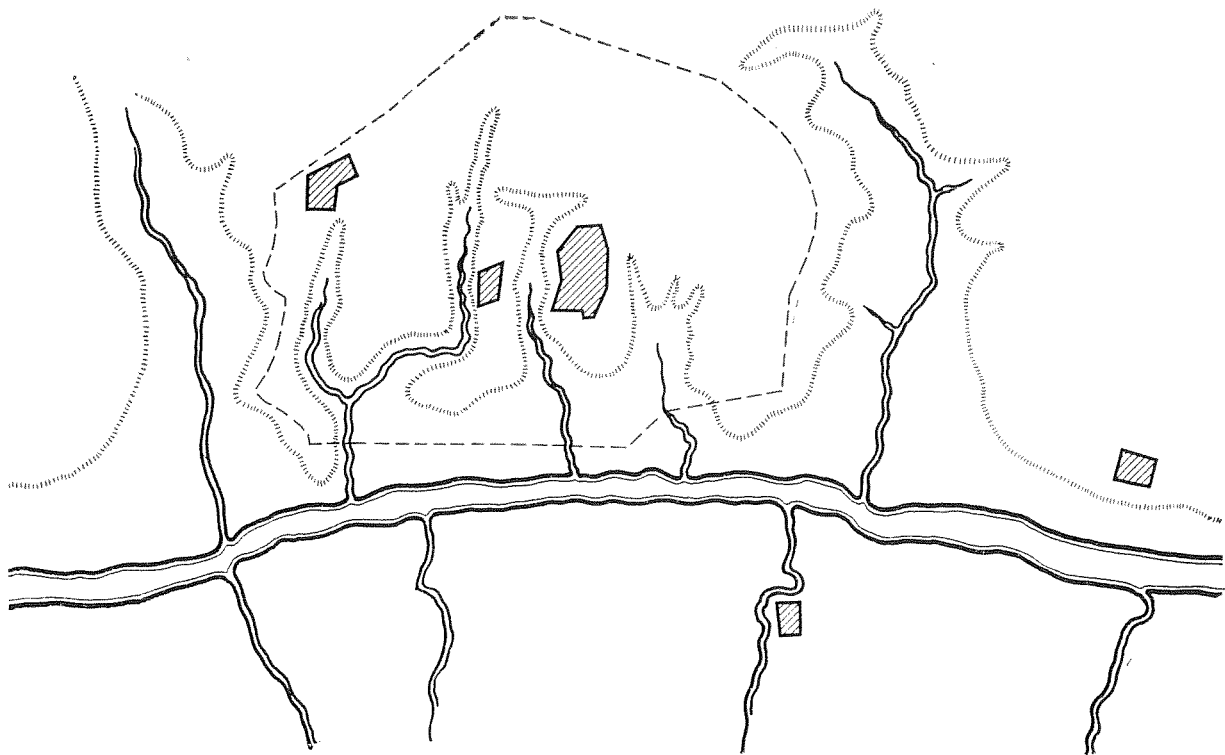

Рис. 6. Схематический план Смоленска (X—XIII вв.)

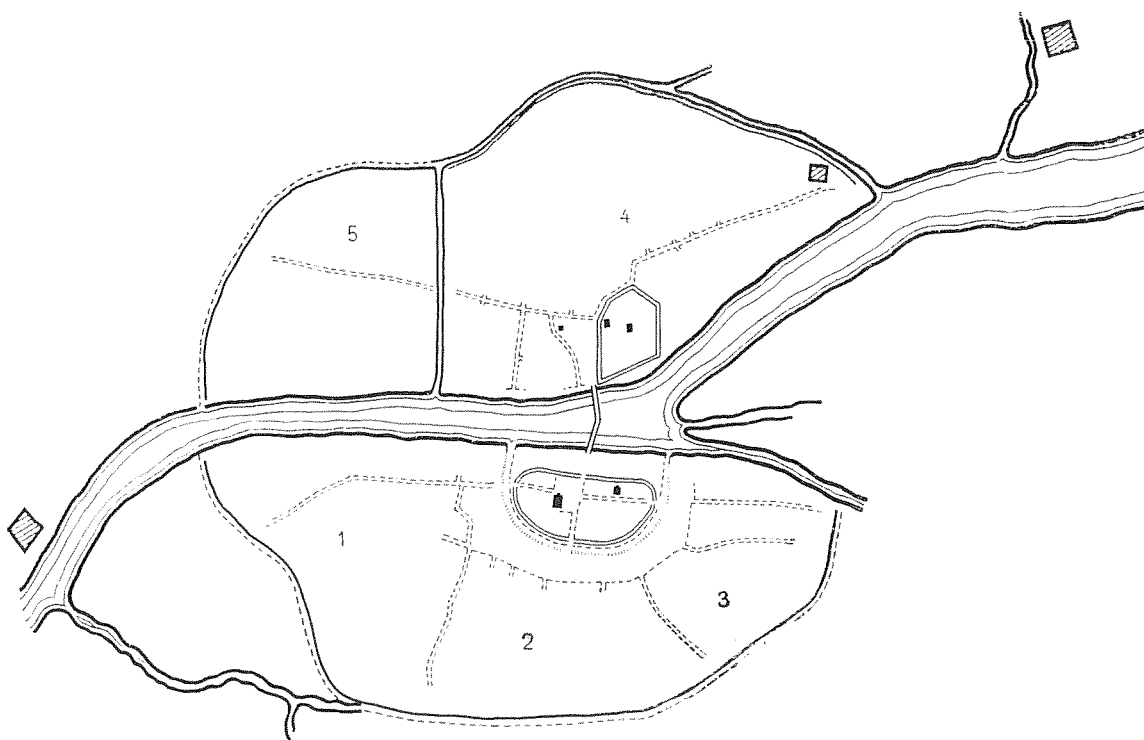

Рис. 7. Схематический план Новгорода (X—XIII вв.)

районы-концы; 1 — Перевский; 2 — Загородский; 3 — Людин; 4 — Славенский; 5 — Плотненский

дубовый Софийский собор «о 13 верхах», который возвышался первоначально, по-видимому, среди открытого поселения. Примерно через 50 лет князь Владимир «заложил Новгород и сделал его», т. е. построил укрепления детинца, которые выделили княжеско-епископский участок города. Тогда же вместо сгоревшей деревянной Софии был возведен каменный собор, центральное по положению и значительное по масштабу здание города. Новый собор резко отличался по внешнему облику от своего предшественника — Киевской Софии — и прекрасно связывается с суровым ландшафтом Приильменя. Массы храма величественно широки, просты и спокойны, увенчивающее его пятиглавие усиливает могучую массивность здания. На противоположной Торговой стороне возникает группа каменных зданий — Никольский собор, церкви Успения на Торгу и Ивана на Опоках, позже к этой группе присоединяются церкви Жен-Мироносиц и Параскевы Пятницы. Вся эта развитая пространственная группа оказывается несколько смещенной в сторону Ильмень-озера по отношению к детинцу и Софийскому собору. Может быть, поэтому, как бы уравновешивая центр Софийской стороны с выросшим центром Торговой стороны, в юж-

ной части детинца был построен большой храм Бориса и Глеба. Таким образом, детинец свое исключительное значение архитектурного центра города разделял с группой храмов Ярославова дворища.

В XII в. город раскинулся по обоим берегам Волхова и был окружен обширными земляными валами с деревянными стенами, башнями и рвами: оборонительный пояс Софийской стороны имел протяжение более 4 км, Торговой — около 5 км. Городские стены образуют взаимно согласованные полукружия на противоположных берегах Волхова (рис. 7). Это результат продуманного взаимодействия постепенно складывающейся городской структуры и его живого участника — горододелца.

В отличие от других стольных городов Новгородская земля становится боярской феодальной республикой, а роль князя низводится на степень ее военного слуги, не имеющего политических прав. Поэтому каменное строительство в Новгороде не стало привилегией узкого феодального круга — здесь строили также купцы и уличные корпорации. Каменные постройки были сосредоточены по всей городской территории. Противоположность центра и окраин смягчалась, становится трудно выделить грань, где кончалось дело

зодчего-градостроителя и где начиналось частное строительство горожан, которое велось по традиции и своими средствами. Можно лишь утверждать, что из поколения в поколение вырабатывалась внутренняя согласованность представлений о красоте, которыми руководствовался мастер, стоявший в рядах городских ремесленников и самих горожан.

Первые отчетливые сведения источников о русских зодчих, относящиеся к XI в., уже называют нам имена «горододельцев» или «городников». Это вышгородские горододельцы Миронег (20-е гг. XI в.) и Ждан-Никола (70-е гг. XI в.). Они возглавляют сложившиеся, видимо, значительно раньше корпорации строителей городских укреплений, возводивших не только стены и башни, но также храмы и жилые здания. В результате создавалось определенное единство архитектурных форм оборонных, гражданских и культовых сооружений, воспитывалось чувство городского ансамбля и его связи с характером окружающего ландшафта. Группировка зданий города имела, по-видимому, открытый характер, свободно распределяясь на городской территории.

В Новгороде в первой четверти XII в. работал знаменитый зодчий Петр. Его деятельности летопись приписывает собор княжеского Юрьева монастыря, но с его творчеством связаны и два других крупных памятника начала XII в. — собор Николы на Ярославовом дворище и собор Антоньева монастыря. Первый из них как бы уравнивает общую пространственную структуру городского центра, активно включая в его состав прибрежную часть Торговой стороны. Вынесенные же далеко за черту укреплений детинца соборы Юрьева и Антониева монастырей на противоположных берегах Волхова связывают застройку Новгорода с просторами Приильменя и служат как бы торжественными преддвериями Новгорода на пути из Скандинавии к Византии. Как можно судить по следам старой топографии и сохранившимся единичным памятникам Киева и Новгорода, характер местного ландшафта накладывал свой отпечаток на композицию главных монументальных зданий города, на его крепостные устройства и на массовую застройку рядовых горожан.

ПЛАНИРОВОЧНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ГОРОДОВ ФЕОДАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ

Эпоха расцвета Киевской державы Владимира и Ярослава была полна глубоких противоречий: патриархальная старина дожива-

ла рядом с крепнувшими элементами нового феодального строя; старое язычество оказывалось в живой связи с новой христианской религией. Общественные отношения принимали четкое и постоянное выражение феодальной иерархии, глубоко расслаблявшей население города и деревни; в сельской периферии городов появились княжеские села с богатыми дворами их владельцев.

В лоне Киевской державы постепенно созрели новые феодальные центры: Галич и Владимир-Волынский, Смоленск, Чернигов и Полоцк, Новгород и Псков, Ростов, Владимир и Суздаль, Рязань и другие города, обособливаясь от Киева и становившиеся столицами феодальных княжеств. Новые политические и культурные центры феодальной Руси неизменно стремились подражать «матери городов русских» Киеву как в своей культуре, так и в строительстве. Киевское художественное наследие лежало в основе развития культуры феодальных княжеств XI—XIII вв., перерабатываясь и переосмысливаясь в каждом из них сообразно с местными условиями, устоявшимися вкусами и бытом. Единый поток культуры Киевской Руси расчленяется в XI—XIII вв. на ряд областных течений, а история единого зодчества прошлых веков сменяется историей областных архитектур феодальной Руси.

Политические центры эпохи феодальной раздробленности — стольные города княжеств XI—XIII вв. — значительно отличались от древнего Киева — центра мировой торговли и средоточия богатств, стекавшихся из глубин Восточной Европы и Азии. Их интересы замыкались в границах княжеств, богатства были скромнее, а торговые связи — определеннее. Все это формировало новые жизненные навыки населения и влияло на структуру городов феодальных княжеств.

Город эпохи феодальной раздробленности являлся в основном укрепленным центром феодально-вотчинного хозяйства. В нем преобладало крупное княжеское, боярское и церковное землевладение. Городские стены оберегали от внешнего врага именно эту часть городского населения. Территория города представляла собой сложную совокупность частновладельческих городских усадеб и осадных дворов, принадлежавших членам княжеской семьи, боярам и монастырям. Территориальный рост городов происходил за счет подгородных слобод, которые постепенно сливались с основной территорией посада.

Планировочную структуру древнерусского города этого времени определяла «кончанская система», особенно хорошо известная по Новгороду Великому, но существовавшая

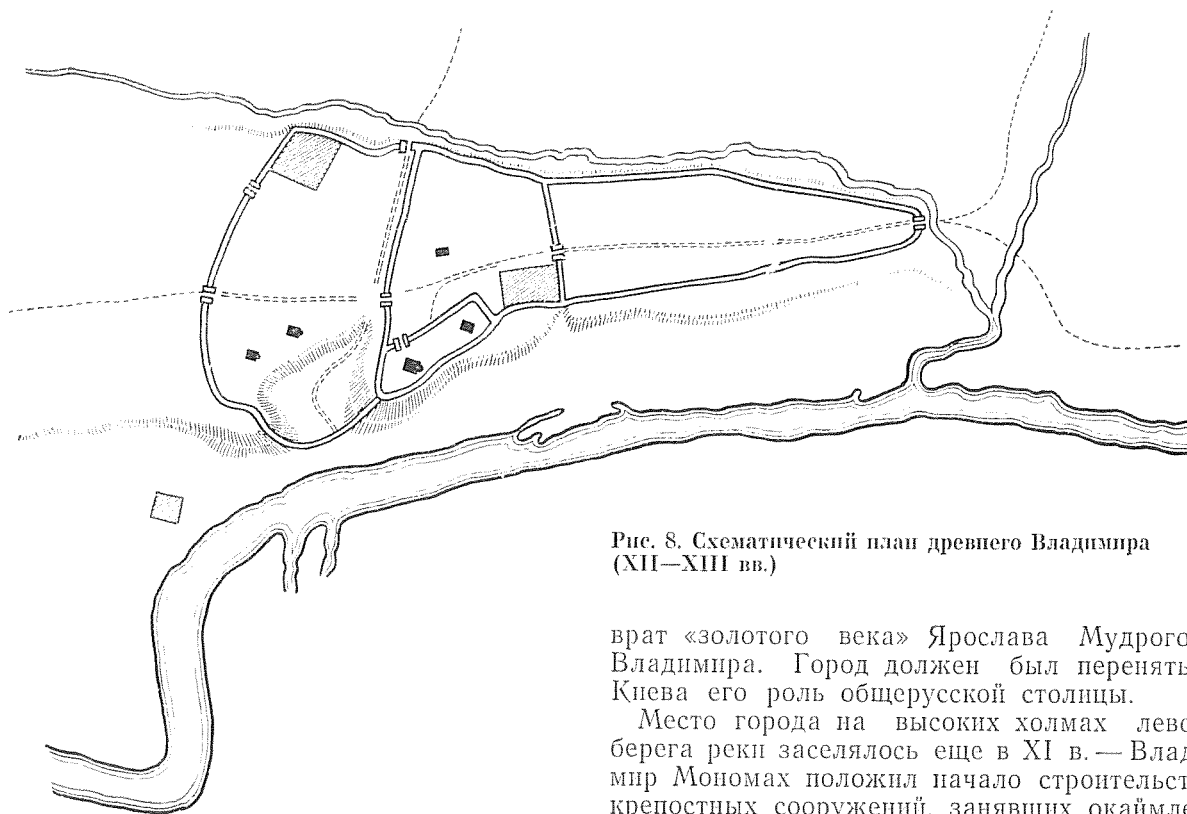

Рис. 8. Схематический план древнего Владимира (XII—XIII вв.)

также и в других городах — Пскове, Смоленске, Ростове и Киеве. Судя по названиям концов: Неревский, Гончарский, Плотницкий (в Новгороде), Торговый (в Пскове), Чудской (в Ростове) — это были районы города, определявшиеся по преобладанию в них горожан той или иной профессии или же по наличию в данном районе нерусского населения. Некоторые концы имели чисто топографическое определение, например Заровский (в Ростове), Загородский (в Новгороде), т. е. охватывали население определенного района города. Направление улиц определялось центрами городской жизни: одни шли к детинцу-кремлю, торговым площадям, храмам, другие были продолжениями больших дорог, связывавших столичный город с другими населенными местами в границах княжества.

Наиболее ярко киевские градостроительные традиции в сочетании с новыми требованиями проявились в столице северного Владимиро-Суздальского княжества — Владимире на Клязьме. Соревнование с архитектурным своеобразием Киева диктовалось направленностью политики владимирских князей — борьбой с феодальным дроблением Руси, которая представлялась тогда как воз-

врат «золотого века» Ярослава Мудрого и Владимира. Город должен был перенять у Киева его роль общерусской столицы.

Место города на высоких холмах левого берега реки заселялось еще в XI в. — Владимир Мономах положил начало строительству крепостных сооружений, занявших окаймленное оврагами высокое плато. В его западной части был поставлен княжеский двор с церковью Спаса, откуда раскрывалась вся застройка города. Рядом с ним в середине XII в. Юрий Долгорукий поставил свой двор с храмом Георгия. Андрей Боголюбский продолжил обстройку города; он перестраивает церковь Спаса, обносит княжескую часть валами, ставя рядом с дворами деда и отца главные городские Золотые ворота. В центре города, на самом краю городского плато над рекой, строится обширный Успенский златоверхий собор, который становится центром городской застройки. Рядом с ним возникают пышный княжеский дворец с Дмитриевским собором и собор придворного Рождественского монастыря. Каменный пояс детинца с надвратным храмом Иоакима и Анны отграничивает княжеско-епископский участок среднего города; городской торг переводится с открытой речной пристани в средний город. На северо-западном высоком углу сооружается собор Успенского Княгинина монастыря. Противоположный восточный конец города также укрепляется валами; отсюда белокаменные Серебряные ворота открываются на дорогу к Боголюбову и Суздалью (рис. 8).

Трехчленная, исторически выросшая планировка образовала как бы треугольник, об-

рамленный течением рек Лыбеди и Клязьмы, обращенный вершиной на восток. По всей его длине шла центральная продольная улица. Входившие в город с запада через Золотые ворота видели справа княжеские дворцы с их храмами, а слева — комплекс Княгинина монастыря. В центре столицы, за белокаменной стеной детинца, возвышались Успенский и Дмитровский соборы, княжеские и епископские палаты и собор Рождественского монастыря. Обширная площадь владимирского Торговища связывала детинец с посадом, где застройка — жилые дома и храмы — была деревянной, растягивалась вдоль главной улицы, подводившей к арке Серебряных ворот. Город открывался сменяющимся разнообразием застройки не только изнутри. Со стороны Юрьевской дороги его застройка была

видна во всей многоликости своих частей. С Муромской дороги из заклызьменских лесов и пойм застройка города обзревалась во всей своей величавой протяженности, живо напоминающая панораму Киева.

Военно-стратегические потребности городов в условиях феодальной раздробленности не только не у mažаются, а значительно возрастают. Но если раньше оборонительное строительство было направлено на защиту внешних границ Киевской державы, обращаясь преимущественно в сторону кочевой степи, то теперь каждое княжество было поставлено перед необходимостью организации «круговой обороны», обеспечивающей его территорию от нападения с любого направления.

Владими́ро-Суздальское княжество смыкалось своими северными рубежами с Новгород-

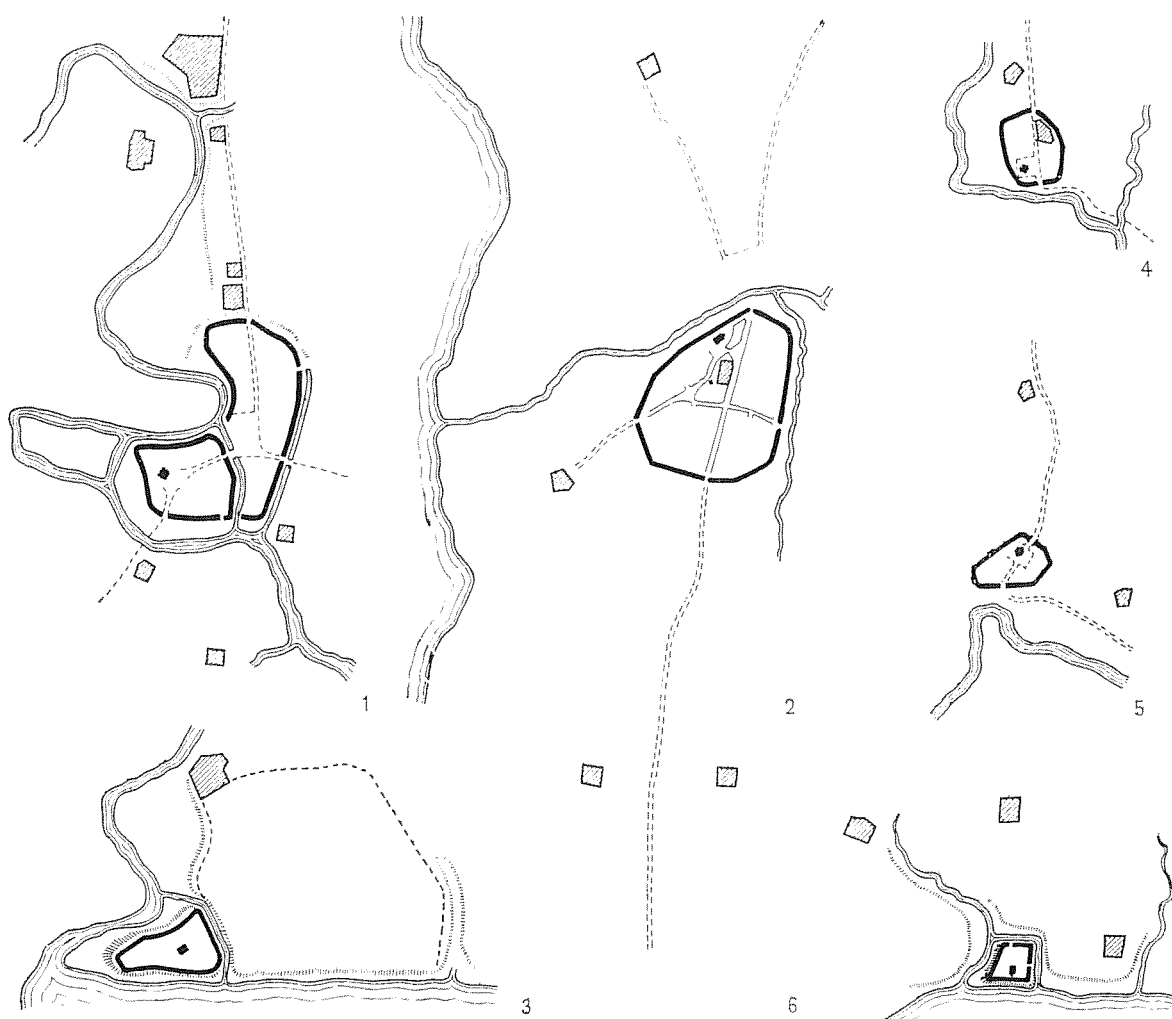

Рис. 9. Схематические планы городов Владимиро-Суздальской земли

1 — Суздаль; 2 — Переславль-Залесский; 3 — Ярославль; 4 — Юрьев-Польской; 5 — Дмитров; 6 — Углич-поле

ским Заволжьем, на западе — с собственно новгородской землей и княжеством Смоленским, с юга подходили земли северские и рязанские. Восточная граница, проходящая по Оке, Волге и Унже, была обращена к землям соседних народов — мордвы, мещеры, болгар. Собственно военные границы были более узки и образовывались с севера течением Волги, а с юга — Окой и ее притоками Клязьмой и Москвой-рекой.

На Волге к XI в. возводятся укрепления Ярославля и Углича, прикрывавшие с севера древние центры земли — Ростов и Суздаль. Несколько позже эта линия усиливается обращенной к Новгороду Тверью и Кснятиним в устье волжской Нерли. Далее находим Кострому и Городец и, наконец, Нижний Новгород на Окском устье. Вниз по Клязьме шли Стародуб, Ярополч и Гороховец. Выше по Клязьме — в сторону Рязани — были поставлены Осовецкий городок и Москва. В XII в. возникли новые княжеские крепости — Дмитров на р. Яхроме, Юрьев-Польской на р. Колокше и Переславль-Залесский у Плещеева озера, лежащие в сравнительно равнинной местности. Так сложилась отчетли-

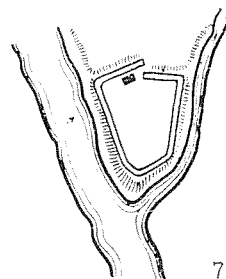
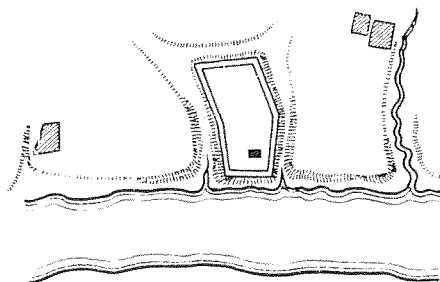
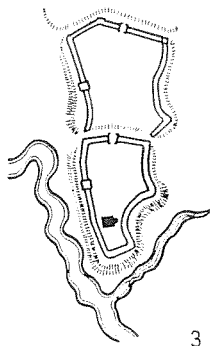
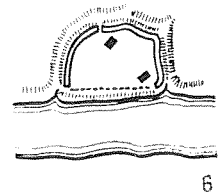
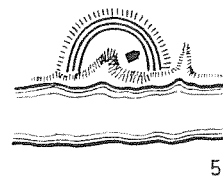
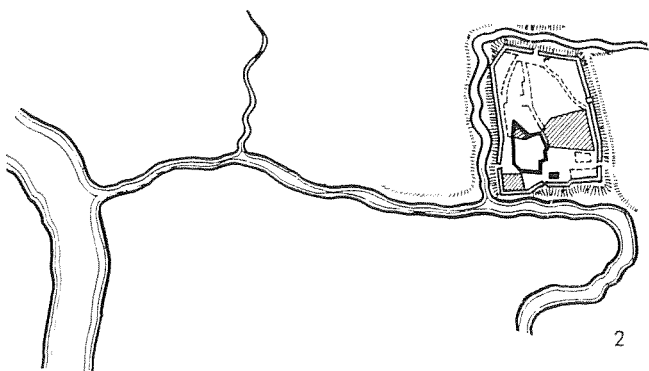
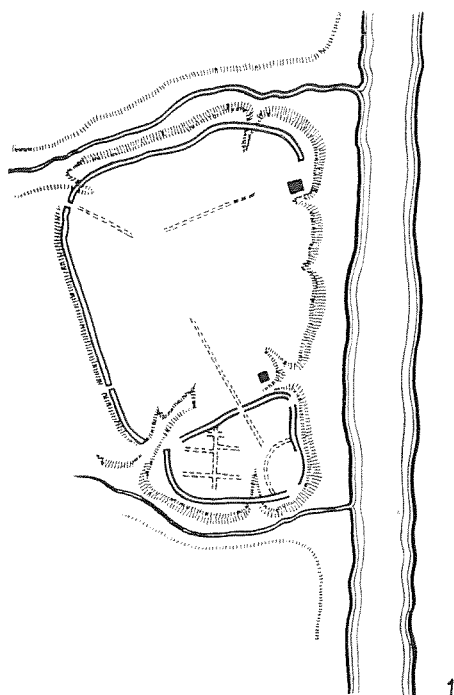

Рис. 10. Схематические планы городов Рязанско-Муромской земли

1 — Старая Рязань; 2 — Переславль-Рязанский; 3 — Пропск; 4 — Муром; 5 — Борисоглебск; 6 — Перевитск; 7 — Ольгов

2—652

вая система оборонительных пунктов, обеспечивавшая активную защиту всей территории Владимирского княжества (рис. 9).

Столица Рязанского княжества — ныне городище Старая Рязань — переживала свой расцвет в XII в. одновременно с Владимиром. Феодальному городу предшествовал маленький поселок на мысу у устья речки Серебрянки, прорезавшей правый берег Оки глубоким оврагом. Высоко поднятое плато Окского берега и стало территорией города. Первоначально он занимал лишь $\frac{1}{6}$ часть площади в северной части плато, затем на протяжении XII в. город быстро рос. Раскопками были открыты развалины двух каменных храмов XII—XIII вв. — большого городского собора Успения Богородицы и малого — церкви Бориса и Глеба, расположенных вдоль западного края плато, обращенного к реке. Возможно, что и главная улица города шла параллельно реке, проходя мимо обоих храмов и соединяя южные ворота внешней линии валов с детинцем. Дома горожан были срубными. Характерной чертой планировки Рязани является постановка обоих каменных храмов вне детинца на территории «внешнего» города (рис. 10).

Рязанское княжество лежало на границах русской земли, обращенных на юге к степи — «половецкому полю»; на востоке оно смыкалось с землями мордвы и мещеры, с севера же соседствовало с могущественным Владимир-Суздальским княжеством. Древний центр княжества, сам представлявший мощную крепость, был окружен развитой сетью небольших крепостей, охранявших подступы к нему. В сторону Владимирской земли была обращена Коломна, закрывавшая выход из р. Москвы в Оку; выше по Оке лежала крепость Ростиславль, ниже Коломны шли укрепления Борисова-Глебова, Переславля-Рязанского и Ожска. С запада на р. Осетре стоял Зарайск; с юга, со стороны «половецкого поля», на среднем течении р. Прони рязанскую землю сторожили укрепления Пронска. Прямо перед устьем р. Прони, на противоположном крутом берегу Оки, стоял хорошо укрепленный земляными валами городок Ольгов. В сторону мордовских земель, вниз по Оке подступы к Рязани охраняли два военных пункта — Белгород и Ижеславль. Перенос столицы в Переславль-Рязанский (современная Рязань) не изменил системы обороны. Городки-крепости Рязанской земли играли служебную роль по отношению к столице и потому не привлекали ни повседневных забот власти, ни особого внимания летописцев.

Юго-западная, Галицкая Русь была густо-

населенным и богатым краем с многочисленными городами, крепостями и селениями. Она находилась в оживленных торговых и культурных связях с Византией и, в особенности, с западными государствами. Здесь было чрезвычайно развито ремесло, а каменное строительство было широко распространено. Это наложило своеобразный отпечаток на облик галицких городов.

Столица Галицкого княжества г. Галич в 40-х гг. XII в. был еще небольшой крепостью, расположившейся в хорошо защищенном месте на высотах при впадении Мозолевого протока в р. Лукву — приток Днестра. Здесь, в северной части Крылосской горы, размещен двор галицких князей, описанный в Ипатьевской летописи. В южной части кремля в середине XII в. был построен обширный белокаменный Успенский собор, украшенный резным камнем. От княжеского двора к собору шла главная улица города. К юго-западу от валов на холме «Галичиной могилы» предполагают основание главной дозорной башни-крепости, высоко вздымавшейся над стенами города. Эта башня находилась в черте ремесленного «предгородия», которое защищалось оборонительной линией большой мощности с тройным валом и воротами, которые прикрывались двумя фланкирующими башнями и третьей, выдвинутой вперед непосредственно перед въездом. Но население оседало и вне городских валов. Здесь был ряд феодальных дворов и монастырей, центр же города выглядел как княжеский замок, выросший среди обширного населенного района.

Военные опасности и стремление соседних государств захватить этот богатый край Русь заставили обратить особое внимание на военно-инженерное обеспечение главных городов края, в том числе Полоцка и Витебска. В связи с этим возникла целая система валов меньшей мощности, которые соединяли городские укрепления с окружающими пригородными монастырями и храмами, представляющими вместе с укрепленными феодальными дворами взаимосвязанную оборонительную систему, преграждавшую подступы к столице. После монгольского нашествия центр города передвинулся на его теперешнее место на берегу Днестра, а стольным городом державы Даниила Галицкого стал новый город Холм.

Полоцк стоит на правом (северном) берегу р. Западной Двины при впадении в нее р. Полоты. Древнейшей частью города является Верхний замок на возвышенности у слияния этих двух рек. Здесь был возведен в конце XI в. каменный храм Софии. Ограниченное

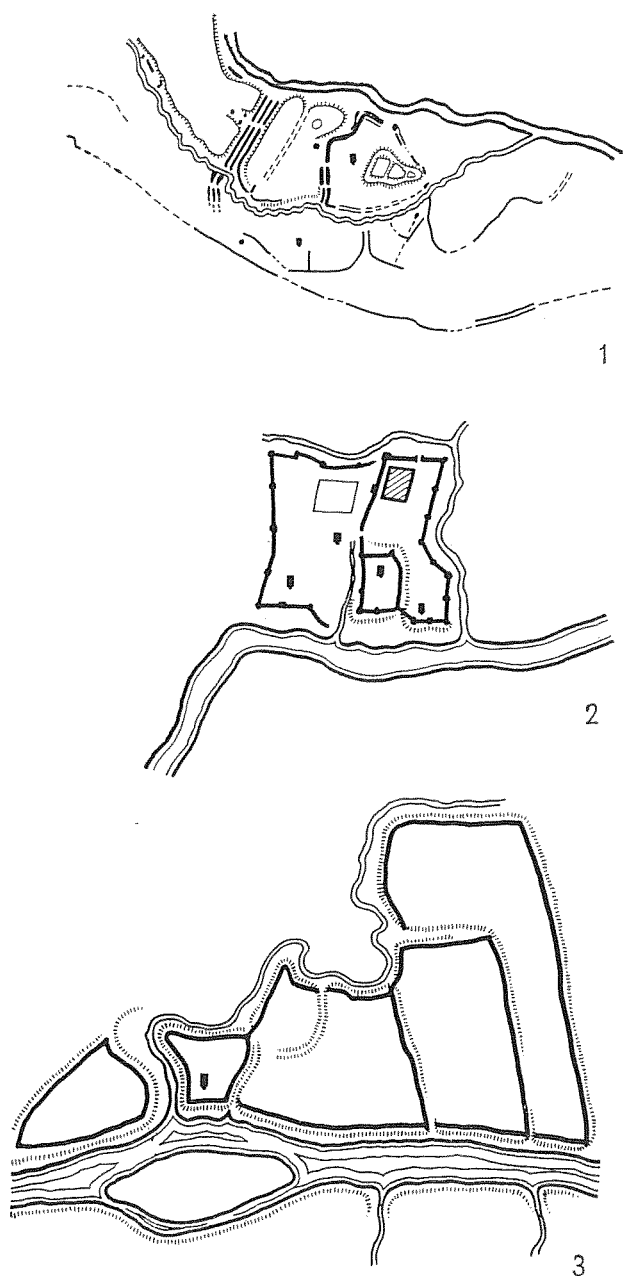

Рис. 11. Схематические планы городов Галицко-Волынской и Полоцкой земель

1 — Галич; 2 — Витебск; 3 — Полоцк

пространство замка не могло удовлетворять потребности растущего населения. Появляются новые районы города — Нижний замок и Заполотье (Подол).

Витебск — второй по значению город Полоцкой земли — вырос на левом берегу р. Западной Двины при впадении в нее р. Витьбы, на древнем пути из варяг в греки. Подобно

Полоцку, город был расположен на холме Верхнего замка и на территории Нижнего замка, к которому прилегал Острог, или «Взгорский город» (рис. 11).

Последовавший в XIII—XIV вв. период монгольского нашествия был тяжелой порой в жизни русского народа, его культуры и градостроительства. Были разрушены укрепления городов, сожжены жилища горожан, установлен гнетущий режим террора и насилия. В результате монгольского нашествия границы Руси отодвигаются на север и северо-восток, вне их черты оказываются древние центры русской культуры Галич, Владимир-Волынский, Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк. В средней Руси, испытавшей основной удар монгольских орд, жизнь должна была начинаться почти заново. Здесь феодальное дробление продолжалось, поддерживаемое монголами, опасавшимися возрождения покоренной страны. Продолжались и междукняжеские усобицы. Лишь города северо-запада — Новгород и Псков — смогли почти без перерыва продолжать свое культурное строительство, характеризующееся, с одной стороны, демократическим духом и, с другой — тенденцией к политической независимости.

Сам Новгород за XIV—XV вв. несколько изменился в отношении своей планировки; на отдельных участках он вышел из границ, очерченных земляными валами острога по обеим сторонам Волхова. Укрепления кремля-детинца были заменены каменными и приспособлены к условиям огненного боя. Новгородские бояре и купцы в XIV—XV вв. продолжали вести обширное строительство небольших каменных храмов, увенчанных многолопастными, а затем восьмикратными покрытиями, сближавшими силуэт храмов с очертанием жилых зданий. Это усиливало единство городской застройки, опоясанной деревянной стеной острога и хорошо обозримой на равнинных берегах Волхова.

В конце XIV в. была перестроена внешняя линия обороны Новгорода. Сохранив деревянно-земляные стены, острог получил каменные башни, которые пространственно связали кольцо острога с внутренней застройкой города, с ее белокаменными храмами и деревянными жилищами. Башни были поставлены «у всякой улицы», что было не только следствием обычной раскладки городских работ по улицам или требованием военного расчета, но и архитектурно-осмысленной задачей (рис. 12).

В отличие от Новгорода Псков переживает свой расцвет именно в XIV—XV вв., после того как стал в 1347 г. центром самостоя-

тельной Псковской земли. К началу XIV в. город занимал, по-видимому, лишь самый угол стрелки при впадении Псковы в р. Великую, очерченный каменными стенами кремля и примыкавшего к нему участка Довмонта города. Запсковье в это время оставалось еще загородным районом, а на Завеличье самостоятельными гнездами располагались Мирожский и Ивановский монастыри с их каменными храмами. В центре кремля возвышался Троицкий собор, объем которого сочетался с невысоким рельефом речного мыса, спускавшегося в болотистую равнинную низменность. За стеной Довмонта города лежала большая площадь Торга—средоточие жизни города, а кругом были топкие низины с пригорками и многочисленными «лавицами» (жердевыми настилами). В начале XIV в. была вымощена площадь Торга и воздвигнута прикрывшая разросшийся посад новая каменная стена. Вскоре появляется четвертый пояс первоначально рубленой, а затем каменной стены с несколькими башнями. Ручей Зрачка, превращенный в ров, усиливает укрепления Среднего города, или Застенья. Во второй половине XIV в. городской собор Троицы в детинце получает более сложное завершение, что, возможно, было связано со стремлением согласовать силуэт разросшегося города с его архитектурным и идейным центром. Во второй половине XV в. Псков расширяется дальше и получает новую стену, ограждающую Окольный город, или Полонище. Запсковье обносится деревянной стеной, которая постепенно сменяется каменной. Входы в р. Пскову замыкаются в XVII в. аркадами с опускающимися «водобежными» решетками.

Так заканчивается сложение планировочной структуры Пскова, крупнейшего после Новгорода торгово-ремесленного центра Руси. Его городская крепость была прежде всего условием безопасности горожан, поэтому следом за ростом города растут пояса его каменной брони. Характерно, что сам псковский кремль-детинец, оставаясь политико-административным центром города, был заполнен клетями, где хранился городской запас хлеба, а в Троицком соборе сберегались государственные акты вольного Пскова. Дух корпоративности и определенного демократизма был характерен для внешнего облика Пскова более, чем для боярского Новгорода. Главную роль в облике города играли многочисленные небольшие каменные храмы, которые строились городскими корпорациями. Небольшие по размерам и простые по своим внешним формам они создавали ту

живописность городского ландшафта, которая была в равной мере характерна и для кремля, и для посадских Полонища и Запсковья (рис. 13).

Новгородские и Псковские земли, избегшие монгольского завоевания, находились под постоянной военной угрозой со стороны западных соседей и развили в течение XIII—XV вв. сложную оборонительную систему. На запад за р. Великую был выдвинут Изборск—одна из крупнейших псковских крепостей. На юг от Пскова на притоках р. Великой были построены в течение XIV—XV вв. Остров, Вышгород, Велье, Красный, Колож и сменившая его Опочка. Наиболее угрожаемый участок водораздела рек Великой и Шелони был укреплен вдоль р. Сороти. Около ее устья находился городок Воронач, за Сороть были выдвинуты Котельно и сменившие его Выбор, Врев, Дубков и Володимирец. На восточном побережье Чудского озера был поставлен Гдов и южнее—городок Кобылий. Часть этих крепостей была каменной, остальные имели деревянно-земляные укрепления.

Новгородская земля, прикрытая с запада Псковской территорией, развивала оборону с севера и юга со стороны шведского и литовского побережья. На север выдвигалась каменная крепость Копорье на неприступной, окруженной оврагами известковой скале. В середине XV в. была модернизирована древняя крепость Старой Ладogi; на западном берегу Ладожского озера шла борьба вокруг Корельского городка. Крайним южным пунктом новгородской обороны стала старая крепость Великих Лук на р. Ловати и Старая Русса на р. Полисти. Навстречу псковским крепостям в водоразделе рек Великой и Шелони была выдвинута каменная крепость Порхова, не уступавшая по красоте и мощности своих башен псковскому Изборску. В сторону Москвы и Твери был обращен ряд мелких укрепленных пунктов, углублявшихся далеко на восток и сочетавшихся с многочисленными укрепленными усадьбами новгородского боярства (рис. 14).

Иначе складывается планировка и архитектурный облик застройки двух важнейших городов средней Руси—Твери и Москвы, преемников культурного и художественного наследия Владимира. Уже к началу XIV в. определяется их соперничество за право возглавить «собиранье Руси». Русская культура, а вместе с ней и строительство сосредоточиваются в XIII—XV вв. в центрально-великорусских (московско-тверской) областях. Общие условия эпохи накладывают свой отпеча-

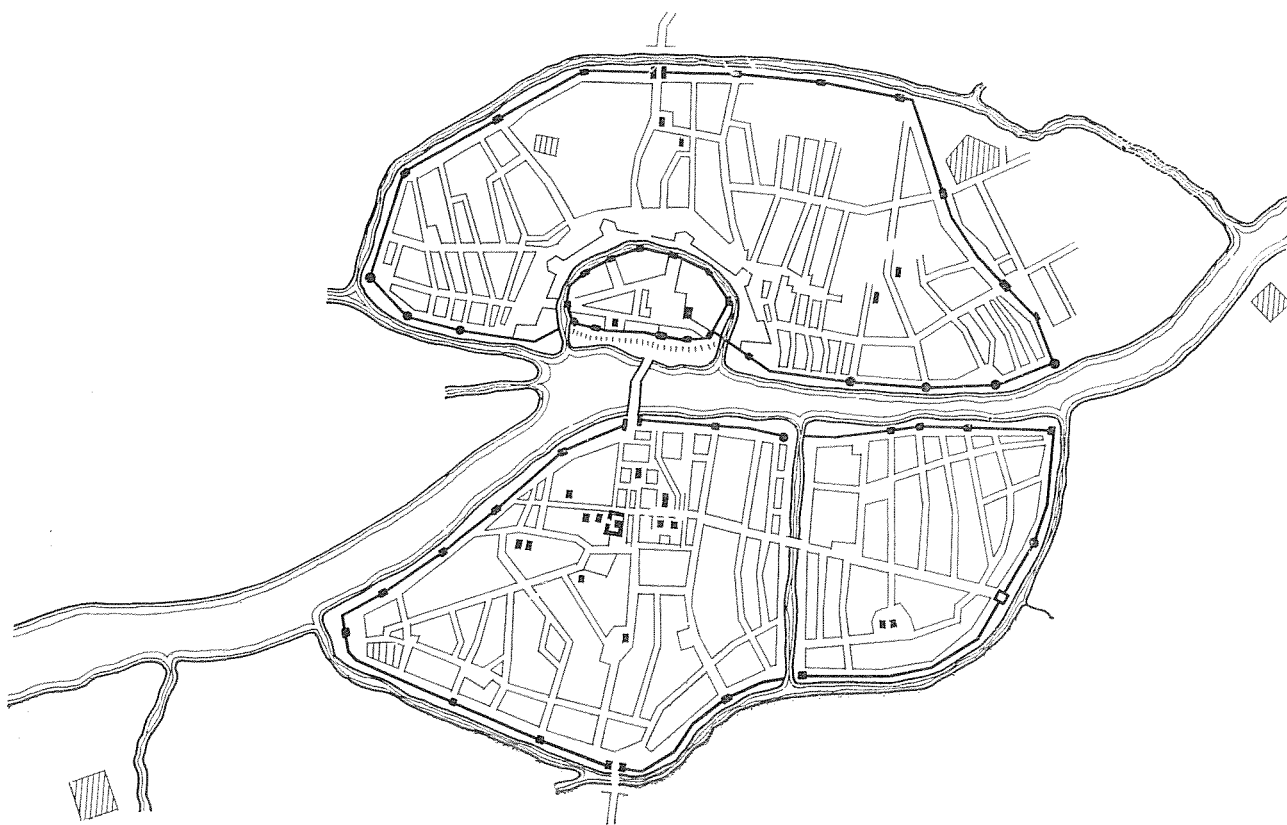

Рис. 12. План Новгорода периода феодальной республики

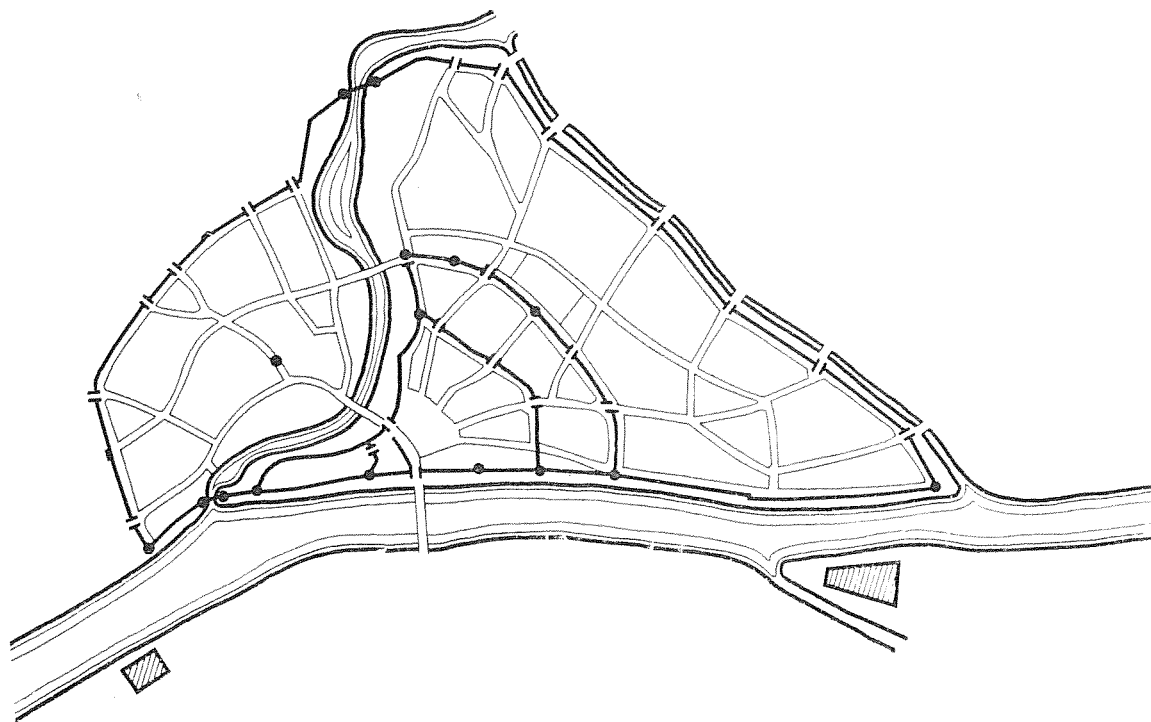

Рис. 13. План Пскова периода феодальной республики

ток на планировку и застройку городов этих областей и на творчество зодчих-горододелцев, в то время как Новгород и Псков продолжают развивать свои, отличные от московско-тверских, культурные традиции.

Богатый верхневолжский город Тверь развился из небольшого пограничного между Новгородской и Суздальской землями поселения. В конце XIII в. сила молодого Тверского княжества быстро возрастает. В тверском кремле рядом с теремами княжеского дворца строится пятиглавый собор Спаса Преображения, укрепляется Федоровский монастырь, служивший своеобразным преддверием тверского кремля. Последний располагался на мысу при впадении р. Тьмаки и был отрезан от посада рвом, так что оказывался как бы на острове. Эта подчеркнутая изоляция кремля от посадов усиливалась концентрацией в нем каменного княжеского строительства.

На тверской земле, граничившей с Литвой, Новгородом и Москвой, была создана своя самостоятельная система круговой обороны. В сторону Литвы был обращен ряд сильных крепостей — Ржев, Опоки, Зубцов и Холм. Вниз по Волге от Зубцова разместились Старица и Городня, а дальше разместился древний Кснятин. На московской гра-

нице стоял Клин, между ним и Волгой по течению р. Шоши располагались Микулин-городок и Дорогобуж-тверской. За Волгой на Тверце стоял Торжок, принадлежавший то Новгороду, то Твери, а восточнее стояли Радиллов и Кашин. Большинство этих крепостей возникло в XIV—XV вв. Среди них обращают на себя внимание Кашин и Клин, крепости которых располагаются на узком перешейке крутой речной излучины, а площадь внутри нее занимает посад (рис. 15).

Особенно ярко черты, характерные для великокняжеских городов средней Руси, проявились в Москве, во многом походившей на Тверь и выросшей также в лоне Владимирского княжества, став еще до монгольского нашествия центром небольшого удела. В основе города лежала крупная и богатая боярская усадьба. Выгодное в историко-географическом отношении положение московского края способствовало его раннему заселению и активному росту древнейшего ядра Москвы, располагавшегося на вершине мыса при слиянии двух рек — Неглинной и Москвы. Уже в середине XII в. городок получил деревянно-земляные укрепления, выделившие юго-западный угол современного кремля; его украшала деревянная церковь Иоанна Предтечи. Позднее кремль расширяется на северо-

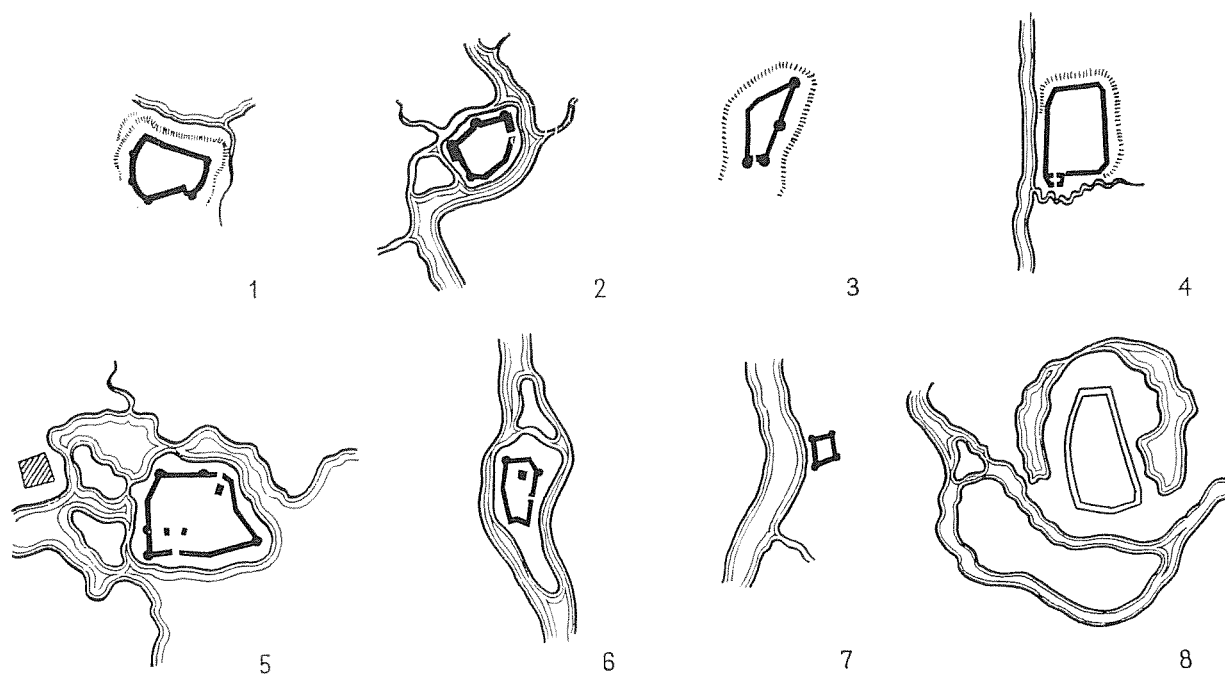

Рис. 14. Схематические планы городов-крепостей на оборонительных рубежах Новгородской и Псковской феодальных республик

1 — Порхов; 2 — Копорье; 3 — Гдов; 4 — Старая Русса; 5 — Торопец; 6 — Остров; 7 — Ям; 8 — Великие Луки

Рис. 15. Схематические планы Твери и городов-крепостей на оборонительных рубежах Тверского княжества
1 — Кашин; 2 — Тверь; 3 — Клин; 4 — Zubцов; 5 — Старица; 6 — Ржев

восток, стирая восточную стену старого городка, и обрастает поселками ремесленников, расположенными на территории, защищенной с запада болотистой поймой р. Неглинной, а с юго-востока р. Яузой. В верховьях р. Неглинной в XIV в. были поставлены три монастыря — Петровский, Рождественский и Сретенский, а за Яузой — Андроников. Возникает также посад за р. Неглинной, где строится Зачатьевский монастырь, далеко на юг выдвигаются укрепления Данилова и Симонова монастырей (рис. 16).

На развитие планировочной структуры Москвы решающее воздействие оказывало центральное положение города среди объединенных русских земель, с которыми его связывали быстро развивающиеся торговые сношения. Дороги на Владимир, Нижний Новгород, Ярославль, Тверь, Звенигород стали основой радиальных магистралей будущей столицы. Рост посадов вокруг кремля шел сравнительно равномерно, определив сначала расширение укреплений на северо-восток (буду-

щий Китай-город), а затем и оборонительные пояса Белого и Земляного городов. Развивающиеся сектора посадов вбирали в себя встречные пригородные села, разнообразие и планировка которых определяли историко-географические условия.

Оборонительная система Московского княжества слагалась не столько путем основания новых городов-крепостей, сколько путем приобретения и захвата важнейших укрепленных городов соседних княжеств. В начале своего развития Москва прикрывалась с запада древним Звенигородом и его пригородом Рузой, на севере стоял маленький городок Радонеж, а на юге — Перемышль на р. Моче. Звенигород, превращенный в начале XV в. в первоклассную крепость, расположенный на крутом и высоком берегу Москвы-реки, был хорошо защищен глубокими обрывистыми оврагами. Вал, мощный изнутри камнем, нес на своем гребне рубленную взбор стену. К реке был обращен белокаменный храм, а около него разместились двор-

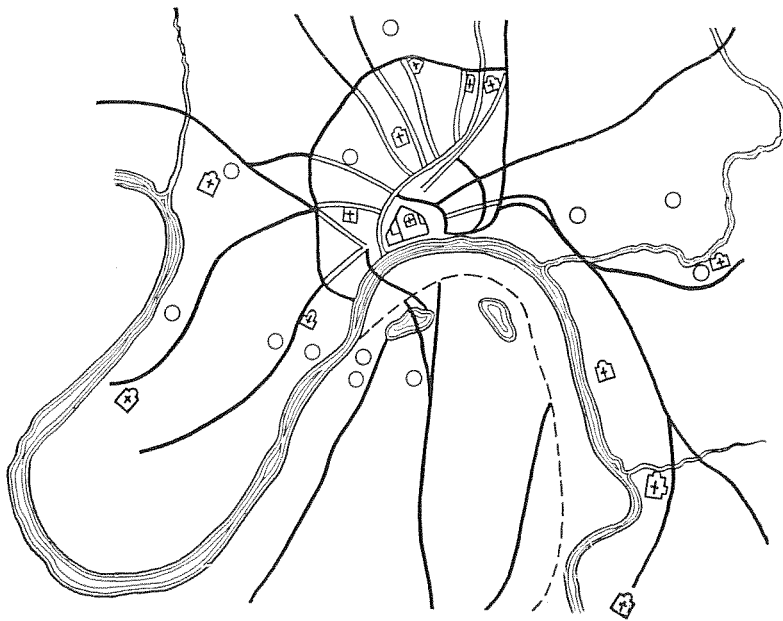

Рис. 16. Схематический план Москвы (XV в.)

цовые хоромы. К западу от города располагался Саввин-Сторожевский монастырь, являвшийся как бы дополнительной крепостью. В первых годах XIV в. в состав Московского княжества включается Коломна — сильнейшая после Владимира крепость северо-востока, Переславль-Залесский и смоленский Можайск. Затем Москва закрепляет за собой основную территорию древнего Владимирского княжества с ее городами (Дмитров, Углич, Ростов, Кострома, Белоозеро, Галич, Юрьев-Польской). В процессе продвижения на юг к Оке и за Оку возникают города-крепости: Верея, Вышгород, Боровск, Ярославль, Медынь, новый городок близ Серпухова, Алексин, Калуга и Тула (рис. 17). Важнейшим успехом московской политики конца XIV — начала XV в. было при-

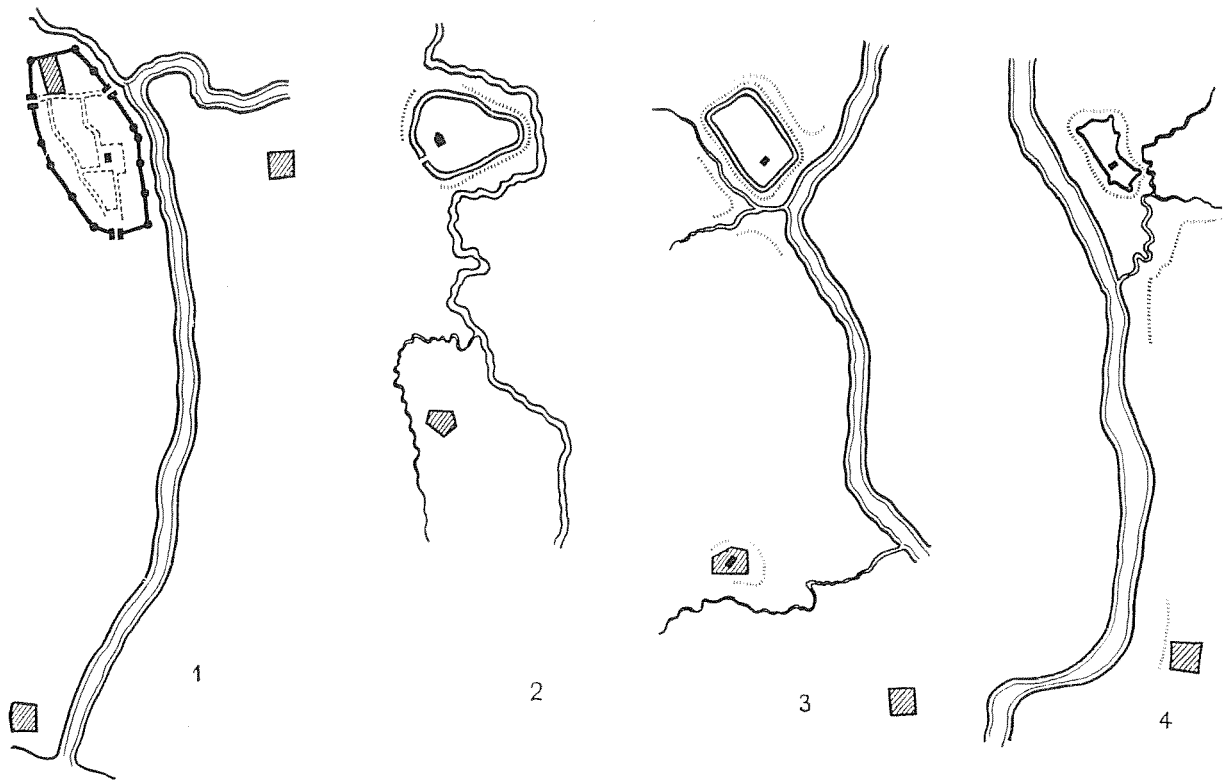

Рис. 17. Города-крепости на оборонительных рубежах Московского княжества

1 — Коломна; 2 — Волоколамск; 3 — Звенигород; 4 — Серпухов

соединение Муромского и Нижегородского княжеств и Мещерской земли с городами по Оке и Волге. Все это предreshает последующий конец самостоятельности Тверского и Рязанского княжеств.

Со временем часть из этих городов-крепостей, имеющих только военное значение, отслужив свою роль, пустеет. Другие города, имевшие экономическое значение, продолжали развиваться, не теряя в своем архитектурном облике черты крепости. Так, например, Ярославль в это время уже вышел за границу Рубленого города на волжской стрелке на обширный участок Земляного города, оборонительный вал которого подошел к ограде Спасского монастыря на берегу р. Которосли. Нижний Новгород имел в качестве своих форпостов Благовещенский и Печерский монастыри. Его крепость в XIV—XV вв. занимала, по-видимому, лишь верхнюю террасу в черте существующего кремля. И в Ярославле, и в Нижнем Новгороде были построены еще в домонгольское время городские каменные соборы, господствовавшие в общей панораме городов. Связь городской крепости с прилегающими укрепленными монастырями — характерная черта города XIII—XV вв. Приходится удивляться, как в этих среднерусских областях, находившихся под особым наблюдением монгольских завоевателей, могло возникнуть и быстро развернуться оборонное строительство.

В этих сложных условиях искусство безымянных народных строителей продолжало совершенствоваться, их мастерство проявлялось в застройке внутренних пространств города и артистическом чувстве связи городской застройки с природным окружением. В народном языке термин «стройный» применялся не только в смысле «пропорциональный» или «хорошо сложенный», но и для определения красивого, выгодного для застройки места. По-видимому, это архитектурное значение термина и было исходным. Поэтому при тесноте и хаотичности деревянной застройки города в целом, о которых свидетельствуют частые пожары, городские посадки не представляли единообразной и невыразительной картины; напротив, мы найдем в источниках выражения удивления и любви современников к своеобразной красоте своих городов. И жилой дом посадского человека, и терем великого князя строились теми же народными мастерами плотничного искусства, которое так и осталось на протяжении всей русской истории своеобразным «домашним ремеслом», сохранявшим постоянную связь с развитием народных вкусов и быта.

РАЗВИТИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЪЕДИНЕННОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Градостроительная культура Руси эпохи формирования централизованного государства носила общерусский характер, в ее основе лежало наследие всех земель, постепенно объединившихся вокруг Москвы. В начале XV в., в разгар борьбы за национальную самостоятельность, обостряется интерес к культурным традициям, сформировавшимся в домонгольский период, во времена независимости и расцвета Руси. Борьбой за «киевское наследство» обосновывались политические задачи воссоединения тех южных и западных «отчин», которые некогда входили в состав Киевского государства, но были отторгнуты западными соседями в период феодальной раздробленности. Обращение к старому Киеву, Владимиру, Новгороду отразилось во всех областях культурной жизни объединенного русского государства, способствовало культурному расцвету, подъему национального самосознания, развитию искусства и зодчества. Оно выражалось в повышенном интересе к архитектуре Киева и Владимира и проявлялось, в частности, в сохранении монументальных произведений древнерусского зодчества, которые являлись живыми носителями художественных традиций. В продолжение всего XV в. во Владимире, Переславле-Залесском, Новгороде, Твери, Ростове, Юрьеве-Польском и других древних городах восстанавливаются на старой основе наиболее значительные культовые сооружения, связанные с эпохой национальной независимости. Наряду с этим сложение русского государства знаменовалось постройками новых сооружений, не уступавшими общеевропейскому строительству того времени.

Руководство строительной деятельностью осуществляется особым правительственным учреждением — приказом каменных дел, — где сосредоточивались наиболее опытные и умелые «великого князя мастера». Здесь воспитывались специалисты-строители, вырабатывались свои художественные каноны и навыки, образовывались своеобразные черты градостроительной культуры централизованного Русского государства, наиболее ярко и разнообразно проявившиеся в планировке и застройке столичной Москвы.

Общая борьба против остатков феодальной раздробленности сопровождалась сосредоточением в руках великого князя основной

части городской и посадской территории и наиболее важных подгородных сел и слобод, освобождением их от уз феодальной зависимости, значительным сокращением частнофеодального землевладения. «Горе граду, имже мнози обладают», — писал несколько позже Иван Грозный в послании Курбскому, обосновывая объединительную политику Московского государства. Присоединение того или иного города к Московскому государству было равносильно превращению его из придатка изжившей себя раннефеодальной вотчины в государев посад — средневековый центр ремесленной и торговой деятельности.

Объединение раздробленных феодальных княжеств в централизованное государство вносило коренное изменение в жизнь городов. Сосредоточение основной массы городской территории в руках государства, превращение разобщенных феодальных владений в единое посадское строение создают возможность регламентации планировочной организации города. Уточняется его внутренняя структура. В течение XVI в. закрепляются в планировочно-структурном отношении две равноправные части города — кремль-детинец и примыкавший к нему посад, где жили ремесленники, торговцы. Далее шли слободы-предместья и, наконец, военные форпосты-монастыри.

Рост торговли и товарного обращения, отделение ремесла от сельского хозяйства, установление международных связей, укрепляли города как экономические центры ремесленного производства и торговли, увеличивали городское население, формировали городской уклад жизни. На смену старым порядкам шли новые. В целях административного, главным образом налогового, упорядочения посада его население делилось на сотни. Во многих городах, особенно центральной части России, насчитывался значительный контингент ремесленников. Посадским «черным» людям противостояла численно гораздо меньшая группа «беломестцев» — городских верхов, свободных почти от всех податей и повинностей. Купечество возглавлялось «гостями» государевой и гостинной сотен.

Мероприятия конца XVI в., направленные к укреплению экономического положения посадов, имели крупное значение для развития русских городов. Великий князь поддерживал развитие посадов, так как это был новый источник общегосударственных доходов. Указ Ивана IV от 1550 г. положил предел развитию частновладельческих слобод. Он сопровождался пересмотром и сокращением владельческих привилегий. Вопрос о ликвидации

«белых» слобод и о равномерном распределении тягла возник еще на Стоглавом соборе. Однако законодательное оформление это требование получило лишь 100 лет спустя в «Соборном уложении». Пока же основное торгово-ремесленное население посада в союзе с окрепшим служилым дворянством продолжает вести жестокую борьбу против крупной землевладельческой знати, отнимающей у дворян крестьян, а у посадов — земли. Эта длительная борьба, осложненная крестьянскими восстаниями и польско-шведской интервенцией на грани XVI—XVII вв., закончилась, наконец, победой дворянства и горожан. Все «белые» слободы, принадлежащие феодалам, были «отписаны на государя» и присоединены к посадам. Это в конце концов привело к закреплению экономической и финансовой монополии посадских верхов.

Соединение «белых» слобод и посадов оказало свое влияние на дальнейшее формирование городов. Их строителями в XVII в. вместо воеводы или князя удельного времени выступают торговые и служилые посадские люди. Они являлись, по существу, хозяевами города, диктовали свои вкусы, без большой охоты подчиняясь правительственной регламентации строительства. Вместе с тем все более активно усваиваются те новшества передовой западноевропейской науки и техники, которые проникали в Россию в связи с расширением внешнеполитических связей и могли способствовать культурному и хозяйственному подъему государства. Попытки использовать передовые черты западной культуры проявились также в области архитектуры и градостроительства. В XVII в. делаются пока еще разрозненные попытки соединения прочно сложившихся традиций отечественной архитектуры с общеевропейскими градостроительными приемами.

Если для предшествующей эпохи главное в облике города заключалось в его кремлевском центре, окруженном оборонительными сооружениями, украшенном собором, палатами князя и колокольной-звонницей, то в XVII в. главное внимание переносится в посад на дворы-усадыбы горожан. Веками складывавшаяся структура раннефеодального города с его архитектурно выделенным центром-кремлем сочетается с широкой планировкой ремесленно-торгового посада, развитие которого, в конце концов, приводит к полному переосмысливанию этих двух исторически сложившихся частей русского города.

Если раньше регулирование застройки происходило в отдельных частях посада, то теперь делаются попытки упорядочения го-

рода в целом. Выпускаются пока еще разрозненные и недостаточные постановления по благоустройству улиц и регулированию городского плана. Углубляется различие между архитектурой главных городских улиц и архитектурой слобод. Если застройка жилых районов в слободах теснится в паутине окраинных переулков, то архитектура центра города приобретает черты большей представительности. Появляются новые градостроительные приемы, отразившие изменившиеся социальные и бытовые требования. Наблюдается участие в строительстве более широких по сравнению с XVI в. общественных групп. Все эти изменения создавали большое разнообразие в застройке и придавали русским городам новый облик, заметно отличный от прежнего.

В XVII в., ознаменовавшемся решительными реформами, во многом коснувшимися планировки городов, определилось развитие градостроительных идей последующего времени. Старая Московская Русь, преодолевая огромный груз отживших традиций и отмирающих авторитетов, становилась, говоря красочным языком одной из повестей XVIII в., «Российской Европией». Все эти процессы преемственного развития планировочной структуры городов осуществлялись по-разному в быстро растущей столичной Москве, в областных городах — административных и торговых центрах и в многочисленных городах-крепостях на постоянно расширяющихся пограничных государственных рубежах.

Москва — столица Русского государства. К XVI в. Москва теряет черты вотчинного города и приобретает характер большого торгово-ремесленного поселения со сложной, внутренне противоречивой социальной жизнью. Приезжим иностранцам Москва XVI в. представлялась одним из самых больших городов Европы. Исторически сложившийся план Москвы представлял пучок радиальных улиц, расходившихся от Кремля и перехваченных концентрическими кольцами крепостных стен. В течение XVI в. были сооружены четыре линии последовательно расширяющихся оборонительных сооружений, превративших столицу в неприступный город. Между кольцами стен, строго соблюдая социальную иерархию, разместилось московское население. Князь, бояре и высшее духовенство заняли самую укрепленную и безопасную часть города — Кремль. Монастырские подворья и купцы разместились близ рынков — в Китай-городе и Замоскворечье. Дворяне и двяки получили преобладание в Белом городе, ремесленники и стрельцы — в Земляном.

Перестроенный при Иване III Кремль состоял из царских теремов, соборов на площади перед теремами, боярских усадеб и монастырей вокруг Соборной и Ивановской площадей. Последующее строительство придало застройке Кремля определенную архитектурно-пространственную цельность. Остальные районы столицы в функциональном и архитектурно-пространственном отношении тяготели к нему и соподчинялись ему.

Территория Китай-города — первого Московского посада — прорезалась тремя радиальными улицами — Никольской, Ильинской и Великой, которые вели к Кремлевским воротам и пересекались поперечной улицей, образующей Ильинский и Варварский «крестцы». Территория между Кремлем и Китай-городом, игравшая некогда роль крепостного предполья, в XVI в. становится главной торговой Красной площадью московского посада, средоточием административных учреждений. Против Кремля был построен обширный гостиный двор. В торце Красной площади, у главных Спасских ворот Кремля, стоял собор «Покрова что на рву» (Василия Блаженного), а на самой высокой точке площади — «Лобное место», с которого объявлялись народу законодательные акты (рис. 18).

Китай-город служил переходом от Кремля к Белому городу, полукольцом охватывавшему центральное ядро столицы. Его радиальные улицы, сходящиеся к воротам Кремля и Китай-города, членили территорию на ряд участков. Переулки, параллельные крепостной стене Белого города, делят участки на небольшие кварталы. В начале XVI в. Кремль отделялся от строений Белого города широким «полым местом» и цепью прудов на р. Неглинной, имевшими значение плацдарма перед крепостной стеной. На рубеже XVII в. эти места начали постепенно застраиваться. Складывавшаяся застройка московских улиц в пределах Белого города была живописна и выразительна. Государевы дворы располагались против Кремля, монастыри и усадьбы бояр — на улицах, ведущих к Кремлю. Местными центрами являлись рыночные площади близ крепостных ворот. Узость улиц возмещалась просторными дворами боярских усадеб. Посадский же слободской квартал формировался фронтальным рядом выходящих на улицу жилых домов. Вне стен Белого города тянулись пригородные слободы, разделенные большими незастроенными участками. За Москвой-рекой вдоль ее старицы (водоотводного канала) разместились дворовые слободы: Конюшенная, Кадашевская (Хамовная), Верхняя, Средняя и Нижняя

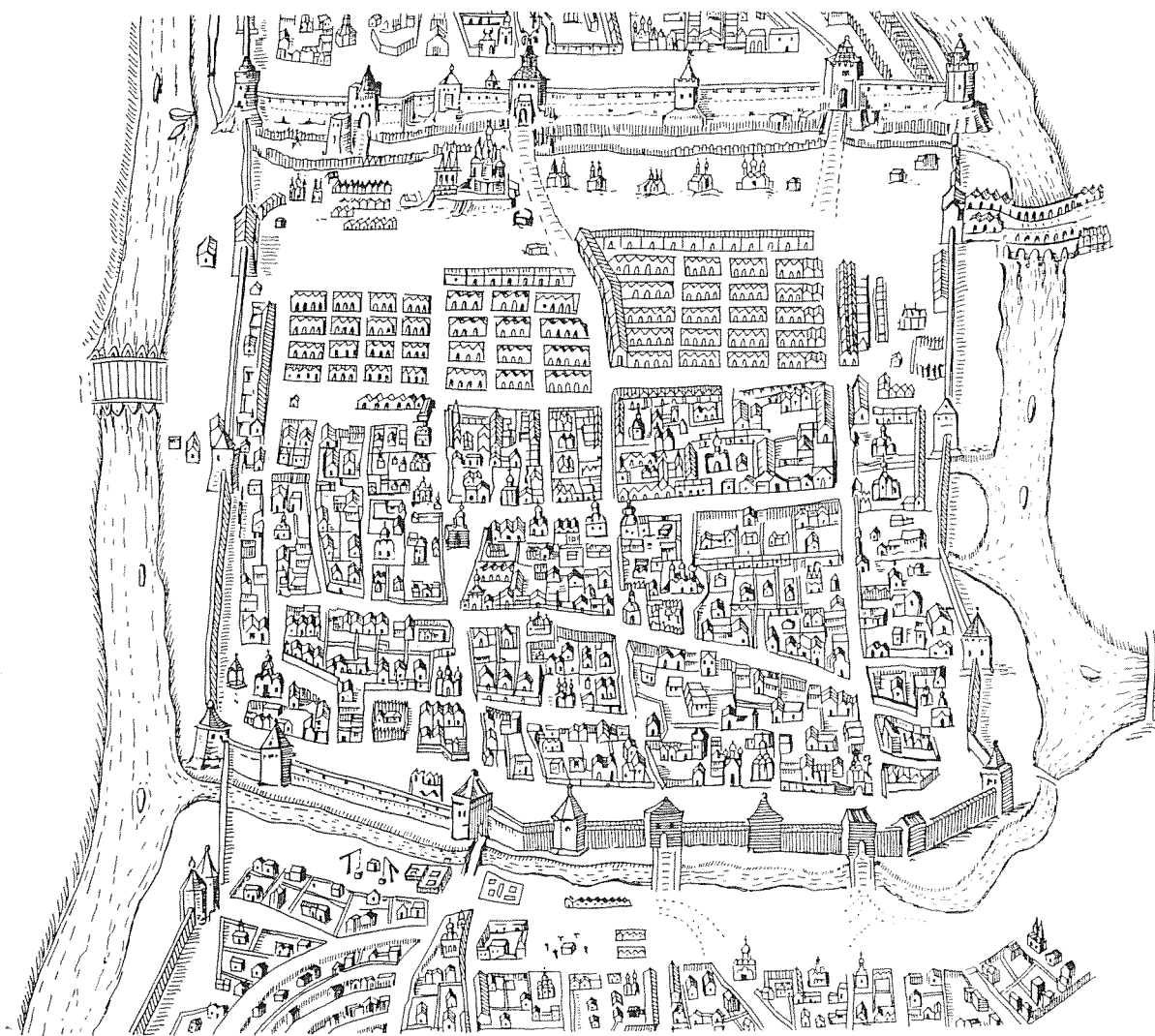

Рис. 18. Застройка центральной части Москвы в XVI—XVII вв. (по изображению на «Петровом чертеже»)

Садовничьи. Поодаль от реки находились стрелецкие слободы, в длинных прямоугольниках кварталов которых заметно стремление к «регулярной» планировке. Несколько позже был устроен «в царствующем граде окрест всех далеких посадов град древян», получивший название «Скородом». Над городом поднялись 120 башен, увенчанных шатрами, имевшими не только практическое, но и декоративное значение.

Застройка вне крепостных стен и валов Москвы складывалась иначе, чем в самом городе. Об этом свидетельствует чертеж конца XVII в., изображающий местность за Смоленскими, Никитскими и Тверскими воротами Земляного города. Она пересечена Тверской, Ваганьковской (Звенигородской) и Смолен-

ской радиальными дорогами, сходящимися к воротам Земляного города, и речками Пресней и Ходынской, впадающими в Москву-реку. Слободы и усадьбы оседают вдоль дорог и рек, превращаясь в сплошную селитьбу у Смоленской дороги, пересекающей Москву-реку (рис. 19, 20).

Города — административные и торговые центры. Время образования единого русского государства является переломным в жизни городов. В рамках абсолютистско-феодального уклада все сильнее и разнообразнее проявляются новые социально-экономические процессы. Развиваются ремесла, расширяется внешняя торговля, внедряются товарно-денежные отношения, укрепляется купечество, возникает крепостная мануфактура. В этих

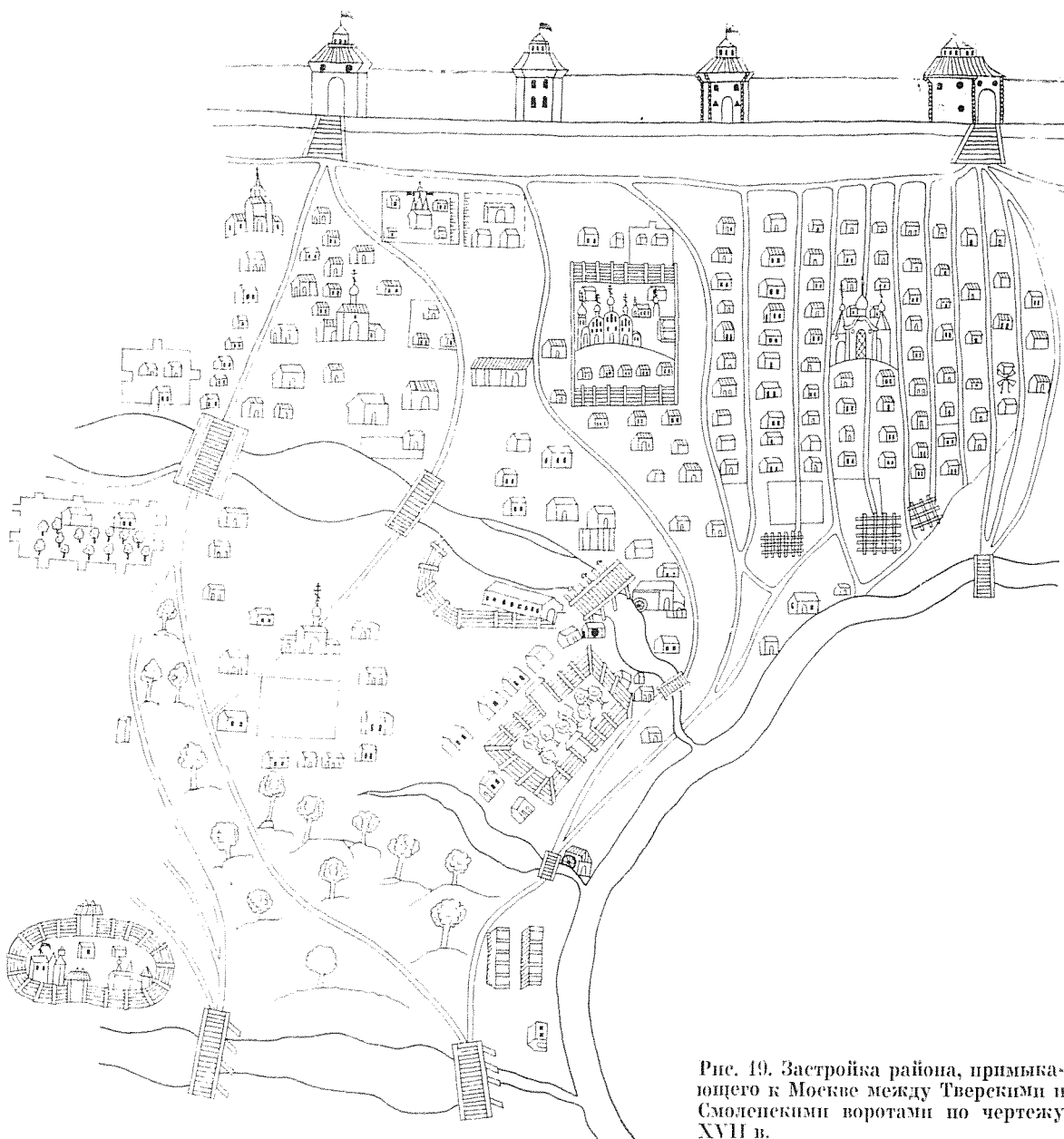

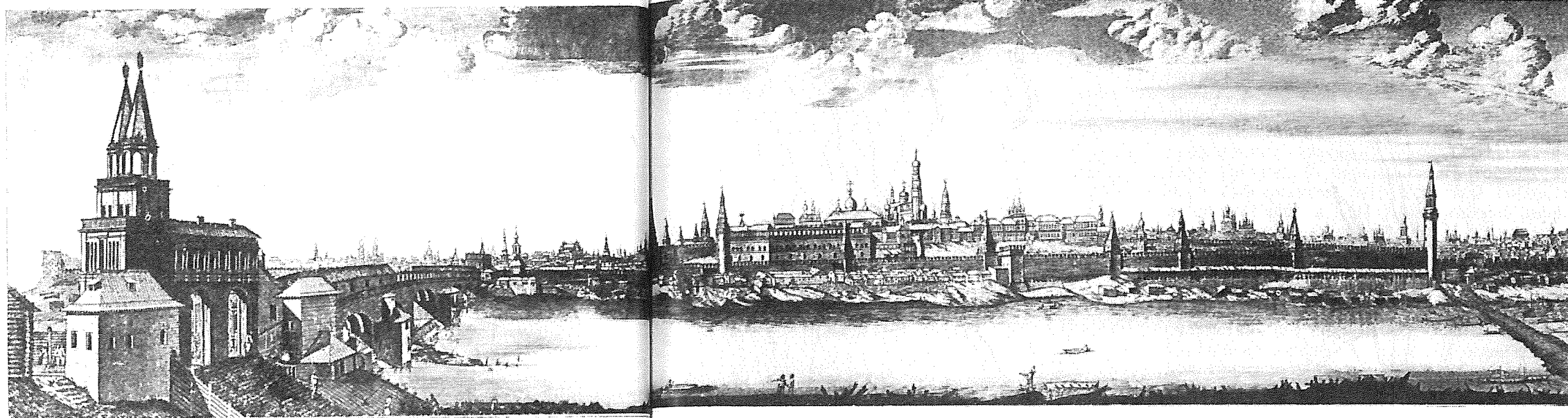
Рис. 19. Застройка района, примыкающего к Москве между Тверскими и Смоленскими воротами по чертежу XVII в.

новых условиях одни города во главе со столицей Москвой продолжают жить и развиваться, оставаясь крупными хозяйственными и культурными очагами. Относительный расцвет переживают такие, например, города, как Ярославль, Архангельск, Калуга, Устюг, Нижний Новгород, Кострома, Ростов и др., оказавшиеся на путях внешней торговли. В ряде городов организуются крупные ярмарки — Макарьевская, Ирбитская, Архангельская; в других, как, например, в Туле, Кашине, Олонце, Устюжне, развивается чугунное и железоделательное производство. Часть го-

родов, прежде значительных, постепенно отходит в сторону от большой дороги истории. К ним относятся такие бывшие «стольные города» эпохи феодальной раздробленности, как Владимир и Тверь, или «вольные города», как Новгород и Псков. На снижении темпов развития целого ряда городов сказался резкий экономический упадок основных районов русского государства в период крестьянской войны и интервенции начала XVII в., который усугублялся общей перестройкой рыночной системы.

Развитие Ярославля, заглянувшего к XVII в.

Рис. 20. Панорама застройки Москвы в начале XVIII в.

по численности населения и торговому значению второе место после Москвы, в значительной степени обуславливалось его географическим положением и близостью столицы, для которой он являлся как бы связующим звеном с северными и восточными окраинами государства. Застройка Ярославля в главной своей части располагалась на правой, нагорной стороне Волги при впадении в нее р. Которосли. Территория его разделялась на Рубленый город-кремль, занимавший мыс при слиянии рек, и Земляной город. В планировке кремля выделялась центральная площадь с пятиглавым Успенским собором и колокольной с шатровым верхом. Площадь окружали дворы воеводы, Ростовского митрополита, Толгское подворье, обывательские дворы. Укрепления кремля к концу XVII в. состояли из вала и трех каменных башен.

К концу XVII в. жизнь активно перемещается из кремля в посад — торговый центр города, обширная площадь которого занимала почти четверть всей его территории. Оборонительный пояс посада (Земляного города) состоял из вала с рвом и деревянной стены с 24 башнями, впоследствии замененных каменными. Спасский монастырь, вплотную примыкающий к городу, с зубчатой стеной и башнями смотрелся крепостью. Укрепления способствовали тесной застройке территории и сосредоточению в его стенах наиболее зажиточных слоев посада. В своей массе застройка Ярославля XVII в. была деревянной. Каменные дома стали появляться только к

концу столетия. Рост храмового строительства падает на вторую половину века. Храмы ставили на возвышенном месте, преимущественно вдоль берегов Волги или Которосли. Их силуэты на фоне волжского простора и заречных далей были всегда одним из наиболее ценных художественных приемов застройки города (рис. 21).

Наряду с Ярославлем быстро рос Кargopolь, расположенный в северном крае на пути из Ярославля через Вологду в Архангельск, на берегу р. Онеги. Местоположение города на границе между цепью озер и Онегой, впадающей в Белое море, делает его значительным торговым перевалочным пунктом между северной беломорской окраиной и верхним Поволжьем, а через него с центром Московского государства. В середине XVI в. город получил монополию поморской соляной торговли и превращается в обширную торговую факторию. Укрепленная часть города, обнесенная деревянными стенами с девятью башнями, занимала незначительную территорию. Центром деловой жизни становится посад. Сюда переносится все наиболее значительное строительство, здесь же обосновываются торговые люди с жилыми домами, мастерскими, складами. В XVI в., в период наивысшего расцвета города, началось строительство крупных каменных храмов. Их своеобразие заключается в строгости, суровости и однотипности внешнего облика. Это — отголосок традиционных форм столичного зодчества на далекой окраине. Низкие, топкие берега Онеги создают для застройки города

нейтральный фон, большую воздушную пространственную среду.

В качестве примера сравнительно небольшого, но активно развивающегося торгового города можно взять Дмитров, тесно связанный с Москвой. С половины XV в. он превращается в типичный средний торговый город с крупным, массивным пятиглавым собором в кремле, с торговой площадью у кремлевских стен, с небольшим посадом и двумя монастырями — Борисоглебским и Пятницким у въезда в город. Вокруг центрального ядра города широко раскинулись слободы с застройкой, прерываемой низинами и болотами (рис. 21).

Древняя Рязань, как стольный город феодального княжества, долее других сохранил свою самостоятельность в борьбе с объединительной деятельностью Москвы. Город стоял на бойком торговом пути из Москвы в Астрахань, что стало условием его роста и развития в XVII в., но уже в качестве не столько военно-административного, сколько торгового центра. Рязанский кремль занял выдвинутую вперед часть обрывистого берега р. Трубежа. Подлинным украшением Рязани конца XVII в. стал грандиозный Успенский собор на территории кремля, органично вошедший в исторически сложившуюся группу рязанских кремлевских зданий, став новым композиционным центром города. Собор и другие важнейшие здания, расположившиеся у самой кромки холма, были прекрасно видны не только со стороны Оки, но и со стороны посадов, примыкавших к кремлю с двух сто-

рон и образовавших в связи с ростом города единый жилой массив.

В отличие от Рязани Владимир XVI—XVII вв. из некогда стольного города крупнейшего удельного княжества превращается в скромный город, переживший свою славу. Это — город величественных храмов и монастырей, хранящих оригинальные черты древнего русского зодчества, окруженный скудными посадскими и бобыльскими слободами. В кремле сосредоточены древние соборы, здесь же патриарший и воеводский двор и приказная изба. К стенам кремля примыкает «государев сад». Торг помещался к западу от кремля, огражденный земляным валом, остальное пространство города занято посадскими дворами (рис. 22).

Оригинальные черты Новгорода, отличавшие его среди других городов, сохранились и после ликвидации новгородской независимости. Значение города поддерживалось его окраинным положением на западных рубежах государства, что заставило проводить энергичные работы по реконструкции устаревших крепостных устройств. Используя передовой московский опыт, в 80-х гг. XVI в. вокруг кремля была возведена дополнительная линия укреплений, состоявшая из рва и вала с деревянными стенами и башнями. Наружная линия укреплений, сложившаяся в XII в., также была обновлена в XVI в. Наряду с переустройством оборонительных сооружений производятся планировочные работы, осуществляются культовые и гражданские сооружения, продолжается строительство, отражаю-

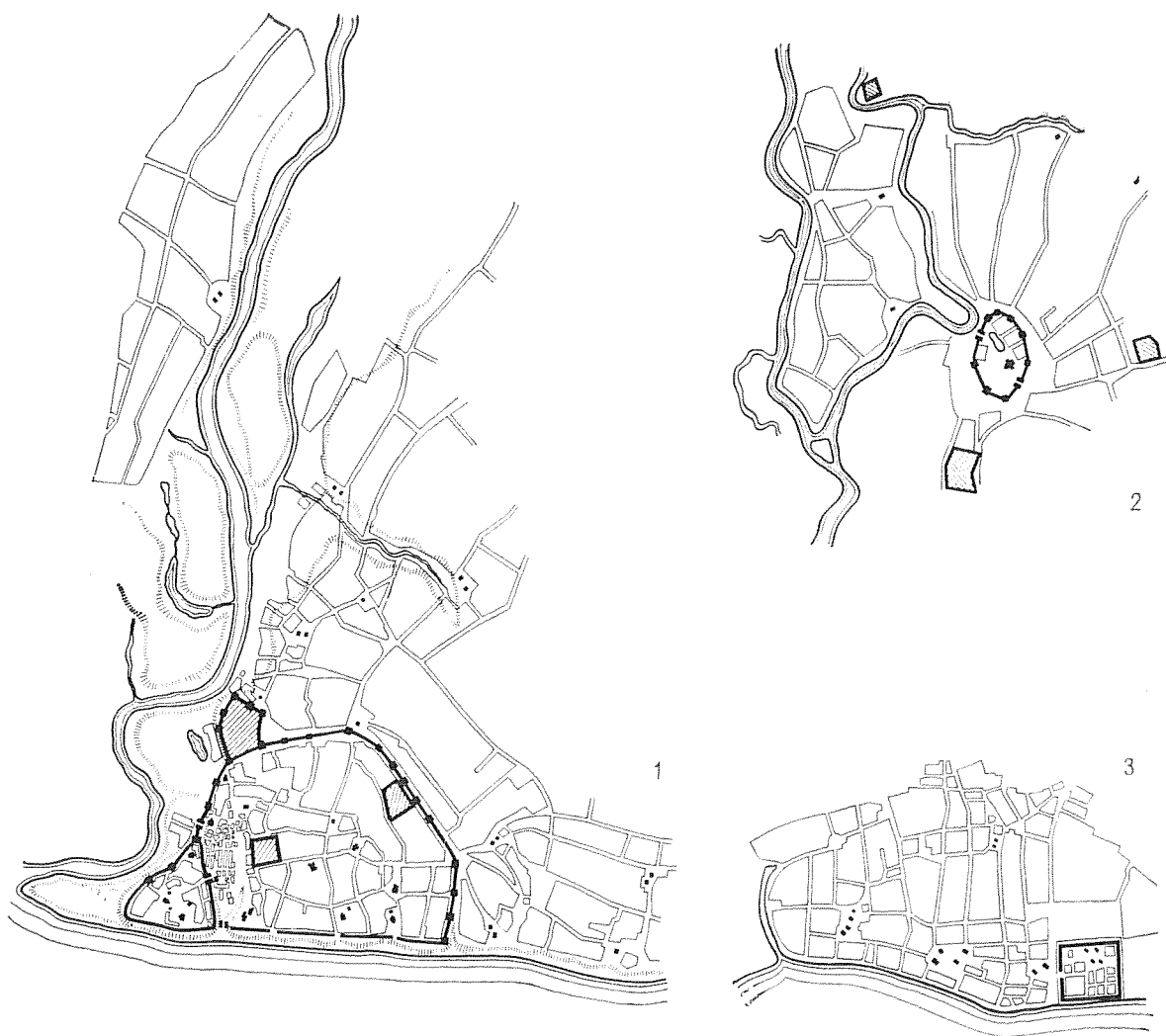

Рис. 21. Схематические планы Ярославля (1), Дмитрова (2) и Каргополя (3) в XVI в.

щее общий подъем градостроительной культуры эпохи формирования объединенного русского государства (рис. 23).

Если Новгород сложился в границах своих внешних укреплений сравнительно рано и не изменялся по величине в течение последующего времени, то Псков непрерывно увеличивал свою территорию вплоть до XVII в. Условия топографии придали его плану особые черты. На узком и высоком мысу при впадении р. Псковы в р. Великую был расположен кремль с Троицким собором, являвшимся архитектурным центром города. При росте города и строительстве новых оборонительных укреплений старые не уничтожались, что создавало своеобразную схему плана, отчасти напоминавшую московскую. Оборонительное строительство продолжалось и в XVI в.

Псков превратился в первоклассную крепость централизованного русского государства на западных границах. При росте города торговая площадь каждый раз переносилась за линию укреплений, направление же улиц оставалось прежним, что усиливало значение городского центра, несмотря на значительные размеры территории в пределах внешних крепостных стен (рис. 24). Вызов псковских мастеров в Москву и другие города оказал известное влияние на архитектуру и градостроительство всего русского государства XVI в.

Города-крепости на оборонительных рубежах государства. Борьба на востоке за освобождение от власти Золотой Орды, борьба на западе с Польско-Литовским княжеством, отторгнувшим исконные русские земли,

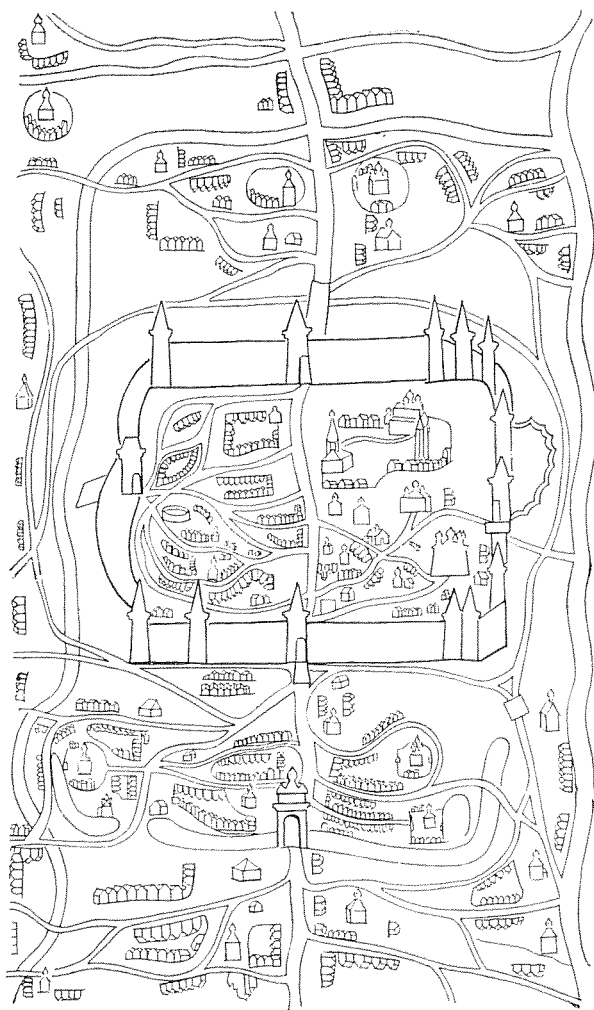

Рис. 22. Застройка Владимира по чертежу 1715 г.

с немецкими рыцарями и, наконец, борьба с Крымом были теми обстоятельствами, которые потребовали образования протяженных оборонительных линий и мощных крепостей. Размах русского градостроительства в XVI в. и в последующее время постигается лишь при включении в его состав кроме основных городов, также и обширного военно-оборонительного строительства на быстро расширяющихся рубежах страны.

После коренной перестройки московских кремлевских укреплений началась модернизация крепостных устройств в ряде городов, которые сохранили важное стратегическое положение в обороне централизованного Русского государства.

На востоке и западе крупнейшими городами-крепостями объединенного русского госу-

дарства являлись Нижний Новгород и Смоленск, а впоследствии, после воссоединения Украины с Россией, — Киев (рис. 25). Сооружение нижегородского кремля началось в 1500 г., и через 10 лет строительство крепостных стен было закончено. Стены с 13 башнями представляли живописное обрамление кремлевских строений, располагавшихся в двух уровнях. В верхней части господствующим сооружением был Спасский собор, заложенный еще в XIII в. На нижней террасе располагалось большое число гражданских и жилых строений (рис. 26, 27).

Крупным военным городом на западной окраине государства был Смоленск, возвращенный в состав русского объединенного государства в начале XVI в. Воссоединение Смоленска имело большое экономическое и политическое значение, так как город был хорошо укреплен, занимал важное военно-стратегическое положение и через него пролегал кратчайший путь в Западную Европу. Отсюда же расходились торговые пути к Приднепровью и Прибалтике. Окруженный к началу XVII в. новой стеной, Смоленск представлял собой первоклассную крепость, не уступавшую наиболее сильным оборонительным устройствам Западной Европы и являющуюся одним из замечательных памятников оборонного зодчества (рис. 28). Смоленск этого времени являлся почти исключительно военнослужбым городом. Он населялся ратными людьми, которые разместились в районе «блоньи», где слагается центр воеводского управления и находилась обширная площадь, предназначенная для войскового обучения. Ремесленно-торговое население вытесняется за черту крепостных стен, на посад.

Оберегая западные рубежи, Новгород и Псков создают еще в период своей самостоятельности значительное число городов-крепостей, начинавшихся от каменного Карельского городка на берегу Ладожского озера и кончавшихся псковским Завеличьем. Почти всех их отличала геометрически правильная форма плана. Активное крепостное строительство продолжалось на западных рубежах и позднее. В таких крепостях вокруг Полоцка, как Сокол, Суша, Туровля, Красная, Ситна, Касьянов, наиболее последовательно нашло отражение и дальнейшее развитие идеи регулярного плана города-крепости (рис. 29). Этой геометрически правильной конфигурации планов городов-крепостей соответствует симметричное расположение башен. Оборону западной границы завершали с юга города — Брянск, Вязьма, Дорогобуж, Мосальск, Рославль, Гомель, Любеч и др. (рис. 30).

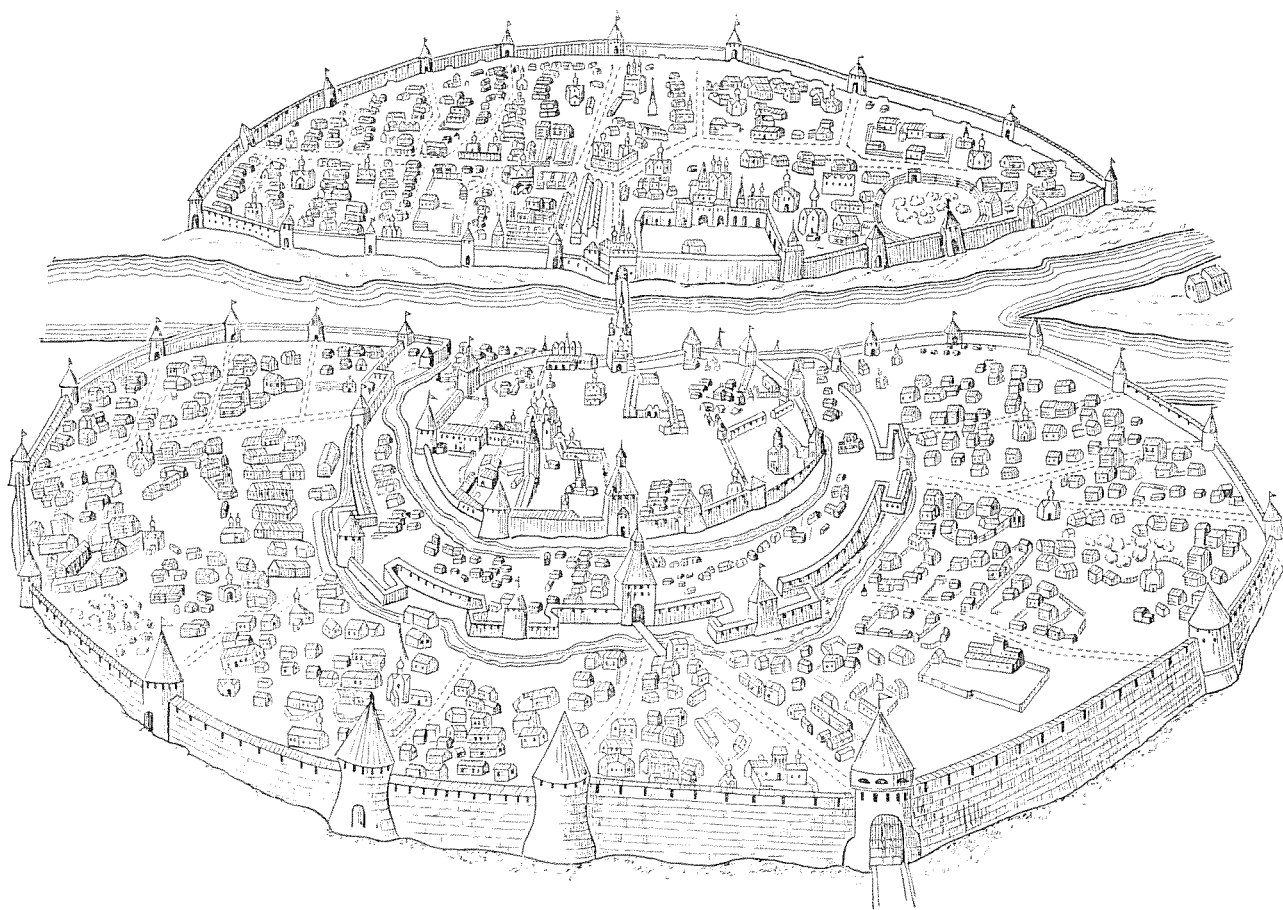

Рис. 23. Панорама застройки Новгорода (по изображению XVII в.)

Помимо этой внешней линии укреплений, расположенных в непосредственной близости от западной и юго-западной границы, существовала еще внутренняя, образовавшаяся на основе древних удельных городов и постройки новых. В нее входили — Тверь, Торжок, Дмитров, Волоколамск, Можайск, Борисов, Боровск, Звенигород, Серпухов. Средства на поддержание и усовершенствование их укрепления отпускались в первую очередь.

В конце XV в. заметно усилилась колонизация русского Севера. Соловецкий монастырь-крепость на островах Белого моря, основанный в начале XV в., и его Сумской посад на суше, Холмогоры и Пинега на Северной Двине, Пустозерск в устье Печоры были первыми оборонительными сооружениями на берегах Белого моря и Ледовитого океана. Почти весь XVI в. прошел без возведения каких-либо крупных оборонительных устройств на этом отдаленном рубеже Московского государства. Внутренняя линия обороны проходила значительно южнее, начинаясь от Уг-

лича и Устюжны и продолжаясь в направлении Белозерска, Вологды и Великого Устюга. Лишь проникновение далеко на север отрядов поляков и шведов во время смутного времени заставило усилить заботу об обороне этого «украиноного места» Руси. Помимо Архангельска, деревянный острог получают Холмогоры, усиленные несколько позже 12 башнями. Его посад окружается земляным валом со рвом и надолбами. За ним следуют Кола, Шенкурск, Каргополь, Чухлома, Галич, Кострома, Олонец. Стрительство северной оборонительной линии завершается сооружением крепости — гостиного двора в Архангельске (рис. 31).

Восточная граница русского государства долгое время оставалась открытой. Лишь на северо-востоке в верховьях Камы и в Приуралье строятся новые или укрепляются старые поселения, основанные еще новгородцами или удельными князьями: Чердынь, Соликамск, Уржум, Яренск, Хлынов (Вятка). Но по мере того, как крепла и ширилась военная мощь государства, начинается последователь-

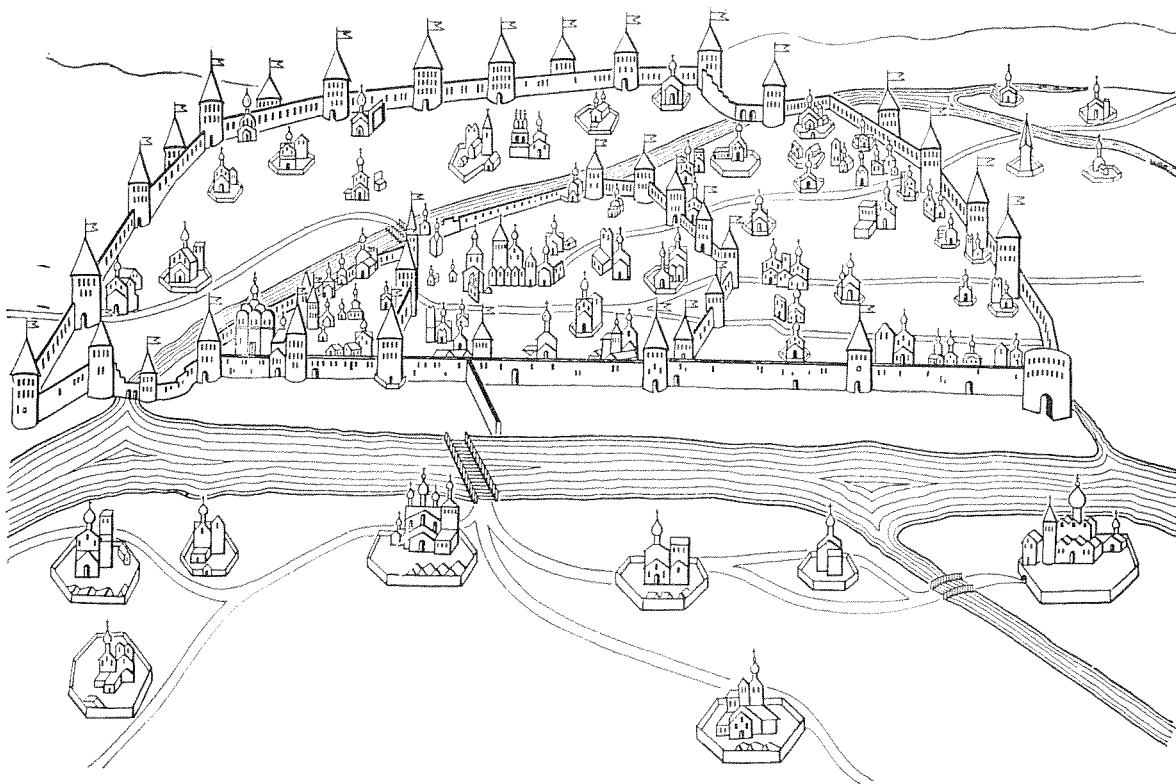

Рис. 24. Панорама застройки Искова (по изображению XVII в.)

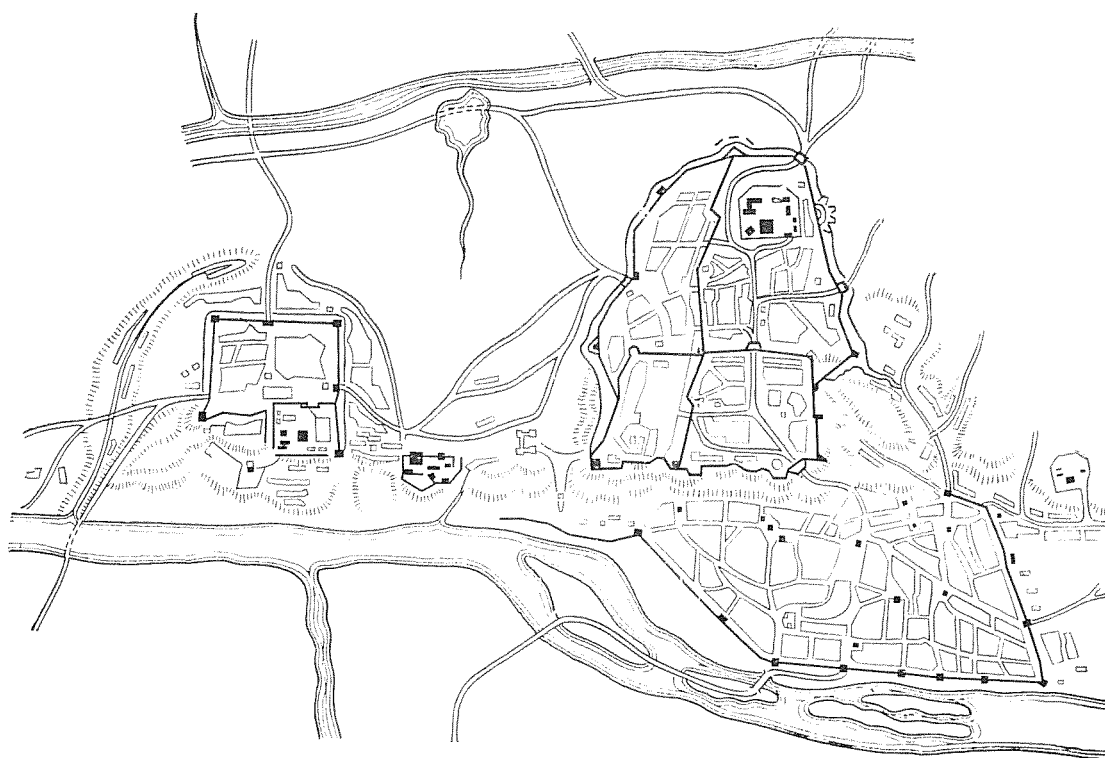

Рис 25. Схематический план Киева по чертежу конца XVII в.

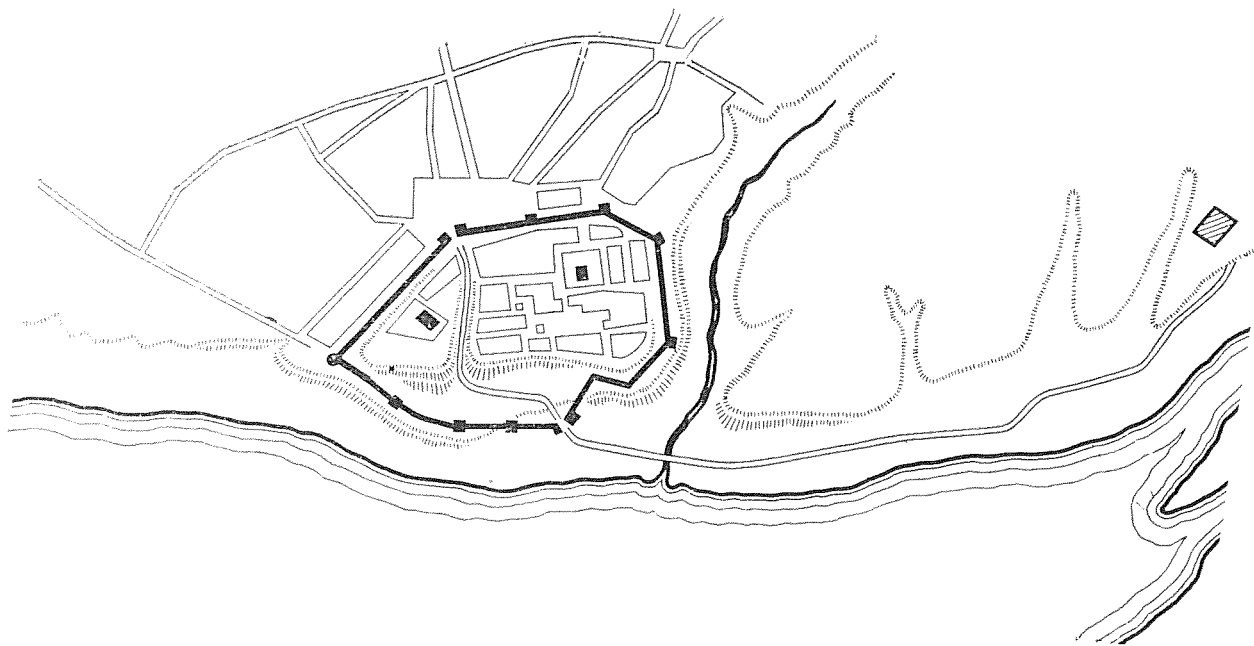

Рис. 26. Схема крепостных устройств Нижнего Новгорода

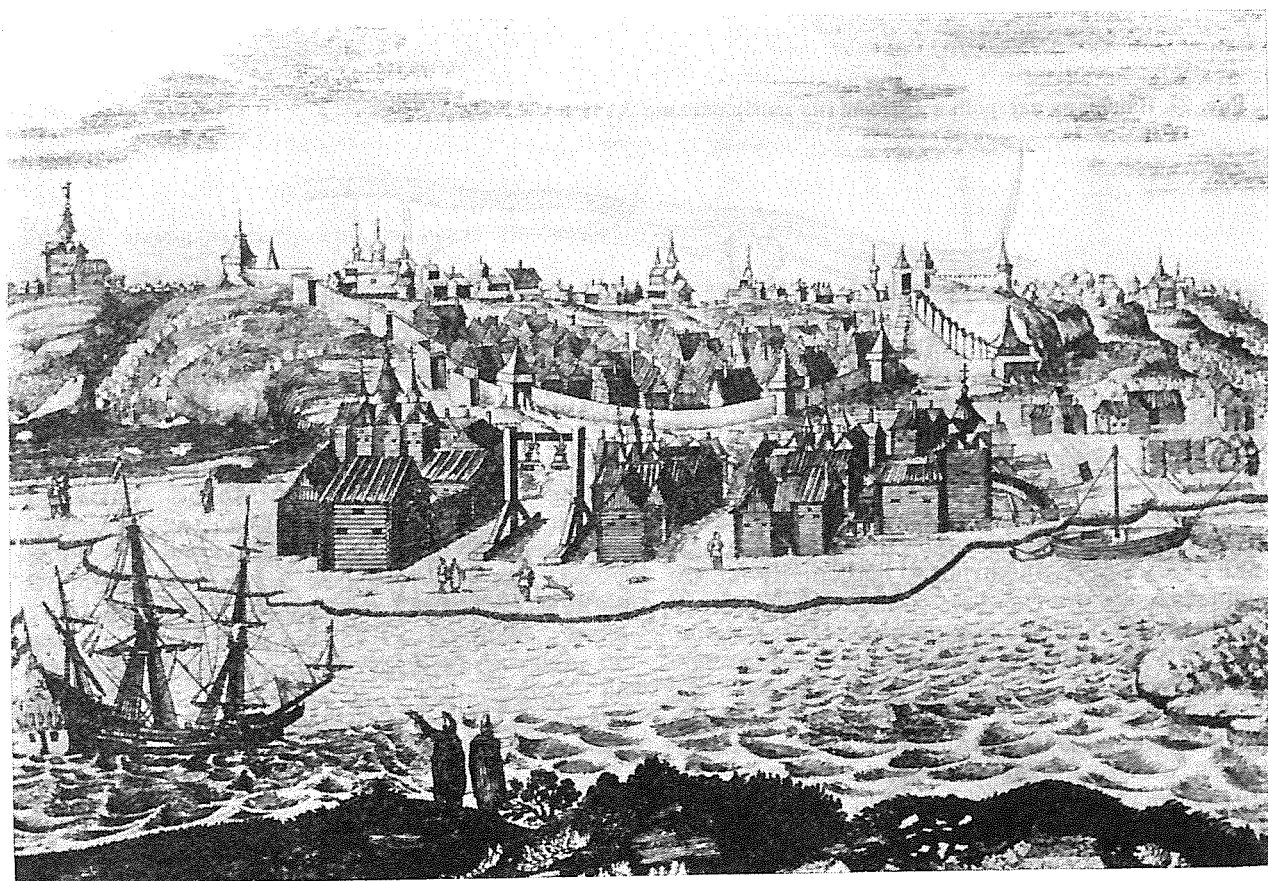

Рис. 27. Укрепления Нижнего Новгорода. Общий вид

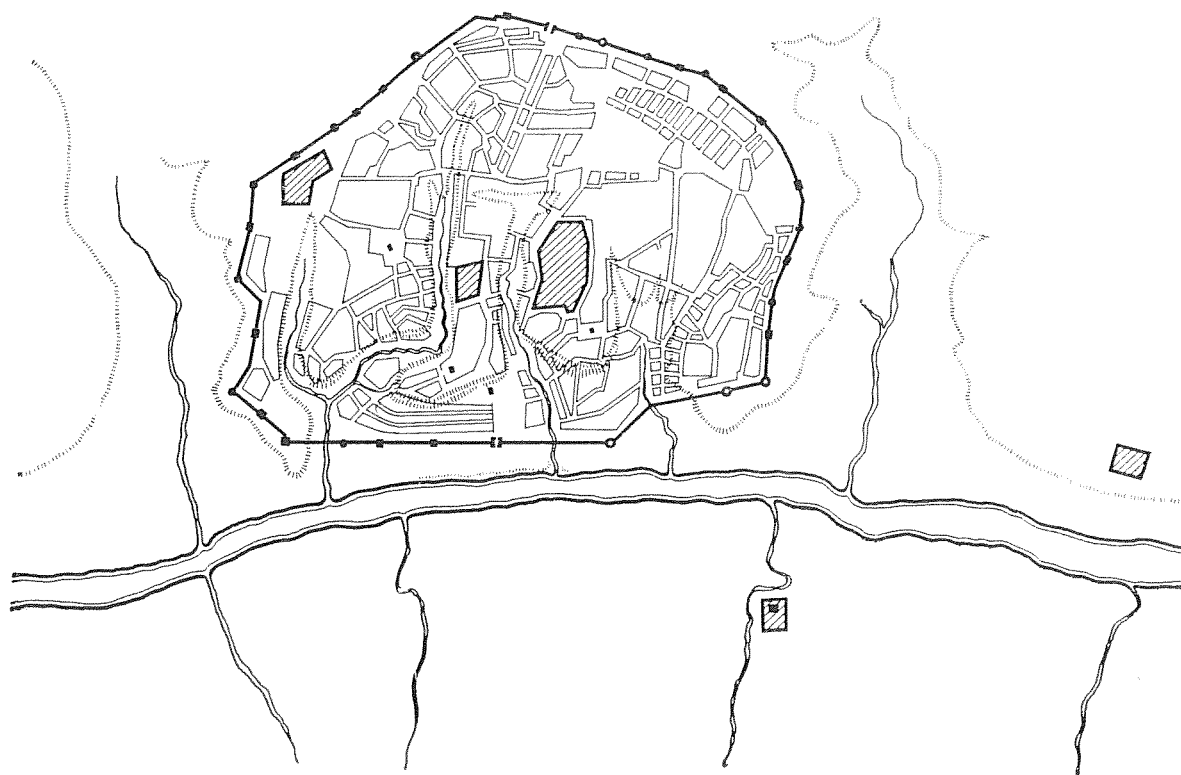

Рис. 28. Схема крепостных устройств Смоленска

ная постройка крепостей — сперва для защиты Нижнего Новгорода, а затем для создания плацдарма против Казани. Возникают укрепления Балахны, осуществляется постройка Свияжска.

После присоединения Казани и Астрахани начинается усиленное заселение среднего и нижнего Поволжья. Вокруг Казани возникают во второй половине XVI в. Чебоксары, Тетюши, Кокшай, Ланцев и Алатырь. Далее следуют Козьмодемьянск (напротив устья Ветлуги), Цивильск, Царево-Санчурск, перестраивается Уржум. В течение первой половины XVII в. вдоль берегов Волги строятся Самара, Саратов, Царицын, каменный кремль Астрахани, Черный Яр, Красный Яр, Камышин, получивший кроме деревянных стен еще и земляные бастионы (рис. 32, 33).

Южная граница русского государства выходила к степи, откуда набеги были еще часты и неожиданны. Поэтому на этих рубежах появились непрерывные укрепления-засеки (их чаще называли в XVI—XVII вв. «чертами») и крепости вдоль них. Постройка коленских укреплений положила начало первой засечной черте вдоль Оки от Нижнего Новгорода до Козельска. Во второй половине XVI в. возникает новая засечная черта, име-

ющая своими крайними пунктами Алатырь и Новгород-Северский. Наконец, создается третья черта, наиболее протяженная — от Мензелинска до Вольнова, растянувшаяся в своей основной части более чем на 1000 км. В узловых пунктах обороны ставятся городки и остроги, сперва «стоялые», но постепенно превращающиеся в жилые, обраставшие посадами и слободами, с регулярным планом укрепленной части. Наиболее характерные примеры — Тула, Коротояк, Курск, Лебедянь, Тамбов и др. (рис. 34).

Покорение Казанского и Астраханского ханства положило начало дальнейшему русскому продвижению на восток к берегам Тихого океана. Казаки и стрельцы ставили городки, остроги и острожки, которые служили опорными пунктами в деле колонизации Западной, а потом и Восточной Сибири. Постройка городов и острогов началась Белгородским городком на Оби. Далее последовала постройка Тюмени, Тобольска, Березова, Пелыми, Сургута, Обдорска, Нарыма, Мангазеи, Туринска, Томска, Енисейска, Кузнецка, Якутска, Исетска, Иркутска и др., длившаяся с 1585 по 1670 г.

Ценным пособием для изучения градостроительства в Сибири является книга то-

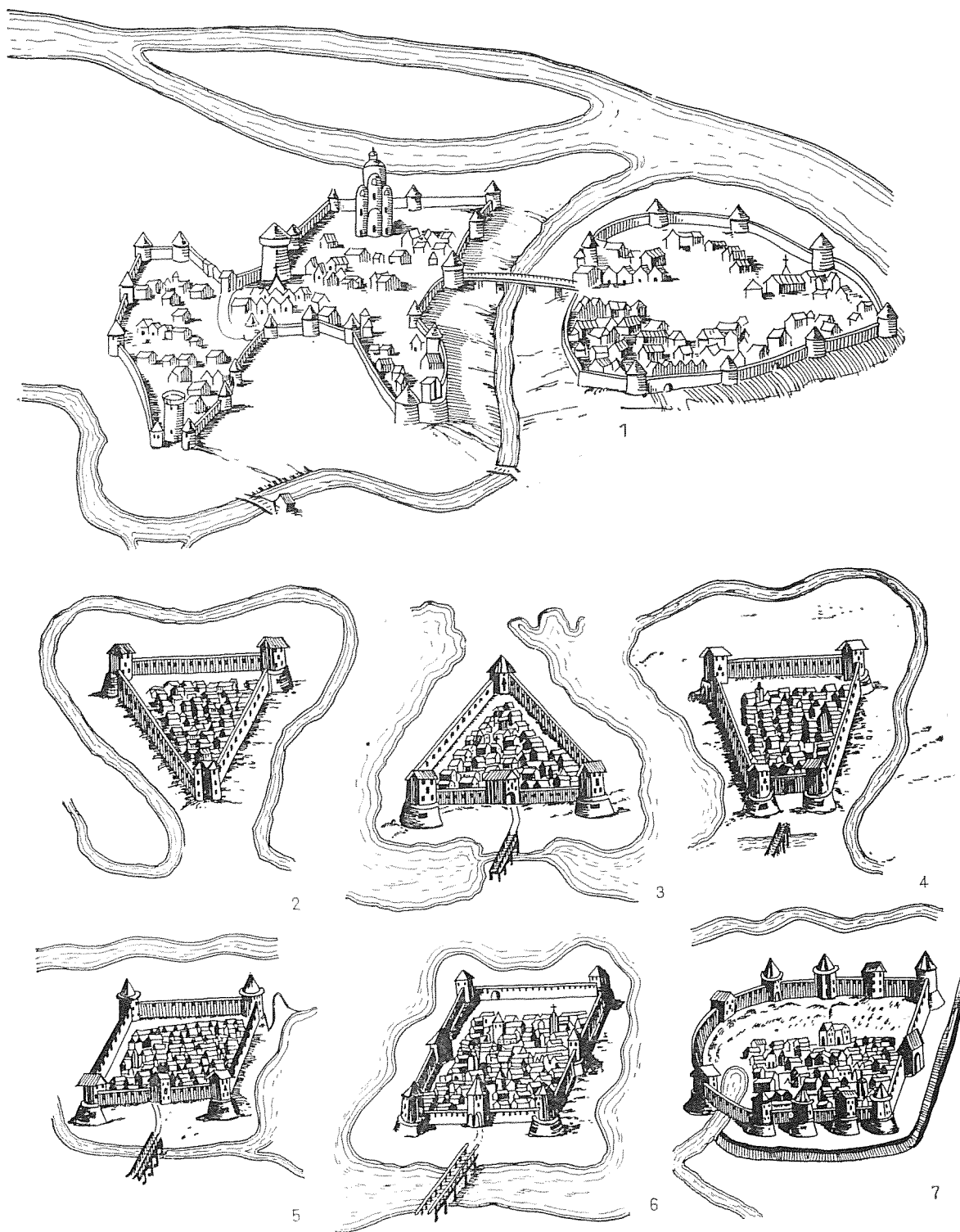

Рис. 29. Города-крепости на западных рубежах Московского государства

1 — Полоцк; 2 — Сокол; 3 — Суша; 4 — Туровля; 5 — Красная; 6 — Ситна; 7 — Касьянов

большого боярского сына Семёна Ремезова — «Чертежная книга Сибири», в которой изображен ряд городов Сибири.

Наиболее значительным городом был Тобольск со слободами и посадами, примыкавшими к его старому ядру. Природные условия определили неправильную конфигурацию его крепости. Разросшиеся посады с торговыми рядами были окружены деревянной стеной. По мере разрастания города обозначились отдельные районы, имевшие собственные торговые и местные центры (рис. 35). Родственным Тобольску может считаться Тарский городок, посад которого был окружен стеной с башнями; центральная же часть представляла собой правильный прямоугольник с симметрично расположенными башнями. Этими же чертами отмечены Пелым, Красноярск, Нарым, Томск и Якутск.

Развитие военного искусства на рубеже XVI—XVII вв., усиление значения огнестрельного оружия существенно меняли оборону городов. Каменные стены и башни, так органически вошедшие в архитектуру древнего русского города, не отвечали более задачам обороны. Пушечные ядра при интенсивной и концентрированной бомбардировке сравнительно легко разрушали каменные стены. В Западной Европе взамен каменных оборонительных сооружений появляются земляные бастионы, значительно более эффективные.

Своеобразие облика русских городов проявилось в тех из них, где старые каменные крепостные стены с башнями продолжали использоваться в оборонительных целях и включались в состав новых укреплений с земляными бастионами. Так, например, Московский Кремль и Китай-город были в 1707—1708 гг. обнесены земляной оградой бастионного расположения. Несколько ранее, во второй половине XVI в., в Новгороде вокруг кремля был возведен малый Земляной город. Одновременно с Новгородом укреплялся и Псков, где старая каменная ограда была прикрыта земляным валом. Смоленск являлся основным укрепленным пунктом на литовской границе, поэтому на увеличение его обороноспособности обращалось особое

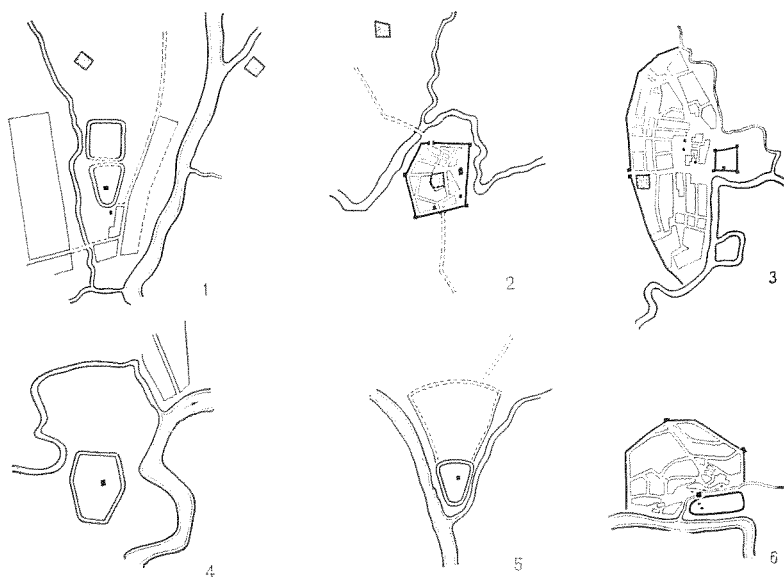
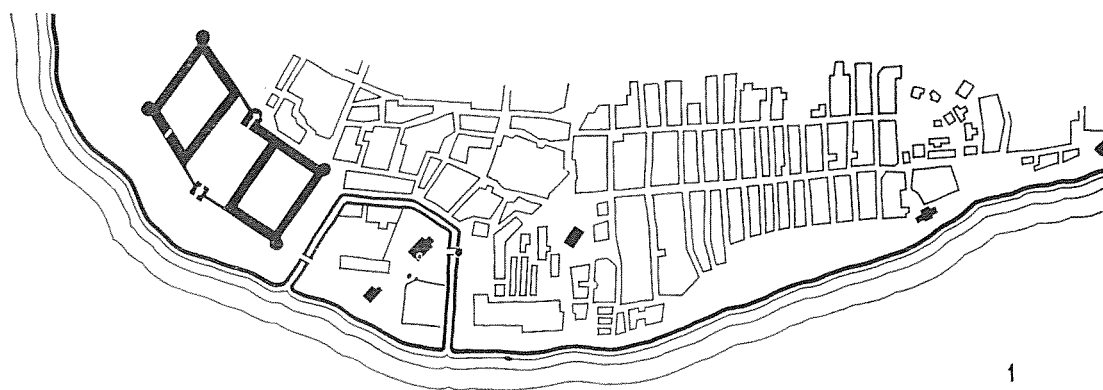

Рис. 30. Города-крепости на юго-западных рубежах Московского государства

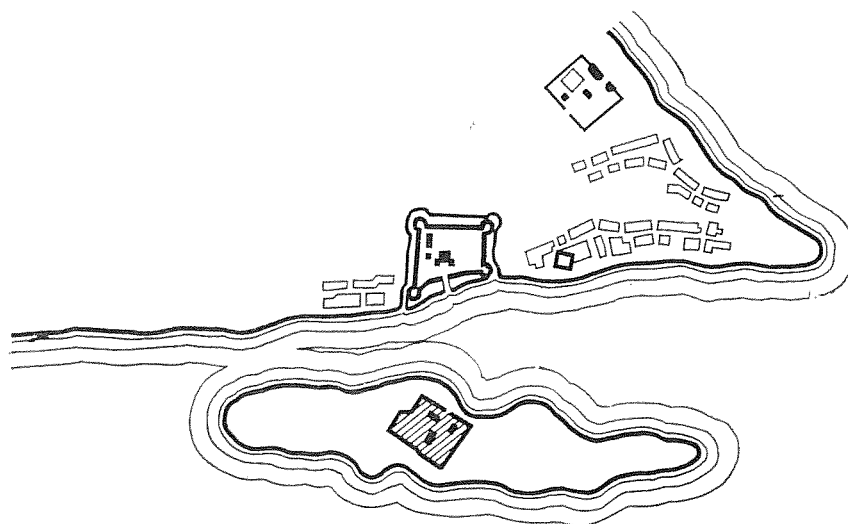
1 — Брянск; 2 — Вязьма; 3 — Севск; 4 — Козельск; 5 — Одоев; 6 — Трубчевск

внимание. Здесь предполагалась специальная цитадель и, сверх того, сильное предместное укрепление-кронверк на правом берегу р. Днепра. Земляные бастионы появляются вокруг окранных городов, например, Белгородской крепости, Камышина, Васильсурска, Буя. Для Олонца, где не так давно были выстроены стены, рубленные «тарасами», проектируется дополнительно устройство земляного вала с бастионами. Земляные валы и бастионы охватывали Ростов-Ярославский, к которому с разных сторон вне земляных укреплений примыкали отдельные слободы (рис. 36).

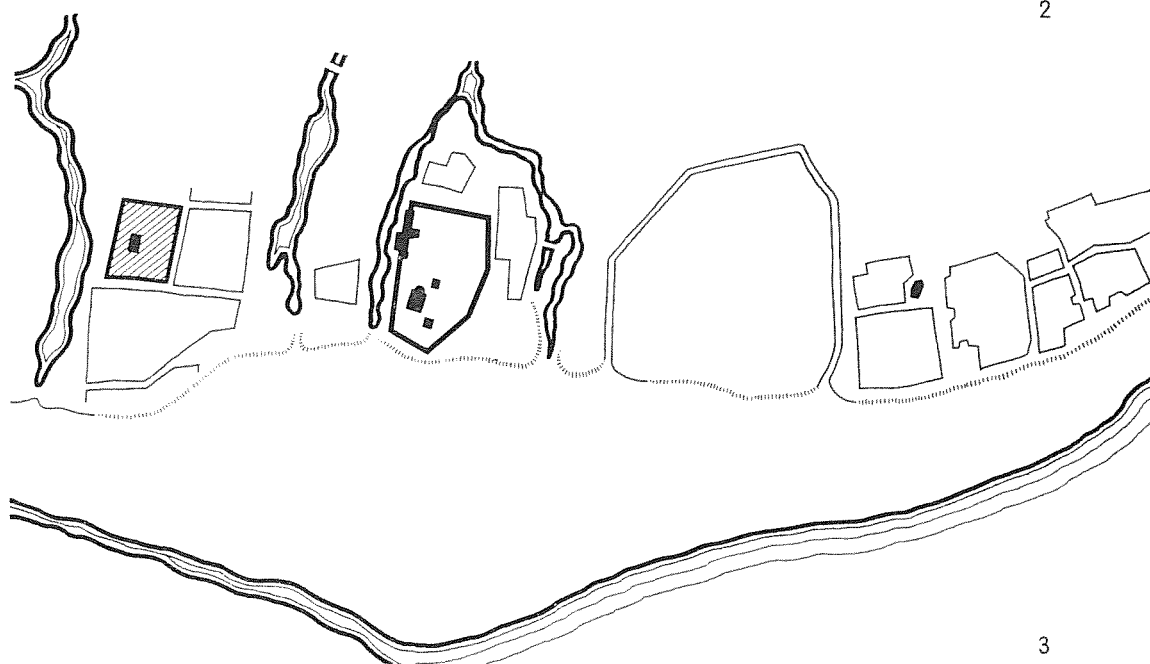
В конце XVII в. укрепления пограничных городков южной засечной черты начинают заменяться земляными редутами, имевшими либо квадратное, либо прямоугольное начертание. Военным инженерам, осуществлявшим крепостное строительство, приходилось отходить от установленных западноевропейских канонических правил и прибегать к оригинальным системам, диктуемым сложившейся обстановкой. Геометрически правильная разбивка земляных укреплений, представляющих в плане сложную симметрическую фигуру, имела решающее влияние также и на урегулирование внутренних пространств всего города-крепости. В планировочном отношении города-крепости этого времени можно разбить на две группы. К первой относятся те города, в которых имелась сравнительно не-

1

2

3

Рис. 31. Города-крепости на северных рубежах Московского государства
1 — Архангельск; 2 — Кола; 3 — Холмогоры

рис. 32. Схематический план крепостных устройств Астрахани

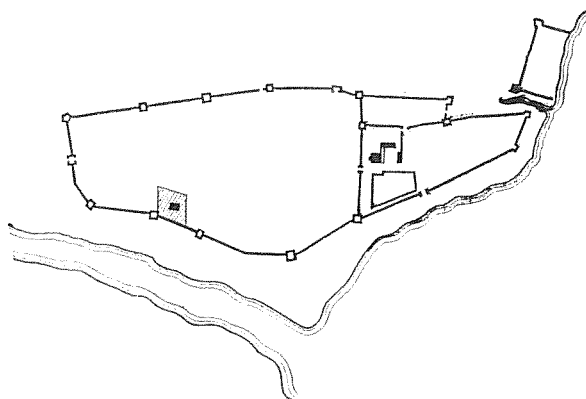
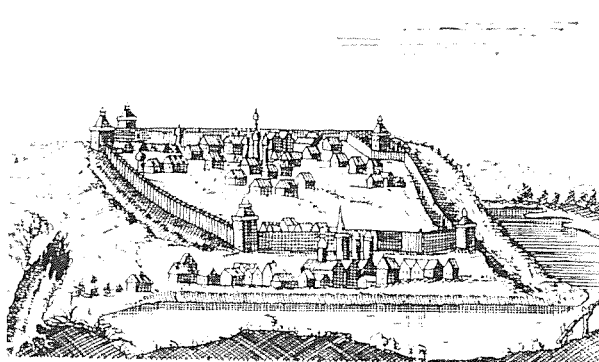

рис. 33. Города-крепости Среднего и Нижнего Поволжья

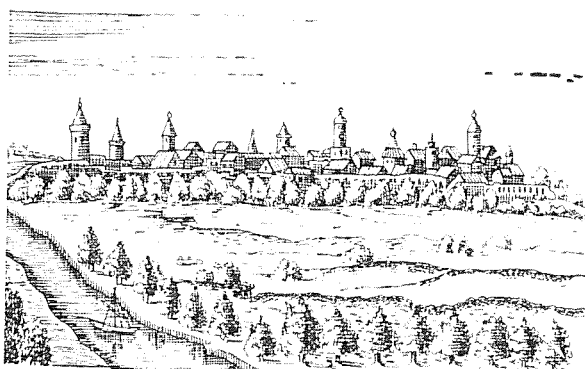
— Тетюши; 2 — Козьмодемьянск; 3 — Саратов; 4 — Дарицын; 5 — Черный Яр; 6 — Самара

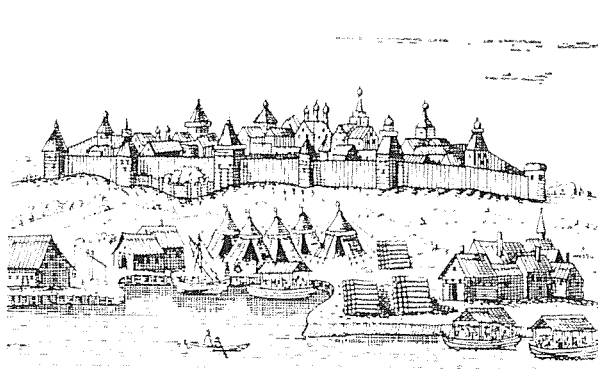
1

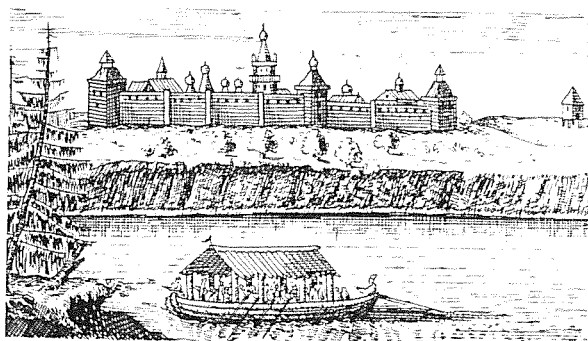
2

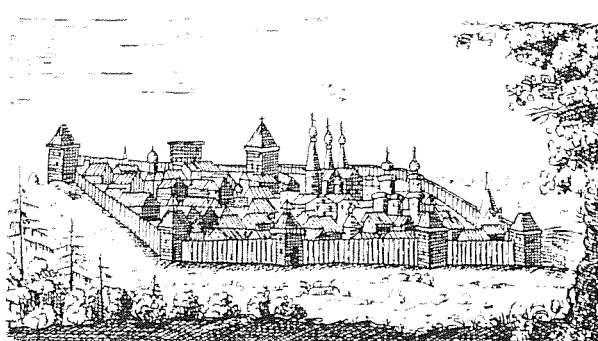
3

4

5

6

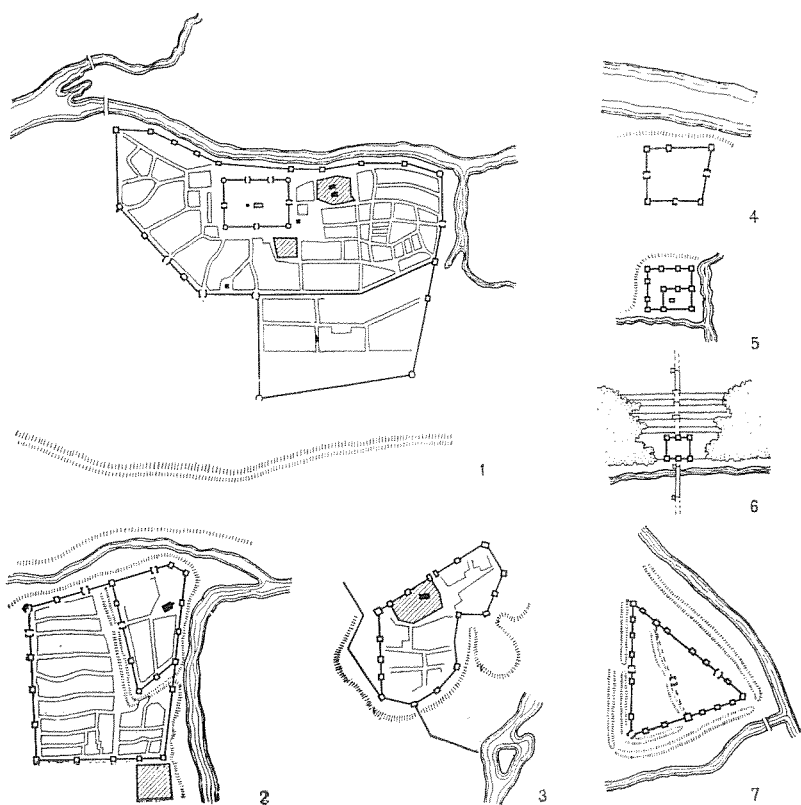

Рис. 34. Города-крепости на южных рубежах Московского государства

1 — Тула; 2 — Тамбов; 3 — Воронеж;
4 — Коротояк; 5 — Лебедянь; 6 — «стоя-
лый» городок; 7 — Курск

большая, но сильно укрепленная центральная административная часть; вся же жилая территория представляет предместье-форштадт или вовсе неукрепленное, или окруженное укреплениями облегченного типа. Ко второму

можно отнести те города, вся застроенная территория которых обнесена укреплениями.

Примерами первого типа городов-крепостей являются Азов, Тавров и Новопавловск (близ Воронежа), Великие Луки на подсту-

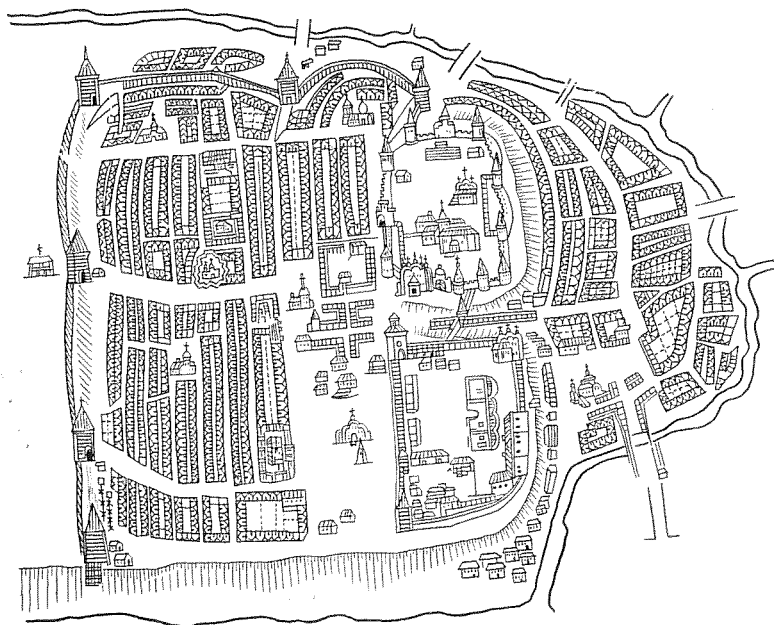

Рис. 35. Укрепления Тобольска (по чертежу конца XVII в.)

за южных
границ
3 — Воронеж
4 — Кашпра
5 — Ростов
6 — Олопец

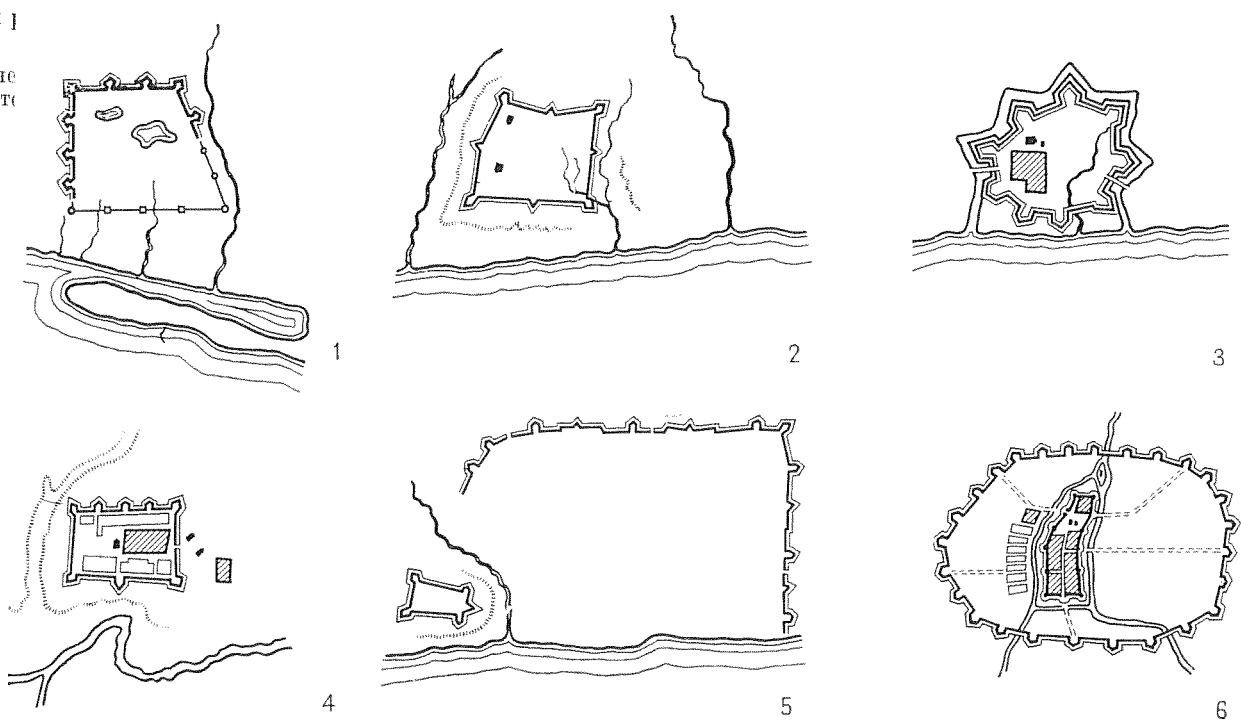

рис. 36. Города-крепости с земляными бастионными укреплениями во второй половине XVII в.
— Юрьевец-Повольский; 2 — Кашпра; 3 — Ростов Великий; 4 — Белгород; 5 — Камышин; 6 — Олопец

строениях к западным границам, крепости Украинской оборонительной линии и др. Одним из первых опытов построения города-крепости в начале XVIII в. с применением новых принципов фортификации было строительство Изюма на левом берегу р. Дона. При городе была устроена гавань для торговых и военных судов. Пространство внутри крепости было разбито на несколько прямоугольных кварталов, где были расположены административные учреждения и казармы. Жилая часть по мере роста города выносилась за пределы крепости и была обнесена крепостной оградой облегченного типа.

В связи со строительством гребной флотилии, адмиралтейство, первоначально основанное в Воронеже, было перенесено на более удобное место на р. Осереде. Здесь возникает Новопавловск. В эти же годы на западной границе происходит частичное или полное переустройство существовавших крепостей. Так, например, в Великих Луках приступили к постройке новой земляной крепости, за пределами оборонительных валов которой разместились жилые строения, сгруппированные в регулярные кварталы. Подобную же схему плана имели такие поселения Украинской оборонительной линии, организованной в 30-х гг. XVIII в., как Изюм, Тор-Славянск,

Новобогородицк (Самара на Днестре), служившие местопребыванием «поселенных полков», которые направлялись сюда на постоянное жительство для защиты южных границ государства (рис. 37). Наиболее крупным городом-крепостью этого же типа на юго-востоке России являлся Оренбург на берегу р. Урала, который занял центральное место относительно всей протяженной юго-восточной пограничной линии. План города представлял собой овал, в центре которого находилась площадь с обширным гостиным двором. К основному массиву города пристраиваются предместья и укрепленный гостиный двор (караван-сарай), где происходила периодическая торговля с кочевыми племенами (рис. 38, 39).

Ко второму типу городов-крепостей можно отнести крепость св. Троицы (Таганрог), строительство которой было вызвано необходимостью иметь глубоководную гавань. Территория, окруженная крепостными устройствами, имела полуциркулярное начертание с тремя лучевыми улицами, направленными к крепостным воротам, и главной площадью на оси центрального луча. Для образования гавани были устроены с трех сторон обширные молы. Не менее типичен план крепости св. Креста, заложенной на Северном Кавказе

Рис. 37. Города-крепости с земляными бастионными укреплениями в XVIII в.

1 — Тавров; 2 — Великие Луки; 3 — Новопавловск; 4 — Новая Опалиха; 5 — Тор-Славянск; 6 — Азов; 7 — Александровск; 8 — Екатеринодар; 9, 10 — Типы крепостей на 50—150 чел.

у слияния рек Аграхани и Сулака. Крепостная ограда состояла из правильного бастионного шестиугольника с центральной круглой площадью, от которой по направлению к бастионам расходились улицы. Примером рядовых крепостей этого же типа, расположенных на крайней северной и южной границах

государства, можно назвать Новодвинскую (близ Архангельска) и Екатеринодарскую на р. Кубани, сходные по величине и внутренней планировке, но различающиеся системой укреплений. Одной из крупнейших крепостей этого типа был Кронштадт на северо-западной окраине страны, заложенный в связи со

Рис. 38. План города-крепости Оренбурга

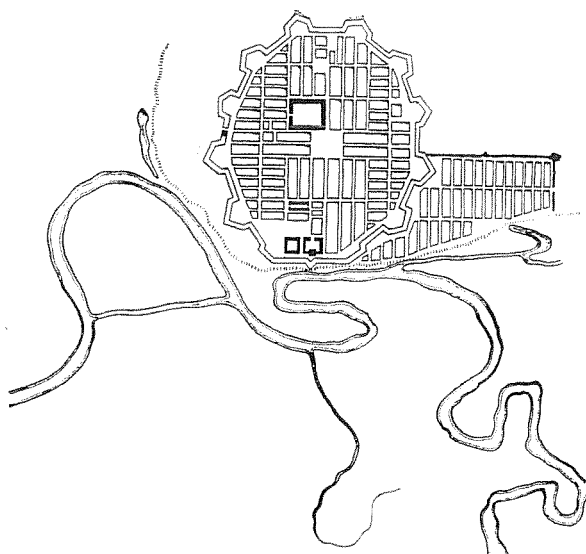

Рис. 39. Застройка Оренбурга. Общий вид

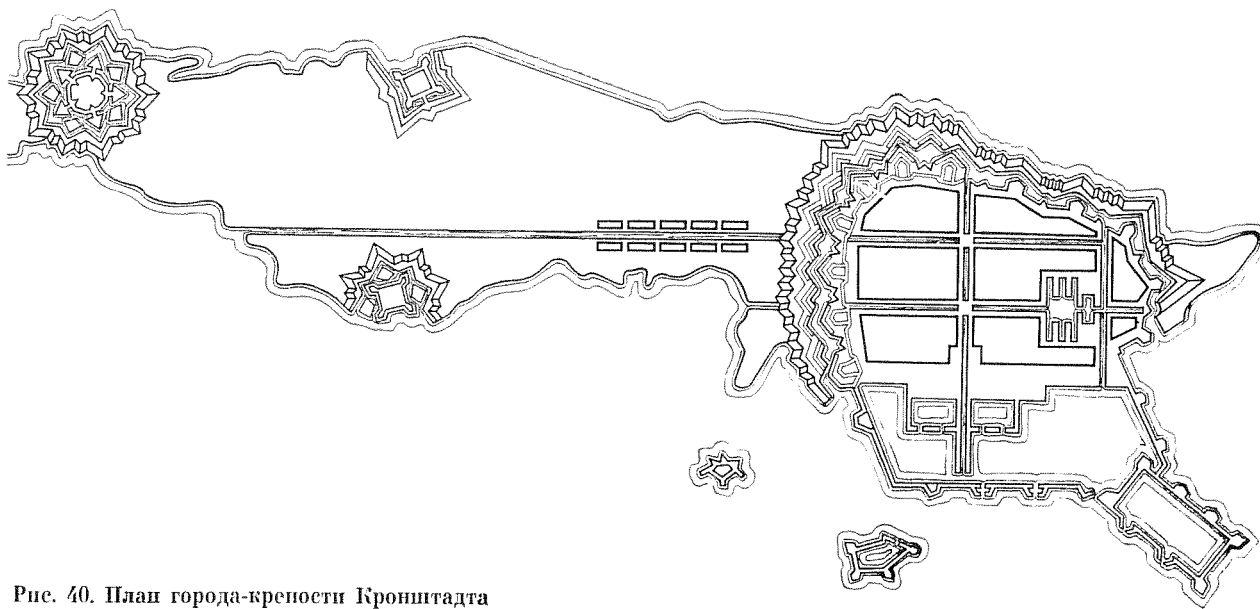
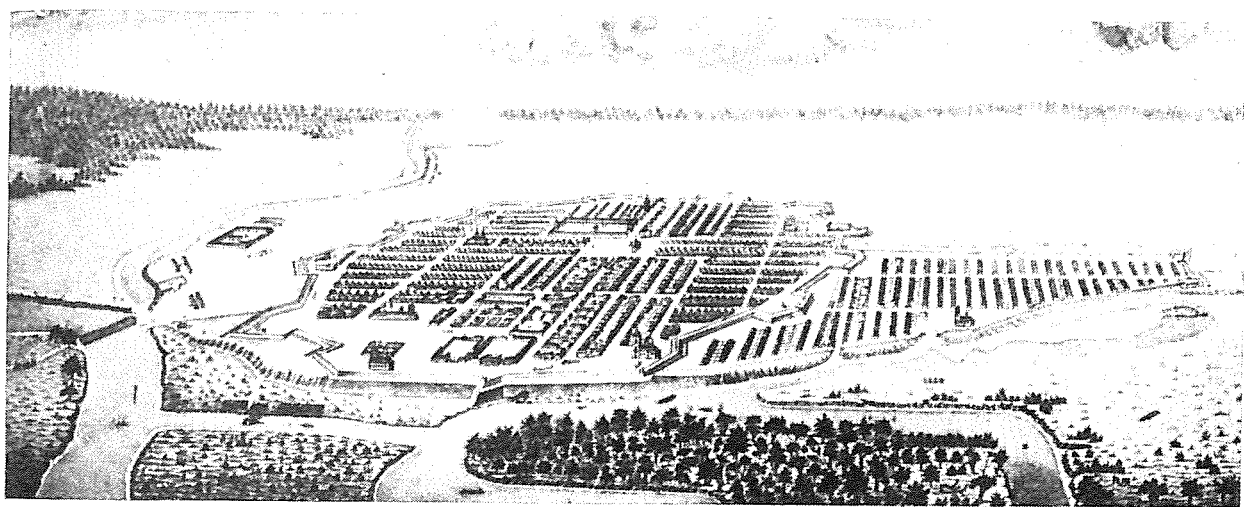
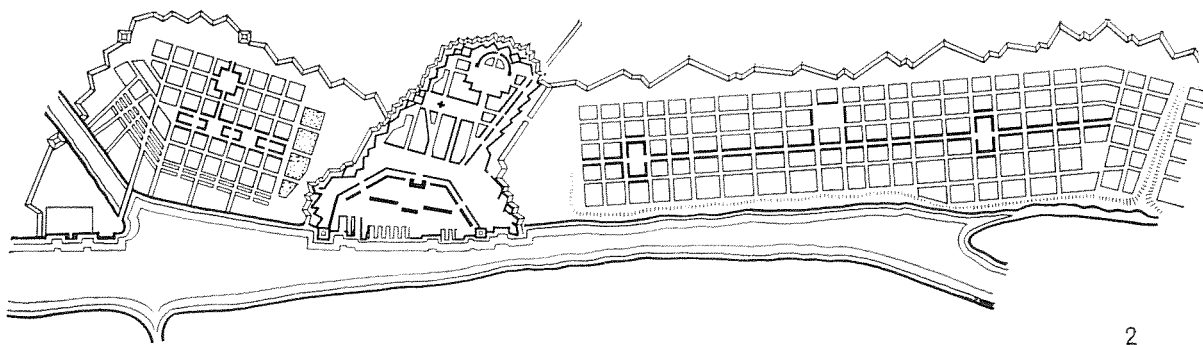
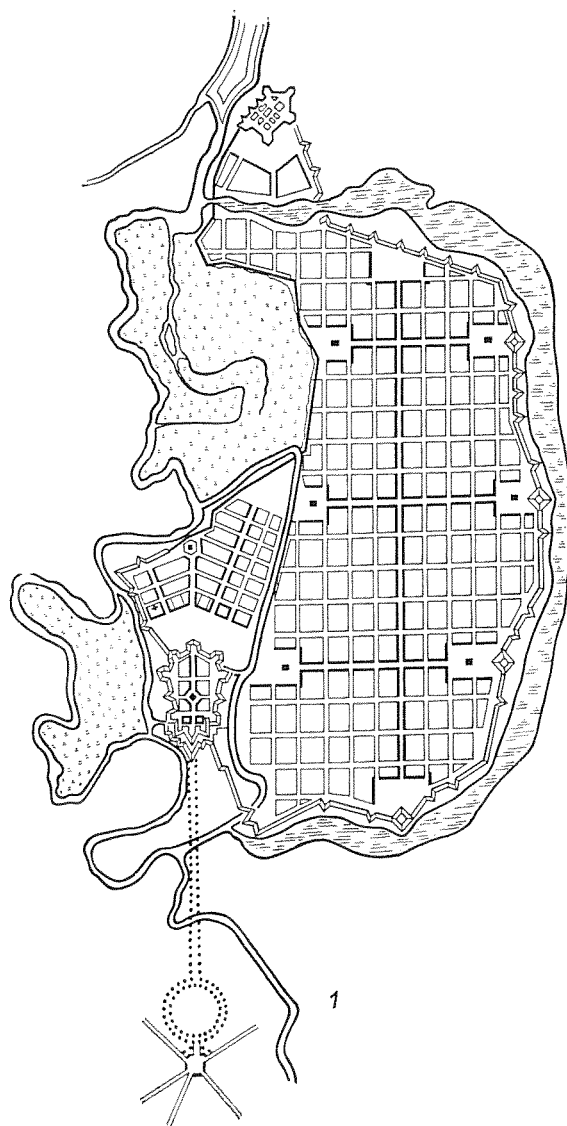

Рис. 40. План города-крепости Кронштадта

Рис. 41. Планы левобережного Екатеринослава (1) и Херсона (2) с предместьями, перерастающими в основную часть города

строительством новой столицы — Петербурга на острове Котлине, недалеко от устья р. Невы. Сначала, поскольку военное значение Кронштадта преобладало над торговым, был сооружен деревянный двухэтажный форт, весьма близко подходящий к старинным русским венчатым башням. Тогда же началось сооружение канала для ввода военных судов во время их ремонта. На оконечности острова был устроен Александр-шанец, составлявший передовой укрепленный пункт. Внутренняя территория города разбита на прямоугольные кварталы, разделенные каналами (рис. 40).

В середине XVIII в., когда южные границы России расширились, вновь возникает вопрос о наиболее эффективной их охране. Для этого решено было использовать уже существующие укрепления, образовав из них внутренние опорные пункты, куда окрестные жители могли бы заблаговременно укрываться в случае опасности. Так, например, на западном участке Украинской линии на правом берегу р. Днепра была образована группа поселений «Новая Сербия» с центральной крепостью Елисаветы (будущий Елисаветград), заселенная выходцами из Сербии. На восточном конце линии, на реках Лугани и Бахмуте была организована другая группа военных поселений — «Славяно-Сербия» с опорными пунктами Бахмут и Бельская крепость (Константиноград). Однако постоянные набеги крымских татар заставили вернуться

к устройству непрерывной укрепленной линии, замыкавшейся на востоке крепостью Дмитрия Ростовского (будущий Ростов), и на западе Александровской на Днестре (будущее Запорожье) и св. Петра на берегу Бердянской бухты (будущий Бердянск).

Победоносная война с Турцией, закончившаяся Кучук-Кайнарджийским миром в 1774 г., поставила на очередь задачу организации на берегу Черного моря крепости, включающей адмиралтейство и удобную гавань для вновь заводимого флота. Постройка задуманного города-крепости, получившего имя Херсон, была предложена в районе устья Днестра (рис. 41). Первоначальный проект имел геометрически правильное начертание границ с симметричной разбивкой кварталов. Адмиралтейство имело свою собственную линию укреплений, представляя как бы цитадель. За его пределами были расположены жилые дома начальствующего состава и казармы гарнизона. Вскоре выявилась необходимость в размещении гражданского населения вне крепостных валов. Появляются два предместья по одну и другую стороны крепости.

Одновременно с Херсоном, на левом берегу Днестра, закладывается Екатеринослав, который должен был стать главным административным центром южных земель, официально именовавшихся в то время Новороссией. Жилые пригороды, которыми обрастало основное крепостное ядро города, быстро разрастаются и превращаются в его главную часть. Центральная площадь с основными административными зданиями переместилась за крепостные валы, утрачивая связи с крепостью. Преобладание города над крепостью увеличилось еще больше после включения в его границы обширной территории, получившей наименование «форштадт для выведенных из Крыма христиан» (рис. 41, 2). Но левобережный Екатеринослав просуществовал недолго. Заболоченная местность затрудняла развитие города. В 1784 г., несмотря на то, что застройка значительно продвинулась вперед, город решено было перенести на правый, повышенный берег Днестра; оставшееся же поселение было превращено затем в уездный город Новомосковск.

Планировочные принципы города-крепости находят отражение в общем облике городов юга России того времени даже после упразднения крепостей и превращения их в гражданские административные центры, где сосредоточивались учреждения управления огромным, вновь осваиваемым и заселяемым краем.

ПЕРЕУСТРОЙСТВО ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ НА РЕГУЛЯРНОЙ ОСНОВЕ

Со второй половины XVIII в. в системе крепостнического хозяйства начинают постепенно развиваться товарно-капиталистические отношения. Происходит общественное разделение труда, укрепляются промышленные центры. Продукция, изготавливаемая в крепостных мануфактурах, городских промыслах и сельском хозяйстве, все более активно поступает на внешний и внутренний рынки, растет число оборотов торговли.

Наряду с изменениями в экономической жизни постепенно складываются новые общественно-бытовые отношения. Проявляют активность и выходят на историческую арену новые слои общества. Во второй половине XVIII в. в России начало формироваться «третье сословие», еще слабое и неорганизованное, но показывающее своим существованием, что значение человека определяется не родовитостью, а его личными качествами. Крупнейшие политические и культурные события, происходившие в это время в Европе, не могли не получить отражение и в России. Связь России с европейской культурой развивается и углубляется.

Новые экономические и бытовые отношения и общественные настроения требуют своего административного оформления. В связи с реформой, по которой Россия была разделена на 50 губерний по 10—15 уездов в каждой, необходимо было вновь предполагаемые административно-торговые центры привести в благоустроенный вид. С этой целью был издан указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо». В этих проектах необходимо было отобразить новое значение городов в политической и хозяйственной жизни страны, принять во внимание повышающиеся темпы деловой жизни, рост мануфактур, развитие ремесел, увеличение торговли. Изменяющиеся потребности порождают новые планировочные идеи. Утверждается принцип централизованного, правильно спланированного, регулярного города. Однако к середине XVIII в. большинство городов средней полосы России не соответствовало новым требованиям. Они выглядели запущенными и неблагоустроенными, несмотря на присущие многим из них положительные планировочные качества и отдельные примечательные здания и сооружения. Внешний вид городов отражал невысокий уровень их экономического благо-

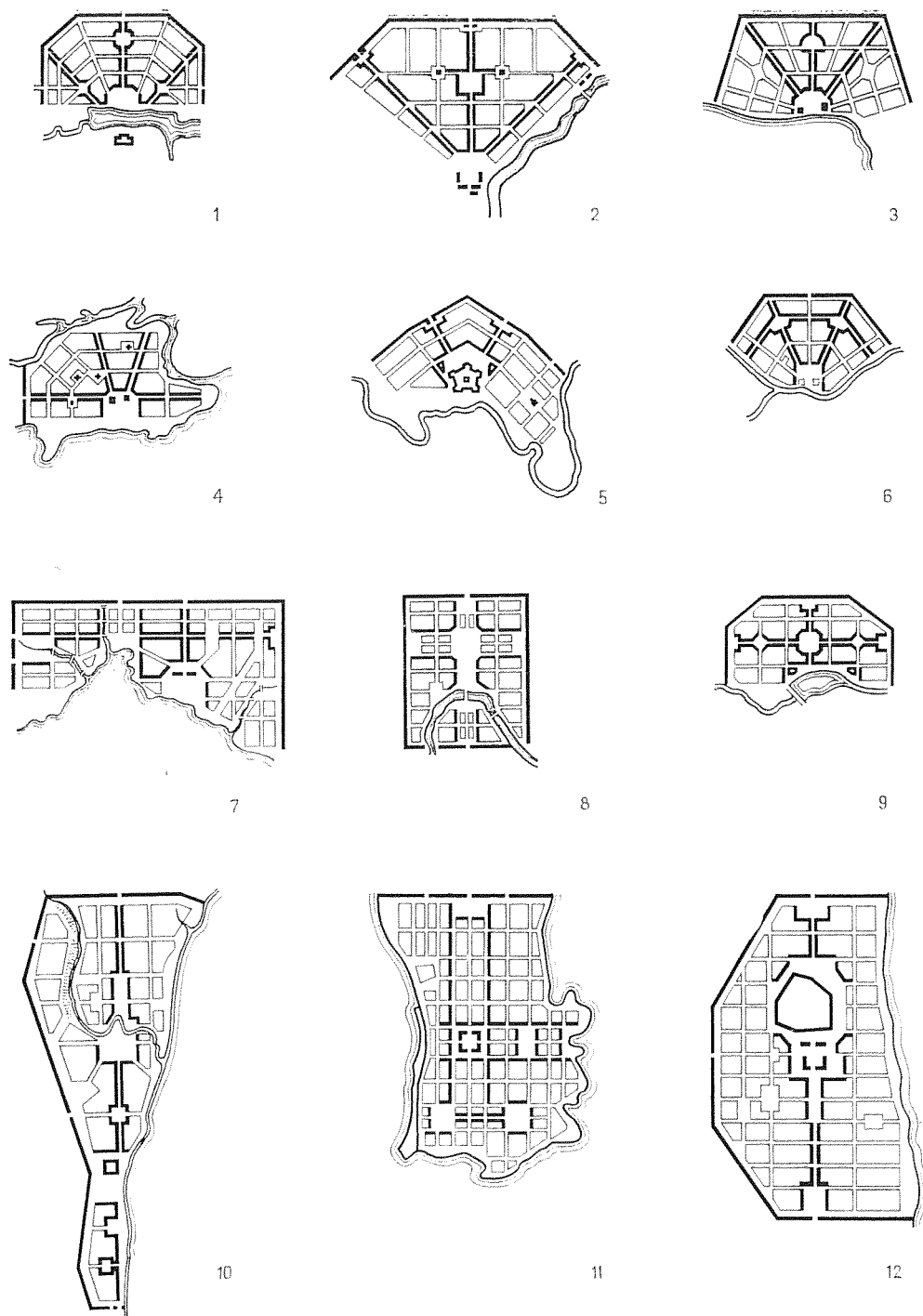

Рис. 42. Регулярные планы малых уездных городов с различной структурой (конец XVIII в.)

1 — Богородицк; 2 — Ефремов; 3 — Глазов; 4 — Суджа; 5 — Рязань; 6 — Царевосад-
чурск; 7 — Валдай; 8 — Подольск; 9 — Егорьевск; 10 — Галич; 11 — Осташков; 12 — Бело-
зерск

состояния и устарелое административное устройство.

Новые идеи по устройству городов были сформулированы в обширном программном документе, опубликованном в 1767 г. «Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения», а затем без малого 20 лет спустя в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи». Наказ был написан в пору увлечения идеями просветительной философии второй половины века. Это — своеобразный философско-политический трактат, так и не получивший силы официальной инструкции или действующего закона. Однако в нем освещается ряд практических задач урегулирования строительства и целый раздел посвящен городам. Градостроительная деятельность высоко оценивается также и Грамотой. В ней определялось городское положение, устанавливались права и обязанности городского населения, уточнялась деятельность городского управления. Основное внимание было уделено вопросам административно-организационным. С этой точки зрения городам, как средоточию административно-политической деятельности, придавалось большое значение, что отразилось в основных планировочных требованиях. В центре города на обширной площади группировались административные здания — присутственные места, магистрат, суд. Неподалеку помещались гостиные дворы и торговые помещения. Лучшие каменные дома размещались на главных улицах близ центра. Кроме основной площади, намечалась обычно группа периферийных торговых площадей, специализированных по видам торговли и рассчитанных на сбыт сельскохозяйственной продукции.

Практическое осуществление всех этих предначертаний по переустройству городов, выработке их нового «регулярного» плана, регламентации застройки, благоустройству, замощению улиц и т. д. выпало на долю специально организованной или, вернее, реорганизованной после опубликования Наказа «Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы», просуществовавшей с 1763 по 1796 г., которую последовательно возглавляли А. Квасов, И. Старов, И. Лемм. К работе в комиссии привлекались видные архитекторы своего времени. В этой комиссии была сильная творческая группа, которая отставала градостроительные идеи своего времени и широко применяла их как в оригинальных работах, так и при исправлении присылаемых на утверждение проектов. Вместе с тем на местах появлялось немало достаточно опытных архитекторов различного творческого

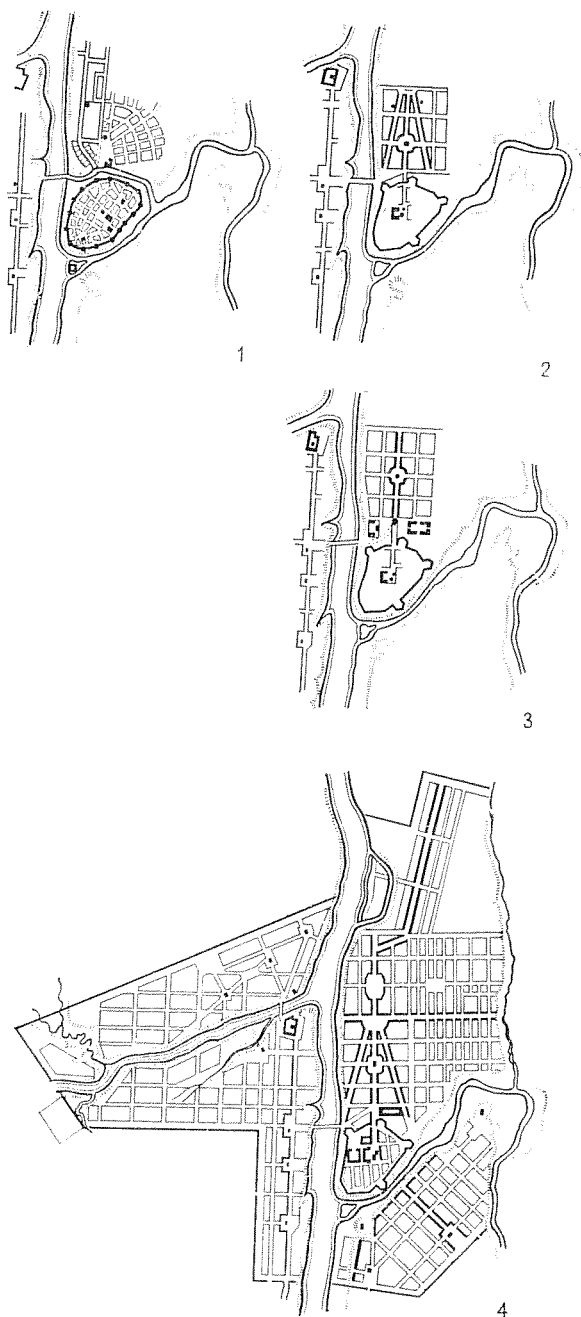

Рис. 43. Развитие регулярного плана Твери

1 — план XVIII в.; 2, 3 — варианты планов 1763 г.; 4 — план 1768 г.

темперамента, уровня знаний и способностей. С ликвидацией Комиссии о каменном строении дело регулирования планов городов не приостановилось. В 1806 г. оно перешло в руки Строительного комитета.

Переустройство городов составляло одну из важнейших сторон архитектурной дея-

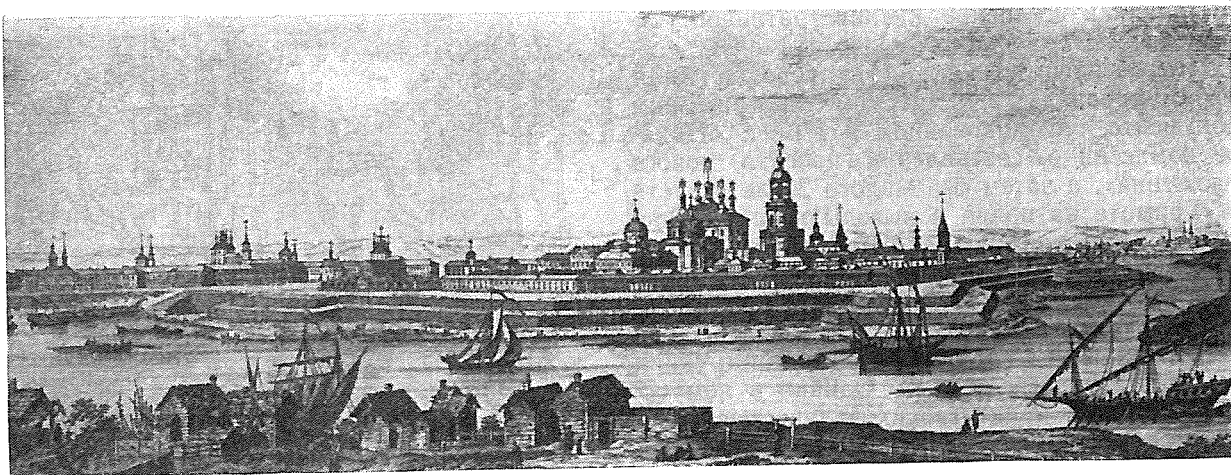

Рис. 44. Застройка Твери в конце XVIII в. Общий вид

тельности конца XVIII в. Большое число архитекторов и строителей решало многообразные организационные, технические и художественные вопросы, связанные с массовым переустройством городов.

Упорядочение сложившейся планировочной структуры городов средней полосы России. Принципу регулярности в разных исторических условиях придавалось различное значение и истолкование. Оно не всегда связывалось с геометрической правильностью. Так, например, в древнерусском градостроительстве регулярность ассоциировалась со «стройностью», соразмерностью отдельных сооружений по отношению друг к другу и соответствием планировочной структуры природным условиям. В дальнейшем идея регулярности, распространяемая на весь город, понималась как средство упрощения ориентации, упорядочения планировочной структуры, приведения ее к единому замыслу, ясно читаемому как средство выделения общегородского центра. Вместе с тем делались постоянные попытки выявить эстетические возможности геометрически правильной планировки, выработать композиционные приемы, используя которые можно было бы добиться впечатления целостности и единства городов. Размеры территории города и число населения определяли степень сложности его плана.

Малые уездные города площадью 10—20 га решались единым планировочным приемом с главным центром — площадью, на которой размещались административно-торговые здания. Небольшие размеры территории города позволяли сравнительно легко

вписать его план даже в пересеченный рельеф местности без значительного нарушения геометрической правильности планировочного начертания. Обычно это была прямоугольная сетка с равномерно расчлененными кварталами, с диагонально направленными или с радиально-лучевыми улицами, сходящимися к главной площади. Река имела большое значение в пейзаже городов средней России. Все старые города-крепости ставились на мысе при слиянии двух рек. В большинстве случаев эта речная развилка влияла на конфигурацию плана города XVIII в. Например, центральная площадь городов с присутственными местами и торговыми сооружениями сдвигалась обычно к берегу реки. От нее радиусами различного направления расходятся улицы, застройка которых образует самые разнообразные пространственные комбинации. Не менее многочисленные прямоугольные планировочные структуры с въездными и центральными площадями или группами площадей на осях главных улиц (рис. 42).

Для малых городов представлялась возможность заранее выбирать излюбленный планировочный прием. Иное дело крупные города — губернские центры, резиденции наместников. Обычно это были города с большим историческим прошлым, сросшиеся с ландшафтом, широко раскинувшиеся, нередко украшенные монументальными сооружениями. Поэтому в них редко можно было обойтись применением одного планировочного приема, который распространялся лишь на центральную часть города. Окраинные же территории требовали своих подсобных центров, а иногда и своей разбивки улиц, отличаю-

щейся от применяемой в центральной части города.

Общие композиционные приемы были различны, как различны были исторические и природные условия, в которых города развивались. Но все же в пределах этого разнообразия можно установить ряд типических, излюбленных планировочных приемов. Так, например, первоначально регулирование плана города заключалось в выпрямлении улиц, образовании прямоугольной структуры плана с выделением на пересечении основных улиц площадей различной конфигурации, а также в расчистке площади с гостиним двором вблизи от кремля, где обосновывался административный аппарат. Такова схема плана Архангельска, Астрахани и Казани, первоначальных регулярных планов Ярославля и Костромы, уездного города Белгорода. Небольшие площади намечались также вокруг старых, преимущественно культовых зданий, представляющих общественную или художественно-культурную ценность. Тем самым устанавливается преемственная связь между планировочными достижениями данного времени и наследием прошлого. Равномерная разбивка улиц и расчленение кварталов на одинаковые участки позволили объединить всю территорию города, до сих пор делившуюся на основную часть и предместья. С этой целью в ряде случаев использовались лучевые построения улиц. Так, например, в начале 60-х гг. при составлении плана Твери первоначальному прямоугольному начертанию улиц было противопоставлено трехлучевое построение, которое и было осуществлено в натуре (рис. 43, 44).

Раднальный план получил Нижний Новгород. Перед его кремлем была расчищена большая трапециевидная площадь, от которой расходились лучами главные улицы города, но по характеру местности значительное развитие получили лишь боковые лучи, кольцевые же направления прерывались низинами и оврагами. Поэтому город, выигрывая из-за рельефа местности в живописности застройки, потерял в стройности прорисовки плана (рис. 45, 46).

Раднально-кольцевая структура плана получила наиболее последовательное воплощение в Костроме. Основная застройка города обращена к реке. На Волжской набережной у бывшего кремля была намечена центральная площадь города, полукруглая в плане, обстроенная административными зданиями. Обширная торговая сенная площадь вместе с центральной выделяли из всей группы лучевых улиц главную, идущую к Волге. Протяженные фасады гостинного двора и админист-

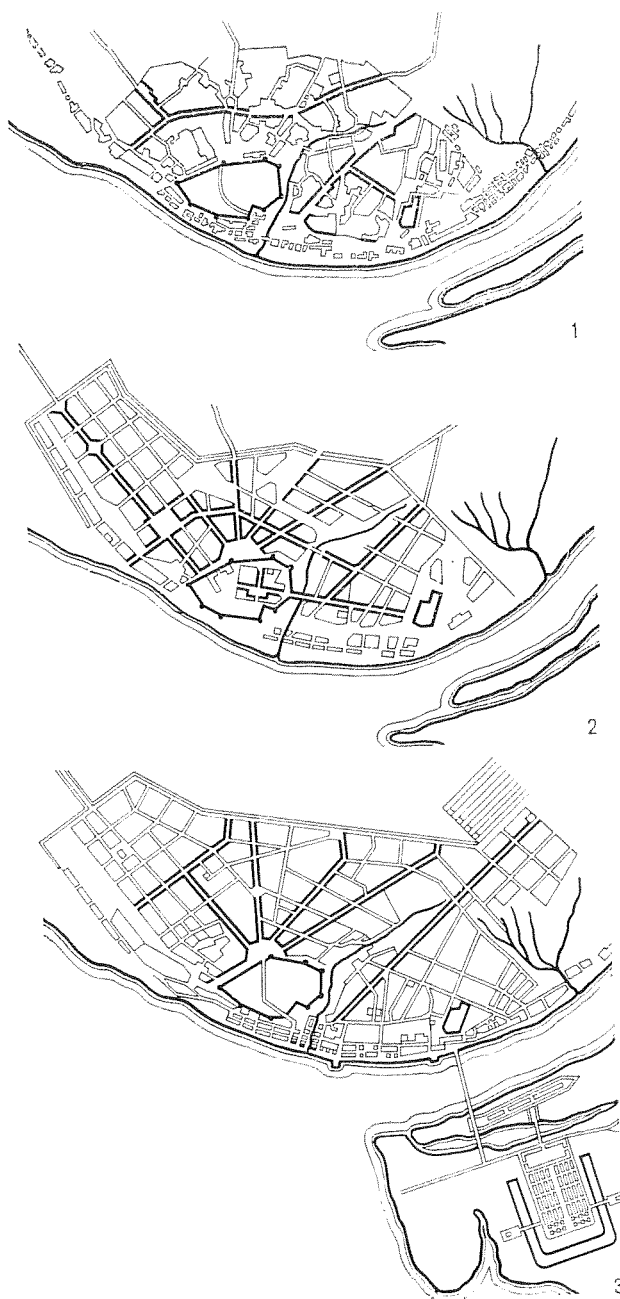

Рис. 45. Развитие регулярного плана Нижнего Новгорода

1 — план XVII в.; 2 — план 1772 г.; 3 — план начала XIX в.

ративных зданий, сочетающиеся с вертикалями колоколен и сложным силуэтом многоглавных соборов, сформировали новый облик города, сохранив его ярко выраженное самобытное лицо (рис. 47, 48).

Лучевое построение улиц принимает в Ярославле резко асимметричный характер.

Исторический центр города, расположенный у слияния р. Которосли и Волги, в «регулярном» плане остается в стороне. Центр города составляет группа трех переходящих одна в другую площадей (Ильинская, Пляц-парадная, Соборная), поддерживаемых периферийными площадями. От Ильинской площади начинаются два луча улиц, продолжающиеся дальше вдоль широкой поймы р. Которосли. Вся эта сложная планировочная группа взаимно связанных площадей и улиц составляет композиционное ядро города. Для Ярославля, может быть, больше, чем для какого-либо другого города, характерно соединение различных по времени зданий. Сооружения XVI в., а особенно XVII в., которыми был богат Ярославль, чередуются со зданиями эпохи классицизма. Все это стилистическое разнообразие прекрасно уживается вместе, дополняя друг друга, создавая своеобразный облик большого приволжского города (рис. 49, 50).

Система лучей, подсказанная отчасти направлениями старых улиц города, лежит в основе плана Воронежа. Центром композиции принят Митрофаньевский монастырь с его пятиглавым собором (XVII в.), соединенный средним главным лучом с обширной торговой площадью и зданиями гостиного двора. Правый луч, дойдя до границ старого крепостного вала, резко менял направление, продолжаясь параллельно бровке берегового обрыва. В перспективе этого луча разместилась площадь с присутственными местами — случай, выпадающий из общепринятого планировочного правила, но оправданный рельефом местности (рис. 51).

В сравнительно небольшом городе Нижегородского наместничества — Арзамасе — интересна двойная система трех лучей, также подсказанная старым планом. Основное значение в композиционно-планировочном построении города имела трехлучевая система улиц нагорной части, направленных на большую прямоугольную площадь. Три лучевых улицы в равнинной части города сходились на малой прямоугольной площади. Два монастыря и большая и малая прямоугольные площади составили центральный композиционный узел города. Лучевая система в сочетании с прямоугольной продолжала использоваться в самых различных интерпретациях во многих регулярных планах городов, таких, как Рязань, Торопец и др. Основу плана Рязани составило старое направление дороги на Москву и Астрахань. Дорога из Москвы подводит к центральной распределительной площади, откуда расходятся традиционные три луча, не получившие большого развития.

Композиционной основой города является обходная магистраль, отдельные отрезки которой направлены под прямым углом друг к другу, а места перелома отмечены ромбовидными площадями с храмами на них. Если в Рязани, а особенно в Арзамасе, лучевая структура улиц выявлена достаточно ясно, то в Торопце, а особенно в Кириллове, Переславле-Залесском и Юрьеве-Польском преобладает прямоугольное начертание улиц, главные из которых ориентированы на кремлевские сооружения (рис. 52).

Встречаются примеры, когда исторически сложившийся город имел лишь одно-два главных направления, которому подчинялась вся его структура. Например, план старой Калуги сформировался двумя пересекающимися направлениями, что не могло не отразиться на прорисовке его «регулярного» плана. Место пересечения было отдано торговым строениям, которые заняли центр города, кремль же оставался несколько в стороне. В регулярном плане подчеркивается значение широкой обходной магистрали с двумя круглыми площадями в местах ее перегибов. Она как бы оконтуривает основную территорию города, определяя конфигурацию его границ. Эта магистраль вносит упорядочивающее начало в слабо прорисованный план города (рис. 53).

На примере Калуги и Рязани мы видим один из приемов регулирования плана города, где лучевая сеть улиц дополняется обходной транзитной магистралью. Но существовали города, где основная транзитная дорога, истарин проходившая через город, остается его главной, основной осью. Так дело обстояло во Владимире, расположенном на высоком удлиненном плато при впадении р. Лыбеди в р. Клязьму. Въезд в город с противоположных сторон был издавна отмечен воротами — Золотыми и Серебряными. Главная дорога, прорезавшая все плато, оставалась основной композиционной осью города, сохранившей свое значение и при составлении регулярного плана Владимира. Средняя повышенная часть города была предназначена для главных административных зданий, которые в сочетании с древними соборами сформировали лицо Владимира. Далее вдоль главной улицы в направлении к Золотым воротам расположился гостиный двор с Успенским и Спаским монастырями по сторонам. Золотые ворота завершали цепь наиболее крупных сооружений города (рис. 54).

Среди городов — административных центров — можно выделить такие крупные города, как Тула или Петрозаводск, облик ко-

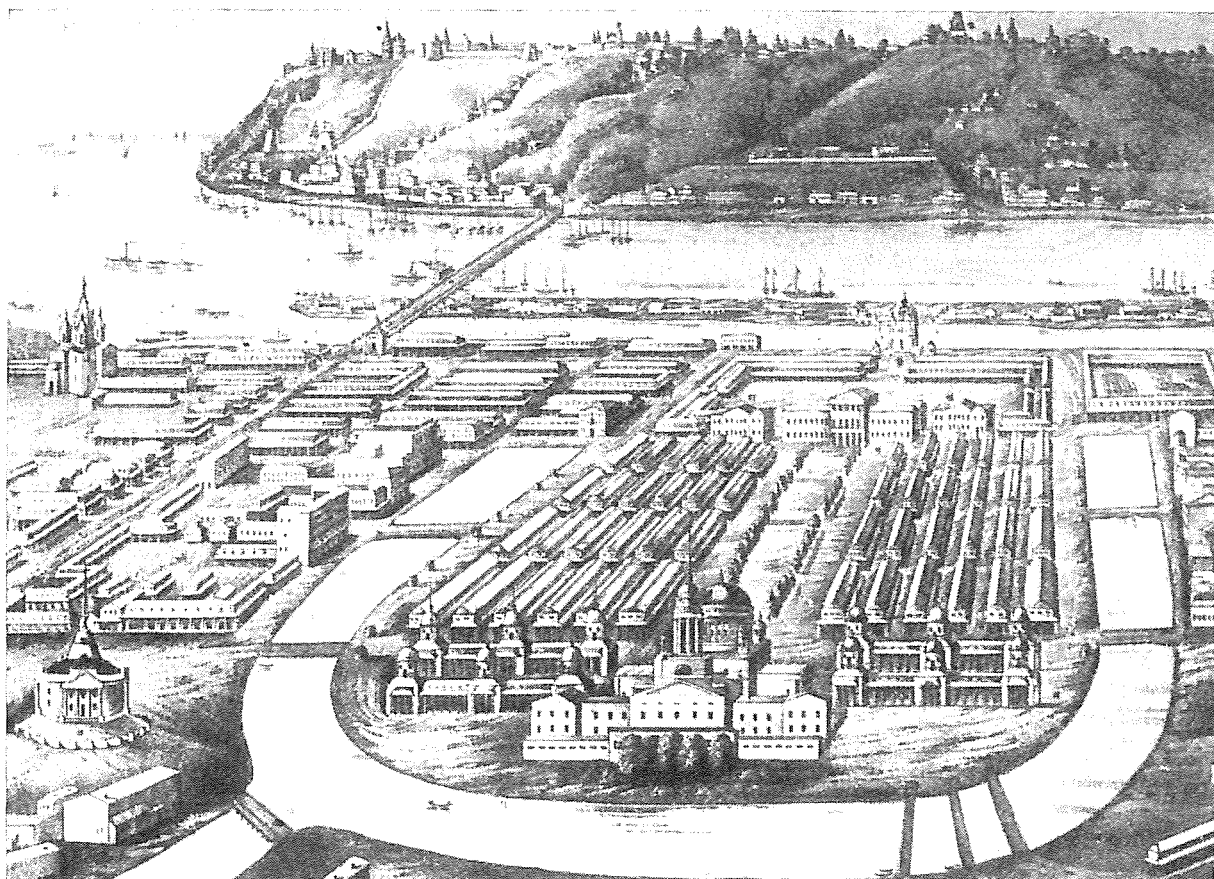

Рис. 46. Застройка Нижнего Новгорода со стороны ярмарки. Общий вид

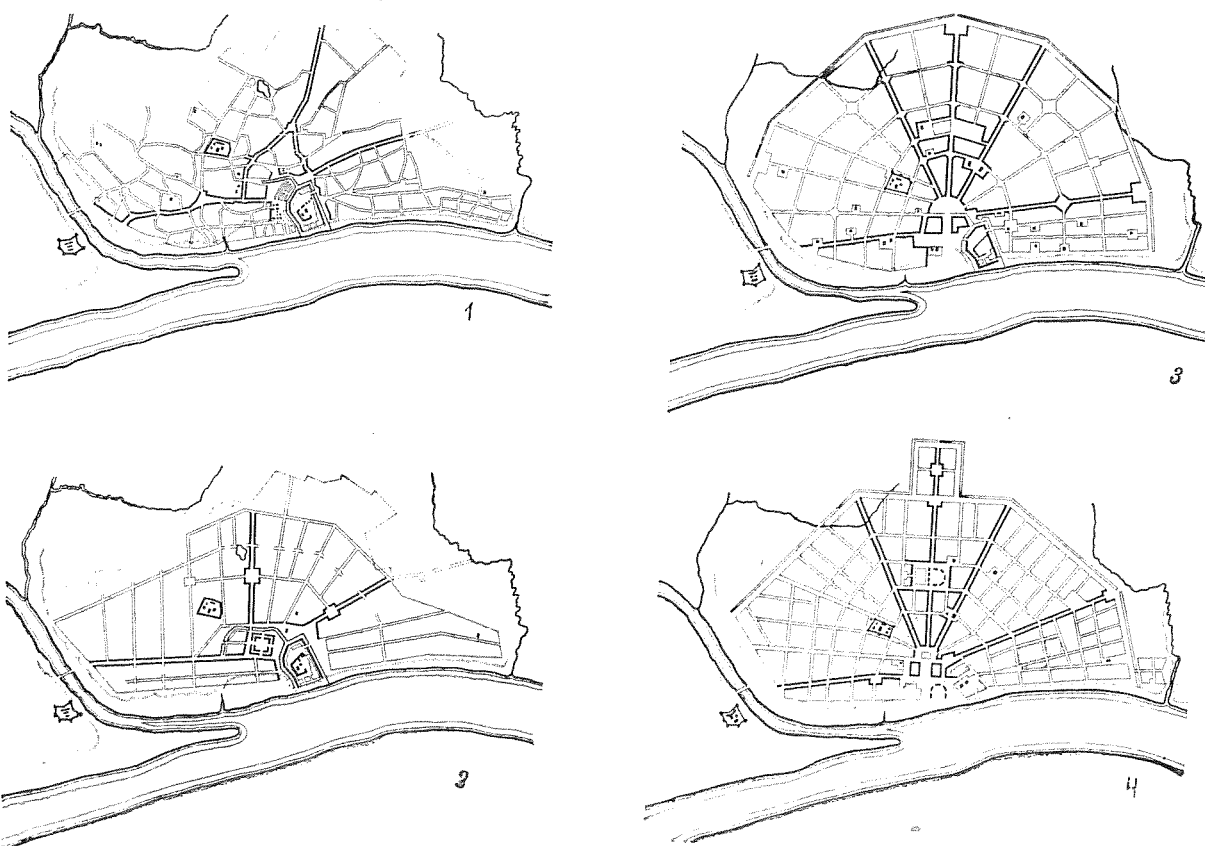

Рис. 47. Развитие регулярного плана Костромы

1 — план XVII в.; 2 — план 1773 г.; 3 — план 1778 г.; 4 — план 1798 г.

торых определяли в значительной мере промышленные сооружения, сосредоточенные в их центре.

Петрозаводск возник в начале XVIII в. как укрепленный пункт. Во второй половине века город получает промышленное значение и распространяется на новые территории. Его новая планировка основана на расходящихся

от въездной площади трех лучевых улиц, сочетающихся с приозерной частью города, имеющей прямоугольную разбивку улиц (рис. 55). Тула также имеет в основном лучевую схему плана. Средний луч, начинающийся от кремля, выделен расположением на нем центральной торговой площади с обширными корпусами гостинного двора. Второстепенные

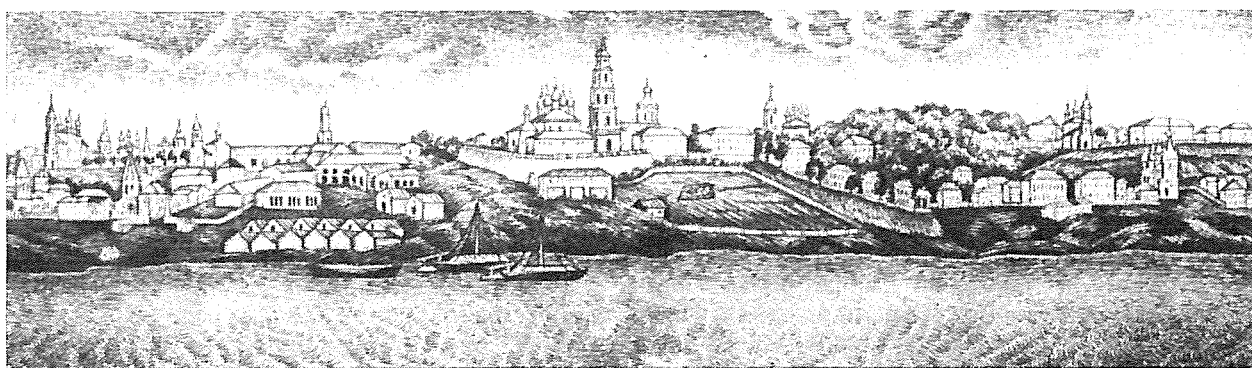

Рис. 48. Застройка Костромы в середине XIX в. Общий вид

улицы города образуют вокруг каждого луча свою самостоятельную прямоугольную сеть улиц, что в какой-то степени лишает план Тулы цельности и органичности. Промышленная территория города расположена на противоположном берегу р. Упы. Это — разросшаяся заводская слобода с прямоугольной сеткой улиц, мало связанной с основным массивом города. Здесь — свой композиционный центр в виде обширной площади с оружейным двором посередине, свои главные улицы, направленные перпендикулярно друг к другу, и лишь значительное водное зеркало фабричного пруда может служить объединяющим началом для отдельных частей города (рис. 56, 57).

Особой немногочисленной, но характерной разновидностью населенных мест, сформировавшихся в середине XVIII в., были города, возникшие при крупных парках-резиденциях вблизи столичного Петербурга — София при Царском селе, Петергоф, Павловск, Гатчина и Ораниенбаум. Планировочная схема этих городов была подчинена композиции парка-усады. Эта связь особенно ярко выражена в планировке Софии, главная площадь которой ориентирована на регулярный пруд, являющийся существенной частью царскосельского парка. Непосредственные связи дворцового комплекса с такими городскими группами зданий, как «Воспитательное селение», имеются в Гатчине. В отличие от них строго регулярная планировка Петергофского парка и живописный Павловский парк составляют каждый замкнутое, завершенное построение, и населенные места обслуживающего персонала не включены в парковые композиции (рис. 58). Особый случай — это планировка небольшого города Богородицка (Тульской губернии), где пять городских лучевых улиц уподоблены парковым аллеям, направленным на усадебный дом, расположенный на противоположном берегу пруда, отделяющего город от усадебного комплекса.

Таким образом, уже на первых ступенях работы по составлению регулярных планов городов в XVIII в. определились основные планировочные принципы, которые в равной степени проявлялись и в рядовых малых городах и в крупных губернских центрах. Эти принципы заключались в геометрически четкой прорисовке границ города, правильной сети улиц; в объединении центральной части с каменными домами, составлявшей собственно город, с окраинными пригородами-слободами; в строгой регламентации застройки.

Большинство «проектированных», регулярных планов выдержало проверку жизнью,

хотя в ряде случаев требовалась их переделка при разбивке на местности. Те сложившиеся основные направления, которые образовали костяк города и связывали его центр с окружающими селениями, в основном сохранились, лишь выпрямляясь и упорядочиваясь. Со временем проектный материал приобрел унифицированный вид, вырабатываются масштабы чертежей, способы изображения, состав проектных материалов, объем сведений и указаний.

Регулярные планы новых городов на юге России (Новороссии) составляются и внедряются начиная с 80-х гг. XVIII в., когда было образовано Екатеринославское наместничество в составе 15 уездов. Крепости прежних Украинской и Днепровской оборонительных линий за ненадобностью упраздняются и заменяются административными гражданскими центрами, для чего частично были использованы населенные места, сложившиеся вокруг укрепленных пунктов. Меры, проводившиеся под руководством «Комиссии о строении С. Петербурга и Москвы», занявшейся составлением «регулярных» планов городов на территории всего государства, были распространены и на города юга России (Новороссии). Казалось бы, что в этих условиях возможен и должен был произойти резкий разрыв с планировочными приемами старого крепостного градостроительства. Однако на первых порах мы являемся свидетелями применения в новых проектах для городов невоенного значения старых планировочных приемов, которые сложились в специфических условиях города-крепости. Так, например, для большинства планов вновь образуемых уездных городов Екатеринославского наместничества характерна сложная конфигурация границ города, подражающая земляным фортификационным устройствам (Славянск, Донецк, Александрия). Это объясняется тем, что новые «цивильные» города планировались обычно теми же военными инженерами, которые строили города-крепости (рис. 59).

Выработанные крепостным строительством планировочные навыки и приемы, перенесенные в новые условия гражданского градостроительства, теряли свой практический смысл. Это целиком относится к первому плану Екатеринослава на правом берегу Днепра, составленному в 1784 г. Он был явно непригоден к практическому применению. Поэтому два года спустя было приступлено к разработке нового плана, в основу которого положено составленное Потемкиным «Начертание г. Екатеринослава», где определялось назначение города как столицы обширной южной

Рис. 49. Застройка Ярославля в середине XIX в. Общий вид

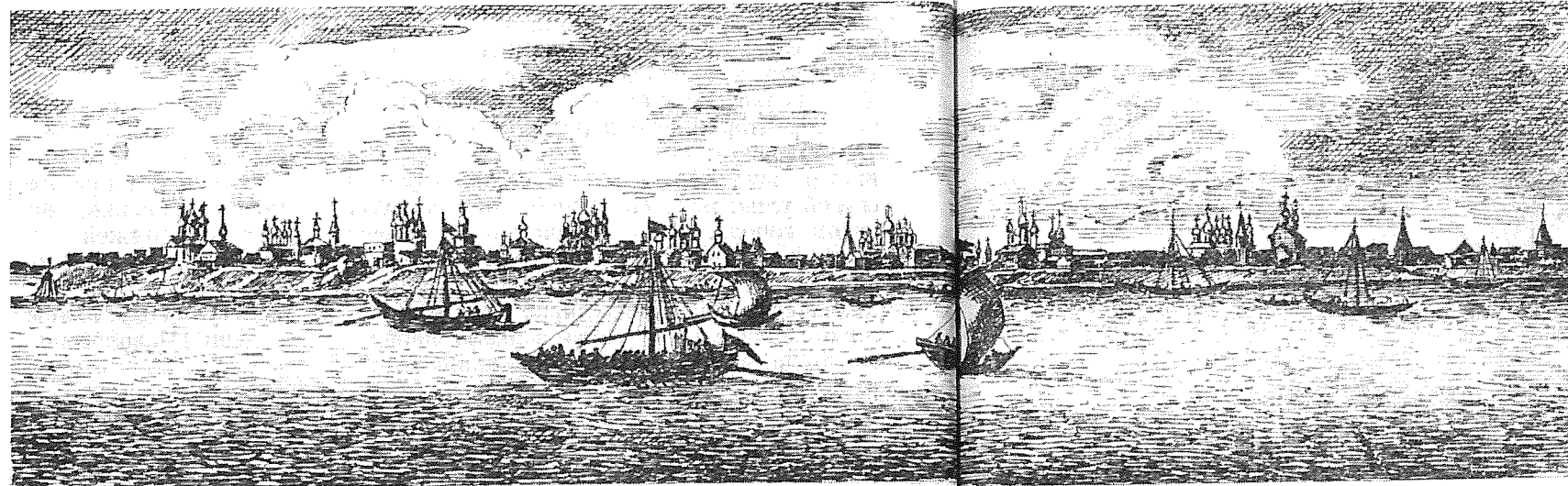

Рис. 50. Развитие регулярного плана Ярославля

1 — план XVII в.; 2 — план 1763 г.; 3 — план 1778 г.

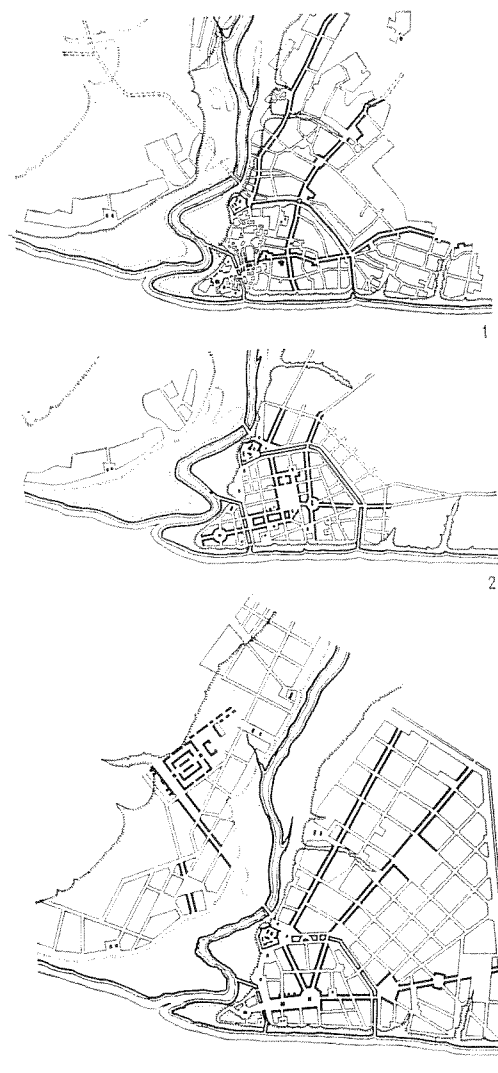
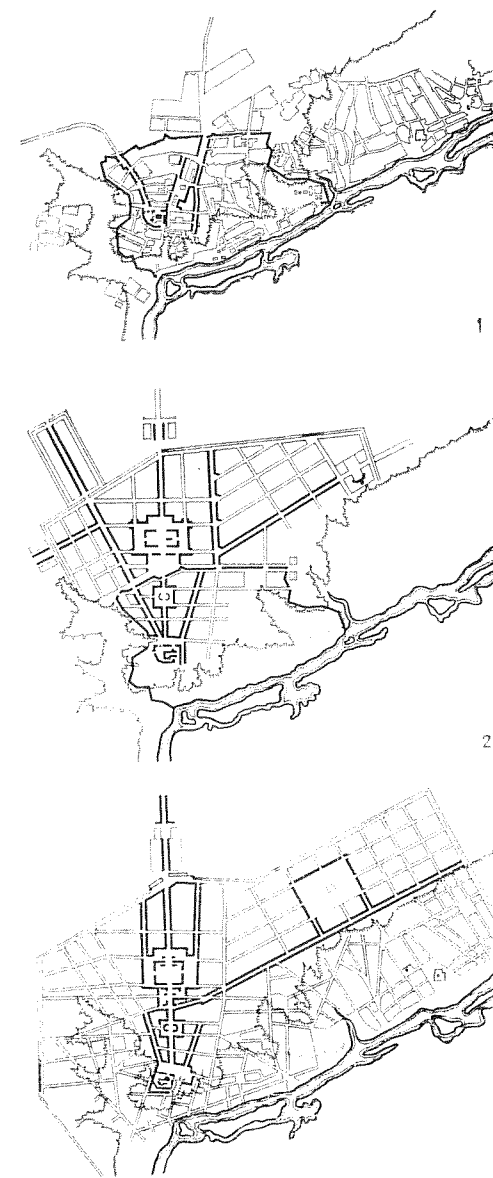

Рис. 51. Развитие регулярного плана Воронежа
1 — план XVII в.; 2 — план 1775 г.; 3 — план 1798 г.

части Российского государства. К выполнению Начертания был привлечен французский архитектор Клодт Геруа, но предложенный им проект грандиозного представительного центра города не имел успеха, так как в нем не было заложено жизненной основы. Проект города и программа работ по его осуществлению были пересмотрены крупнейшим зодчим того времени И. Старовым, который коренным образом переделал проект Екатеринослава. План города становится четким и выразительным. Наиболее выигрышное место занимала главная площадь, подводящая к ней широкая магистраль замыкалась величественным зданием собора. Основное ядро города, огражденное обрывистым берегом Днепра и глубоким оврагом, очерчено широким кольцевым бульваром. Берег мыса был занят парком дворца наместника. От главной площади начинается вторая магистраль вдоль берега Днепра, где расположились текстильные предприятия.

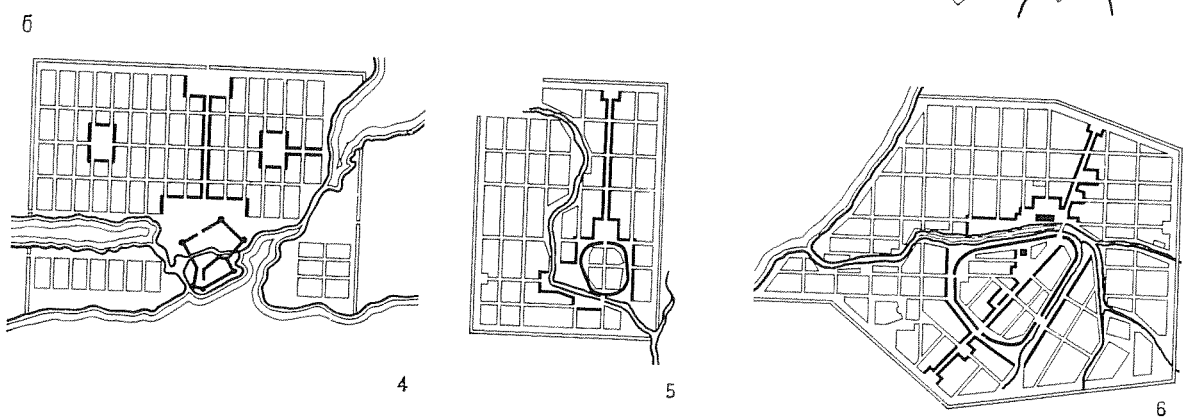
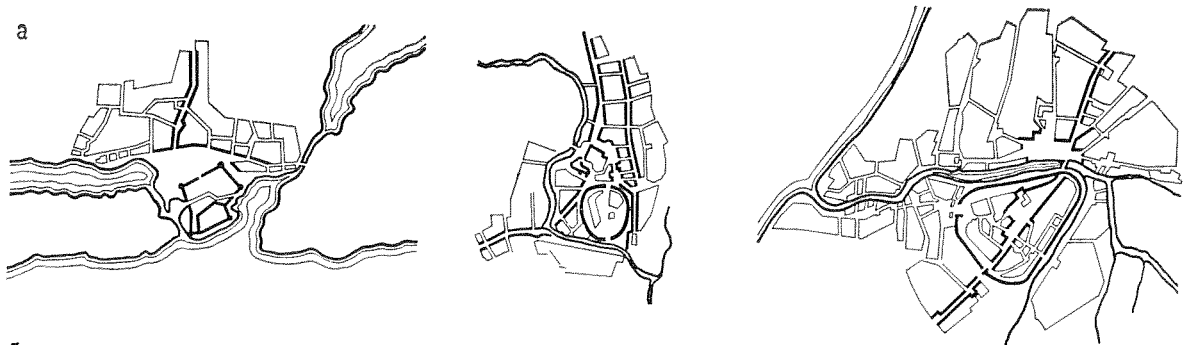
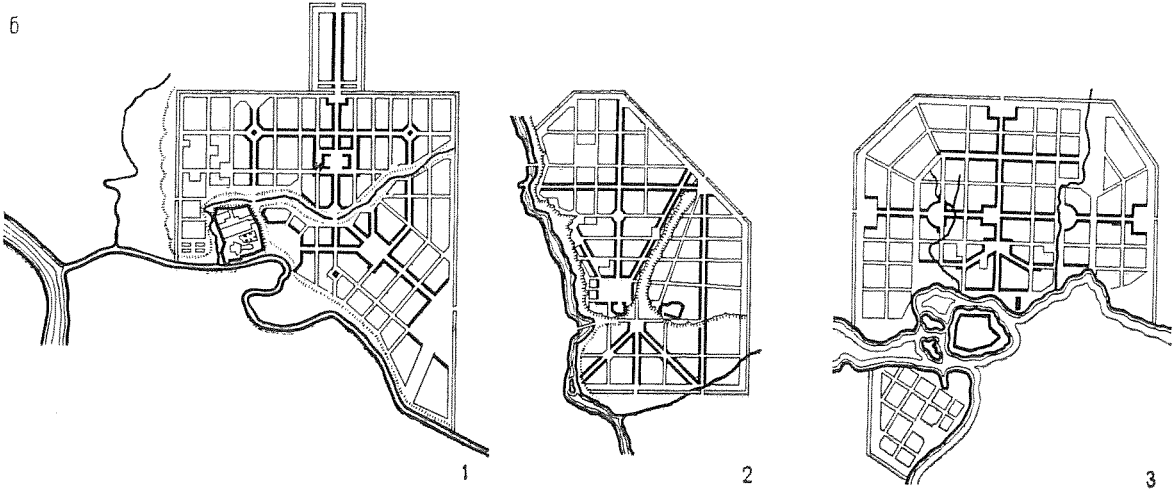
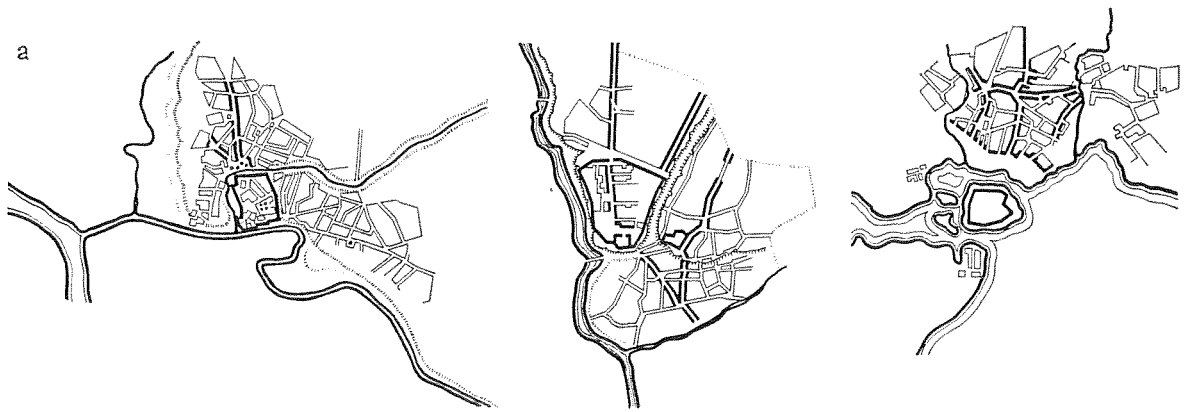
Сличение вариантов проектов Екатеринослава, составленных за период 1786—1790 гг., показывает ту принципиальную борьбу, которая происходила между прогрессивными ведущими деятелями градостроительства, такими, как И. Старов, и случайными людьми, стремившимися перенести бытующие в Западной Европе приемы планировки в строительство городов России и Украины, не считаясь в достаточной степени ни с практическими нуждами, ни с реальными требованиями, выдвигаемыми всем ходом их исторического развития (рис. 60, 61).

В самом конце XVIII в. Херсон и Екатеринослав временно уступили свое место двум

другим городам — Николаеву и Вознесенску. В Николаеве можно было образовать порт, адмиралтейство и верфи для строительства морских судов в более удобных условиях, чем в Херсоне. Вознесенск намечался как новый главный административный центр юга России взамен Екатеринослава.

Место для Вознесенска было намечено на берегу Буга. Составлением же проекта планировки руководил французский военный инженер Франц де-Волан. Им было разработано подробное «Расписание зданий в новоустроенном городе Вознесенске». Оно отличалось от «Начертания Екатеринослава» деловитостью и обстоятельностью. Однако постоянно повторяющиеся в проекте планировки оси симметрии создают впечатление однообразия условной, застывшей схемы (рис. 62).

Строительство Вознесенска прекратилось, не успев начаться. Николаев, наоборот, быстро развивался. В планировке Николаева принимали участие И. Старов и военный инженер И. Князев. План Николаева, на первый взгляд, быть может, и не отличающийся ярко выраженными своеобразными чертами, при ближайшем рассмотрении обнаруживает живую мысль, стремление связать систему плана города с характерными условиями его местоположения. Основные кварталы города были разбиты на мысу, образуемом излучиной Буга. Здесь расположилось адмиралтейство, выбрано место для главной площади с собором, присутственными местами и биржей. При дальнейшем расширении города главной структурной осью его плана предполагалось сделать широкую дорогу в Херсон, разделяющую мыс на две равные части. Этот прием

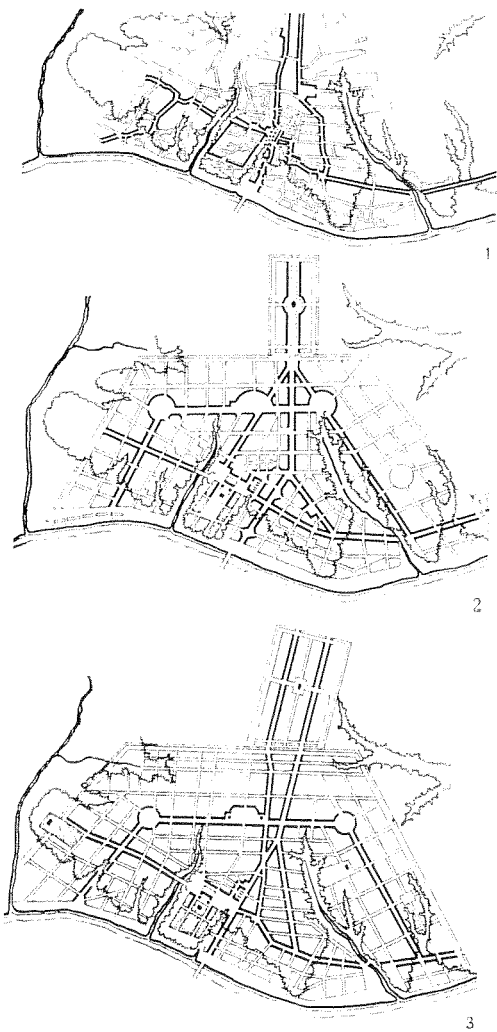

Рис. 53. Развитие регулярного плана Калуги
1 — план XVII в.; 2 — план 1775 г.; 3 — план 1798 г.

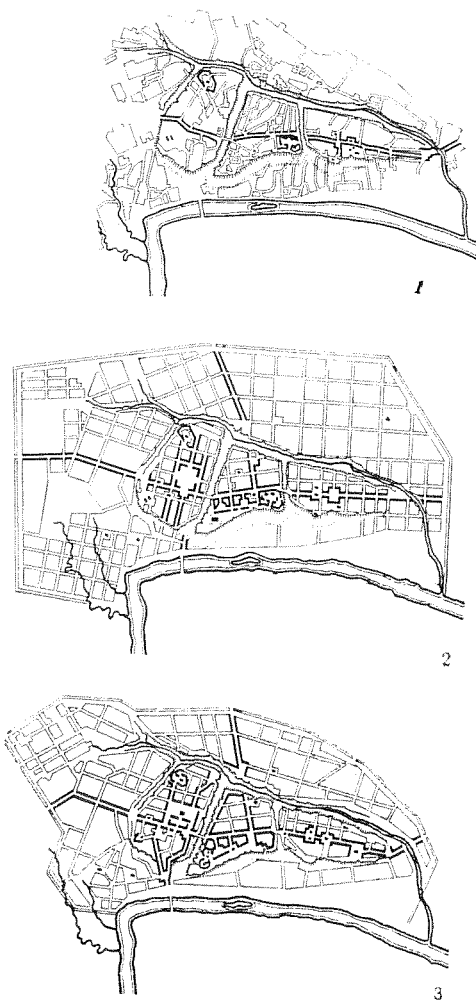

Рис. 54. Развитие регулярного плана Владимира
1 — план XVII в.; 2 — план 1778 г.; 3 — план 1798 г.

свободного роста города вместо замкнутости плана, столь характерной для проекта планировки Вознесенска, являлся новым для своего времени и предоставлял широкие возможности естественного развития города, не скованного условностями предвзятой геометрической схемы (рис. 63). Этот же прием свободного развития города применен в варианте плана Одессы того же времени.

Одесса была основана на месте небольшо-

го турецкого селения Хаджибей. Центром будущего города оказался крепостной форт. Город быстро рос, и уже в первых годах XIX в. стал разрабатываться новый план в виде двух распланированных в шахматном порядке районов, повернутых один к другому под углом. Прибрежный участок выключается из общей композиции города и приобретает самостоятельность, являясь как бы фасадом города со стороны моря. Здесь несколько поз-

Рис. 52. Развитие регулярных планов Рязани (1), Арзамаса (2), Торонца (3), Кириллова (4), Юрьева-Польского (5), Переславля-Залесского (6); а — планы XVII в.; б — планы последней четверти XVIII в.

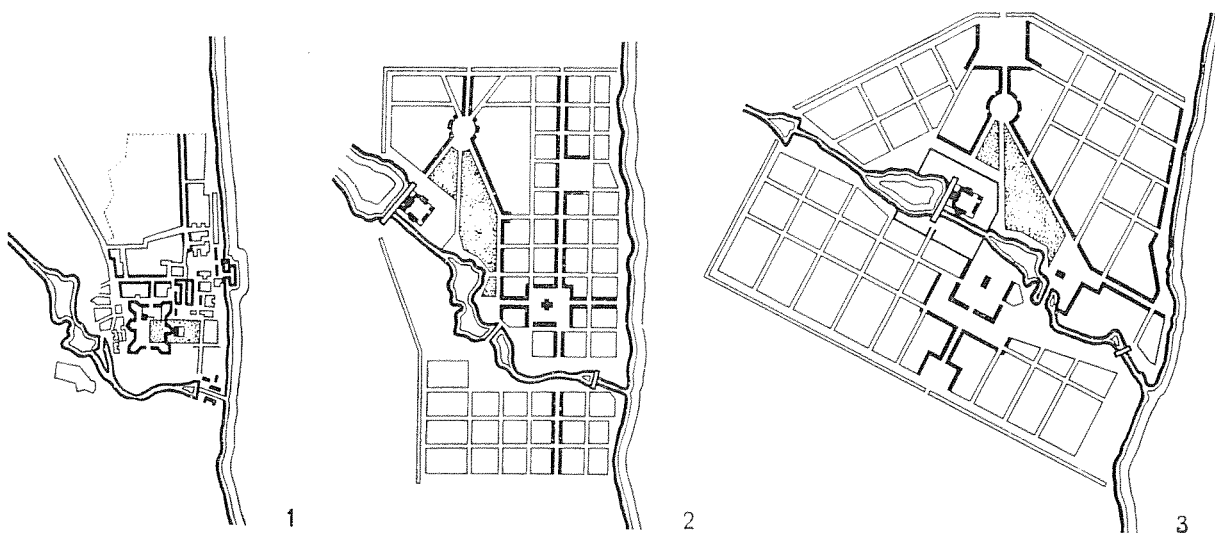

Рис. 55. Развитие регулярного плана Петрозаводска
1 — план начала XVIII в.; 2 — план 1778 г.; 3 — план 1785 г.

Рис. 56. Застройки Тулы в середине XIX в. Общий вид

же появилась знаменитая лестница приморского бульвара с полуциркульной площадью и памятником. За этим представительным фасадом скрывалась безразличная сетка улиц, из которой несколько искусственно выделяют площади и главные улицы, подчиненные однообразному метрическому шагу плана города (рис. 64). В планах Одессы, так же как и Николаева, были учтены возможности роста города и включения ближайших пригородов в общую систему плана. Это сближает проектные предложения по развитию этих двух крупнейших городов юга России и указывает на новые тенденции в планировке городов, появившиеся на грани XVIII и XIX вв.

Наряду с этими новыми городами, не связанными с традиционными планировочными построениями, на северо-востоке Украины продолжают развиваться города с большим историческим прошлым. Это прежде всего Киев.

В продолжении первой половины XVIII в. Киев, вновь включенный в границы развивающегося государства, рассматривается главным образом как крепость. За это время возводились оборонительные сооружения вокруг старого города, расположенного на горе, и Печерска. По мере утери городом военного значения его жизнь все более сосредоточивалась на подоле. Особое оживление этой части Киева относится к началу XIX в., когда здесь обосновались ежегодные многолюдные зимние ярмарки-контракты. Подол был плотно и вместе с тем хаотично застроенным районом города, более всего нуждавшимся в регулировании и благоустройстве. Ближайшим поводом для его коренной перепланировки послужил пожар, уничтоживший значительную часть строений подола. Его восстановление решено было осуществить по регулярному плану.

Проект новой планировки был составлен в 1811 г. киевским архитектором А. Меленским. Составленная им схема напоминает старовский вариант проекта планировки Екатеринослава. Им применен тот же принцип лучевого построения, выделения центральной площади, образования сопутствующих площадей, проявление внимания к архитектурно-пространственной стороне планировки. Однако его проект не был утвержден. Взамен был составлен другой вариант «городовым» архитектором Царского села, членом строительного комитета В. Гесте. План отличался прямоугольной сеткой улиц и двумя расположенными по сторонам бульвара площадями (рис. 65).

Отклонение одного проекта и замена его другим нельзя рассматривать только как успех более удачливого конкурента. Здесь столкнулись два планировочных направления. А. Меленский представлял ту линию, которая была разработана и проводилась И. Старовым. Проект же В. Гесте отличался подчеркнутой регулярностью, единообразием и схематичностью. Этот же прием планировки был им применен несколько позже, в 1817 г., и для расширения части Екатеринослава.

Расцвет градостроительной деятельности на юге России был вызван политическим, экономическим и культурным развитием страны. Планировка и застройка городов в XVIII — начале XIX в. имели свои отличительные, своеобразные и вместе с тем прогрессивные черты.

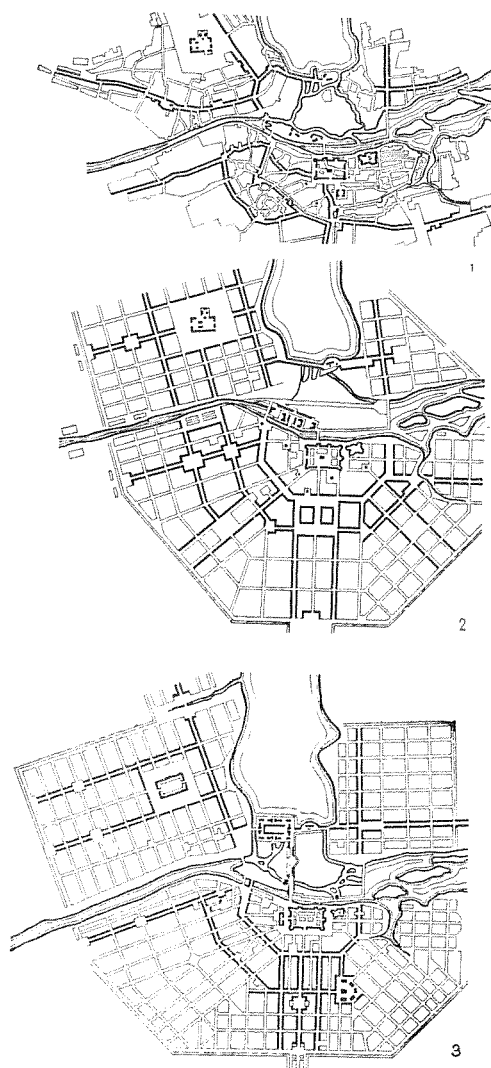
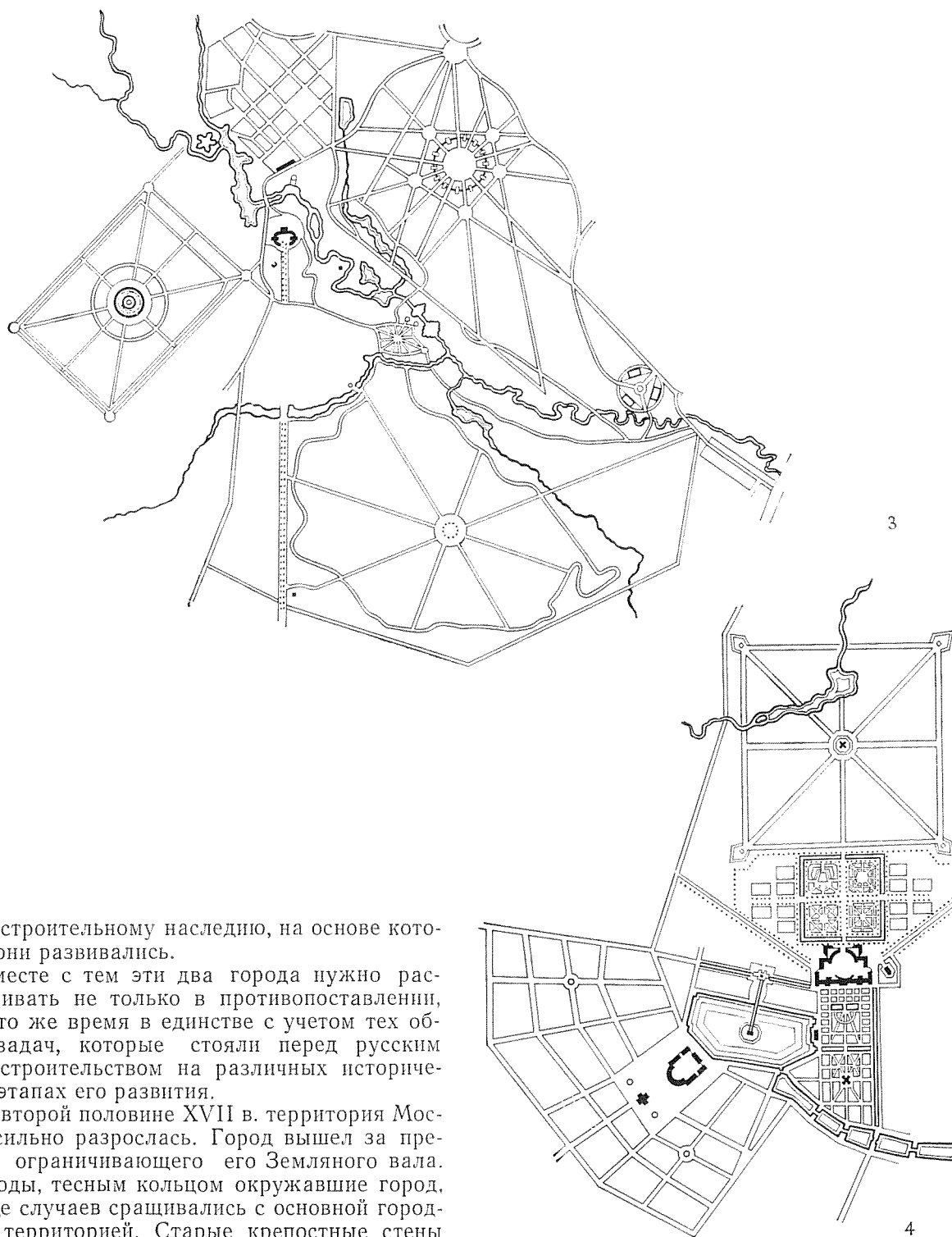

Рис. 57. Развитие регулярного плана Тулы
1 — план XVII в.; 2 — план 1778 г.; 3 — план 1798 г.

Совершенствование планировочной структуры Москвы и Петербурга происходило с наибольшим разнообразием, размахом и архитектурно-пространственной выразительностью. В основу развития планировочной структуры двух столиц были положены общие идеи, обусловленные всем ходом развития русского градостроительства. Но они получили различное, если не контрастное осуществление, так как эти два города различались между собой во всех отношениях: и по длительности своего формирования, и по местоположению на территории государства, и по окружающим природным условиям, и по тому

Рис. 58. Схематические планы городов-резиденций: Гатчины (1), Ораниенбаума (2), Павловска (3), Софии (4)

градостроительному наследию, на основе которого они развивались.

Вместе с тем эти два города нужно рассматривать не только в противопоставлении, но в то же время в единстве с учетом тех общих задач, которые стояли перед русским градостроительством на различных исторических этапах его развития.

Во второй половине XVII в. территория Москвы сильно разрослась. Город вышел за пределы ограничивающего его Земляного вала. Слободы, тесным кольцом окружавшие город, в ряде случаев срачивались с основной городской территорией. Старые крепостные стены

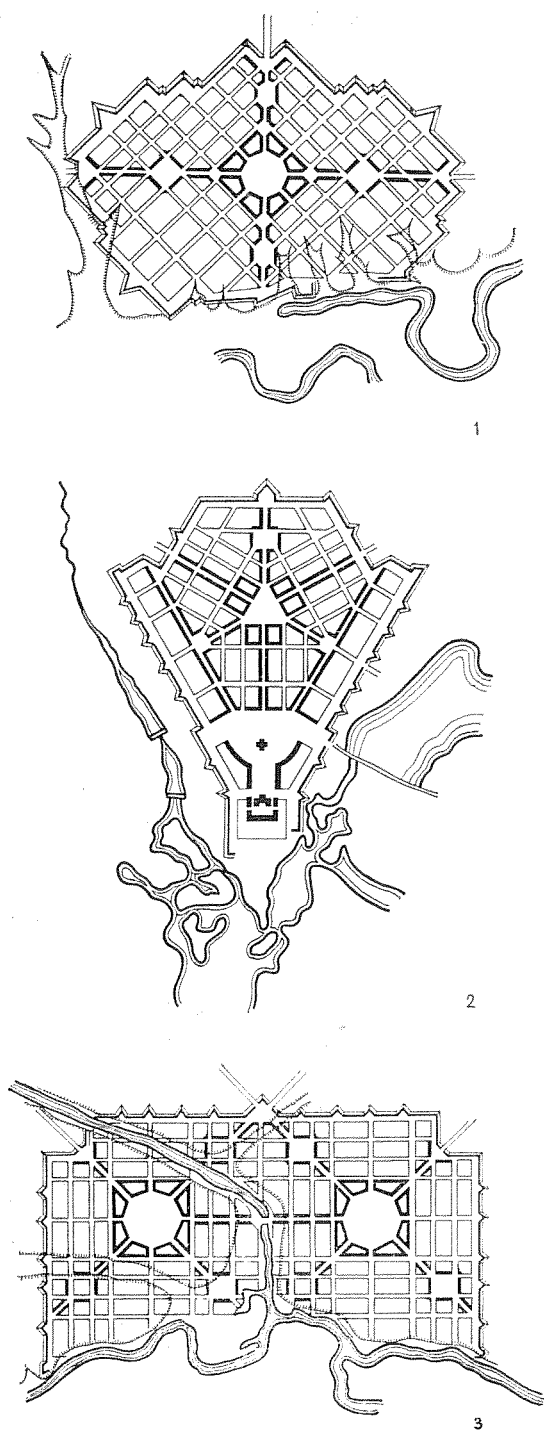

Рис. 59. Схематические планы городов Славянска (1), Донецка (2), Александрии (3) (из атласа Т. Мезвийского, 1784 г.)

препятствовали его свободному росту. Исторически сложившаяся система планировки и застройки не могла удовлетворять новые потребности города, сковывала его жизненные возможности. Величие древней столицы постепенно утрачивалось. Нужны были решительные меры по упорядочению плана города. Они могли идти двумя путями. Первый — это последовательная реконструкция старого ядра города в соответствии с новыми запросами жизни, с желанием создать из Москвы представительный столичный центр, который соперничал бы с лучшими европейскими городами. Второй путь — это уход из старых границ и создание на сравнительно мало застроенных местах новой части города с регулярным планом и упорядоченной застройкой, соответствующей прогрессивным представлениям своего времени.

Первый путь был бы связан со сложной длительной и почти беспрецедентной коренной ломкой сложившегося крупного города, чреватый многими сложностями и трудностями. Поэтому Петр I, столкнувшись с необходимостью преобразовать столицу, избрал второй путь.

Окраинным районом города, избранным для образования нового правительственного центра, были берега Яузы. Здесь возникли дворцовые и административные здания, разбивались сады, а несколько позже был заложен большой регулярный парк, выделивший в планировочном отношении этот район Москвы.

Определились и другие окраинные районы города для размещения крупных общественных и усадебных комплексов — это восточная излучина Москвы-реки, где по проекту Д. Ухтомского намечалось воздвигнуть обширную группу Инвалидного дома, и район Нескучное вдоль западного обрывистого берега Москвы-реки, где постепенно в течение XVIII в. был сооружен сплошной ряд крупных усадеб, завершившихся загородным Воробьевским дворцом (рис. 66). С переводом столицы государства в Петербург вопрос о местоположении правительственного центра в Москве был снят, но привлекавшие внимание окранны города продолжали активно осваиваться, как удобные места для крупных пригородных усадеб знати.

В центре Москвы в начале XVIII в. все внимание обращено было на обновление земляных бастионов вокруг Кремля и благоустройство прилегающей к нему части города, в пределах которой дворяне и купцы стали захватывать и скупать мелкие наделы, укрупнять их и перестраивать. Правительственные указы 1712 и 1718 гг. «О строении в Москве в Китае и Белом городе каменных зданий и мазанок по линии» и «О строении в Москве в Китае каменных зданий по улицам, а не во дворах, о крытии до-

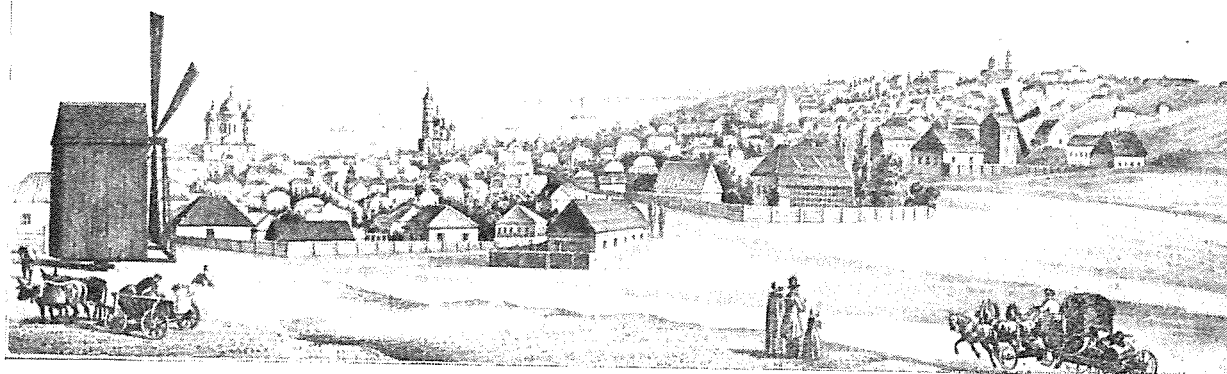

Рис. 60. Застройка Екатеринослава в середине XIX в. Общий вид

мов черепицею и о мощении улиц диким камнем» регламентировали строительство в центральных частях города. Они же вместе с тем служили программой действия для дальнейшего переустройства города, которое после некоторого затишья вновь продолжалось начиная с 30-х гг.

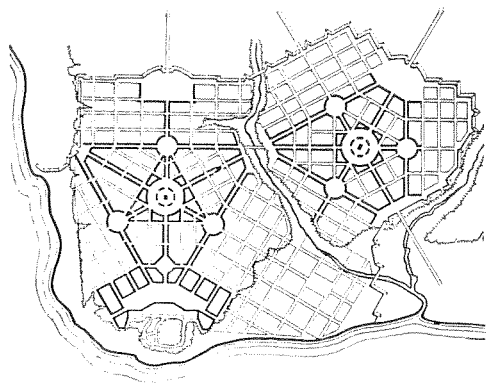
В 1732 г. последовал указ «О сделании плана Москвы», руководствуясь которым к 1739 г. «под смотрением» архит. Ивана Мичурина был составлен первый геодезический план Москвы. Он зафиксировал исторически сложившуюся планировку, в нем нашли свое графическое выражение планировочные идеи и практические мероприятия первой половины XVIII в. На плане показано значительное расширение территории города, новые границы которого определялись Камер-Коллежским валом, имевшим в плане вид, близкий к параллелограмму, вытянутому на северо-восток вдоль течения Яузы и на юго-запад вдоль Москворецкой, Хамовнической и Дорогомиловской петель Москвы-реки. Этот план отображал начавшийся в начале века процесс уничтожения мелкого землевладения. В XVIII в. помещичья усадьба вторглась в город. Ремесленники, мелкие торговцы, мануфактурные рабочие были вытеснены на окраины. В плане подчеркивается значение улиц, связывающих старый центр города — Кремль и Китай-город — с новым, активно осваиваемым районом Прияузы. Покровка и Басманная улицы показаны правильно отрегулированными, им придано значение главного проспекта Москвы.

Одновременно вводится уточнение в ширины улиц и способы их расширения. Так, например, в 1742 г. был издан особый указ «О

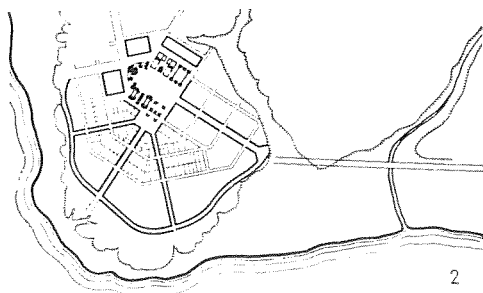
строении в Москве домов по плану и о наблюдении, чтобы улицы были шириною 8 сажень, а переулки 4 сажени». Обращалось внимание также и на упорядочение застройки городских площадей. По этому поводу в 1753 г. был издан указ «О недопущении впредь застраивать в Москве площадей и о сломке находящихся на оных строений». Все эти указы и постановления применялись от случая к случаю, обычно после пожаров. Попытки регулировать застройку далеко не всегда удавались.

Москва второй половины XVIII в. была большим городом. Здесь насчитывалось более 100 «знатных» мануфактур, которые располагались и в центре — в Китай-городе, и на окраинах — Замоскворечье и на Яузе. Но ее облик не отвечал требованиям разбогатевших и побывавших за границей дворян и вельмож, которым «Закон о вольности дворянской» позволил вернуться в московские усадьбы. Громадные богатства дали им возможность захватить лучшие городские земли. Дальнейшее переустройство Москвы было неизбежным.

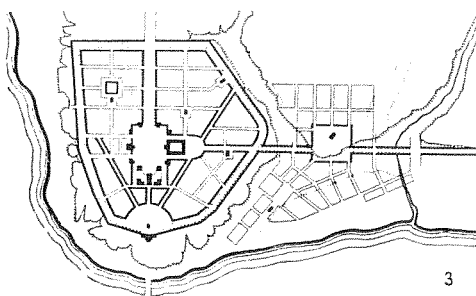
Необходимость давать практические указания по перепланировке и застройке отдельных районов Москвы привела к организации в 1742 г. постоянного «архитектурного класса» для составления и утверждения планов застройки и наблюдения за порядком их выполнения. Возглавлял архитектурную группу И. Бланк, а затем Д. Ухтомский. Положительные результаты деятельности «архитектурного класса» не замедлили сказаться. В 1762 г. создается Комиссия строения, которая должна была разработать новый план Москвы. В 1775 г. проект переустройства Москвы был

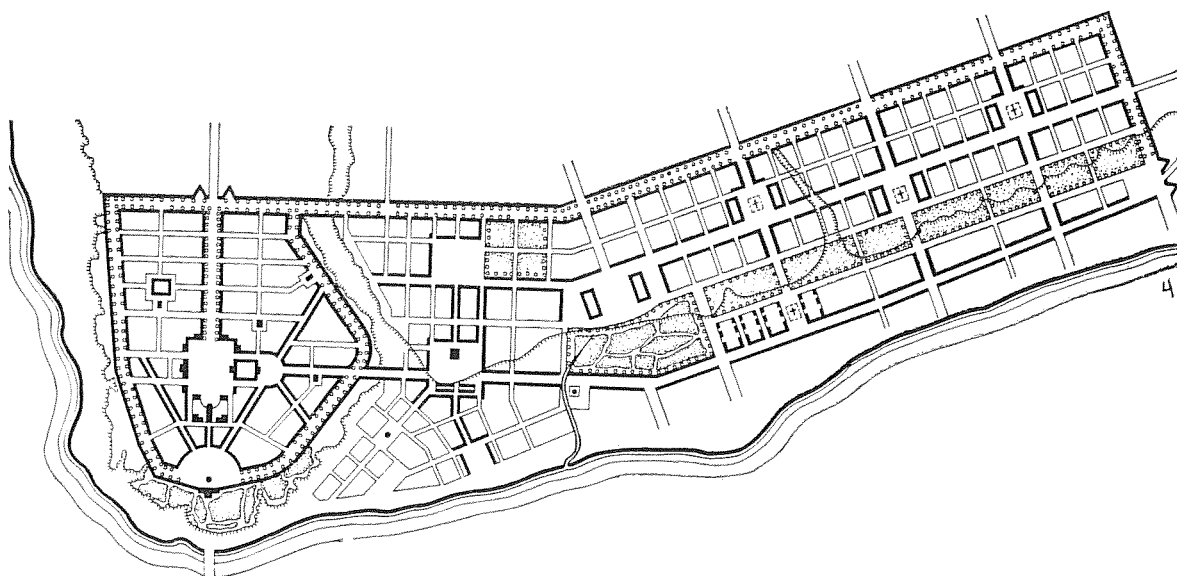
1

2

3

4

Рис. 61. Развитие плана Екатеринослава

1 — план 1784 г.; 2 — проект К. Геруа; 3 — проект И. Старова; 4 — проект В. Гесте

«конфирмован». Его составители хорошо использовали холмистый московский рельеф и прихотливую сеть рек и прудов. Они умело располагали новые здания на старых улицах и площадях и сочетали их с лучшими строениями старой Москвы. Сохранив старый центр города — Кремль, они дополнили радиальную систему улиц Москвы кольцевой. Расчистка, благоустройство и озеленение Бульварного кольца на месте стен Белого города — основное радикальное мероприятие этого проекта. На пересечении основных радиальных улиц и кольцевого бульвара «на пристройных к тому местах» были задуманы площади, образуемые общественными зданиями, различно сгруппированными. В одних случаях это была парная постановка зданий (например, Арбатская или Тверская площадь), в других случаях — сложное полуциркулярное построение (например, Никитская площадь). Западный конец Бульварного кольца непосредственно переходил в широкий бульвар вдоль берега Москвы-реки от устья р. Неглинной до кольца Земляного вала. Такой же широкий бульвар намечался вдоль берегов р. Неглинной, превращаемой на участке между кольцами Белого и Земляного городов в регулярный канал.

Наряду с устройством кольцевого бульвара в плане 1775 г. придавалось большое значение упорядочению берегов кремлевской излучины Москвы-реки. Предполагалось вырыть канал, параллельный течению Москвы-реки, восточная часть которого заканчивалась бы речной гаванью (рис. 67).

Рис. 62. Проект планировки Вос-
кресенска (вариант 1798 г.)

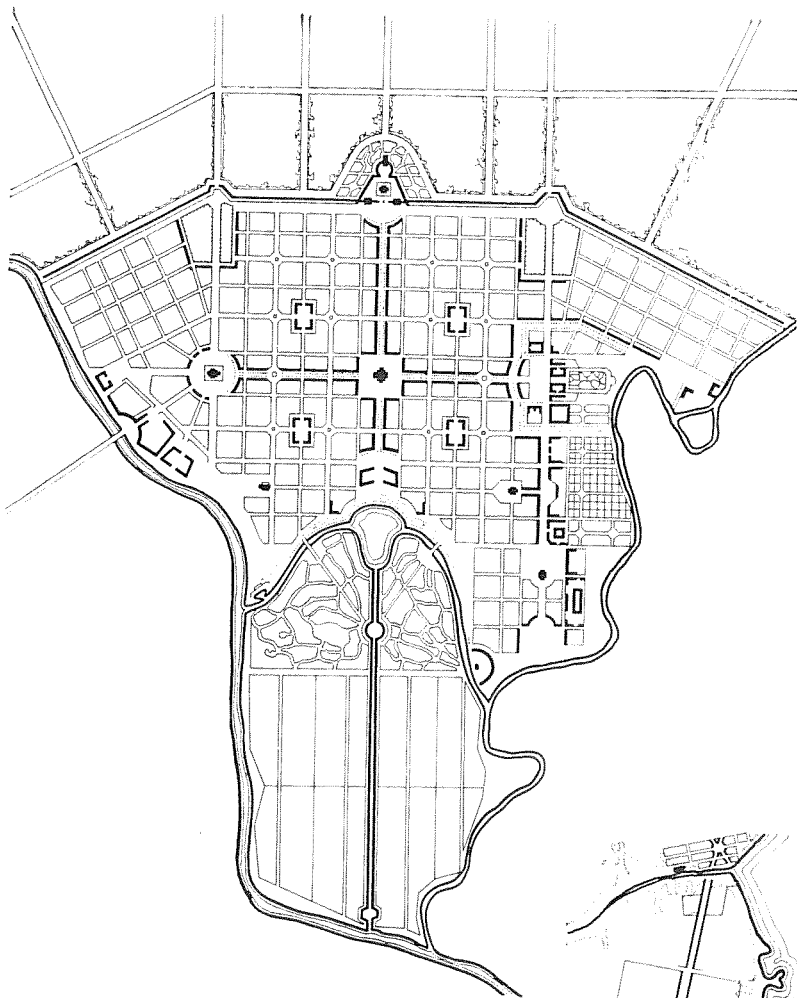
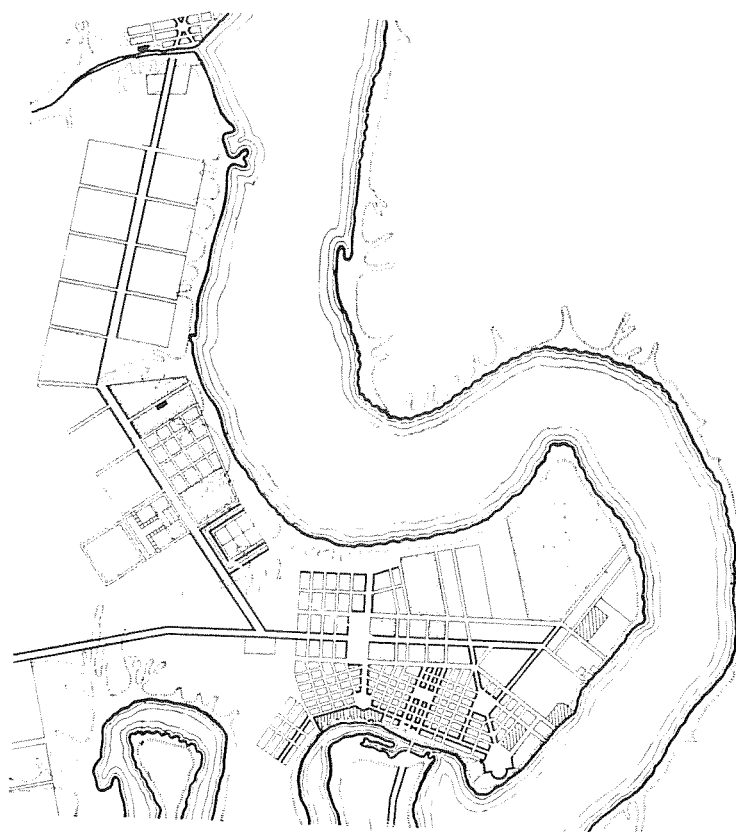

Рис. 63. Проект планировки Ни-
колаева (вариант 1798 г.)

Составители проекта 1775 г. раскрыли широкие возможности упорядочения исторически сложившегося плана Москвы, они улучшили его, но не внесли радикальных изменений. В нем нет новых обобщающих градостроительных идей, господствует принцип частичного регулирования, пока еще недостаточно последовательно и всесторонне сочетающийся с общей пространственной организацией города. Он фиксировал и упорядочивал существующее положение, не заглядывая в далекое будущее. Границы регулируемой территории не выходили за пределы бывшего Земляного вала.

Но жизнь шла, город рос, его границы расширялись, все большее количество пригородных территорий сливалось с основным городским массивом. Появилось новое понимание принципов градостроительства, новые планировочные идеи. Повышались требования к благоустройству городов. Новые обширные территории, присоединявшиеся к основному ядру города, требовали своего планировочного регулирования. Пожар Москвы 1812 г., уничтоживший большое число зданий, послужил поводом для радикального пересмотра

плана Москвы. Таким опытом коренной реконструкции города явился проект, составленный членом строительного комитета В. Гесте в 1813 г.

В проекте упрощаются границы города, исправления особенно тщательно проводятся у застав, в местах въездов. Основная идея регулирования улиц в проекте 1813 г. — создание сквозных диаметров, пересекающих всю территорию города из конца в конец, в результате чего центр города из конечного (или начального) пункта, куда стекаются со всех сторон дороги (или откуда они исходят), превращается в основной планировочно-композиционный узел, через который проходят сквозные магистрали. За пределами Бульварного кольца главные магистральные улицы, подводящие к заставам, превращаются в широкие прямые проспекты. Эти мероприятия давали возможность сквозного проезда от застав непосредственно к центру города. Предлагалась также пробивка параллельных разгрузочных магистралей в направлениях наиболее интенсивного движения. Показателен в этом отношении проект прокладки Ново-Тверской улицы, начинающейся у стен Кремля. Из новых

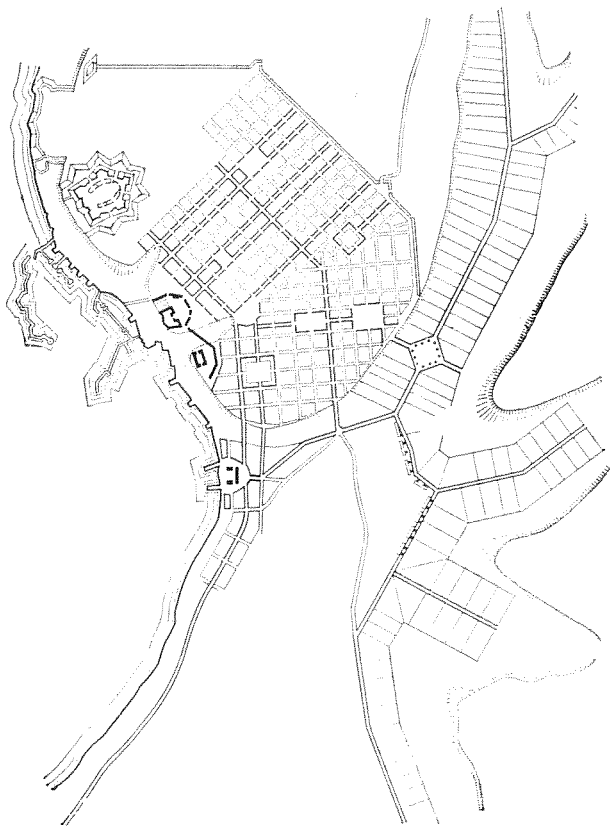

Рис. 64. Проект планировки Одессы (вариант 1809 г.)

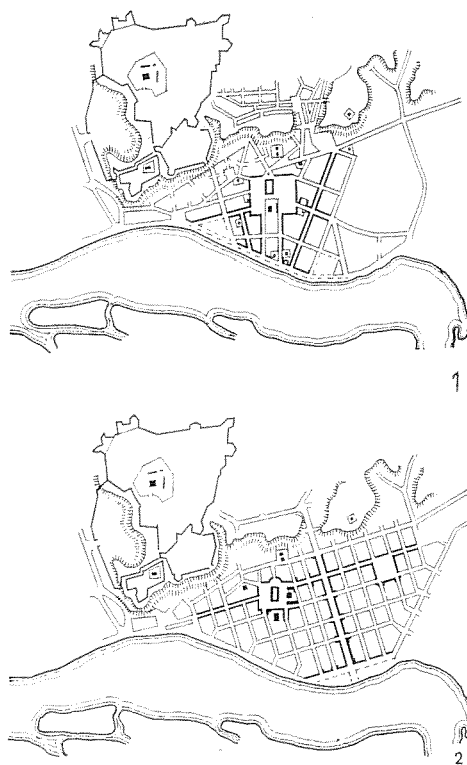
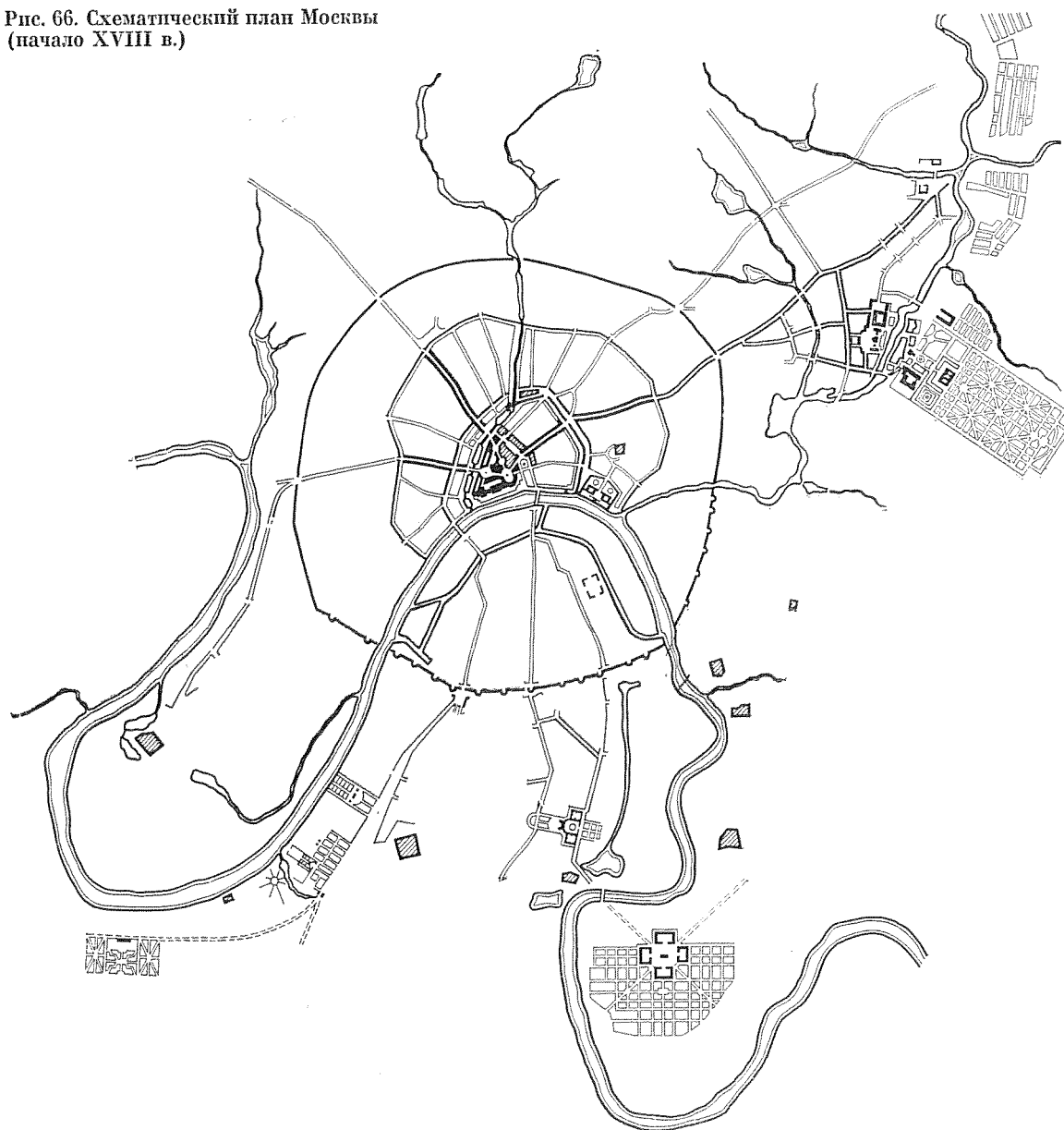

Рис. 65. Проект планировки Киева

1 — вариант А. Меленского; 2 — вариант В. Гесте

Рис. 66. Схематический план Москвы
(начало XVIII в.)

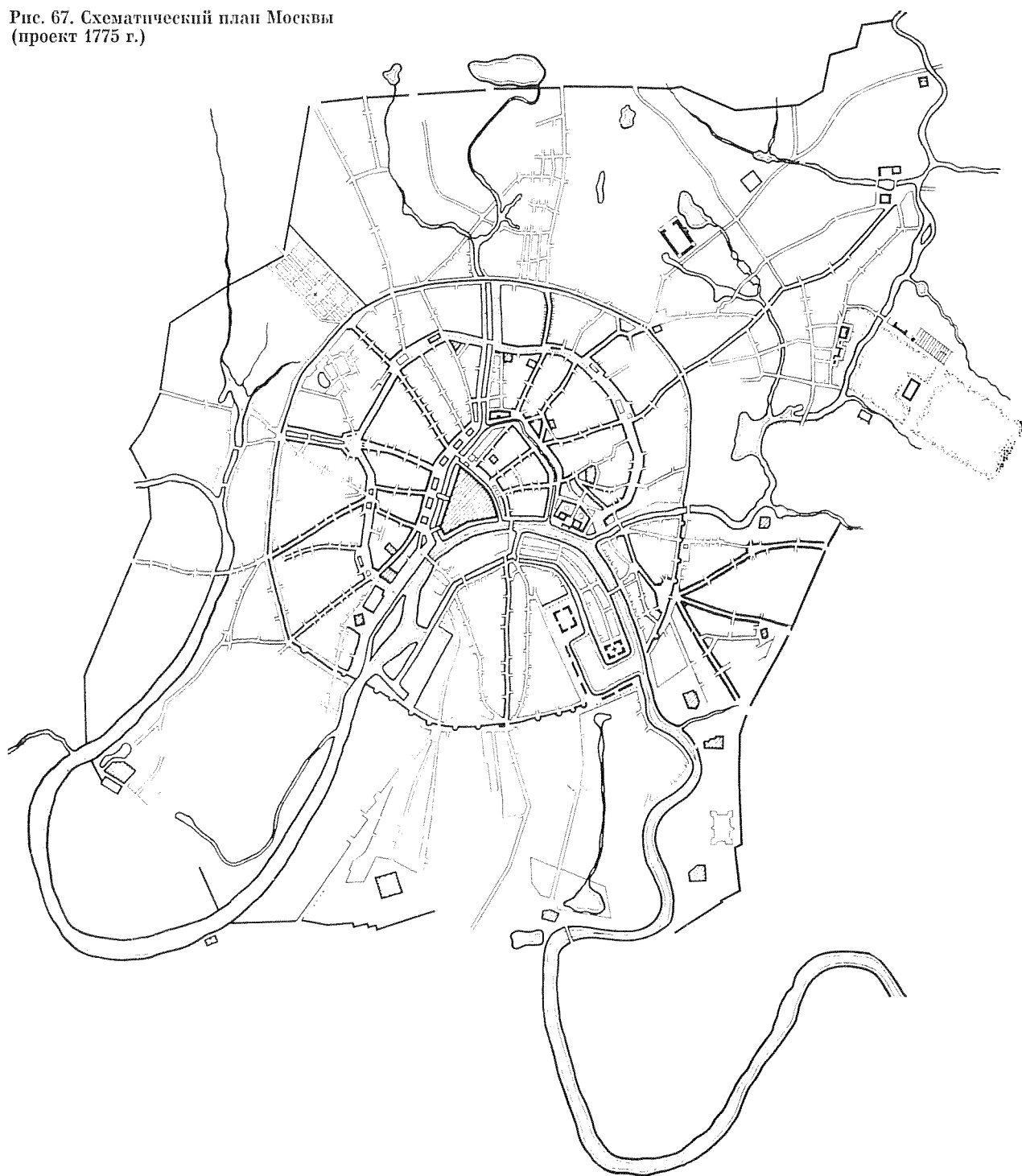

радиальных направлений можно отметить луч, идущий от Пречистенки к Новодевичьему монастырю в виде широкого бульвара с вытянутым овальным сквером посередине. Число площадей значительно увеличено против имевшихся ранее. Но это не торжественные парадные площади перед крупным дворцовым сооружением, а открытые пространства, представляющие собой или транспортные узлы, разгружающие движение, или цепь расширенных участков, расчленяющих уличный диаметр, или, наконец, отступы перед общественными зданиями. К ним можно отнести круглую площадь у Донского монастыря,

прямоугольную — у Зачатьевского, полукруглую — у Лефортовского дворца. Внешняя цепь площадей, прямоугольной или полукруглой конфигурации, проектировалась у всех застав Камер-Коллежского вала (рис. 68).

Проект 1813 г. знаменовал новое отношение к вопросам градостроительства, но схематический характер проектных предложений сделал его неприемлемым для непосредственного практического использования. Он был отклонен, и Комиссия строений разработала свой вариант плана, где новым градостроительным принципам попытались придать бо-

Рис. 67. Схематический план Москвы
(проект 1775 г.)

лее реальную форму. Его авторы понимали необходимость развития диаметров, но видели всю трудность реконструкции радиальных магистралей. В поисках практически осуществимых путей совершенствования плана города Комиссия строений обратилась к кольце-

вым направлениям. Основным общепланировочным мероприятием было создание нового кольцевого бульвара вдоль бывшего Земляного вала с широкой проезжей частью и тротуарами, разделенными зелеными насаждениями. По новому кольцу был намечен ряд

Рис. 68. Схематический план Москвы
(проект 1813 г.)

площадей (например, Калужская и Серпуховская) и исправлена граница старых площадей (например, у Красных ворот). За его пределами были распланированы обширные, предназначенные для специального использования площади, например Лесная в Миусах,

Конная в Замоскворечьи, Военный плац в Хамовниках. Была придана геометрически правильная форма Девичьему полю и пустырям Каланчевского, Сокольнического и Андроньевского «полей».

Большая часть новых зданий была выстро-

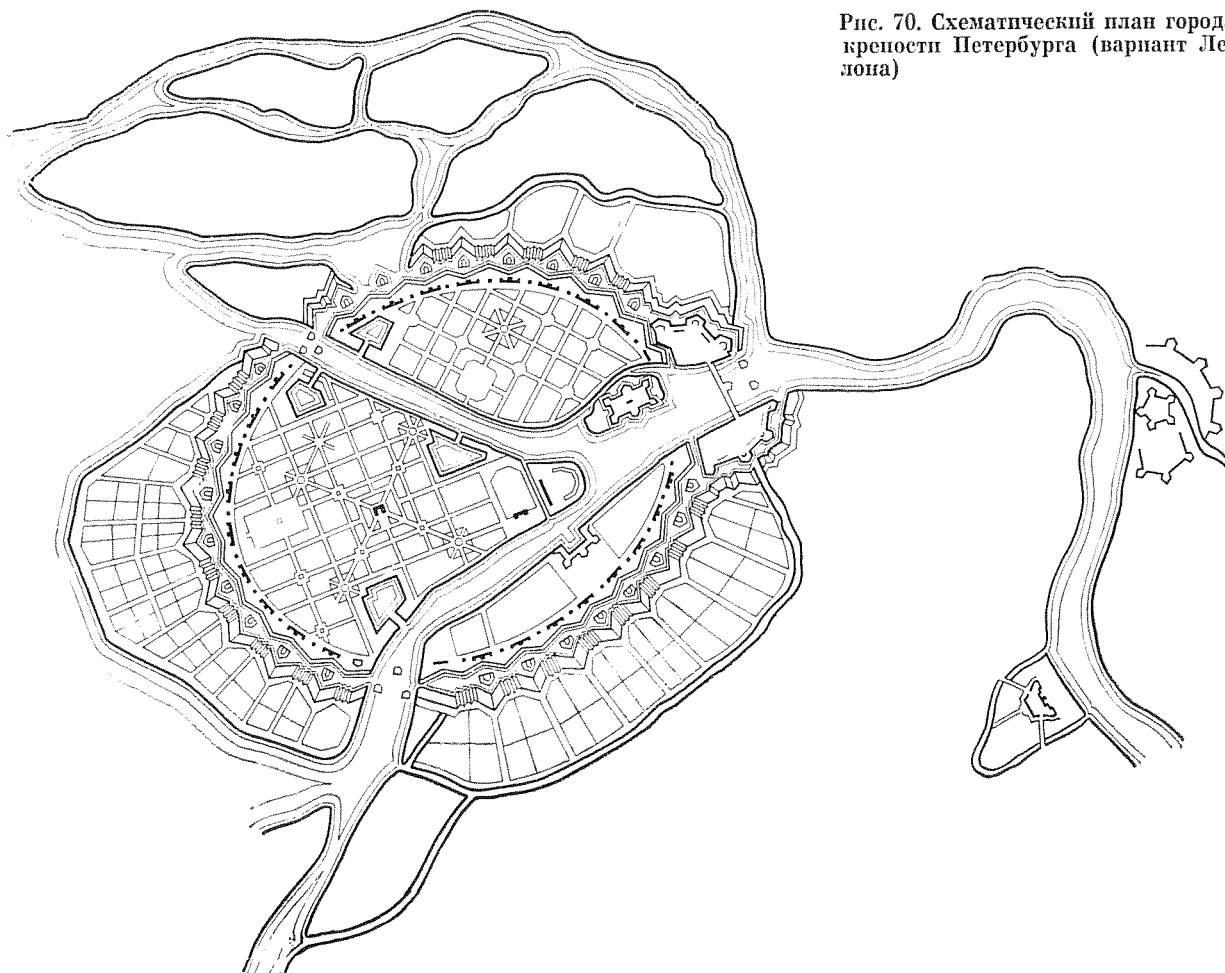
Рис. 69. Схематический план Москвы
(проект 1817 г.)

ена вокруг Кремля и Китай-города, на Бульварном и Садовом кольцах и вдоль радиальных улиц западной части города, которая в пределах Садовых улиц стала аристократическим районом столицы. Городская застройка в пределах Бульварного кольца стала уп-

лотняться. Площади получили сплошную застройку, коридоры улиц обозначались явственнее. Вне Садовых улиц заселяемые земли тянулись полосами вдоль главных улиц-дорог; отдельные группы застроенных кварталов располагались вдоль рек и прудов. Между

Рис. 70. Схематический план города-крепости Петербурга (вариант Леблона)

Садовыми улицами и Камер-Коллежским валом кроме крупных старых ансамблей, сложившихся в XVIII в. в Лефортове на Яузе и в Нескучном на Москве-реке, возникли новые. Например, в северной части города в районе Новой Божедомки были построены Александровский и Екатерининский институты, между которыми находилась Марининская больница. Второй крупный комплекс зданий — Хамовнические казармы — был выстроен к югу от Садового кольца у Москвы-реки. Перед зданиями был спланирован прямоугольный плац (рис. 69).

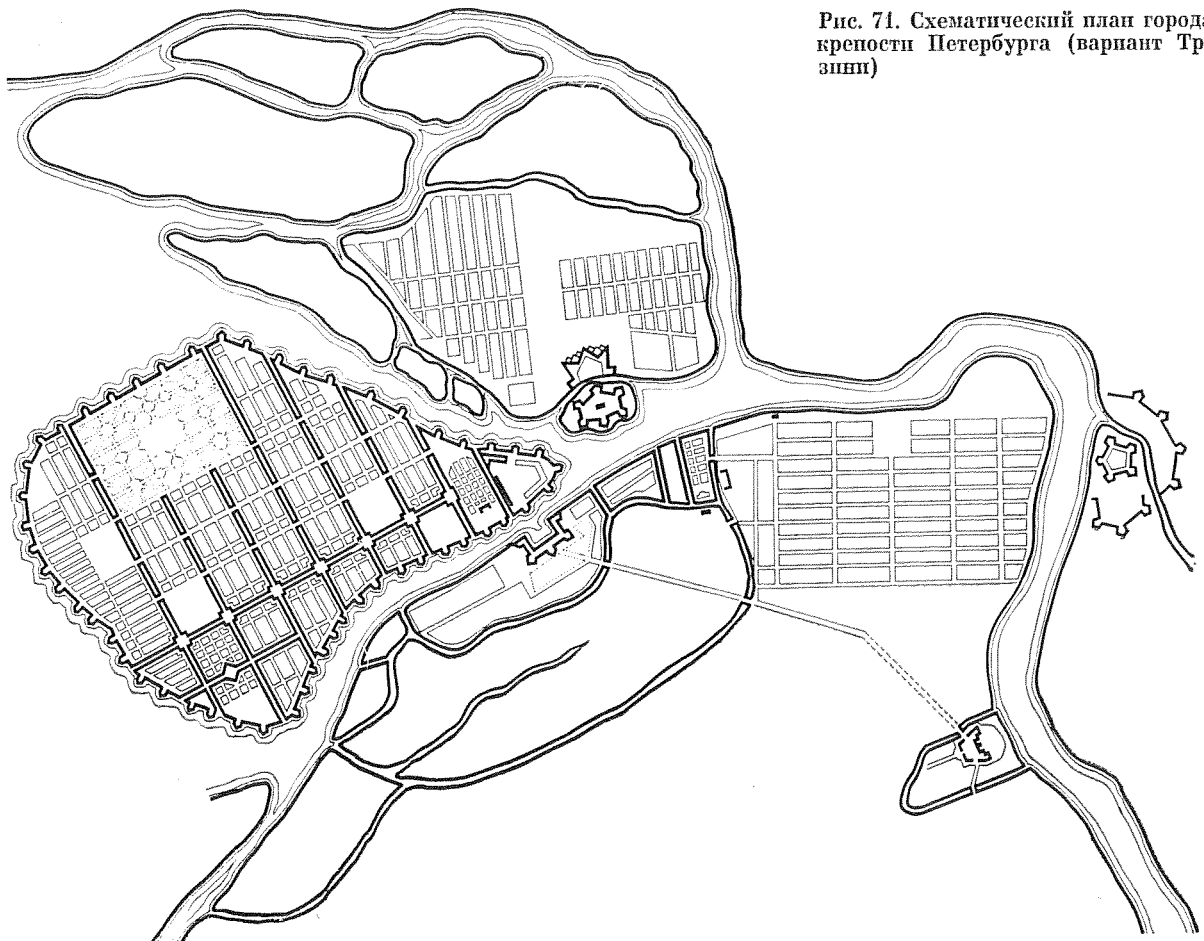
Московская архитектура первых десятилетий XIX в. была органическим развитием архитектуры предшествующей эпохи. Восстановленные после пожара 1812 г. дворцы XVIII в. сохраняли свое положение по отношению к улице, но частично менялось их назначение. Дворец, бывший в конце XVIII в. жилищем вельможи, перестраивается и становится зданием общественным — больницей, казармой или институтом. Новые группы зда-

ний находились в живописном равновесии между собой и органически увязывались со старой монументальной застройкой. Это сочетание контрастных по своим формам сооружений создало неповторимый облик московской застройки.

Петербург был заложен в мае 1703 г. В первые годы существования города основное внимание обращалось на устройство крепостных сооружений, поскольку он постоянно находился под угрозой нападения сильного врага. Организованное и широкое строительство началось после перенесения столицы в Петербург. Первые варианты плана новой столицы принадлежали Ж.-Б. Леблону и Д. Трезини.

Проект планировки Петербурга, составленный Ж.-Б. Леблоном, представлял собой крупный город-крепость в форме овала, широко раскинувшийся на Васильевском острове, частично занимая Петербургскую и Адмиралтейскую стороны. Сложные фортификационные устройства окружали предназначенную к застройке территорию. Центром но-

Рис. 71. Схематический план города-крепости Петербурга (вариант Трезини)

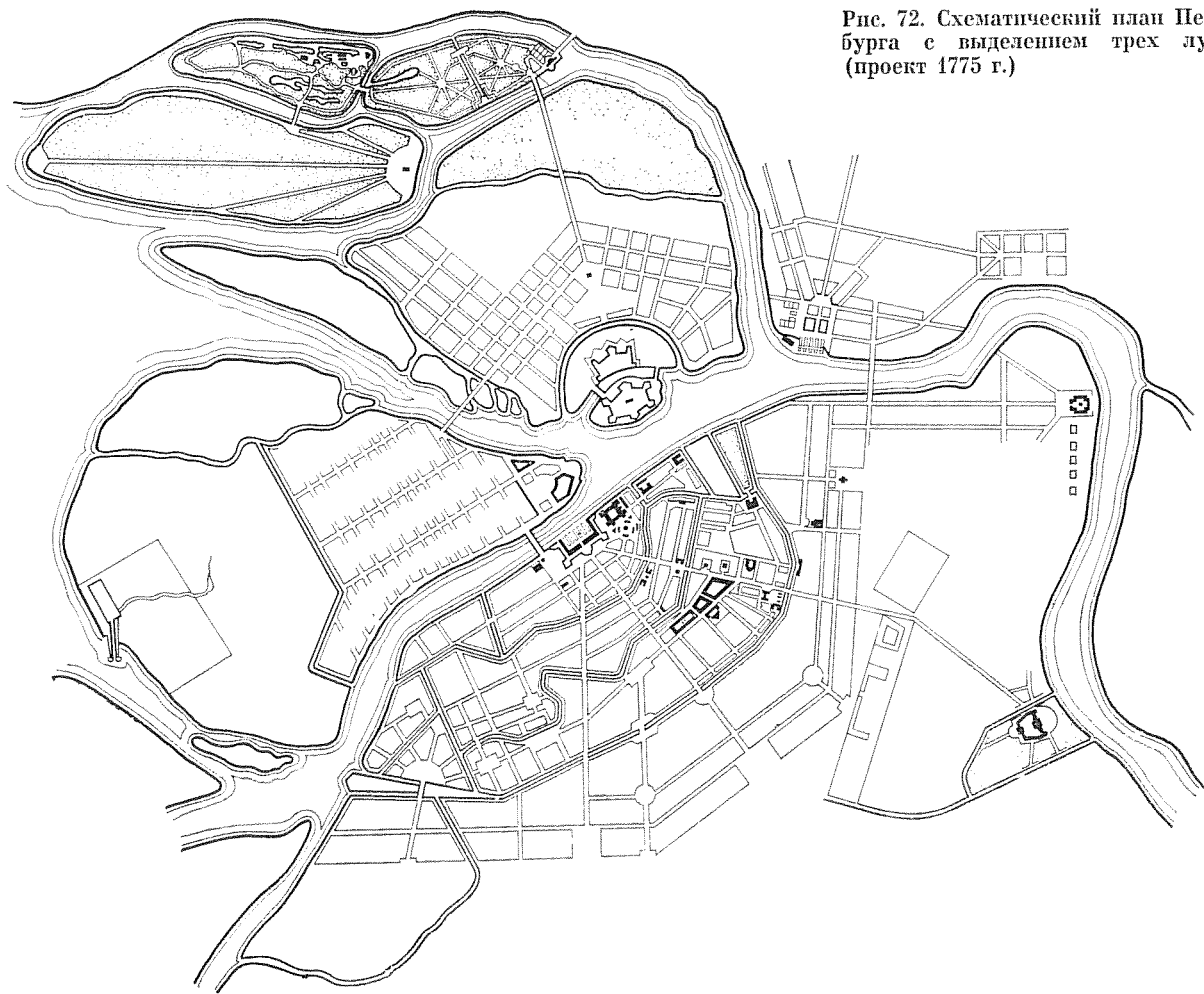
вой столицы должен был стать дворец Петра посередине Васильевского острова. Нужно признать, что Ж.-Б. Леблон, исходя из задания спроектировать город-крепость, хорошо справился с поставленной перед ним планировочной задачей и, прочерчивая эллиптическую линию плана крепостных устройств — бастионов и каналов, — связал их с речками, протоками и низинами Васильевского острова, Петербургской и Адмиралтейской сторон (рис. 70).

В основу проекта Д. Трезини положена идея двух сильно укрепленных крепостей (Петропавловской и Адмиралтейской) и обширного предместья-форштадта на Васильевском острове, разбитого однообразной сеткой прямоугольных кварталов. Центральная площадь столицы намечалась на восточном мысу острова, омываемом Большой и Малой Невой. Здесь были выстроены основные административные и торговые сооружения города — здание 12 коллегий и гостиный двор.

Неподалеку находился один из крупнейших по тому времени дворец Меншикова с регулярным садом (рис. 71).

Проекты Ж.-Б. Леблона и частично Д. Трезини остались нереализованными, потому что изменилось назначение города. Русское государство твердо заняло Балтийские берега. Новые границы прочно были защищены линией приморских крепостей. Столицу непосредственно прикрывали выдвинувшиеся в море город-крепость Кронштадт и ряд других крепостей, как, например, Выборг. Отпала нужда в устройстве крепостной ограды для самого Петербурга. Первые проекты города, в которых отдавалось предпочтение крепостным устройствам, уступили место другим предположениям, исходившим из подчеркивания административного значения города, как столицы государства, авторами которых были отечественные специалисты — П. Еропкин, И. Коробов и М. Земцов, положившие начало Петербургу, как столичному центру обширного государства.

Рис. 72. Схематический план Петербурга с выделением трех лучей (проект 1775 г.)

Город широко раскинулся на более удобных для застройки местах. Центр города переместился с Васильевского острова на материк. Основное строительство велось на Адмиралтейской стороне, наиболее удобной для освоения и лучше связанной путями сообщения с глубинными территориями государства. Все последующие проекты города имели в виду развитие именно этой территории новой столицы.

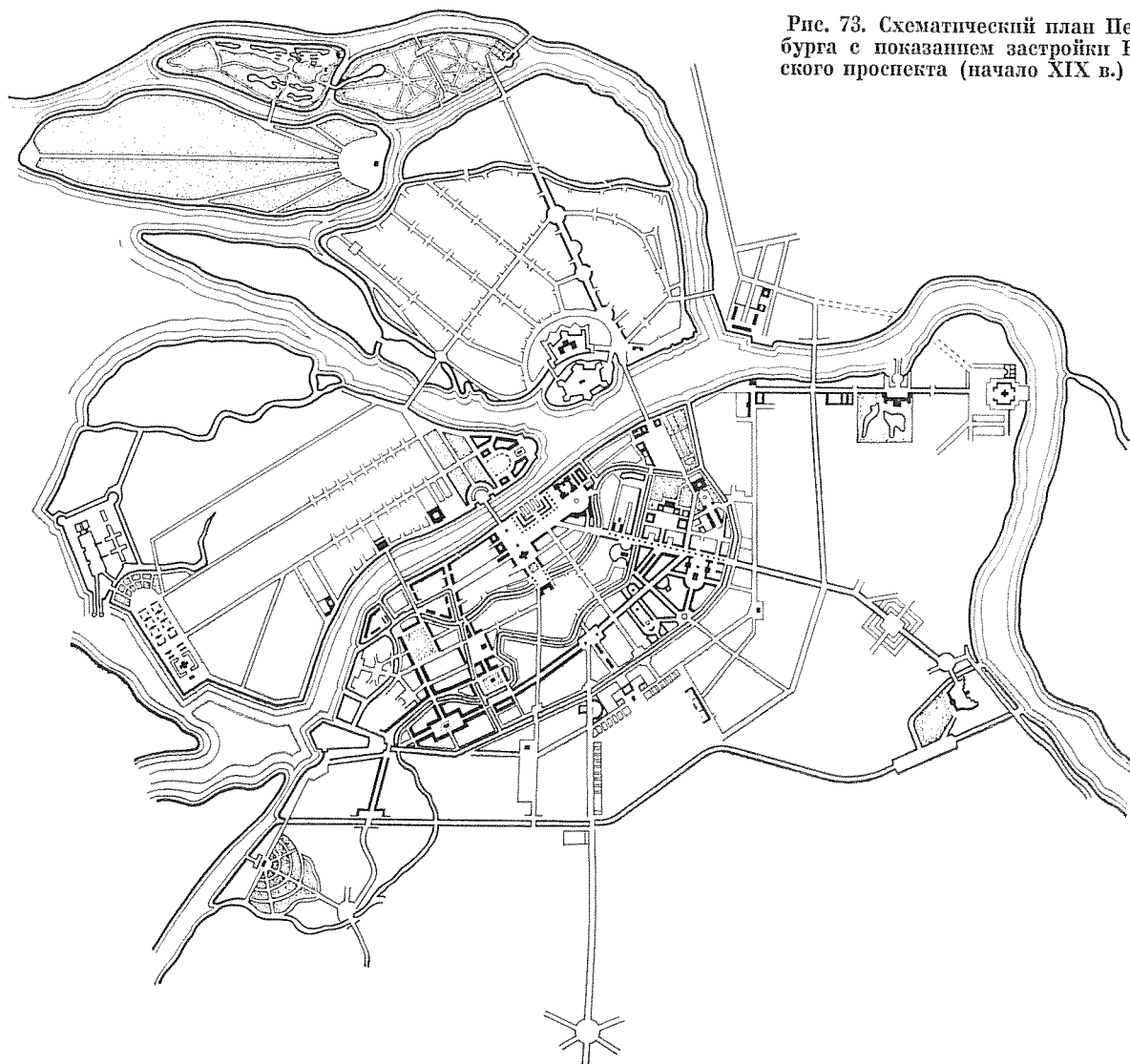
Работа по переустройству города была сосредоточена в «Комиссии строения С.-Петербурга», руководителем которой стал архит. П. Еропкин. Она просуществовала до 1742 г. При содействии Комиссии был составлен план города с показанием существующей застройки на основе геодезической съемки. В связи с новыми предложениями по упорядочению планировки города его территория была разбита на части (Адмиралтейскую, Василеостровскую, Петербургскую, Выборгскую).

На проектирование застройки Адмиралтей-

ской части было обращено первоочередное внимание. Набережные рек Мойки и Фонтанки стали застраиваться крупными дворцами-особняками с обширными земельными участками и регулярными садами. Эта усадебная застройка сочеталась с квартальной застройкой по образцовым проектам сплошным фронтом домов «в один горизонт» без разрывов или отдельно стоящими одно-двухэтажными домами с одинаковыми разрывами между ними.

Необходимость организованно вести усложняющиеся проектные и строительные работы в быстро растущей столице заставило возродить «Комиссию о каменном строении Петербурга» в 1763 г. Ее задача заключалась в том, чтобы объединить разрозненные части столицы общей планировочной идеей. Поэтому одним из первых мероприятий комиссии было устройство конкурса, условия которого были опубликованы в конце 1763 г. В них ставились одновременно две задачи: с одной сторо-

Рис. 73. Схематический план Петербурга с показанием застройки Невского проспекта (начало XIX в.)

ны, требовалось сформулировать первоочередные мероприятия по улучшению планировки города, с другой — нужно было составить перспективный план-идею, не связывая себя сложившимися условиями. Результаты конкурса и относящиеся к нему материалы остались нам неизвестны. Но сама программа представляет интерес, так как в ней нашли формулировку задачи по составлению нового плана столицы.

При сопоставлении наиболее характерных проектных предложений можно следующим образом охарактеризовать общие планировочные замыслы петербургских зодчих по застройке столицы этого периода. С самого начала формирования планировочной схемы Петербурга первой половины XVIII в. господствовали два сооружения, отмечающие значение

города как военного и стратегического форпоста государства: Петропавловская крепость и Адмиралтейство. Они служили планировочно-пространственными ориентирами. Главенство принадлежало шпилю Петропавловской башни. На него были направлены дальние подступы к городу — дорога от Александро-Невской лавры, дорога от Москвы и дорога от Смольного к центру. Эта внешняя трехлучевая система, ориентированная на шпиль Петропавловской крепости, сочеталась с внутренней в границах, очерченных р. Фонтанкой.

К осуществленной внутренней лучевой системе, ставшей основой центрального района столицы, прибавляется намерение образовать лучевое построение улиц также и на Петербургской стороне, зафиксированное в плани-

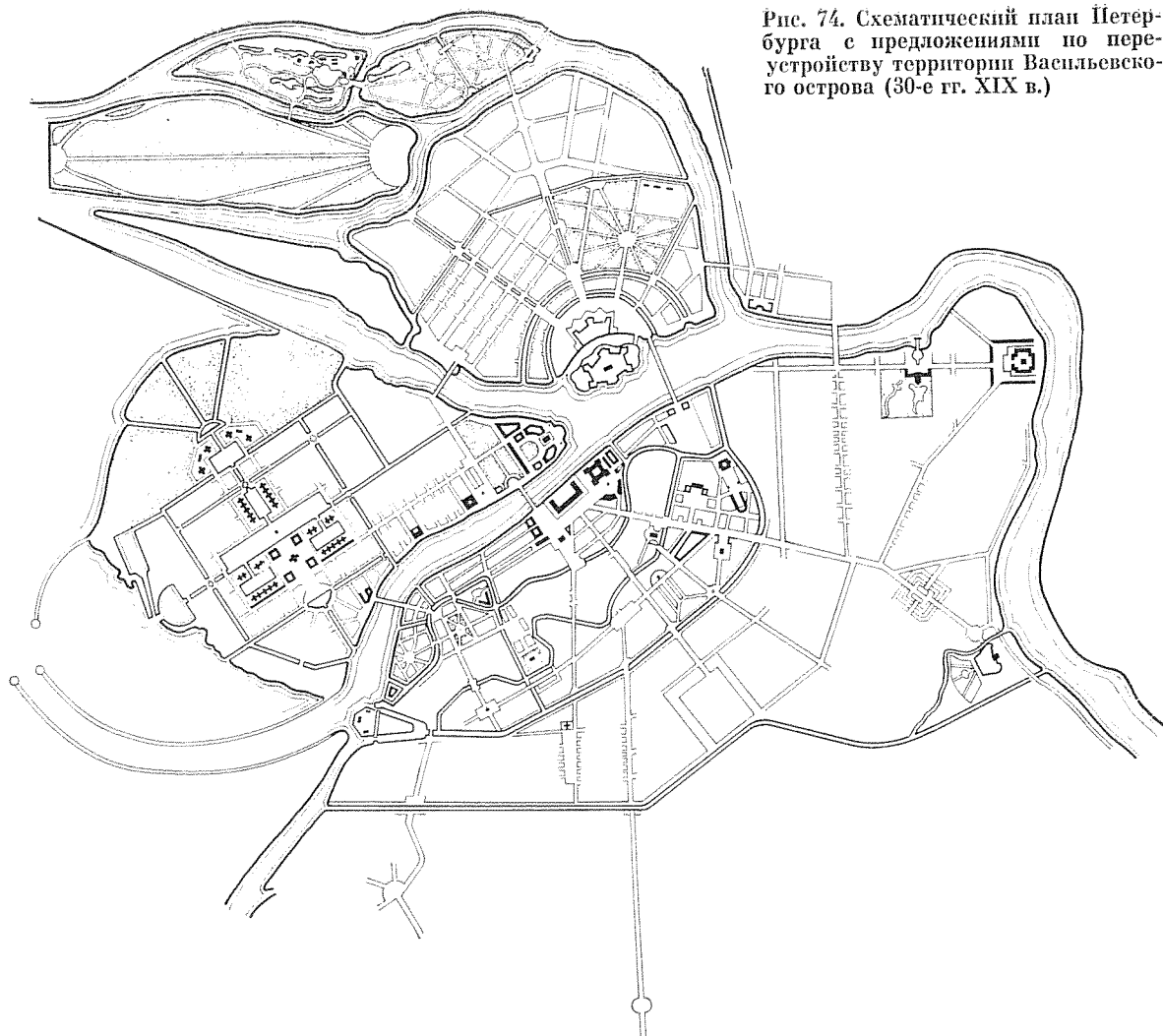

Рис. 74. Схематический план Петербурга с предложениями по переустройству территории Васильевского острова (30-е гг. XIX в.)

ровочном варианте, относящемся к 1763 г. Сохранился чертеж плана Выборгской части, составленный еще Еропкиным в конце 30-х гг., с трехлучевым построением улиц, ориентированным на церковный корпус морского госпиталя.

Все эти получившие реализацию и оставшиеся в проектах предложения можно рассматривать как попытку объединить разобщенные широкими протоками Большой и Малой Невы отдельные части города общим планировочным замыслом на основе трехлучевой системы (за исключением Васильевского острова, на котором закрепились прямоугольная планировка) (рис. 72).

После ликвидации «Комиссии о каменном строении» в течение более чем 15 лет не было централизованной организации, которая

могла бы решать все более усложняющиеся вопросы градостроительной практики как в столице, так и в других городах страны. Дело регулирования строительства находилось в различных комитетах. Лишь в 1816 г. был издан указ «Об учреждении Комитета для приведения в лучшее устройство всех строений и гидравлических работ» под председательством А. Бетанкура, в который вошли в качестве членов К. Росси, В. Стасов, А. Михайлов, А. Модюн. Деятельность комитета продолжалась до 1842 г., когда руководство застройкой и благоустройством городов перешло к главному управлению путей сообщения и публичных зданий.

На грани XVIII—XIX вв. в связи с дальнейшей централизацией и расширением государственного аппарата в Петербурге происхо-

дит активное строительство крупных административных и общественных зданий различного назначения. Новые общественные устремления эпохи, усиленные патриотическим подъемом, вызванным Отечественной войной 1812 г., определили мемориально-героический облик основных общественных сооружений. Они составляют обширные, пространственно связанные группы, чередующиеся с площадями, которые своими размерами и конфигурацией подчеркивали важность и значительность отдельных зданий. Площади соединялись между собой отрезками магистралей, связывающими обширные участки города, в первую очередь его центральные части. Число крупных общественных зданий увеличивается. Теперь это не отдельные редко расположенные изолированные вертикали или обширные усадьбы, противопоставляемые рядовой городской застройке, а сложная и разнообразная пространственная среда города, отдельные составляющие части которой находятся в сложном соподчинении и разнообразном соотношении друг с другом.

Особое внимание по-прежнему уделялось застройке и благоустройству Адмиралтейской части. Основная застройка концентрировалась по Невскому проспекту, который получил решительное главенство относительно других двух лучей, а также вдоль широкой полосы прибрежных территорий. Отдельные мероприятия объединились широкими планировочными замыслами, в результате реализации которых застройка центральной части города получила цельность и законченность. По ней и до сих пор судят о своеобразном и неповторимом облике столицы (рис. 73).

На основной территории города наиболее активно переустроивался широкий сектор, ограничиваемый центральным лучом — Гороховским проспектом и набережной р. Невы от центральной части до Смольного монастыря. На Петербургской стороне преобладание получил Каменноостровский проспект, который связал центральную часть города с группой островов, превращавшихся постепенно в места пригородного отдыха. На Васильевском острове архит. А. Захаров пытается соединить разработанную им схему планировки восточной оконечности (где разместилось новое здание Биржи) с его западной частью, где им же был запроектирован обширный район Галерной гавани, в целях активного включения острова в общую структуру плана развивающейся столицы. Несколько позже член комитета А. Модюн составил схему коренной перепланировки (а вернее, новой планировки) Васильевского острова, охватившей

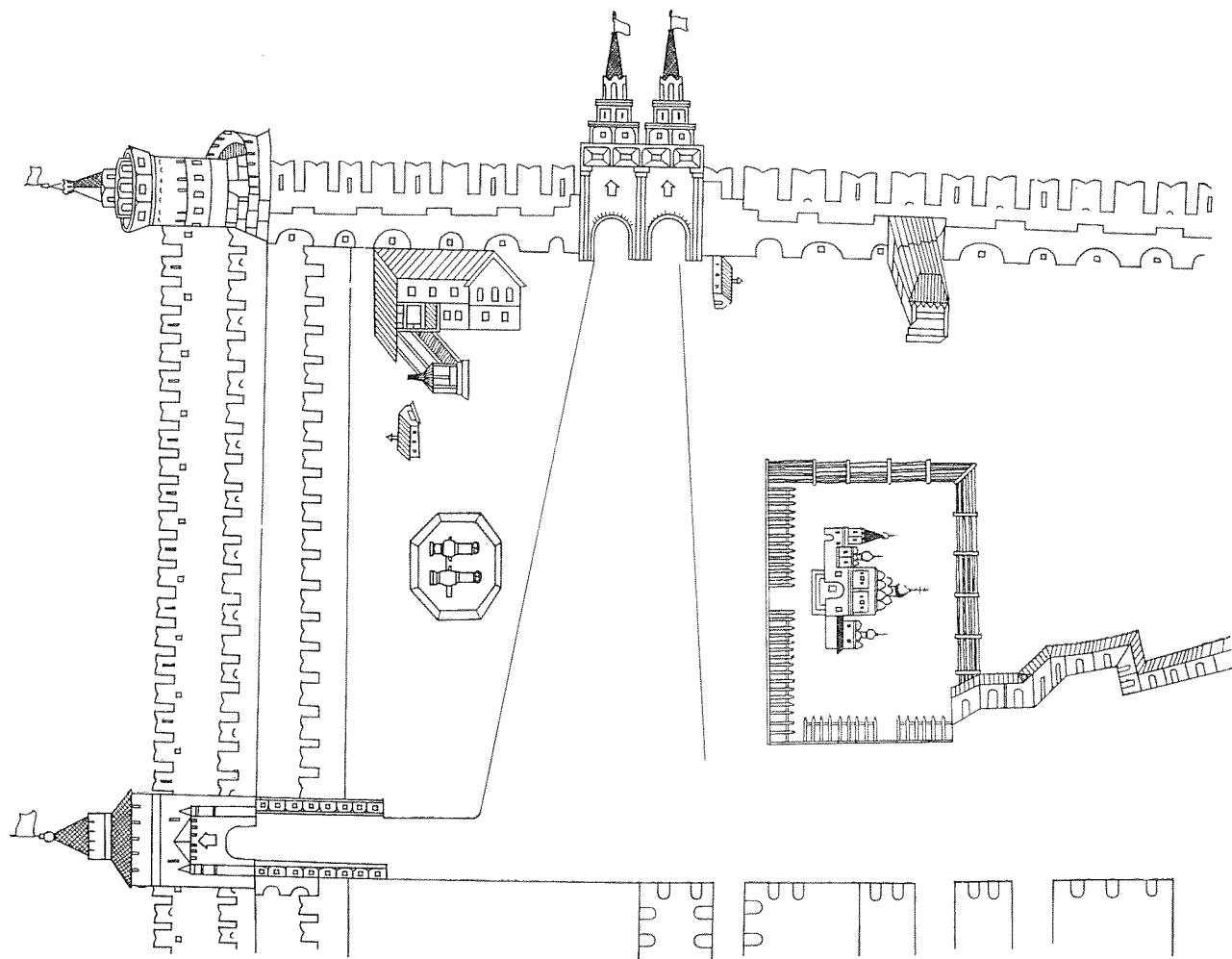
всю его территорию с огромной торговой площадью в центре острова, образующей грандиозную поперечную ось, получающую продолжение на западной оконечности Адмиралтейского острова. Васильевскому острову как бы возвращалось его главенствующее положение, намечавшееся еще в начале века. Однако сложившаяся застройка острова и некоторая отвлеченность планировочного замысла, не связанного со сложившейся общей схемой развития Петербурга, определившего к 30-м гг. XIX в., не позволили реализовать эти слишком радикальные для того времени проектные предложения (рис. 74).

Русские зодчие второй половины XVIII в. и последующего времени проделали, может быть, и не столь долгий, но интенсивный и сложный путь развития. В наиболее квалифицированных «регулярных» планах городов мы можем проследить, как новая планировочная концепция, основанная на геометрической схеме трех лучей, радиальных разветвлений, прямоугольной сетки, или диагональных направлений, исходит из конкретных условий местности, исторически сложившегося планировочного начертания города, учета архитектурно ценных украшающих город исторических сооружений, включаемых в новый план города и сочетающихся с новым строительством. Ставится задача композиционного единства всего города, приведение его в систему, связанную определенным замыслом.

Каждый крупный город имел свое лицо, несмотря на общность планировочных приемов. Историческое наследие не игнорировали, с ним считались, рассматривая сооружения прошлых эпох как равноправных участников наряду с вновь строящимися зданиями в деле формирования облика города. Застройка главных улиц и площадей тщательно регламентировалась, широко внедрялись образцовые проекты, которые разрабатывались опытными зодчими. Это создавало единообразие застройки, ее одномасштабность и однотильность, что было так необходимо для старых, беспорядочно застроенных городов. Но к положительным результатам и правильному пониманию города как художественного целого пришли не сразу. Планировочные формы русских городов эпохи классицизма выкристаллизовывались в процессе упорной творческой работы. Теоретические основы градостроительства, изложенные европейскими зодчими того времени, стали дополнительной школой для русских специалистов, сумевших их творчески переосмыслить в конкретных условиях своей Родины.

Глава 2

**ГОРОДСКАЯ ЖИЛАЯ МАССОВАЯ
ЗАСТРОЙКА
И УСАДЕБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО**

Под общим понятием жилой застройки в городах различных исторических периодов объединялись здания и сооружения, резко отличающиеся по своим размерам, внешнему виду и распределению внутренних помещений, по планировке участка и степени его благоустройства.

С одной стороны, это были широко раскинувшиеся княжеские палаты и дворцы знати, поражавшие своими размерами и роскошью отделки. Они нередко заменяли собой общественные здания и служили для торжественных приемов и проведения празднеств. К их строительству привлекались видные зодчие своего времени. Но таких зданий было сравнительно немного. Основную часть селитебных территорий занимала массовая жилая застройка, в подавляющем большинстве деревянная. Она частично дошла до нашего времени с различной степенью сохранности.

Многие из такого рода жилых зданий не представляют самостоятельной историко-художественной ценности, но все вместе они доносят до нашего времени особенности архитектурно-пространственной среды городов той или иной эпохи, образуя широкий фон, на котором выделяются уникальные памятники архитектуры.

Единообразие массового жилищного строительства особенно строго и последовательно проводилось в промышленных и военных поселениях. Здесь одинаковые по размеру участки и типовые жилые дома образовывали обширные группы, подчинявшиеся диктуемому сверху жесткому регламенту, менее всего учитывающему индивидуальные пожелания пользователей.

Контрасты жилой массовой и усадебной застройки еще более увеличиваются, если привлечь к рассмотрению многочисленные пригородные и загородные усадьбы. Одни из них представляли собой парадные резиденции вельможной верхушки и включали в свой состав значительные парковые участки. Другие развивались как обширные сельскохозяйственные угодья, где жилище владельцев сочеталось с обрабатываемыми сельскохозяйственными территориями и множеством подсобных устройств. Многие из этих загородных усадеб в наше время вошли в границы разросшихся городов или составляют их ближайшие окрестности, участвуя в формировании современного облика исторически сложившихся городов.

ЖИЛАЯ МАССОВАЯ И УСАДЕБНАЯ ЗАСТРОЙКА ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ, ЕЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРЕУСТРОЙСТВО ПО «ОБРАЗЦОВЫМ» ПРОЕКТАМ

Древнерусское поселение IX—X вв. можно представить довольно густо застроенным рядовыми жилыми и хозяйственными сооружениями, составлявшими внутри крепостных стен плотные группы рубленых строений из клеток, среди которых выделялись башни теремов и замкнутые комплексы дворов знати. Так, в застройке древнего Киева господствовал «великий двор» Ярослава. Примером загородной феодальной резиденции является замок князя Андрея Боголюбского близ Владимира. Его центром был собор с двумя шатровыми лестничными башнями по бокам. В самой композиции дворцового ансамбля вскрываются древние основы народного трехчастного жилища, развернутого здесь в монументальных формах и крупных масштабах (рис. 75). Со временем все более характерной чертой облика древнерусских городов становится наличие высоких теремов и повалуш, переходов и широких разворотов лестниц, связывающих отдельные помещения здания (рис. 76).

Два основных типа владений — боярская усадьба и посадский слободской двор — обусловили параллельное развитие двух основных приемов городской жилой застройки: усадебного, где жилые здания располагаются внутри владения, и посадского, где кубические объемы изб образуют периметральную застройку кварталов. Оба приема застройки получили дальнейшее развитие и позже, вплоть до XVIII в.

Общей жилой единицей считался «двор», т. е. дом с необходимыми хозяйственными службами и земельным участком. Состав строений и размеры жилого двора измерялись имущественным состоянием владельца. Так, например, жилище среднего московского дворянина мало отличалось от избы зажиточного крестьянина, хоромы же и усадьбы бояр были под стать двору «великого государя». Деревянные хоромы крупных городских усадеб состояли обычно из нескольких, поставленных рядом, бревенчатых клеток разной величины и высоты. Воспроизведение в камне «шестистенной» избы мы видим в старых домах Пскова, сохранившихся от XVII в., где на фоне гладких стен, прорезанных небольшими

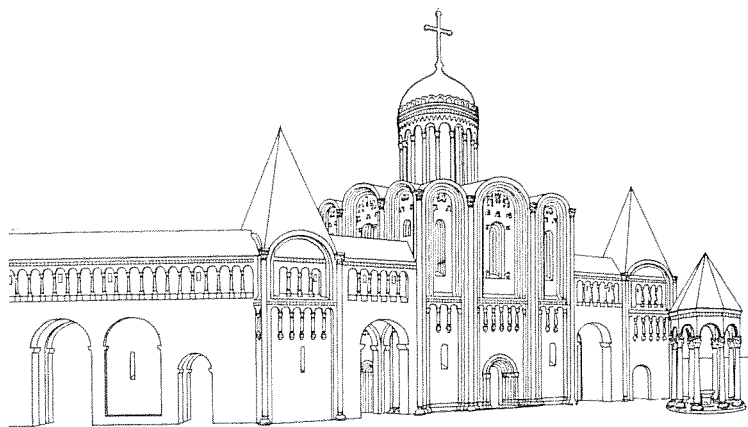
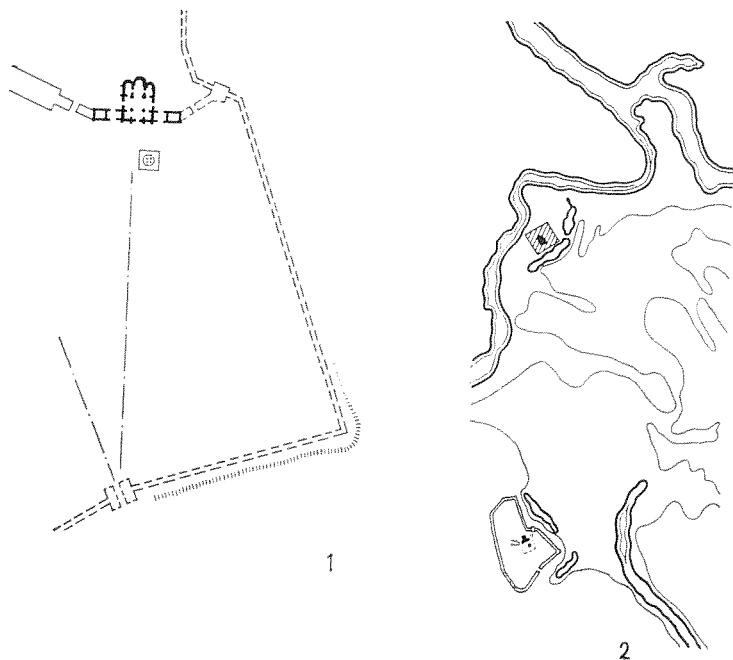

Рис. 75. Усадьба князя Андрея Боголюбского близ Владимира

1 — общий вид и схема плана; 2 — расположение на местности

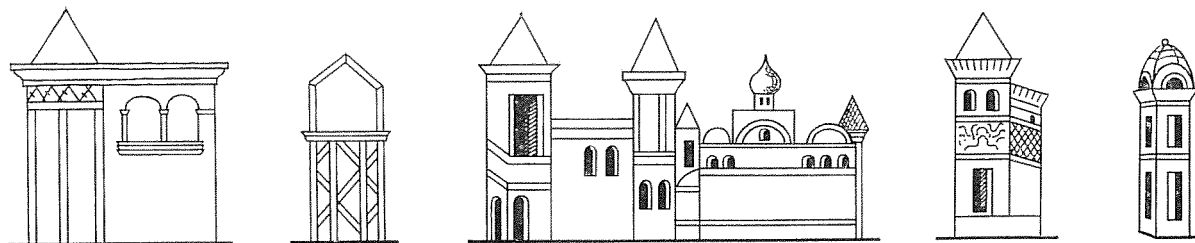

окнами, рисуется крыльцо с ползучими арками, опирающимися на круглые столбы.

Разнообразие планировочных приемов городского усадебного строительства особенно ярко проявилось в древней столице. Примером усложненной группировки зданий усадьбы могут служить посольское подворье в Москве на Ильинке (Китай-город) и старые патриаршие палаты в Московском Кремле, перестроенные во второй половине XVII в., когда появляется и все более укрепляется идея размещения главного здания в глубине усадьбы против ворот и двух флигелей, обрамляющих передний двор (рис. 77). Этот прием застройки получил дальнейшее развитие и в усадебном строительстве XVIII в.

Характерные примеры планировки крупных московских усадеб, относящихся к XVII в., но сохранивших традиционные планировочные приемы, выработанные в прошлом, — это усадьба думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной, усадьба Стрешнева (позднее Нарышкина) на Воздвиженке и Крутицкое подворье близ Симонова монастыря. Основная черта, их

Рис. 76. Древние изображения дворцовых теремов и отдельных частей жилых зданий

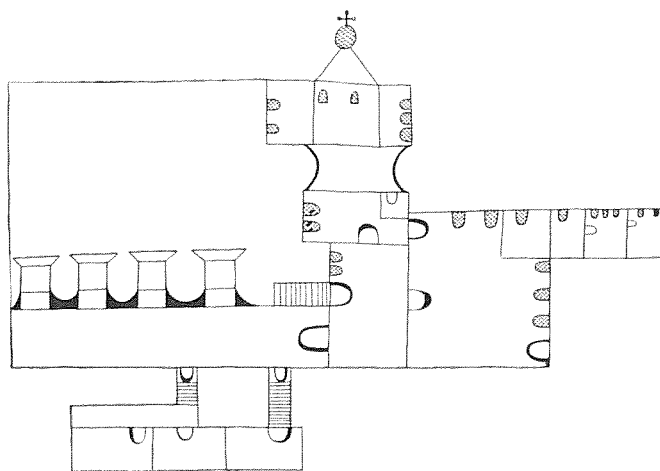

объединяющая, — стремление к обособленности (рис. 78). Здания усадеб украшали улицу, порой господствовали среди рядовой, массовой застройки, но были отделены от нее крепким забором, затейливыми воротами, просторным передним двором. Лишь небольшой размер участков менее обеспеченной части населения заставлял совмещать передний двор с хозяйственным или ставить хоромы непосредственно по фронту улицы.

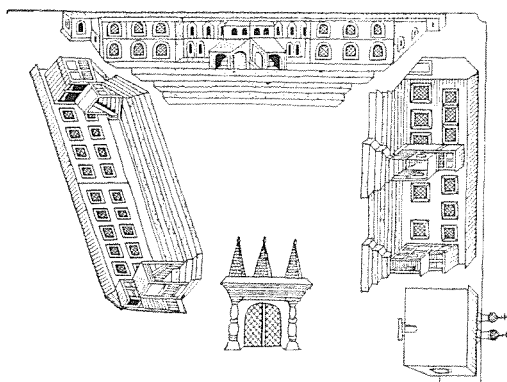
Среди столичных усадеб и массовой посадской застройки выделялся своей величиной, сложностью плана и красотой государев двор Московского Кремля. Дворец представлял собой несколько групп палат, стоявших на общем каменном подклете, утвержденном на аркадах. Его строители увековечили в камне традиционные московские приемы расположения и постройки прежних деревянных царских теремов. Северная сторона дворца была образована великокняжескими жилыми покоями. Южная, обращенная к Москве-реке, включала «набережные» палаты и терема «чердаки». Главный фасад дворца был обращен к Соборной площади и въездным Спасским воротам Кремля. Он слагался из Великой (или Грановитой) и Золотой палат, соединенных между собой переходами с «красным крыльцом» и служивших для торжественных приемов. Перестроенные и расширенные дворцовые палаты, соборы и хозяйственные дворы образовывали обширную живописную группу, в которую вошли также и новые патриаршие палаты.

Рис. 77. Типы городских усадебных зданий в XVIII в.

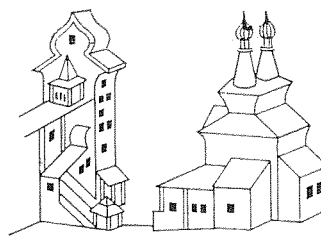
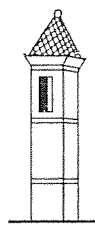
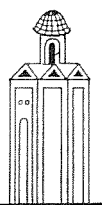
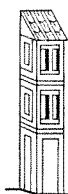
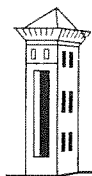
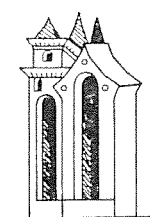
- 1 — хоромы, состоящие из отдельных «клетей»;
- 2 — здание посольского приказа в Китай-городе;
- 3 — хоромы, включающие главное и два боковых здания

2

3

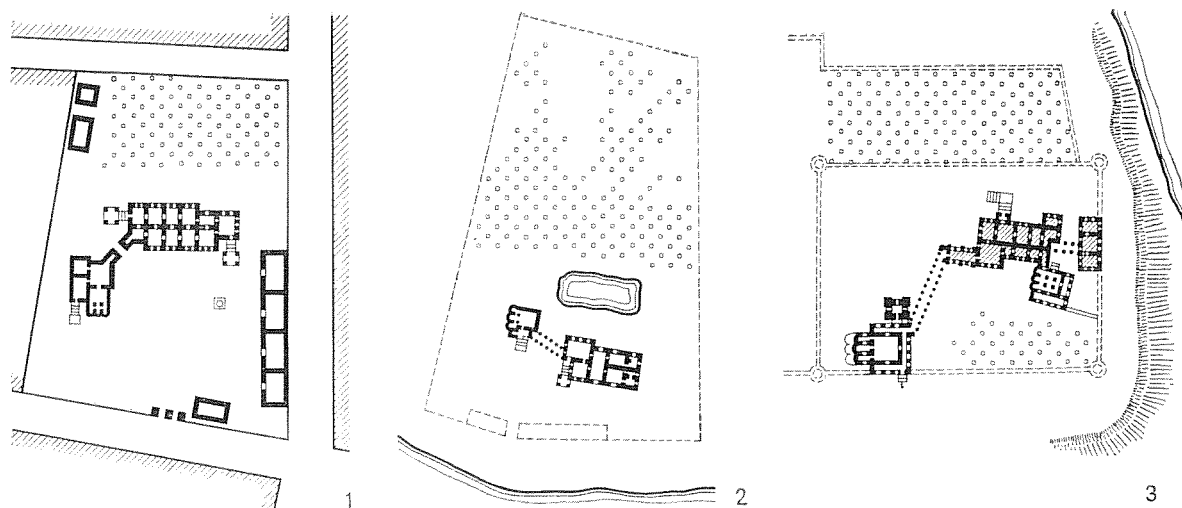

Рис. 78. Планировка крупных боярских усадеб в XVII в.

1 — усадьба А. Кириллова; 2 — усадьба Стрешнева; 3 — Крутицкое подворье

Архитектурный облик царских хором, обращенных к Соборной площади, сформировался в XVI в. после постройки Грановитой палаты. Новые же патриаршие хоромы вдоль северной границы площади были закончены в середине XVII в. Их сопоставление дает наглядную картину изменения приемов жилой усадебной застройки за это время. Ранее соединение нескольких самостоятельных объемов образовывало как бы случайно составленную живописную группу. Позднее, не теряя своей живописности и как бы нарочитой случайности, все многообразие хором вместе с примыкавшими к ним храмами сливалось в единый объем с четко выраженным главным фасадом (рис. 79). Этот прием нашел свое развитие и продолжение в усадебном строительстве следующего, XVIII в., когда застройка городских усадеб начала строго регламентироваться правилами, предписывающими «регулярное» строительство, с выносом главных зданий жилой усадьбы из глубины участка на фронт улицы.

Осуществление идеи регулирования планов городов началось с жилой застройки, так как это был наиболее эффективный и практически быстро реализуемый путь упорядочения внешнего вида городов. В 1704 г. был издан указ по Москве «...строить каменное строение по большим улицам и по переулкам, а не посреде дворов своих, добрым мастерством». Это должно было превратить хозяйственный проезд в городскую магистраль, украшенную капитальными жилыми зданиями. Примерами сплошной застройки вдоль улицы является московская усадьба Разумовского на Покровке, построенная в 40-х гг. XVIII в. Служебные

здания усадьбы обрамляют внутренний двор, а трехобъемный уличный фасад дворца, обращенный к улице, послужил прототипом многих московских домов второй половины XVIII в. Еще более характерен дом Апраксина на Знаменке (близ Арбатской площади) с фронтально расположенным главным зданием вдоль улицы.

Однако новые, регламентируемые правительственными указами приемы застройки не могли полностью заменить исстари сложившихся, проверенных жизнью и обусловленных устоявшимся бытовым укладом. В качестве примеров крупных московских усадеб, в которых отразились новые черты городской жилой застройки при сохранении старой основы, можно взять обширный дворец Лефорта, расположенный на пологом склоне р. Яузы. Его общий план содержит те же три части, что и крупные усадебные дома XVII в., но в более правильной геометрической схеме. Такой же характер имеет усадьба на углу Б. Никитской и Моховой улиц в Москве, носившая название Романова двора, где передний двор хотя и сохранял хозяйственно-бытовое значение, но был перестроен в соответствии с новыми требованиями (рис. 80).

Упорядоченность жилой застройки, выразившаяся в ее регулярности, геометрической правильности разбивки участков, единообразии оформления фасадов домов, выходящих на улицу, одинаковости высоты зданий, более всего могла проявиться в строительстве новых городов, среди которых первое и ведущее место по праву заняла новая столица государства — Санкт-Петербург.

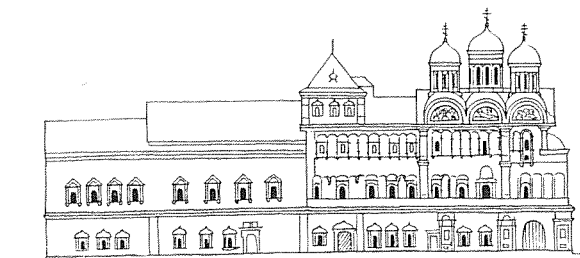
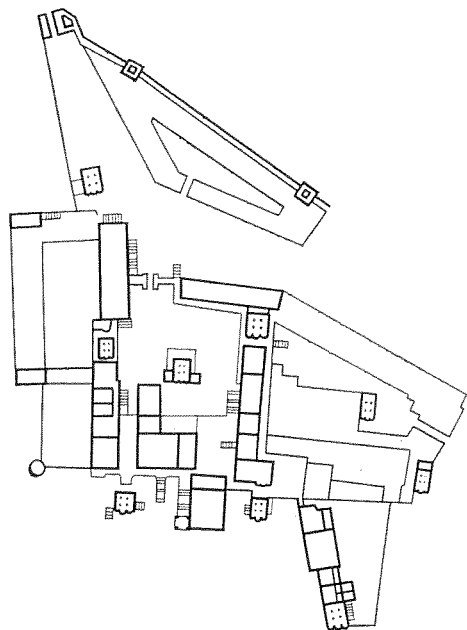
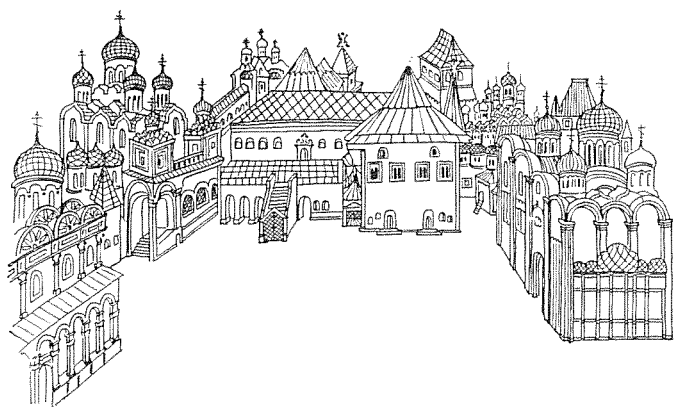

Рис. 79. Царские и патриаршие палаты в Московском Кремле в XVII в.

Когда развернулось строительство в новой столице, то здесь неукоснительно предписывалось «...по всем улицам застраивать строением, а не заборами и конюшнями». Кроме застройки «по линии» рекомендовалось здания строить сомкнутыми блоками, без разрывов. Распределение территории для заселения раз-

личными слоями населения строго регламентировалось. Так, набережная Васильевского острова предназначалась для зажиточных, «именитых» застройщиков, кварталы близ Адмиралтейства заселялись служащими и рабочими, обширные участки для крупных усадеб отводились вдоль р. Мойки и Фонтанки.

Неоднократные и настоятельные правительственные предписания «строить по улицам и переулкам в линию» сопровождалось разработкой «образцовых» проектов, в составлении которых деятельное участие принимал Ж.-Б. Леблон (1717). Им было разработано три варианта планировки усадеб применительно к социальной принадлежности и степени зажиточности владельца. Во всех этих проектах выдвигалось одно общее требование — располагать дома по красной линии застройки вдоль улицы.

Примером фронтальной застройки является усадьба на окраине Васильевского острова, позднее использованная под здание Горного института. Здесь же неподалеку разместилась более скромная усадьба Мусина-Пушкина с растянувшимся вдоль набережной трехступенчатым фасадом жилого дома и небольшим двором со службами. Эти усадьбы полностью соответствуют приему рядовой массовой застройки вдоль улиц, которая так настоятельно внедрялась правительственными указами первого двадцатилетия XVIII в. Планировочная схема подобных усадеб получила затем дальнейшее развитие в Аничковом дворце близ Фонтанки. Образцы типовой застройки на стрелке Васильевского острова схематично и безыскусно переданы в графических таблицах того времени (рис. 81, 82).

Быстрое развитие строительства в Петербурге потребовало новых более совершенных организационных форм его руководства. В 1737 г. была образована «Комиссия о Санкт-Петербургском строении», одновременно был составлен трактат-кодекс «Должность архитектурной экспедиции», где обосновывались мероприятия по упорядочению застройки городов. В нем разъяснялся принцип «регулярства» и давались практические рекомендации для его проведения в жизнь. Эти меры знаменовали следующий этап упорядочения жилищного строительства, когда от разработки отдельных образцовых домов с участками перешли к планировке целых групп жилых кварталов. Для каждой части Петербурга составляются особые проекты регулярно распланированных кварталов. Этот этап упорядочения жилой застройки столицы изображен на плане Петербурга 1753 г., где складывающаяся крупная усадебная застройка вдоль бе-

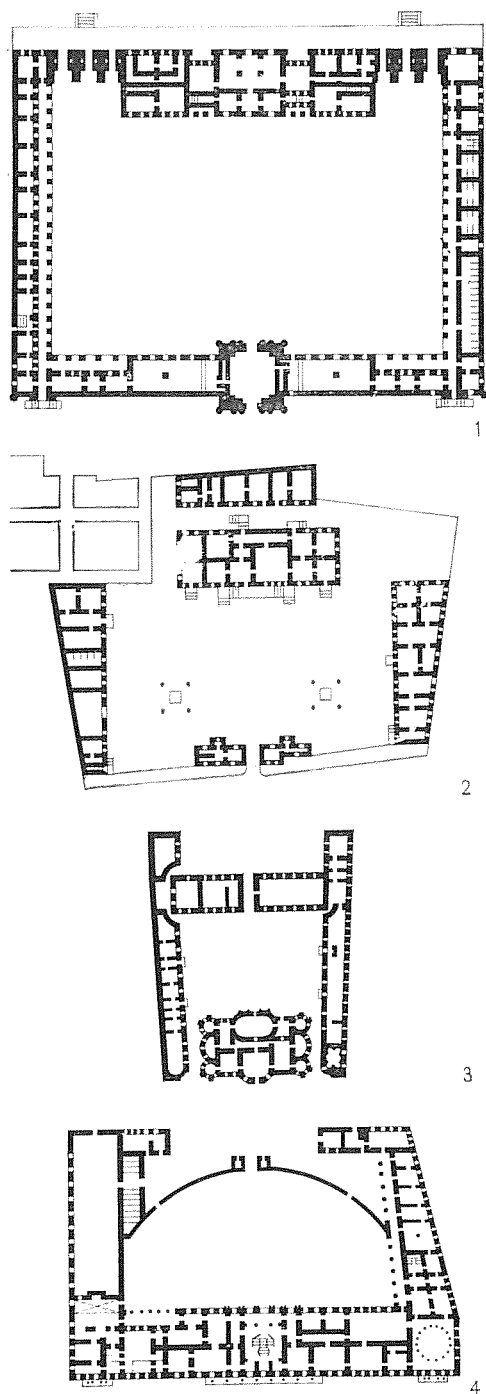

Рис. 80. Планы крупных усадебных домов Лефорта (1), Стрешнева (2), Разумовского (3), Апраксина (4) в Москве (в первой половине XVIII в.)

регов р. Фонтанки контрастно сочетается с обширными территориями, предназначенными для массовой регулярной застройки (рис. 83).

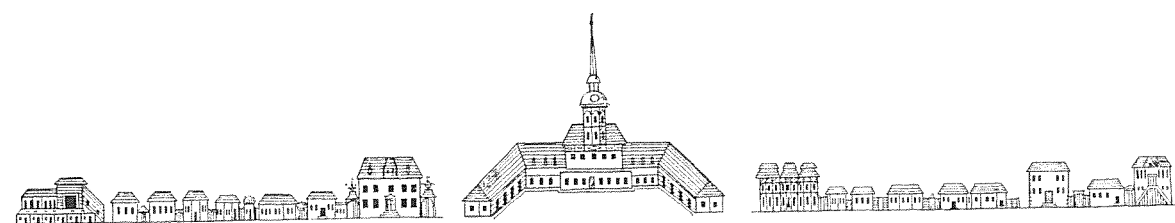
Попытки регулирования жилой застройки

были предприняты и в других городах, в первую очередь в Новгороде и Твери, лежащих на пути из Петербурга в Москву. При этом в специальной записке, разработанной в «Комиссии о строении» указывалось, что «...при строении домов должно наблюдать три правила, — твердость, способность и красоту» (т. е. прочность, удобство и красоту).

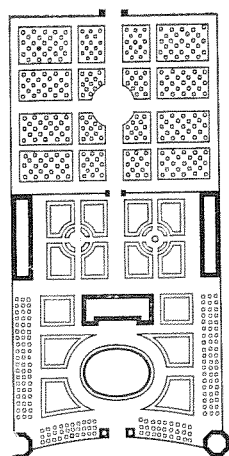
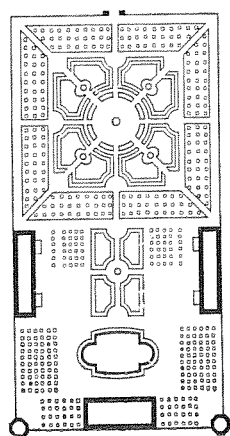
Учитывая прежде всего опыт Твери, архитекторами комиссии было разработано шесть типов жилых домов: каменный двухэтажный блочный, каменный одноэтажный на погребах с мезонином, каменный и деревянный одноэтажный на каменных погребах, деревянный одноэтажный на каменных фундаментах, деревянный без каменных фундаментов, каменный с лавками в первом этаже. На главных улицах рекомендовались двухэтажные кирпичные здания, на окраинах допускались деревянные строения с каменными подвалами. Протяженность домов предлагалась в трех вариантах — одноквартирном, сдвоенном и блочном. В Твери преобладающее значение получил в центре города и на Волжской набережной блочный вариант. Жилое здание занимало целый квартал — от одной поперечной улицы до другой, но это было не механическое соединение отдельных секций, а продуманная композиция фасада, рассчитанная на цельное и законченное впечатление. Типовые жилые дома использовались иной раз для размещения общественных зданий, особенно в малых городах.

После административной реформы середины 70-х гг. XVIII в., когда вся территория государства была разделена на наместничества, а затем на губернии, для губернских и уездных городов начали составляться новые планы, упорядочивающие их структуру. Организация массовой застройки городов перерастает в задачу государственного значения. Регулярная застройка должна была осуществляться не на отдельных участках, по мере возникающей потребности, а распространена на целые кварталы города, особенно при их восстановлении после частых пожаров. С этой целью в записке «Комиссии о строении» предлагалось «...построить сперва казенным иждивением во всякой части города угловой дом, который необходимо показывать будет две разные фасады всей улице для образца».

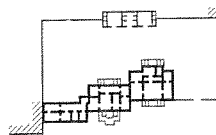
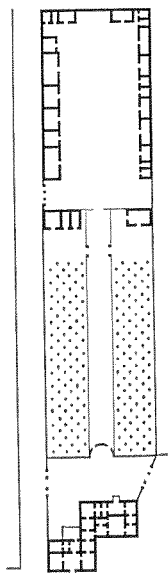
Началась интенсивная застройка по новым планам. Квалифицированных обученных архитекторов не хватало. Массовое жилое строительство для нужд людей среднего достатка и зажиточных обывателей осуществлялось часто руками людей с недостаточным специальным образованием. Поэтому «Комиссия о

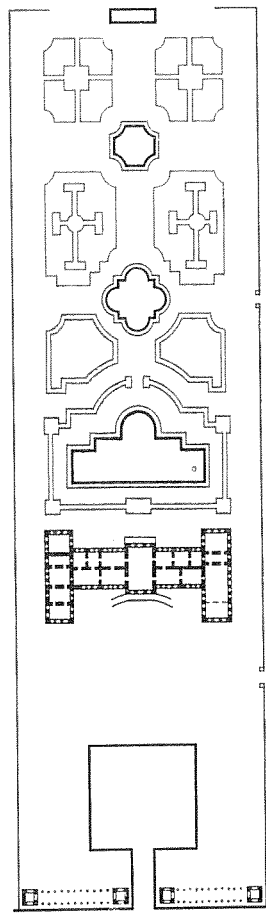
1

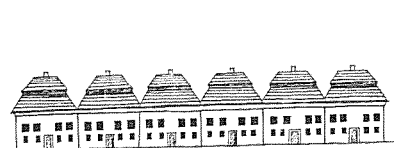
3

4

5

2

Рис. 81. Жилая застройка Петербурга в первой половине XVIII в. по образцовым проектам: дворец Меншикова и здание Двенадцати коллегий на Васильевском острове (1, 2); планы «образцовых» усадеб по проекту Д. Трезини (3); усадьбы Горного института и Музея-Пушкина (4); усадьба Аничкова дворца (5)

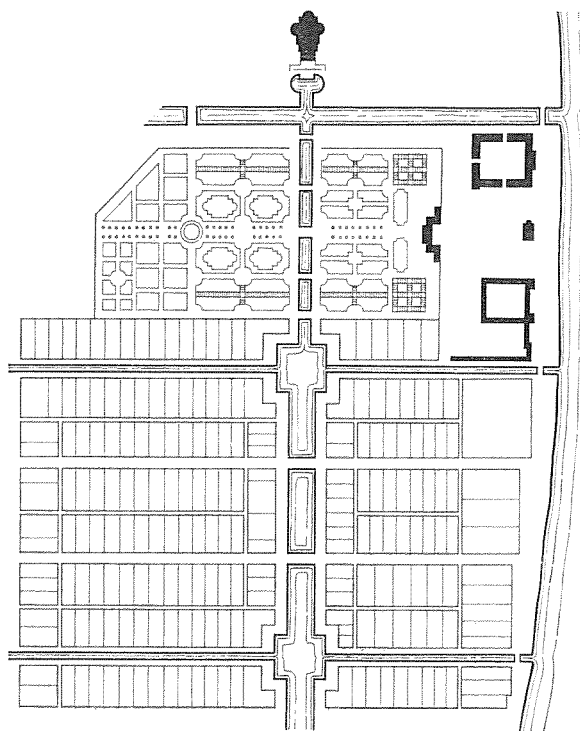

Рис. 82. Разбивка участков восточной части Васильевского острова (первая четверть XVIII в.)

строении» нашла правильным предписать строительство жилых зданий по типовым проектам для всех переустраиваемых городов. Застройка Твери была признана образцовой для городов средней полосы России. Многие

города, перестраивавшиеся в эти годы, добиваются получения тверских проектов жилых зданий. Например, в соседнем Торжке в связи с составлением регулярного плана города новые дома строятся «...против домов тверских на каменном фундаменте со сводами». При рассмотрении проекта нового плана Казани высказывалось пожелание производить строения «сообразуя подобием Тверскому плану».

Специальное внимание уделялось также разработке типовых проектов жилой застройки во вновь учреждаемых городах на юге России, в частности для размещения военно-служащих. Все разнообразие типов жилых зданий в них можно свести к двум: блочному корпусу и отдельным квартирным домам со службами. Примером первого типа является квартал в городе-крепости Херсоне, образованный двумя параллельно расположенными блочными корпусами с хозяйственными помещениями и сквозным проходом между ними. Примером второго типа может служить квартал домов в адмиралтейской слободе г. Николаева, разделенный садом. Каждая группа состоит из четырех участков, часть жилых домов имеет два этажа, остальные — одноэтажные. Чередование различных типов домов придавало внутриквартальной застройке известное разнообразие.

Образцовые проекты использовались по-разному сообразно с обстоятельствами и конкретными условиями строительства. Однако можно отметить ряд установившихся приемов, выработанных в строительстве того вре-

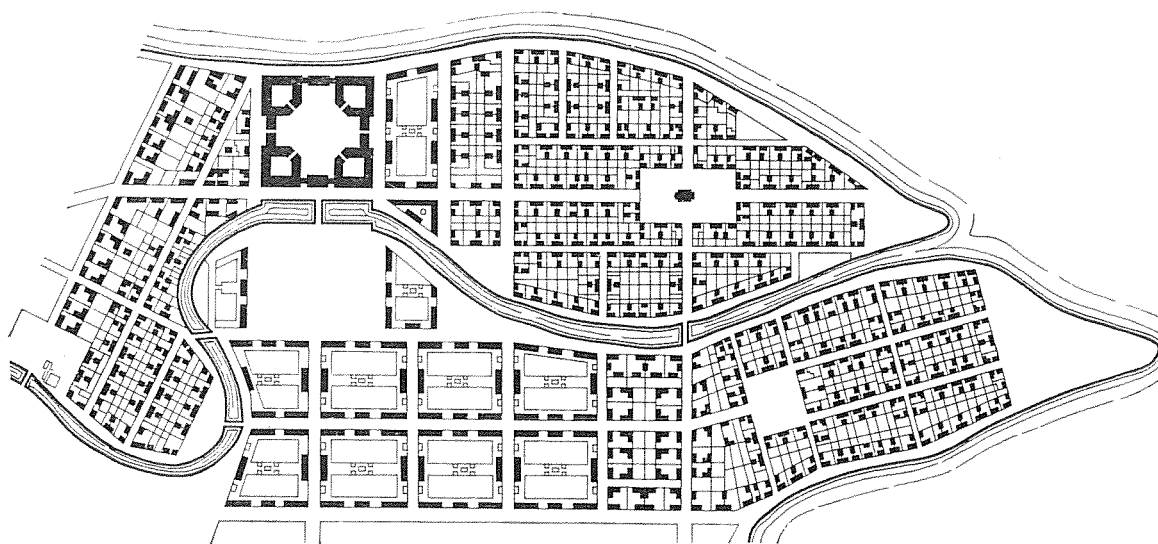

Рис. 83. Застройка района вдоль р. Фонтанки по образцовым проектам (первая половина XVIII в.)

мени. Например, для блочных домов определялась предельная длина, небольшие дома объединялись в более крупные группы, контрастно сочетавшиеся между собой и с нетиповыми общественными зданиями. При застройке фронта улицы обращалось внимание в первую очередь на закрепление углов квартала, для фасадов домов предписывалась лишь общая схема, в которую позволялось вносить разнообразные детали (рис. 84).

По мере переустройства городов выявилась необходимость перейти к новым приемам застройки и правилам ее регулирования, которая была вызвана их ростом и сложностью упорядочения дальнейшего развития. В 1806 г. был создан Строительный комитет, который ведал разработкой и утверждением планов городов. Под его руководством была разработана целая серия образцовых проектов не только жилых зданий разных типов, но также и общественных, «казенных» строений. Члену комитета архит. В. Гесте была поручена разработка целой серии проектов «образцовых» кварталов с разделением их на «обывательские места», а также «образцовых» городских площадей вместе с окружающими их жилыми кварталами. Планы кварталов разделялись на четыре группы по признаку конфигурации — трехсторонние, четырехсторонние, круглые, пяти-шестисторонние. Здания по фронту улицы симметрично расположены с выделением двух угловых и центрального. Площади имели прямоугольную или круглую форму в плане. На центральных площадях города отводились места для зданий присутственных мест, полиции, почты и гостиницы, на площадях же местного значения размещались торговые здания (рис. 85). Во всех случаях рядовая застройка жилых кварталов являлась единообразным фоном, на котором выделялась центральная площадь города с казенными строениями и две-три площади на периферии, предназначенные для торговли.

Для полного представления о типовом городском жилом строительстве того периода нужно рассмотреть военные слободы, которые в большинстве случаев являлись составной частью плана города, подчиняясь общим требованиям городской застройки. Военные городки и поселения, размещаемые или на окраинах существующих городов, прежде всего Москвы и Петербурга, или как самостоятельные населенные пункты, по своей специфике получали строго регулярную планировку и застройку.

В 70-х гг. началось строительство слобод гвардейских полков в Петербурге, где вместе с солдатами могли бы жить и их семьи. Тер-

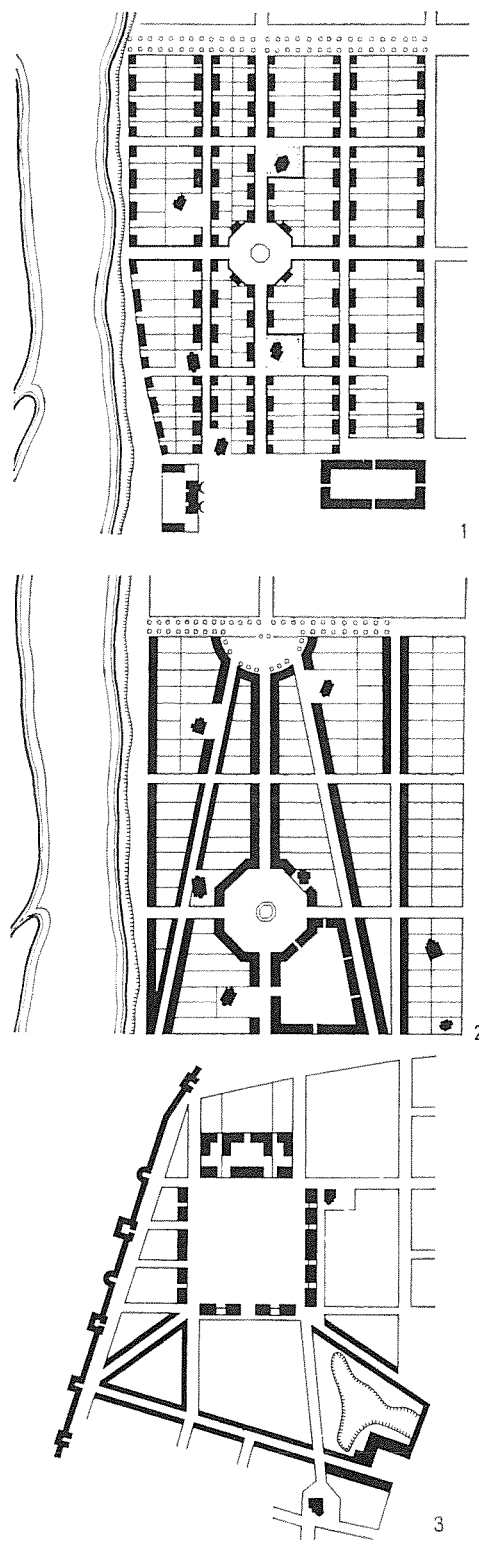

Рис. 84. Варианты застройки улиц и площадей по образцовым проектам в Твери (1, 2) и Смоленске (3)

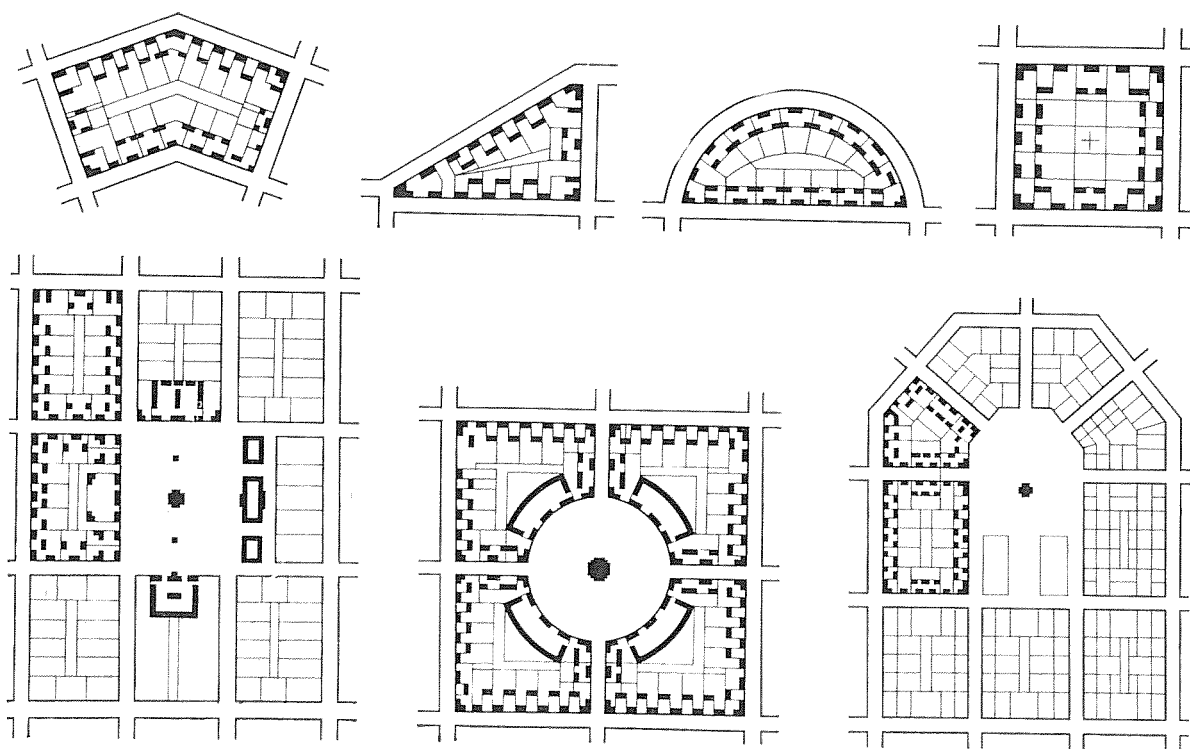

Рис. 85. Схемы планов типовой застройки городских кварталов и площадей в первой половине XIX в., разработанные архит. В. Гесте

ритория одной из слобод вблизи Смольного монастыря разделялась на две части улицей, пересекаемой переулками, вдоль которых располагалось более 100 жилых зданий «светлиц» для рядового состава. К каждому дому примыкал участок, часть которого предназначалась под огороды. Параллельно улице тянулись офицерские дома с особыми участками. Центром слободы был «полковой двор», на территории которого размещались церковь и административно-хозяйственные здания. Это — пример примитивной планировки, где нет заботы о разнообразии группировки типовых «светлиц», а жилая часть не поставлена в какую-либо планировочную связь с административно-хозяйственной группой строений.

В начале XIX в. наметился переход от слободского к казарменному размещению войск. В Петербурге и Москве происходит перестройка военных слобод, активное строительство военных поселений идет на юге России. Казарменные корпуса строились каменными трехэтажными, тем самым значительно сокращалась необходимая для нужд полка городская территория. Прежние слободские улицы «роты» превращались в общегородские проезды и переулки. Если раньше казарменные городки были пригородными слободами,

то теперь они занимают городские кварталы и должны подчиняться в своей планировке не только требованиям распорядка полковой жизни, но связывать их с общегородской планировкой. Все большее значение придается упорядочению фронта уличной застройки и архитектурному оформлению городских площадей, что можно видеть на примере проекта переустройства района казарм Семеновского гвардейского полка в Петербурге. Его основой являлась огромная полковая плац-парадная площадь, ограниченная с двух сторон ротными казармами, с третьей — фуштадским двором и с четвертой — Обводным каналом. Центром всего комплекса был собор, расположенный близ командирского и штаб-офицерских домов. Главные фасады казарменных корпусов выходили на Загородный и Царскосельский проспекты, вдоль которых предполагали построить госпиталь и рынок. Многие из этих предложений не были осуществлены, но весь проект в целом показателен как попытка рассматривать типовую застройку казарм вместе с учебным плацом органической частью плана города (рис. 86).

Регулярная схема планировки и застройки получила широкое распространение также в городских и пригородных слободах ремеслен-

ников и была перенесена в поселки, возникавшие при мануфактурах и заводских предприятиях. Так, например, в Москве большой сукольный двор у Каменного моста окружала рядовая застройка ремесленной слободы. Среди промышленных предприятий столицы в XVII в. своими размерами выделялся пушечный двор у р. Неглинной, прямоугольный в плане и застроенный по периметру длинными зданиями кузниц и амбаров. Так как двор находился в центральной части города, то его окружение составляли не только узкие дворы пушкарей, но также обширные боярские усадьбы с хоромами, расположенными в глубине двора (рис. 87).

В начале XVIII в. правительство принимает решительные меры по организации многочисленных «казенных» и «партикулярных» заводов, на базе которых возникают новые города и поселки, а также перестраивается ряд старых промышленных городов. Так, например, в Туле, в Заречной слободе, строится казенный оружейный завод. Здесь появляется новый центр в виде громадного прямоугольника оружейного двора, не уступающего по размерам древнему Тульскому кремлю. Старый город приобретает новый производственный облик.

Вместе с развитием промышленности близ существующих городов предпринимается строительство ряда новых промышленных предприятий в местах, богатых полезными ископаемыми. Однако основным районом для организации и развития металлургической промышленности становится Урал. Здесь в 1720—1730-х гг. было заложено до 40 железнотельных и медеплавильных заводов. Для руководства казенными заводами на Урале и в Сибири была организована горная канцелярия с резиденцией в Екатеринбурге. Строительство его было начато с возведения крепости близ Уктусского завода «...для безопасности от беспокойного народа». Город имел в плане почти квадратную форму с прямоугольной сеткой улиц, с заводским прудом в центре города и промышленными сооружениями, окруженными многочисленными подсобными строениями и жилыми кварталами. В этом же районе Урала был возведен ряд вспомогательных заводов — Аннинский, Елизаветинский и др., среди которых выделялся Невьянский, обнесенный деревянной крепостной стеной с каменной дозорной башней. Крепостные устройства ограничивали территорию Архангельского, Богоявленского и некоторых других заводов и заставляли размещать жилую застройку тесными кварталами с узкими проездами между ними вплотную к производственным

постройкам. Другие заводы, как Ижевский, Воткинский, расположенные на внутренних территориях среди обжитых мест, не нуждались в военной защите, и их жилые кварталы размещались более свободно и организованно (рис. 88).

Целый ряд заводских поселков позже превратился в города. К ним следует отнести, например, Егшихинский медеплавильный завод с небольшим поселком, который в последней

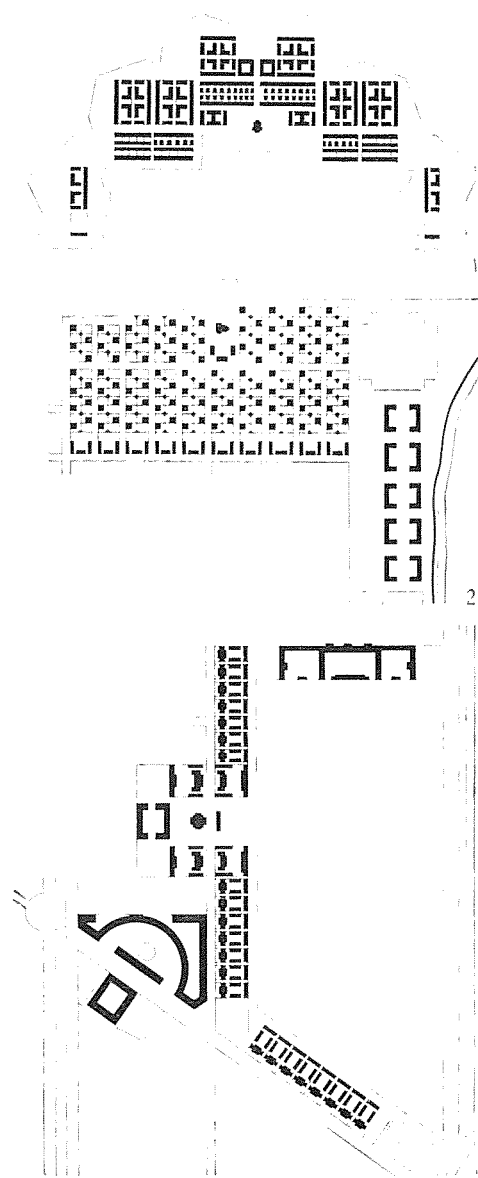

Рис. 86. Типы застройки военных поселений и казарменных районов

1 — жилой район в Херсоне; 2 — военная слобода у Смольного; 3 — схема проекта планировки района размещения казарм Семеновского полка близ Сениной площади в Петербурге

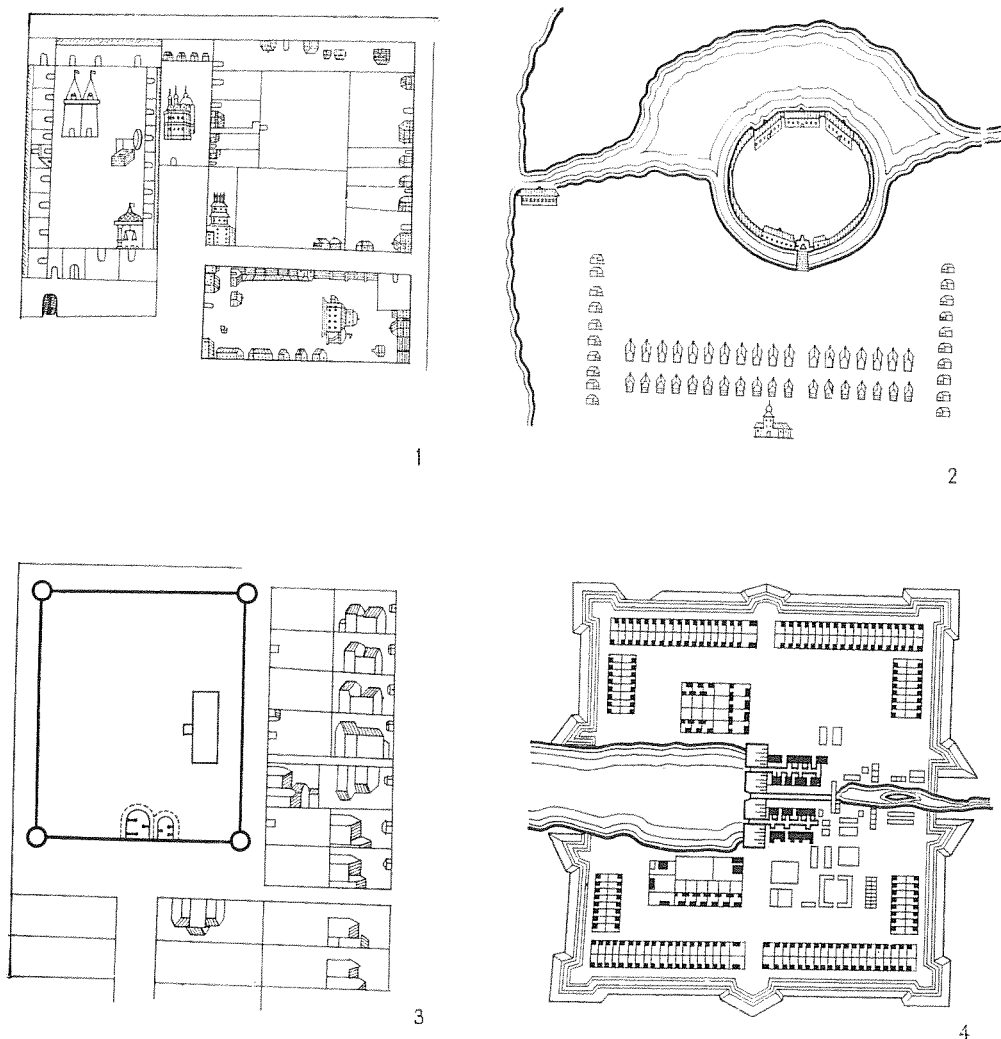

Рис. 87. Жилая застройка при промышленных предприятиях в XVII в. — первой половине XVIII в. Застройка слобод у Хамовного (1), суконного (2) и пушечного (3) дворов в Москве и первоначальная застройка Екатеринбурга (4)

четверти XVIII в. стал основой губернского города Перми — крупнейшего административного и промышленного центра западного Урала.

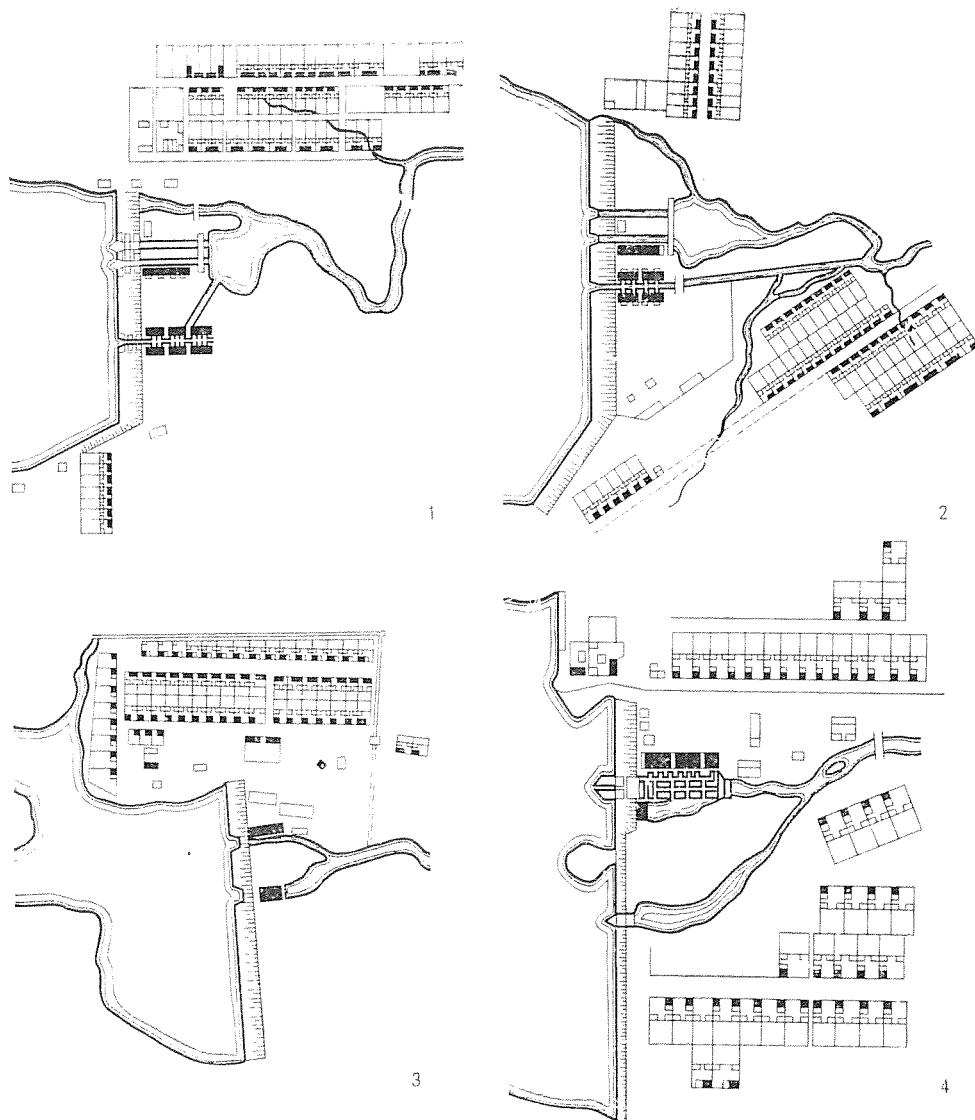
Промышленные центры продолжали развиваться и в центральной части страны — в Туле, Петрозаводске и ближайших окрестностях Петербурга.

Петрозаводск растет не только как промышленный, но и как административный центр. Неподалеку от заводской территории возникает круглая в плане площадь с административными зданиями. Вдоль соединяющих их улиц растягивается метрический ряд типовой жилой застройки, тут же разбивается городской парк. Упорядочивается застройка Тулы, которая постепенно приобретает черты крупного промышленного города, где старая основа в виде прямоугольного кремля и близлежащего монастыря сочетается с обширным

замкнутым комплексом оружейного завода на противоположном берегу р. Упы (рис. 89).

На рубеже XIX в. технология производства меняется, заводские здания приобретают новый облик, по-прежнему господствуя среди окружающей жилой застройки. Меняется и сама жилая застройка. В соответствии с новыми требованиями к строительству облик жилой части приобретает большую регулярность и композиционную закономерность. Примером является адмиралтейский Ижорский завод близ Петербурга, заложенный еще в начале XVIII в. и коренным образом перестроенный в первом десятилетии XIX в. По новому проекту реконструируется плотина и устроен широкий бассейн, вдоль которого двумя параллельными рядами разместились здания мастерских, а несколько поодаль — подсобные технические сооружения. Жилые кварталы группировались вокруг главной площади посел-

Рис. 88. Жилая застройка поселков при уральских заводах: Богоявленском (1), Ижевском (2), Воткинском (3), Баранчинском (4)

ка и тянулись вдоль берегов канала, который, помимо чисто утилитарных, производственных функций, предназначался для украшения жилой зоны поселка.

Планировочные тенденции производственно-жилого комплекса Ижорского завода нашли более совершенное выражение в проекте перестройки Галерной гавани в Петербурге, составленном в те же годы архит. А. Захаровым. Весь комплекс сооружений четко делился на две группы — производственную и жилую, разделенные полуциркулярной площадью и полосой зеленых насаждений. По границе площади располагались изогнутые по дуге корпуса «эскадренной канцелярии» и госпиталя. Жилая часть состояла из двух кварталов, в каждом из которых размещалось по 13 двухэтажных жилых зданий. Их разделяла

широкая улица, замыкающаяся собором на большой квадратной площади, обсаженной несколькими рядами деревьев. В проекте переустройства Галерной гавани ярко выражено стремление сочетать ее внутреннюю планировку с общими задачами усовершенствования планировочной структуры столицы, упорядочить застройку территории города, выходящей к взморью (рис. 90).

В XVIII—начале XIX в. наряду со строго регламентированной массовой жилой застройкой в городах велось активное усадебное строительство. Все разнообразие городской усадебной застройки, особенно крупной, в ее контрастных сопоставлениях с рядовой массовой жилой застройкой можно лучше всего проследить на примере Москвы.

Москва застраивалась в соответствии с

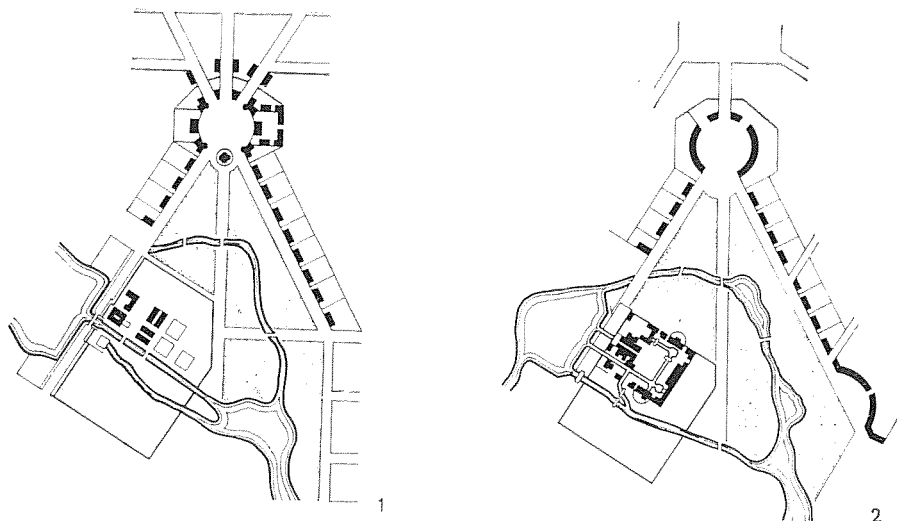

Рис. 89. Развитие жилой застройки промышленных городов в XVIII — начале XIX в.

варианты застройки;
1, 2 — Петразаводск;
3, 4 — Тула

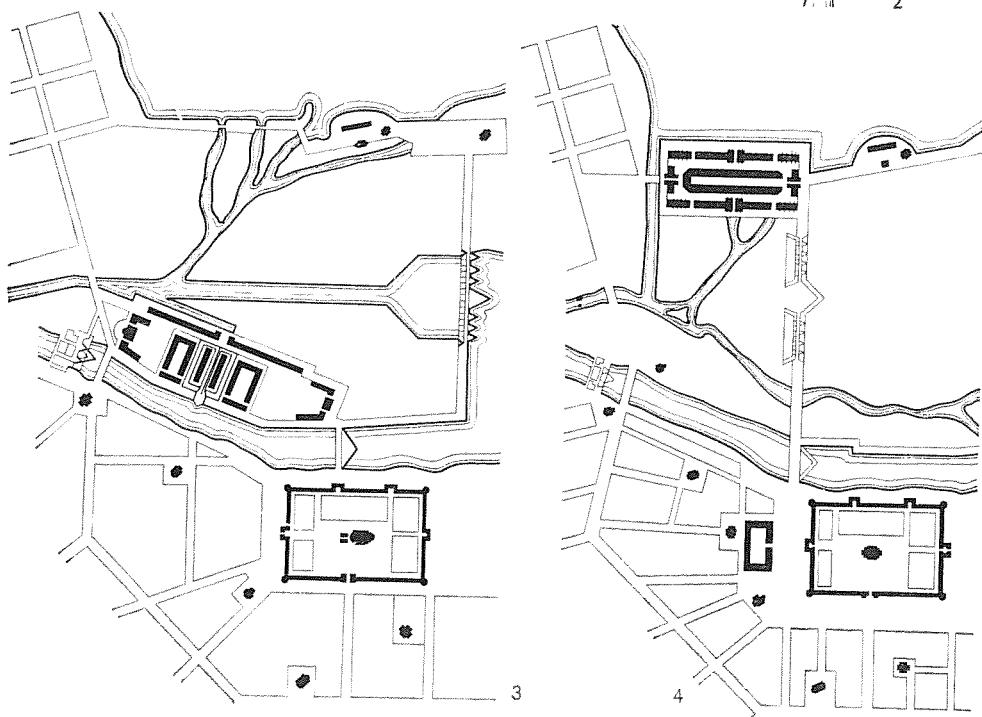
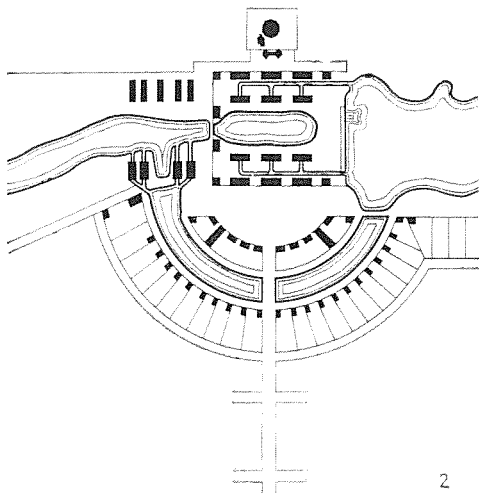
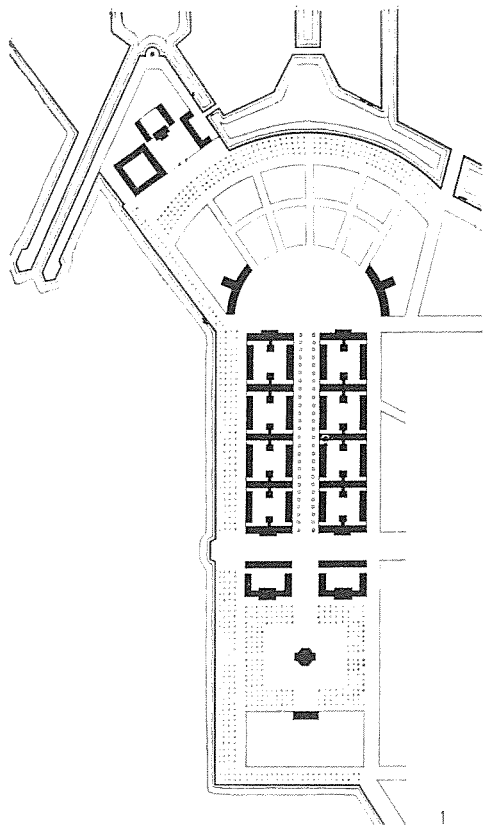

Рис. 90. Жилая застройка Галерной гавани (1) и Ижорского завода (2) в Петербурге (начало XIX в.)

«прожектированным» планом, утвержденным в 1775 г. Отдельные здания и усадьбы возводились по особой инструкции, озаглавленной «Правила строения в городе Москве на погорелых местах». Ограничения были минимальны, следствием чего явилась исключительная разнообразность внешнего облика домов и усадеб. Тем не менее все это разнообразие планировочно-композиционных приемов можно разделить на несколько групп в зависимости от исторического формирования плани-

ровки и застройки усадьбы, от ее местоположения (в центре города или на окраине) и величины (от самых крупных усадеб-дворцов до небольших посадских дворов). Все эти условия отражаются на размещении главного дома и служебных построек или по фронту улицы, или в глубине участка (рис. 91). В крупных усадьбах главный дом чаще всего располагался в глубине участка, парадный двор открывался в сторону улицы. В затесненных условиях города этот прием приобретал

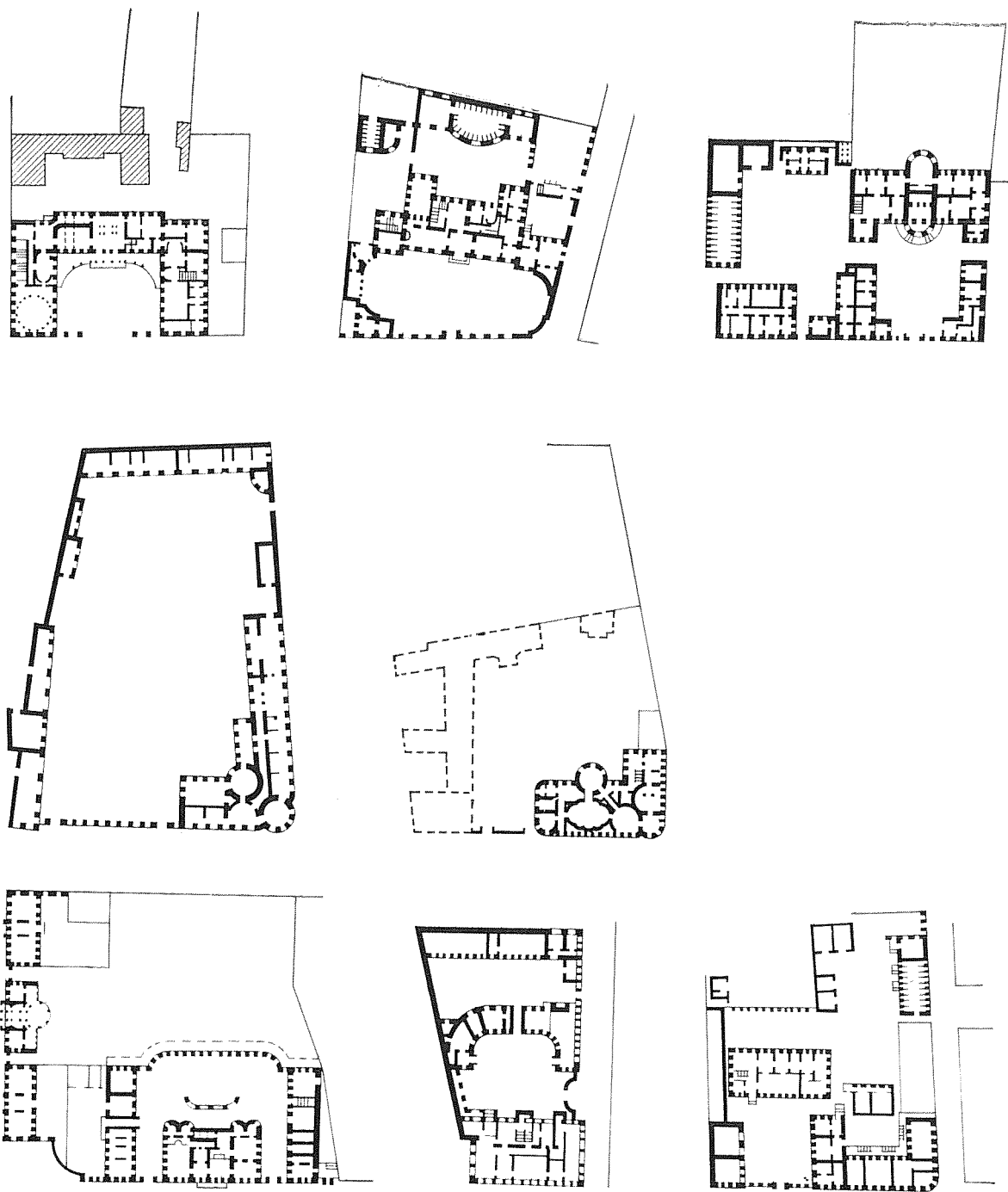
различное решение. Так, например, в усадьбе Меншикова в центральной части Москвы на Б. Никитской улице выделяется овальный парадный двор небольшой глубины, повторяющий в малом объеме дворцовые образцы. Вместе со стоящим напротив собором Никитского монастыря усадьба образовывала пространственный интервал в плотной застройке улицы, выделяющийся развитым портиком дворца и пятиглавым завершением монастырского собора. Усадьба Барышникова,

расположенная на оживленной, но узкой торговой Мясницкой улице, выделялась благодаря сравнительно небольшому пространству парадного двора, хозяйственные же сооружения отеснены в глубину участка за главный дом. Более свободно разместилась усадьба Воронцова на периферийной широкой Немецкой улице. Здесь к развитому парадному двору с главным зданием в глубине примыкают с двух сторон обширные территории с хозяйственными и обслуживающими строениями.

Расположение усадьбы у пересечения двух улиц отражалось на конфигурации главного дома. Его фасады были обращены к каждой из улиц, а угловой вход с циркульным вестибюлем соединял здание в единый нерасчлененный объем. Таковы дошедшие до нашего времени дома усадеб Разумовского на Маросейке, Румянцева, расположенной в конце той же улицы, Шереметьева на Пречистенке или Юшкова на Мясницкой улице. Но нередки случаи, когда угловая застройка сочетается с фронтальной, как например, усадьба купца Хрящева, обращенная одной стороной к небольшой городской площади, а другой к узкой набережной речки Золотой Рожок. Главный дом выходил на городскую площадь, а парадный двор, обрамленный длинными флигелями, был расположен позади него, остальная часть территории была занята садом. По той же схеме построена усадьба купца Долгова на Большой Ордынке в Замоскворечье. К улице обращен передний двор с главным домом в глубине участка и двумя флигелями. Угол владения занят лавками, позади них, вдоль переулка, расположен хозяйственный двор. К этой же группе можно отнести усадьбу Мясоедова на затесненном углу Большой Дмитровки и узкого проезда, весь короткий отрезок которой занят домом, с переулка же размещены въезды во внутренние дворы.

Однако все чаще главные дома усадеб размещаются по фронту улицы. Таковы усадьбы Дурасовой, главный корпус и флигели которой расположены вдоль проезжей части Яузского бульвара. Усадьба Цурикова на Пречистенском бульваре отличается от нее лишь тем, что флигели вплотную примыкают к главному дому, внутренний же двор наглухо отрезан от бульвара и соседнего квартала.

Застройка усадьбы по фронту улицы становится почти единственным планировочным приемом в XIX в., когда появилась потребность в более плотной застройке города. Типичный пример — особняк Гагарина на Новинском бульваре, хотя и поставленный с отступом от улицы подобно дворцам XVIII в., но со слишком малой глубиной парадного двора.

План усадьбы вытянут вдоль бульвара, подсобные строения расположены по ее периметру. Объем особняка в целом воспринимается скорее как часть архитектуры улицы, нежели как центр усадьбы. Ориентация на фасадную

линию улицы еще больше выявлена в усадьбе купца Коробова, расположенной на Пятницкой улице — главной артерии Замоскворечья. Часть территории усадьбы, находящаяся в глубине квартала, занята службами, на улицу

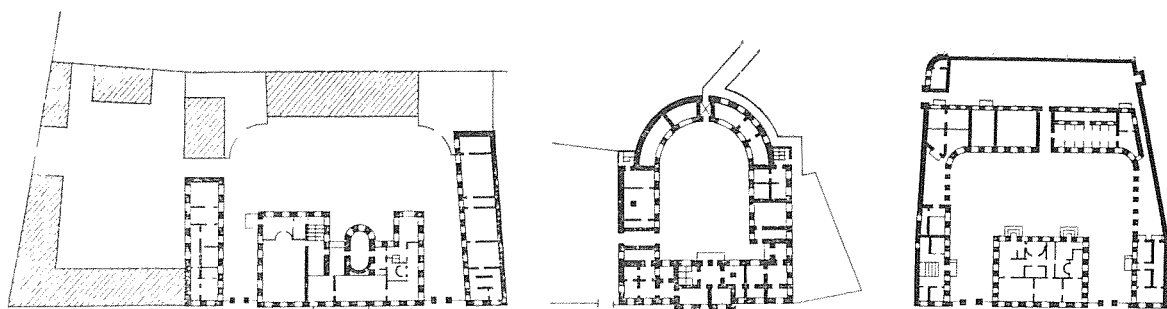
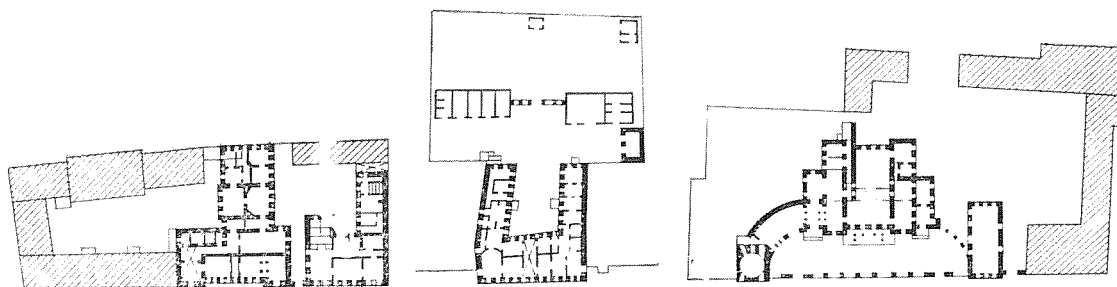
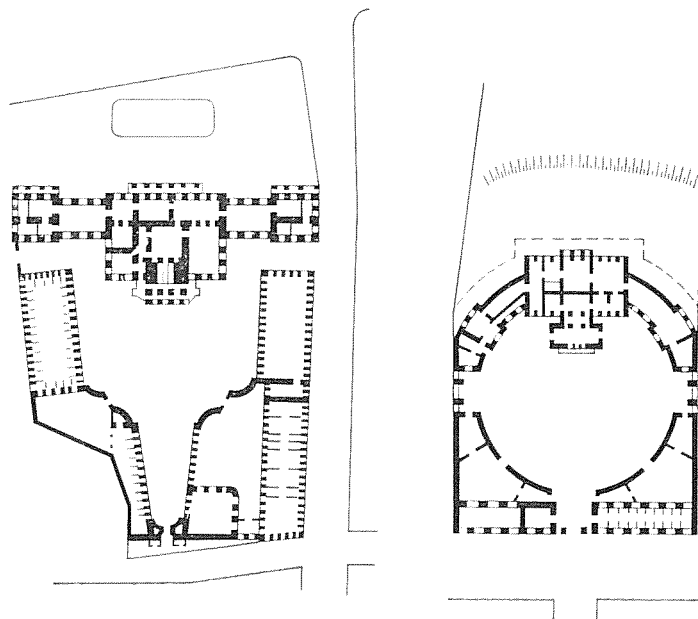

Рис. 91. Варианты застройки московских усадеб с расположением главного дома в глубине участка, по фронту линии, у пересечения двух магистральных улиц или улицы и переулочка, между двумя параллельно идущими улицами (вторая половина XVIII — начала XIX в.)

выходит лишь небольшой по протяженности главный корпус, справа и слева его теснят соседи. Желание застроить уличный фронт участка возможно плотнее предвосхищает разработку планов домов для найма, получив-

ших большое распространение несколько позже в пореформенной Москве.

Частая сетка улиц и переулков, особенно в центральных частях города, приводила к тому, что усадьба занимала всю территорию между

ними. Например, монументальный особняк Луниных близ Никитских ворот расположен на длинном узком участке, одной стороной выходящем к бульвару, другой в переулок. Малая глубина участка и широкий бульвар перед владением сделали неизбежной постройку жилых зданий непосредственно вдоль проезжей части бульвара, к которому обращены все три здания усадьбы, различные по высоте и протяженности.

Таково же расположение усадеб Пашкова на склоне Ваганьковского холма и Тутолмина на склоне Швивой горки. Территория усадьбы Пашкова делится главным домом на две неравные части: обширный передний двор на ровном плато и небольшой сад на склоне холма. Со стороны переулка пространство обнесено декоративной каменной оградой, со стороны р. Неглинной открывается трехобъемное здание дворца, возвышающееся над зеленью сада. Объем главного здания контрастировал с высоким шатром Боровицкой башни Кремля, на которую была направлена продольная ось усадьбы. Вся ее застройка формирует облик города и в равной мере обособлена от него. Усадьба Тутолмина имеет передний круглый двор со стороны улицы Болвановки и сад, спускавшийся по склону откоса к берегу р. Москвы. Главный дом трехобъемен, его боковые флигели связаны галереями с главным корпусом, увенчанным ротондой. Круглый двор, вписанный в прямоугольный участок усадьбы, очертил в углах, прилегающих к улице, два дворика — конюшенный и хозяйственный, отделенные от парадного двора каменной стенкой. Пространство двора замкнуто, оно принадлежит усадьбе, но пирамидальный силуэт дома господствует среди городской застройки.

Все эти разнообразные по величине, планировочной структуре и архитектурному облику жилые усадьбы, соединяясь в группы, составляли целые части города, значительно различающиеся по структуре улиц, плотности и преобладающему типу застройки в зависимости от расположения в городе.

В самом центре города, вдоль цепи площадей, окаймлявших Кремль и Китай-город, располагались усадьбы богатых вельмож, отличающиеся крупными размерами участков и внешней представительностью, различные по планировочной структуре. Планировочная схема, в которой дом расположен в глубине участка, а флигели расположены по линии улицы, представлена усадьбой Разумовского. Обширный эллипсовидный передний двор открыт в сторону улицы Воздвиженки, а замкнутый хозяйственный обращен к переулку. Регулярная в главных своих частях усадьба украшена ста-

ринной церковью «Знаменья на Нарышкине дворе». Иной характер носит усадьба Талызина, занимающая неправильной формы участок на противоположной стороне улицы. Сравнительно небольшой по размерам участок заставляет вынести главное здание на линию застройки улицы и совместить внутренние парадный и хозяйственный дворы, разделенные лишь полуциркулярной декоративной стенкой. Наконец, обширная усадьба Шереметьева выходила на ту же улицу острым клином, что обусловило конфигурацию ее застройки. Планировка каждой из трех усадеб различна, но они связаны между собой одним и тем же перекрестком.

Другая группа домов сложилась на Б. Никитской улице у Никитского монастыря. Здесь, на углу Шереметьевского переулка, преобладало владение Орлова. В этом же планировочном узле находилась усадьба Стрешнева, осуществленная в XVII в. с типичным для того времени расположением палат в глубине участка с открытым в сторону Моховой улицы двором, обрамленным симметричными хозяйственными корпусами. Таким образом, на этом небольшом пространстве, у слияния Моховой, Воздвиженки и Б. Никитской улиц, собраны вместе и как бы дополняют друг друга все основные планировочные типы крупных московских усадеб (рис. 92).

Иной характер носила застройка части города между Бульварным полукольцом и Садовыми кольцевыми улицами, где сосредоточивались особняки старинного, обычно небогатого, московского дворянства. Наиболее интересна застройка жилого района между Поварской и Арбатской улицами. Здесь у выхода Знаменки на Арбатскую площадь разместилась усадьба Апраксина с домом, растянутым вдоль фронта улицы и церковью Знаменья, которые сложились в единое целое, придавая своеобразные черты планировочному узлу, от которого расходились эти две улицы. В застройке Поварской улицы преобладали небольшие особняки с мезонинами и густой зеленью лип перед ними. Заканчивалась улица близ Кудринской площади домами, стоящими в глубине обширных усадеб, резко выделяющихся среди особняков, теснящихся на всем протяжении улицы. Арбат, подобно Поварской, был застроен многочисленными особняками. Лишь на углах переулков стояли большие казенные дома. Часть Арбата, выходящая к Смоленской площади и рынку, представляла непрерывную ленту лавок, лабазов, амбаров. Широкий Новинский бульвар по Садовому кольцу, подобно Поварской, был застроен дворянскими особняками, которые украшали улицу, но не господствова-

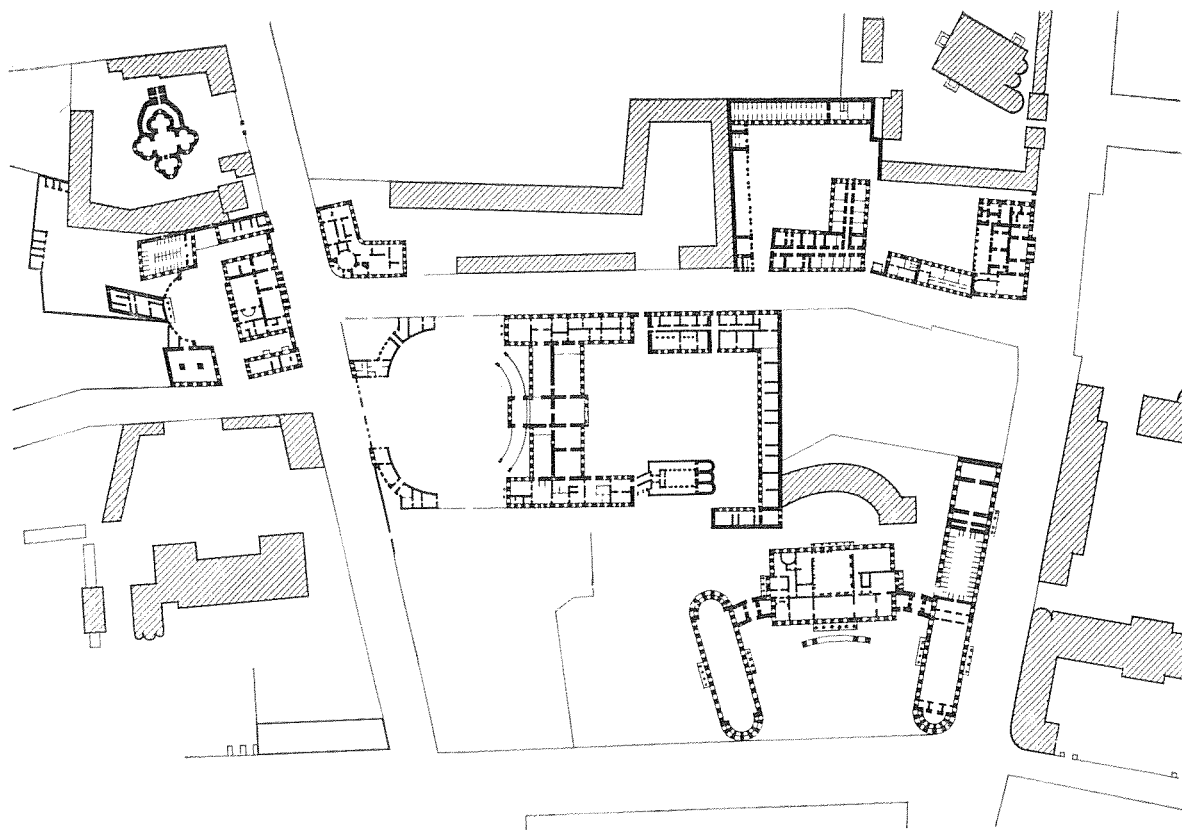

Рис. 92. Группа крупных жилых усадеб с различными приемами застройки в Москве на Воздвиженке, Моховой и Б. Никитской улицах (конец XVIII в.)

ли над ней как крупные дома знати. Они тесно срослись с прихотливой сетью переулков, со старой застройкой, с садами. Интимность жилых переулков контрастировала с шумными, деловыми улицами, охватывавшими весь этот жилой район (рис. 93).

Крупные усадьбы складывались не только в центральном ядре города на старых, давно освоенных участках поблизости от Кремля, но захватывали также и обширные территории на периферии растущего города, за пределами Садового кольца. Наиболее привлекательными местами оказались берега р. Яузы в Лефортове, где во второй половине XVII в. вблизи старой Басманной улицы, ведущей из Кремля в Подмосквовную усадьбу Измайлово, была устроена Немецкая слобода для расселения иностранцев. На рубеже XVIII в. близ Немецкой слободы на берегу р. Яузы был заложен дворцовый ансамбль, который должен был положить основу новому центру Москвы. В дальнейшем вокруг парка на р. Яузе были осуществлены Екатерининский и Слободской дворцы, военный госпиталь, а несколько поодаль обширные усадьбы Демидова и Разумовского, в строительстве которых принимали участие ви-

дные архитекторы. Пересекающиеся парковые аллеи связали в одно планировочно-пространственное целое крупные здания дворцов, ставшие местными центрами обширной приуездской территории. Дворцы выходили главными фасадами к улицам, от которых были отделены просторными парадными дворами, их садовые фасады были обращены к р. Яузе, к паркам и прудам, вырытым в болотистой пойме реки. Дома вельмож, отраженные зеркалом прудов и обрамленные пышной зеленью парков, создавали архитектурное лицо района.

На землях прежней Немецкой слободы вперемежку теснились дворы знати, военных иностранцев, а впоследствии и мануфактурные предприятия. Застройка этого обширного окраинного района была лишена единства, значительных зданий было немного, но они были умело и продуманно расположены в главных узлах района, на площадях, перекрестках и поворотах улиц. Дворцовые здания господствовали над рядовой застройкой, слагаясь в систему архитектурно-пространственных ориентиров района, планировочная структура которого была построена на контрасте плотной застройки, удаленной от Яузы, с просторной усадеб-

ной застройкой озелененного берега реки (рис. 94).

Традиционные типы посадских дворов и кварталов не были полностью уничтожены новыми дворянскими усадьбами. Они продолжали существовать и в центральной части города, и на монастырских землях, и на растущих городских окраинах. Примером может служить район Хамовнической слободы. Ее главная улица соединяла Новодевичий монастырь через Зубовскую площадь с центром столицы. Некоторая часть дворов перешла в XVIII в. во владение московской знати, военных и купцов, но общая сеть переулков XVII в. и старинная планировка кварталов сохранились. Кварталы слободы были разделены на узкие дворы-наделы, застройка которых вряд ли отличалась от старинной, посадской застройки. Пространственно-композиционным центром всего этого разнообразно застроенного района была высокая, стройная колокольня Новодевичьего мо-

настыря и появившаяся несколько позже группа протяженных корпусов Хамовнических казарм с плац-парадной площадью перед ними.

Если Хамовническая слобода, расположенная в низине Лужников, оставалась долгое время окраинным районом Москвы, где концентрировалась рядовая слободская жилая застройка, то противоположный высокий и крутой берег Воробьевых гор, откуда открывалась панорама Москвы, издавна был местом, облюбованным для возведения обширных пригородных усадеб.

Уже в XVII в. здесь существовал деревянный царский дворец, который возглавил длинный ряд усадеб знати, построенных над Москвой-рекой в XVIII и начале XIX в. Усадьбы располагались между рекой и Большой Ка-лужской улицей. Следуя рельефу берега, усадебные дома постепенно отдалялись от реки и приближались к улице. Так, главный дом наиболее удаленной от города усадьбы Тру-

Рис. 93. Планировка и застройка района между Бульварным и Садовым кольцами в Москве (конец XVIII в.)

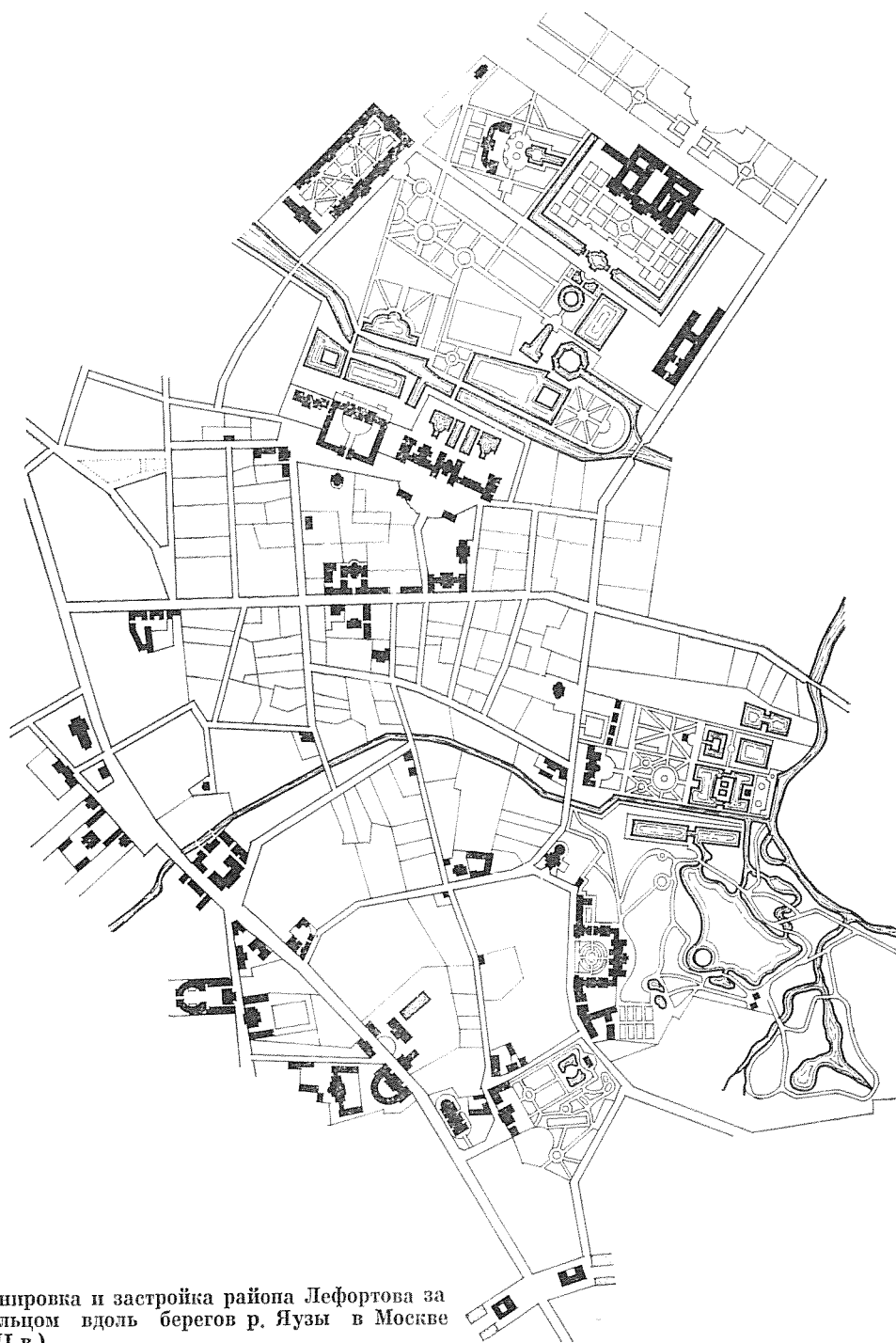

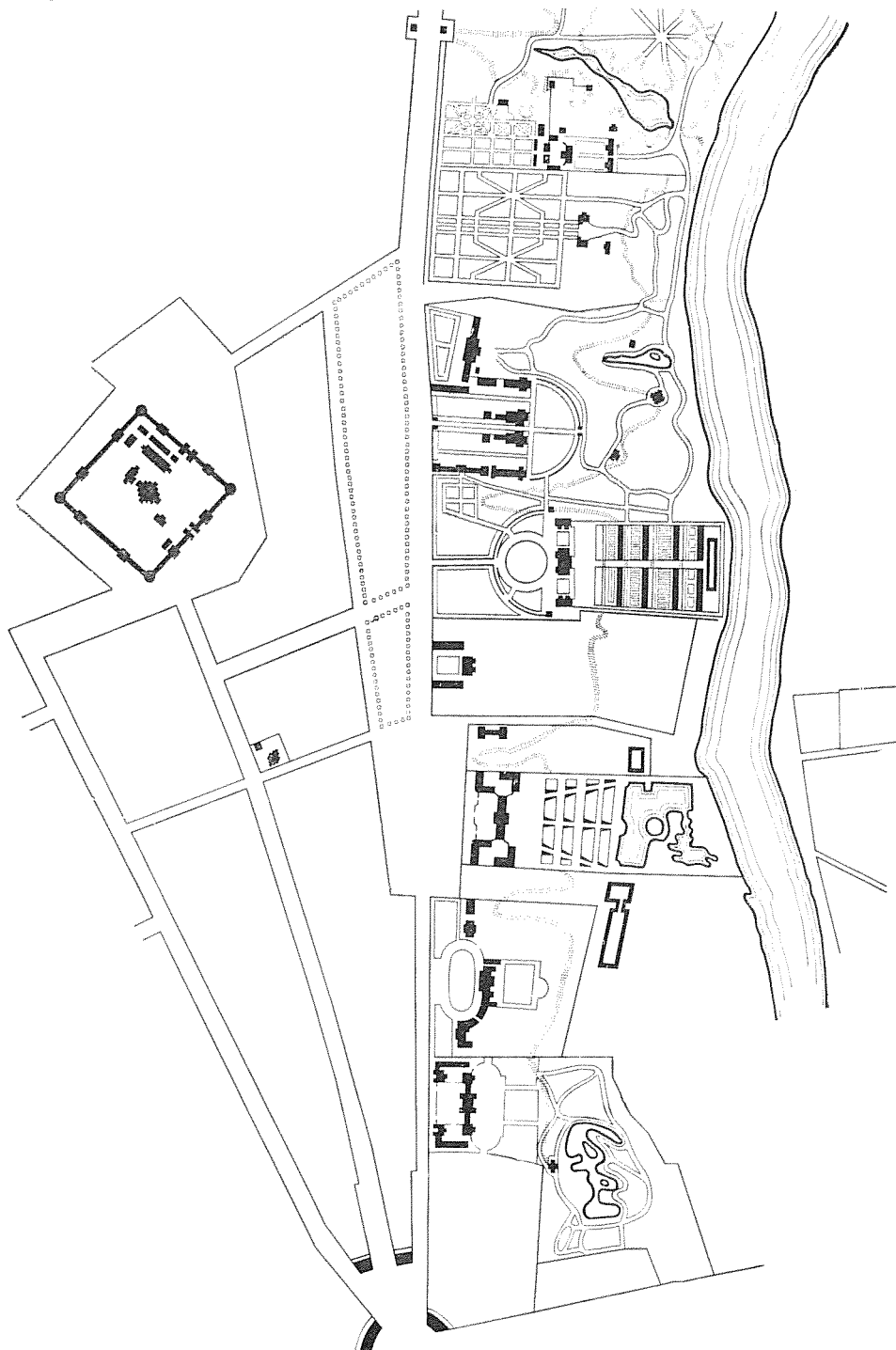
Рис. 94. Планировка и застройка района Лефортова за Садовым кольцом вдоль берегов р. Яузы в Москве (конец XVIII в.)

бецкого стоял на бровке берега, далеко от улицы. Дом горнозаводчика Демидова, перестроенный в 30-х гг. XIX в. в Александровский дворец, стоит на равном расстоянии и от реки, и от улицы; благодаря же расположению на самом гребне береговой террасы, широкому

партерному спуску к реке и строго симметричному фасаду небольшое трехэтажное здание усадьбы выглядело монументальным и представительным. Еще ближе к городу находится Голицынская больница, поставленная близ улицы, но умело связанная с рекой регуляр-

ным парком, завершенным небольшим облицованным камнем участком набережной. Первая Градская больница, построенная в начале XIX в., целиком ориентирована на улицу. Ее широкий передний двор, обрамленный флигелями, открывал предельно лаконичный объем здания, украшенный мощной колоннадой портика. Усадьба Лопухина рядом с Калужской

Рис. 95. Планировка и застройка района Пескучное и района Хамовнической слободы вдоль берегов Москвы-реки (конец XVIII в.)

площадью носила городской характер. Независимо от разнообразия планировки каждой из усадеб их полное слияние с ландшафтом создавало единство всего прибрежного района Нескучного (рис. 95).

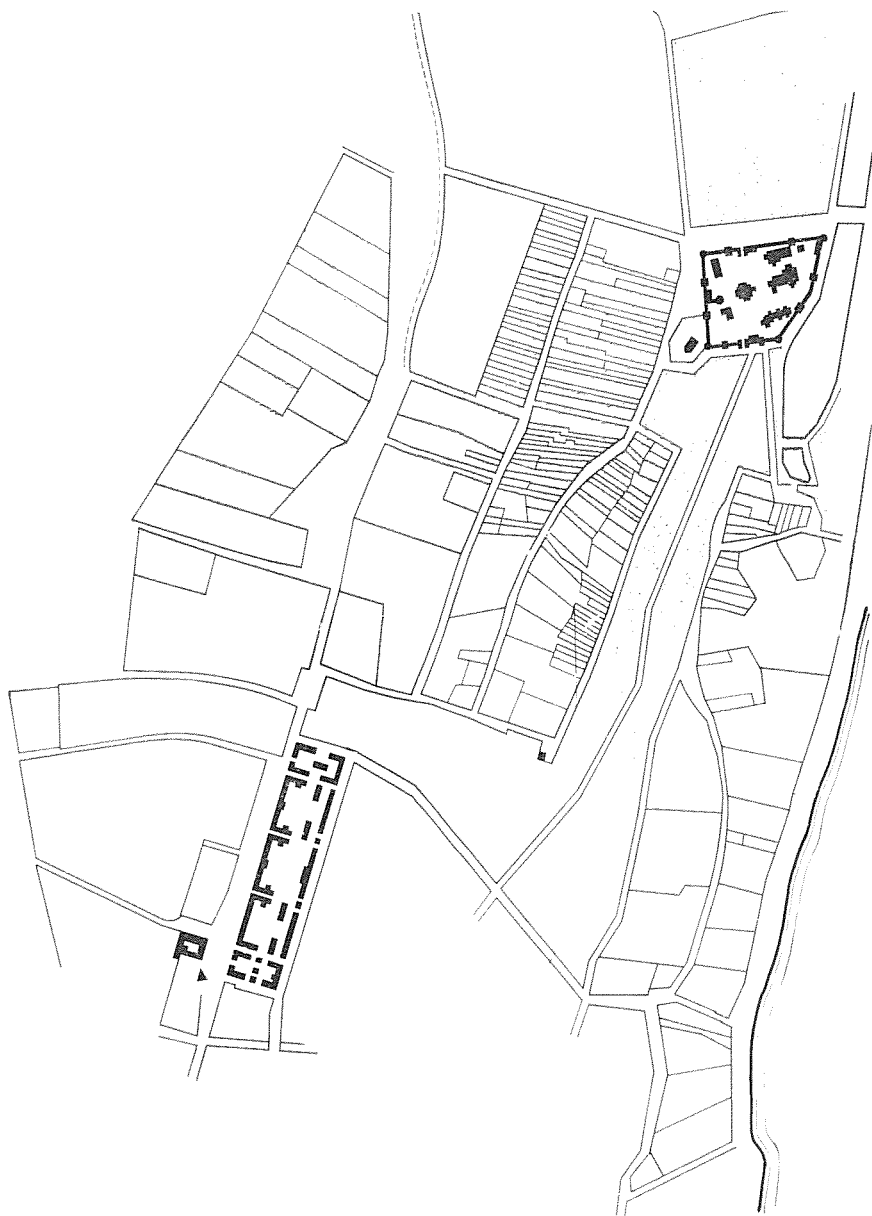
В Москве сложился наиболее резкий контраст между обширными дворянскими усадьбами и мелкой обывательской застройкой. В меньшей степени эти контрасты характерны и для других городов, ставших административ-

ными и хозяйственными центрами наместничеств, так как в них или отсутствовали крупные усадьбы, или они занимали относительно небольшую часть городской территории. Господствовала рядовая застройка, которая легче поддавалась регламентации. Внешний облик большинства городов определяли образцовые дома и типовая регулярная разбивка кварталов на равные участки. Однако жизнь вносила в реальное строительство свои поправки.

ОСОБЕННОСТИ ПРИГОРОДНОГО И ЗАГОРОДНОГО УСАДЕБНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В ближайших и более удаленных окрестностях городов, особенно крупных, издавна размещались обширные боярские загородные хозяйства, которые по архитектурно - планировочным решениям во многом можно сравнить с городскими усадьбами.

Москва в XVII в. была окружена целым рядом более или менее значительных царских усадеб, частично дошедших до нашего времени. Наиболее крупной и своеобразной по своим архитектурно - планировочным качествам была усадьба Измайлово. Сохранив типичный характер древнерусских загородных усадеб, Измайлово внесло в их планировку ряд новых черт, получивших дальнейшее развитие в XVIII в. Дворцовая часть усадьбы, расположенная на острове, была изолирована от всей остальной обширной территории, где размещались хозяйственные угодья, сады, зверинцы, вольеры и декоративные устройства. Часть используемых в утилитарных целях территорий находилась по соседству с садово-декоративными и увеселительными устройствами, которые составляли целую связан-

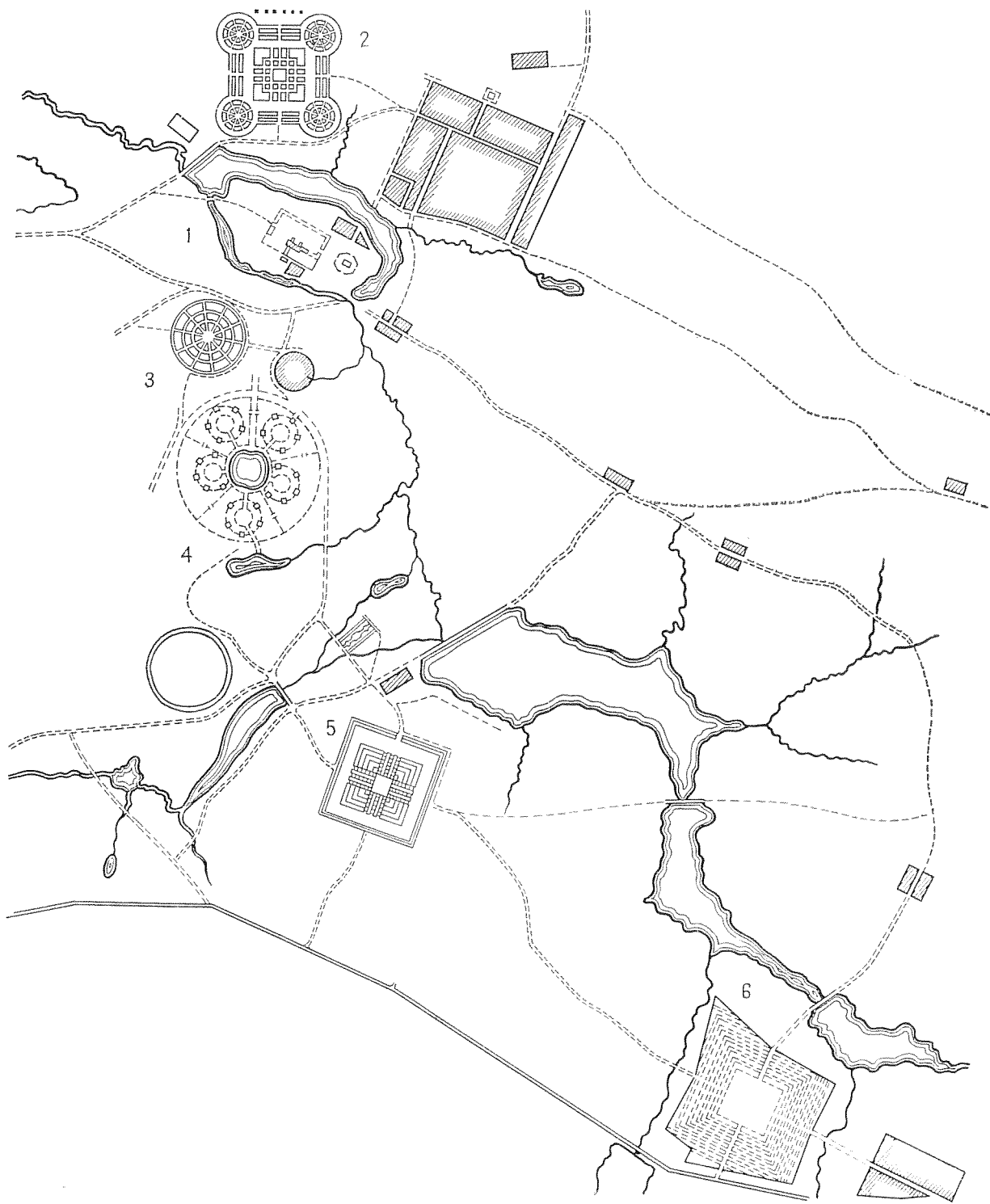

Рис. 96. Схема планировки подмосковной усадьбы Измайлово (реконструкция)

1 — усадьба на острове; 2 — виноградный сад; 3 — волчий двор; 4 — зверинец; 5 — просяной сад; 6 — сад у Ивановской плотины

Рис. 97. Дворцовая группа усадьбы Измайлово. Общий вид

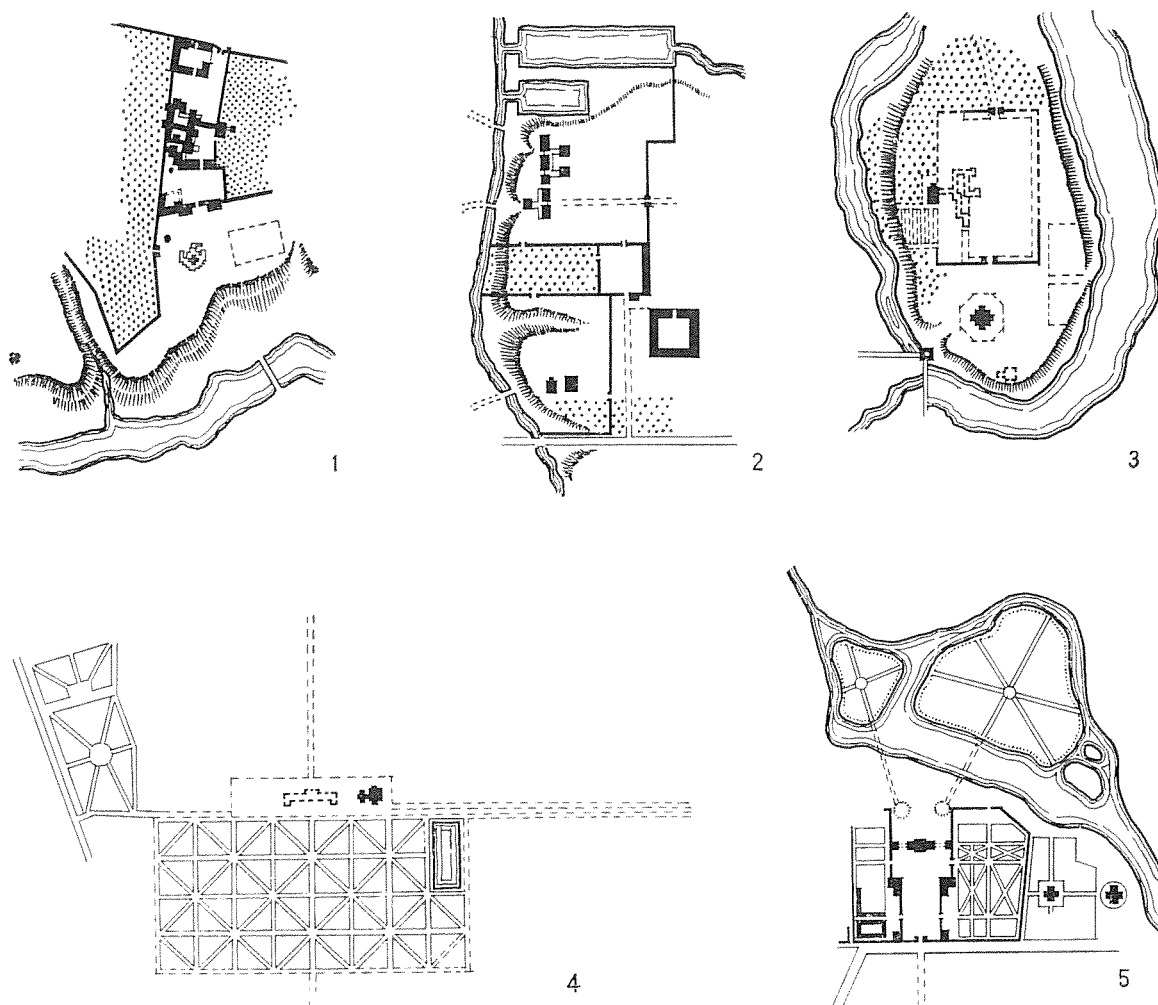

Рис. 98. Планы усадеб XVII—середины XVIII в. с элементами регулярной планировки парков
1 — Коломенское; 2 — Алексеевское; 3 — Измайлово; 4 — Перово; 5 — Гребнево

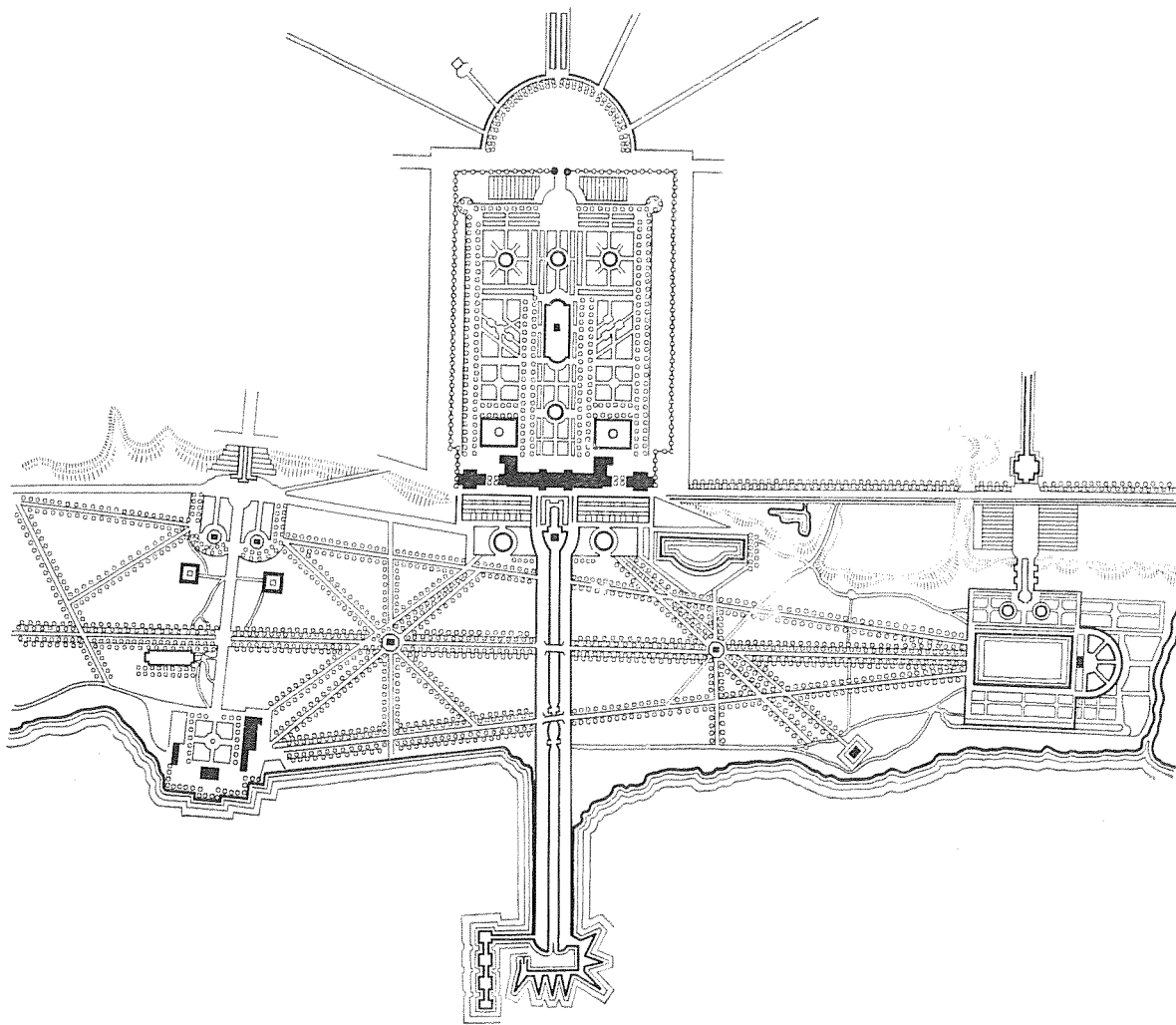

Рис. 99. План Петергофа (середина XVIII в.)

ную систему, построенную по своим собственным планировочным приемам, художественным принципам и традициям. Кроме регулярно распланированных садов, разбросанных по всей территории Измайлова, в состав усадьбы входили зверинцы и вольеры.

Дворцовые сооружения, декоративные и увеселительные устройства находились в тесном единстве с окружающей природой. Живописность целого подчеркивалась строгой геометричностью отдельных частей. Правильно распланированные сады приспособлялись к естественным условиям, разнообразно сочетались друг с другом, группировались вдоль долины р. Серебрянки и вокруг дворца на острове, к которому подходила почти вплотную темная громада леса, составляя выигрышный фон для его застройки (рис. 96, 97).

Эта связь традиционных и новаторских, де-

коративных и утилитарных черт, характерная для Измайлова, в той или иной степени проявлялась и в других усадьбах — Коломенском, Алексеевском, Покровском-Рубцове, подчеркивая своеобразие каждой из них. Планировочное построение дворцового комплекса этого времени получает черты представительности. Упорядоченность плана сочеталась с использованием пересеченного рельефа. Хозяйственные устройства и утилитарные посадки использовались для достижения художественно-декоративных эффектов.

Своеобразные черты усадьбы-резиденции, сложившиеся в XVII в., использовались и в последующее время. Идея регулярности и представительности стала находить все большее отражение в плане и застройке загородных усадеб, в то время как традиции прежнего времени сказывались в сохранении живописной

асимметрии их отдельных частей, в умении соединить всю застройку с окружающей природой. В разной мере эти черты отразились в подмосковных усадьбах Тайнинское, Братовщина, Дубровицы, сохранивших свою исторически сложившуюся планировочную основу, или Перово, Марфино и Гребнево, перестраивавшихся в первой половине XVIII в. с активным добавлением новых стилевых черт и архитектурных приемов.

Царское село Тайнинское исстари было известно как путевой дворец по дороге к Троице-Сергиевой лавре. Он был невелик, его окружали служебные постройки и сады. С Тайнинским можно сопоставить усадьбу Дубровицы близ Подольска, регулярные сады которой были расположены вблизи главного дома. Братовщина являлась царской родовой вотчиной, с которой по планировочной схеме можно было бы сблизить усадьбу Перово, превосходившую ее по территории и связанную с Измайловским зверинцем специально проложенной дорогой. Перовский регулярный сад был прямоуголен и обращен широкой стороной к дворцу. Непосредственно к проезжей дороге из Москвы была отнесена хозяйственная группа строений. В планировке Перова, а особенно таких усадеб, как Марфино или Гребнево, можно видеть более радикальные перемены в их планировочной структуре. Контраст между замкнутостью их отдельных частей и широтой перспектив, открывающихся с различных точек, несомненно принадлежит к характерным чертам русской усадьбы, перешедшим в XVIII в. и развитым на новой основе (рис. 98).

Вместе с тем в это же время образцом для всеобщего подражания становится французский двор. Многие черты, канонизированные французским регулярным паркостроением, появились и в русской усадьбе XVIII в. Но природная ситуация, назначение усадьбы, бытовые навыки, наконец, здравый житейский смысл подсказывали каждый раз своеобразные решения, далекие от бездумной подражательности. Если в отдельных элементах планировки усадебных парков и можно усмотреть источники заимствованные, то планировка усадьбы в целом обычно глубоко своеобразна. На примере таких разнообразных усадеб, как Петергоф и Анненгоф, Царское село и Ораниенбаум, Кусково и Архангельское и др., прослеживается в разных формах и в разной степени это соединение традиционных и новаторских черт в обширном строительстве усадеб первой половины XVIII в.

Петергоф на берегу Финского залива явился сочетанием двух ставших обязательными приемов планировки усадьбы — партер перед

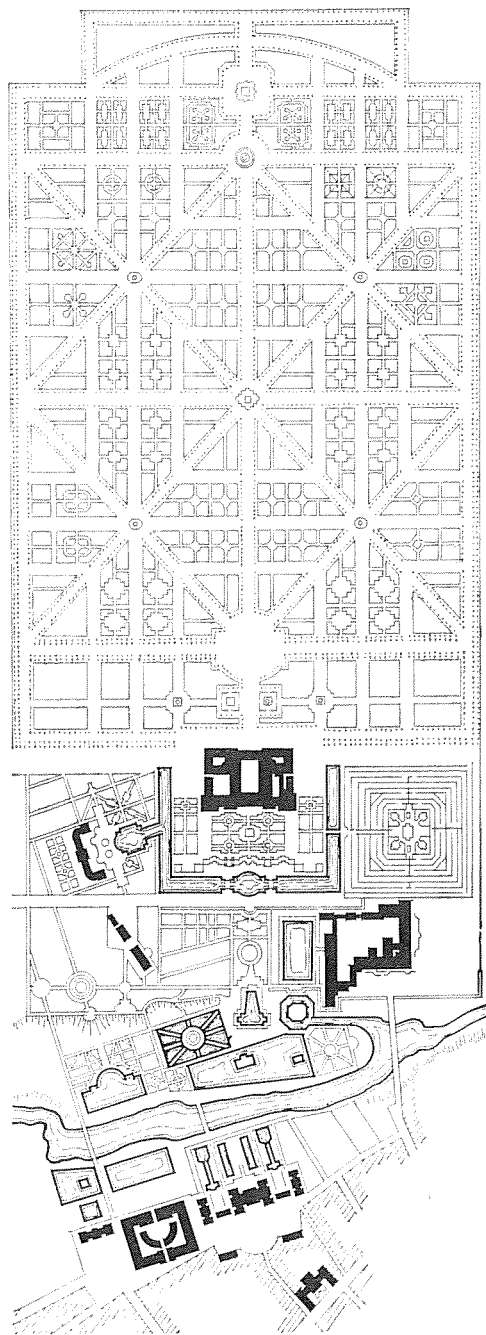

Рис. 100. План Анненгофа под Москвой (середина XVIII в.)

дворцом и трехлучевое построение парковых дорог, сходящихся к дворцу или садовому павильону. Главную продольную ось обширного дворцово-паркового ансамбля формирует большой Самсониевский канал, поперечной осью служит Марлинская аллея. Дворец, расположенный на бровке откоса, объединял территорию верхнего и нижнего садов, являясь

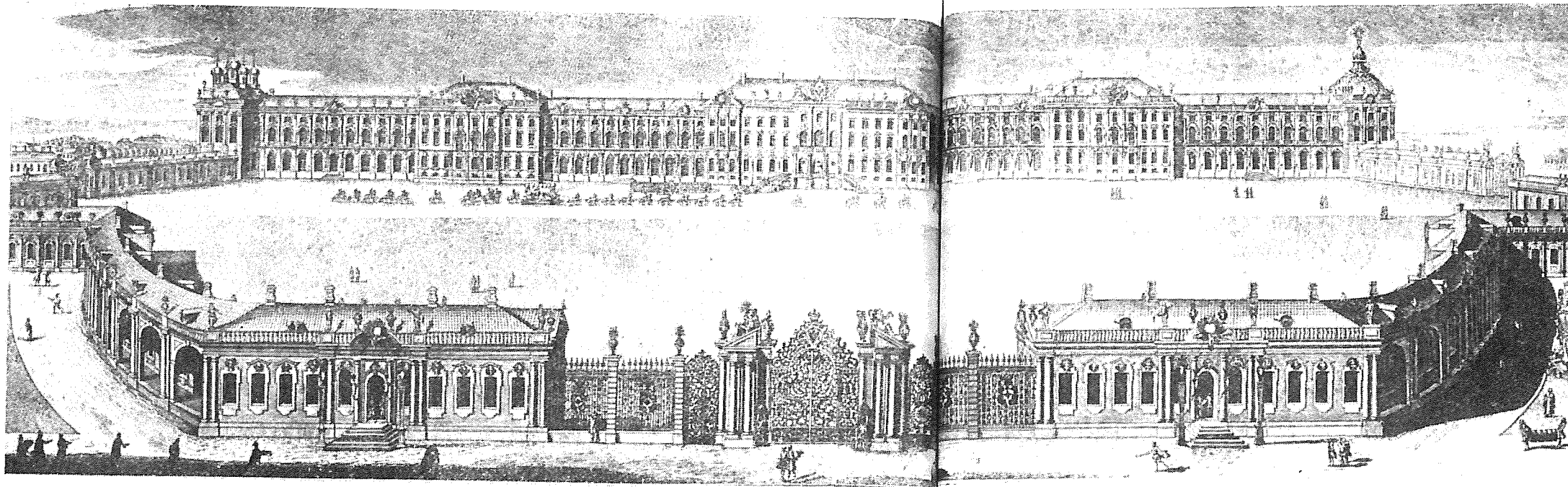

Рис. 101. Екатерининский дворец в Царском селе. Общий вид

центром планировочной композиции. Павильоны Марли и Монплеизир к западу и к востоку от дворца служат второстепенными архитектурными узлами, соединенными между собой системой трех лучей. Слияние двух самостоятельных приемов породило в результате оригинальное планировочно-пространственное решение, по своему характеру напоминающее тот исстари утвердившийся в русском усадебном строительстве прием, который заключался в объединении отдельных строго симметричных законченных частей в живописное целое (рис. 99).

Самым грандиозным садово-парковым ансамблем XVIII в. была подмосковная пригородная усадьба-резиденция Анненгоф, расположенная на левом высоком берегу Яузы близ Немецкой слободы. В 30-х гг. сюда переносится дворец из Кремля, впоследствии перестроенный и названный Екатерининским. Анненгофский ансамбль состоял из двух парков: нижнего на склоне яузского берега и верхнего на ровном плато Лефортовского плаца. Верхний сад имел геометрически правильную разбивку широких дорожек с боскетами и многочисленными площадками. Старый нижний сад представлял прихотливую систему аллей, а его главной декоративной частью являлась система прудов. Парковый ансамбль нижнего сада соединял в одно целое ряд монументальных зданий, окружавших его с четырех сторон. Дворец, расположенный на бровке берега Яузы,

связывал обе части парка в одно целое (рис. 100).

Внешний облик усадьбы-резиденции выражался обязательным наличием выработанных планировочных форм и приемов, применяемых равно как для обширнейшей дворцовой, так и для небольшой провинциальной усадьбы.

Одним из первых регулярных садов в новой столице был Летний сад с небольшим дворцом, который Петр I распорядился создать в духе «Версальского огорода». Его главную часть составлял партер, регулярно разбитые аллеи были обрамлены подстриженными деревьями и украшены статуями и фонтанами. Примерно в таком же характере была распланирована дворцовая усадьба Екатерининталь на берегу моря близ Таллина с бассейнами, прямоугольными и диагональными аллеями регулярного сада. Усадьба Меншикова на Васильевском острове и дворец в Ораниенбауме в своем первоначальном виде, известном нам по гравюрам того времени, не отставали от царских резиденций.

Следование иноземным образцам можно проследить в схемах планов придворцовых частей таких подмосковных вельможных усадеб, как Кусково, Петровское-Разумовское, Останкино, Архангельское, хотя черты своеобразия проявляются и здесь в большей или меньшей степени.

Кусково — старинная подмосковная вотчина, строительство которой было начато в 30-

40-х гг. XVIII в. Дворец, являющийся центром усадьбы, расположен на самом берегу пруда, имевшего строго геометрическую форму. К дворцу стянуты три луча аллей регулярного парка. Центральный луч совпадает с главной осью усадьбы, западный ведет к Эрмитажу, восточный замыкается бельведером. В сторону дворца, по другую сторону пруда, направлена ось канала. В этой многодельности общего плана придворцовой части усадьбы, расчленении его на отдельные, относительно самостоятельные участки можно усмотреть наличие русских планировочных приемов, отличных от зарубежных прототипов.

Петровское-Разумовское по плану своему представляет строго осевое построение. Плоский рельеф местности позволяет открыть широкие прямые перспективы регулярного плана. Длинная подъездная аллея, обсаженная двумя рядами лиственниц, подводит к обширной площади перед дворцом, обстроенной служебными корпусами. Прямо по оси расположен дворец, а рядом с ним, к северу, церковь Петра и Павла. Прямые и диагональные аллеи делят парк на отдельные участки, раскрывая перспективы на пруд и лесной массив, окаймляющий регулярный сад с трех сторон. С Петровским-Разумовским можно сопоставить расположенную по соседству усадьбу Останкино, сходную по естественно-природным условиям и по общей композиции плана. Дворцовый ансамбль был

находятся ярусные террасы и зеленый партер, по краям которого расположены скульптурные фигуры. Зеленый партер заканчивается спуском к реке, откуда открывается вид на поля, отдаленные рощи и леса (рис. 101, 102).

Характерной принадлежностью усадьбы первой половины XVIII в. были катальные горки — чисто русская «затяя», берущая свое начало от древнего спорта — катанья с ледяных гор. Эти горки становились существенной частью художественно-планировочного облика усадьбы, нарушая строгую симметрию центральной оси, связывающей дворец, партер регулярного сада и подъездную дорогу, являясь центром целого паркового участка, как, например, в Покровском-Рубцове, Стрельне, Царском селе, Ораниенбауме.

Во второй половине XVIII в. начинается интенсивное строительство усадеб среднепоместных землевладельцев. В планировке усадебного комплекса распространяется хозяйственное использование всей территории имения. В этих условиях разрабатываются приемы открытой постановки зданий в свободном окружении пейзажного «натурального» парка, простота и естественность которого противопоставлялись стеснительной условности регулярных построений. Обосновывается идея создания садов и парков, «сообразных с духом русского народа». В противоположность геометрической условности «французского» и

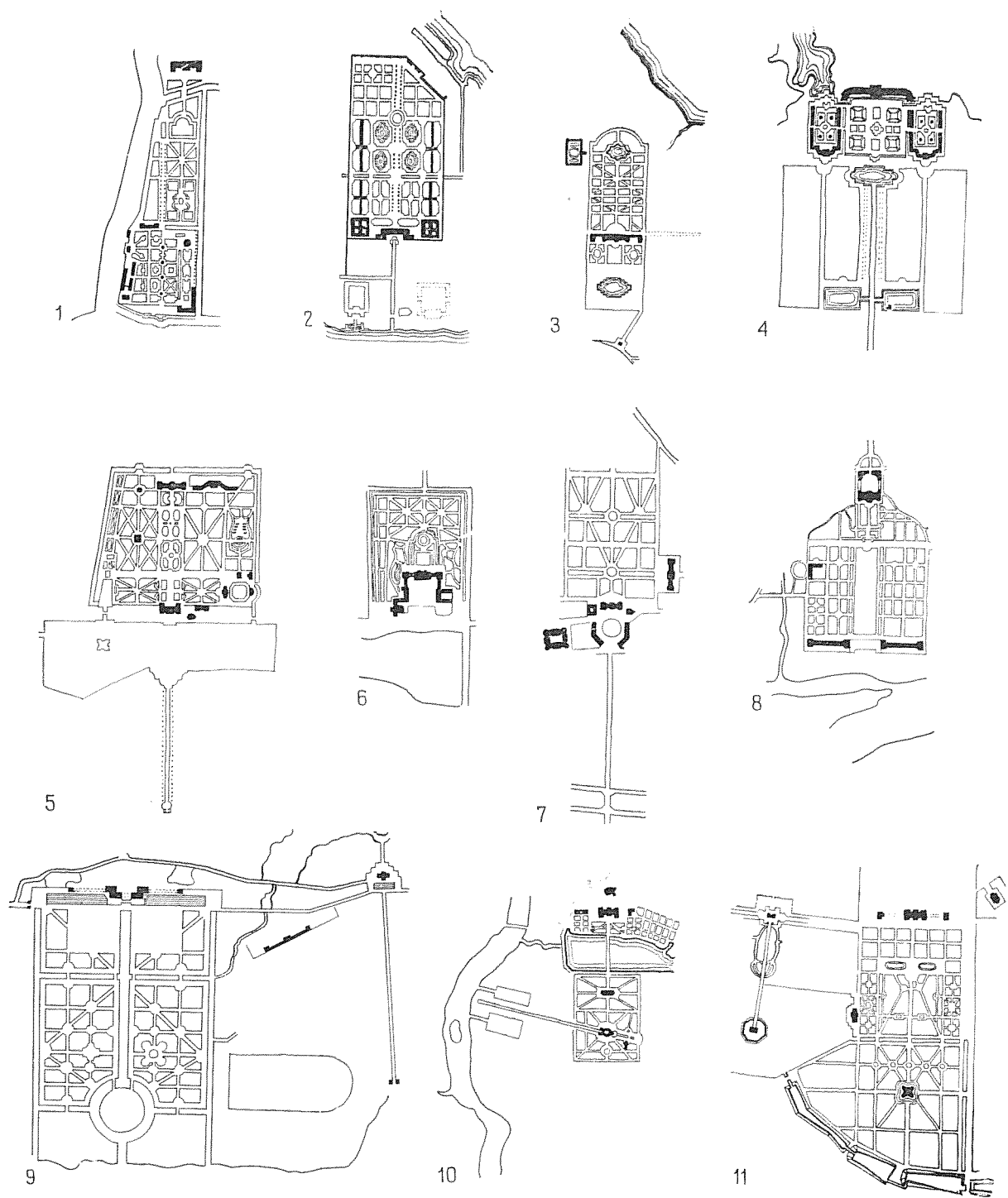

Рис. 102. Регулярные планы усадеб середины XVIII в.

1 — Летний сад в Петербурге; 2 — усадьба Меншикова на Васильевском острове; 3 — Екатерининталь; 4 — Оранпенаум; 5 — Кусково; 6 — Останкино; 7 — Петровское- Разумовское; 8 — Архангельское; 9 — Стрельна; 10 — Петровское-Рубцово; 11 — Царское Село

нарочитой естественности «английского» садов выдвигается идея создания «русского натурального сада», где учитывался бы характер русской природы и использовались бы в художественных целях не только дворцовые и декоративные сооружения, но также обслуживающие и хозяйственные здания. Новый подход отразился в планах подмосковной усадьбы Царицыно и обширной усадьбы Пелла, сооружение которой предполагалось на берегу р. Невы, между столицей и Шлиссельбургом.

Усадьба Царицыно постоянно привлекала к себе внимание любителей архитектурного искусства. Все в ней вызывало интерес — оригинальная, ранее нигде не встречавшаяся планировка, своеобразные формы зданий, их декоративное убранство. Строительство усадьбы под руководством В. Баженова растянулось на 10 лет, в течение которых он вел проектную работу, внося существенные изменения как в общий план усадьбы, так и в архитектуру отдельных сооружений. После отстранения от руководства работами В. Баженова и приглашения М. Казакова появляется новый вариант, который можно датировать 1787 г. Подверглись переделке здания дворца, что же касается обслуживающих зданий и павильонов, спроектированных и построенных ранее, то они остались без изменения. Основную группу усадьбы составляли два одинаковых, симметрично расположенных дворцовых двухэтажных здания. Планировка усадьбы особенно в первом варианте носила замкнутый характер и строилась на симметричной центральной группе дворцовых зданий, окруженной полукольцом свободно расположенных хозяйственных зданий, жилых корпусов обслуживающего персонала и декоративных павильонов. Практические требования, появившиеся в процессе строительства, заставили внести ряд коррективов в планировку усадьбы. Та замкнутость, которая была характерна для первого варианта, нарушается. Пространство усадьбы, ранее ограниченное полукругом подсобных зданий и павильонов, раскрывается в сторону основного подъезда со стороны Каширской дороги.

М. Казаков, когда к нему перешло проектирование и строительство усадьбы, видимо, учитывая новые пожелания, старался еще более выделить здание дворца среди остальных сооружений. С этой целью он увеличил общую протяженность дворцового корпуса, укрупнил его формы и архитектурные детали, а перед дворцом предусмотрел большой парадный двор с обширным пандусом, подводящим к центральной части дворца. Одновре-

менно с переделкой дворца был составлен проект парка со свободно трассированными дорожками и большим лугом перед фасадом дворца, обращенным к парку (рис. 103, 104).

В царицынской усадьбе привлекает высокое архитектурно-планировочное мастерство, поражает неистощимая художественная фантазия В. Баженова, сумевшего при видимой сложности композиции сохранить планировочную цельность и единство, подчеркнуть и выделить главные сооружения и подчинить им второстепенные. В этом отношении большое значение имеет тщательно продуманная планировочная основа усадьбы, умение подчинить сложное на первый взгляд общее построение простым закономерностям. Это особенно относится к ее первому варианту. В отношении декоративной обработки всех дворцовых и подсобных сооружений В. Баженов обращался к русской архитектуре XVII в., наиболее им любимой и ценимой.

Планировочные идеи, заложенные в царицынском ансамбле, продолжали разрабатываться в строительстве других усадеб. Они владели также умами передовых зодчих того времени, сверстников или младших современников Баженова, таких, как И. Старов, К. Росси и др., не говоря уже о М. Казакове. Так, например, приемы свободной композиции плана наряду с активной ролью подсобных и обслуживающих помещений и павильонов в формировании ансамбля в несколько меньшем масштабе и, быть может, не с такой последовательностью были применены в усадьбе Булатниково, расположенной недалеко от Царицына. Все эти черты в развитом и усложненном виде проявились в планировке таких усадеб, как Середниково-Спаское под Москвой или дворцовой группы Пелла по проекту И. Старова (рис. 105).

Главное здание каждой из этих трех усадеб представляет более или менее сложное пространственное образование. Так, например, главное здание Середникова состоит из пяти отдельно стоящих корпусов, соединенных переходами. Дворцовая группа Пелла включала семь корпусов, соединенных сквозными переходами и открытыми колоннадами. Обслуживающие подсобные помещения в каждой из усадеб представляют собой одинаковые здания, обрамлявшие прямоугольные в плане хозяйственные дворы, примыкавшие симметрично с двух сторон к главным зданиям.

Свободная композиция Царицына нашла несколько позже отражение в планировке усадьбы на Елагином острове в Петербурге — первой крупной работе молодого К. Росси.

Рис. 103. Варианты планировки усадьбы Царцыно, составленные В. Баженовым (1) и М. Казаковым (2)

Однако прием органического и свободного сочетания главного дворцового и обслуживающих помещений не всегда облакался в формы живописных построек, но чаще основывался на строгих правилах симметрии. В этом отношении показательна, например, подмосковная усадьба Михалково, строительство которой не без основания приписывается В. Баженову. Здесь вокруг сохранившегося дворца полукругом были расположены павильоны, соединенные сплошной кирпичной оградой с тремя башенными воротами-въез-

дами. Позади дворца был расположен парк с террасными прудами, по сторонам которых стояли две декоративные беседки.

Планировочные приемы в усадьбе Михалково весьма близки также Петровскому дворцу, сооруженному М. Казаковым при въезде в Москву со стороны Петербурга. И здесь обслуживающие помещения размещены перед дворцом полукругом, а трое въездных ворот отмечены парными башнями. Однако существенное отличие заключается в том, что формы Петровского дворца монументализированы по-

добно тому, как М. Казаков придал более представительности своему варианту царцынского дворца относительно баженковского. Если строения Михалкова, Виноградова и ряда других усадеб образуют в плане полукружие, то центральная группа строений усадьбы Волынщина, состоящая из главного дома и четырех флигелей, заключена в круг, а в усадьбе Алабино главный дом стоит посередине обширного прямоугольного двора, флигели же заняли углы двора.

Все рассмотренные здесь примеры усадеб-

ной застройки при всем их различии по размерам, местоположению, построению, стилевому облику роднит между собой идея развитого пространственного сочетания нескольких отдельных, относительно однородных зданий или их свободно стоящих групп, которые не противопоставляются природному окружению, а как бы проникают в него. Многочисленные просветы между свободно стоящими зданиями позволяют все время ощущать себя в природном окружении. Более того, развитое пространственное построение, как, например, в

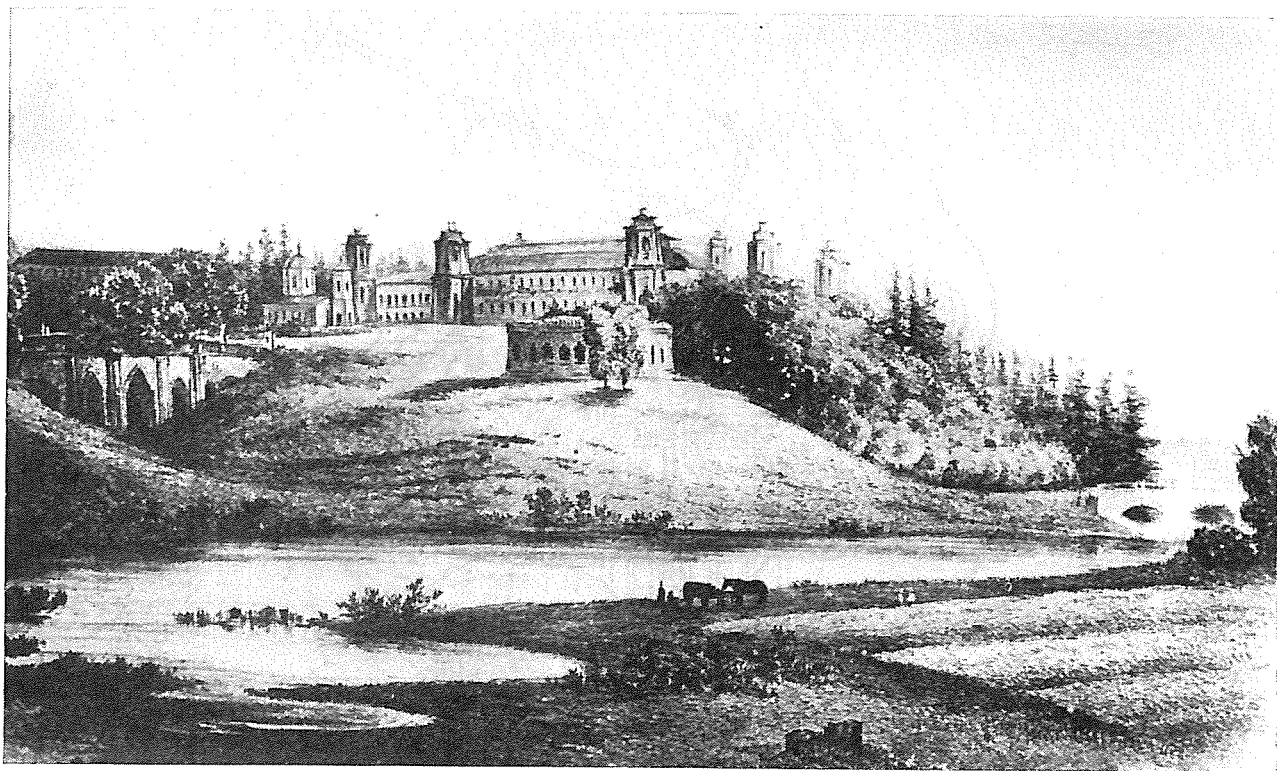

Рис. 104. Усадьба Царицыно. Общий вид

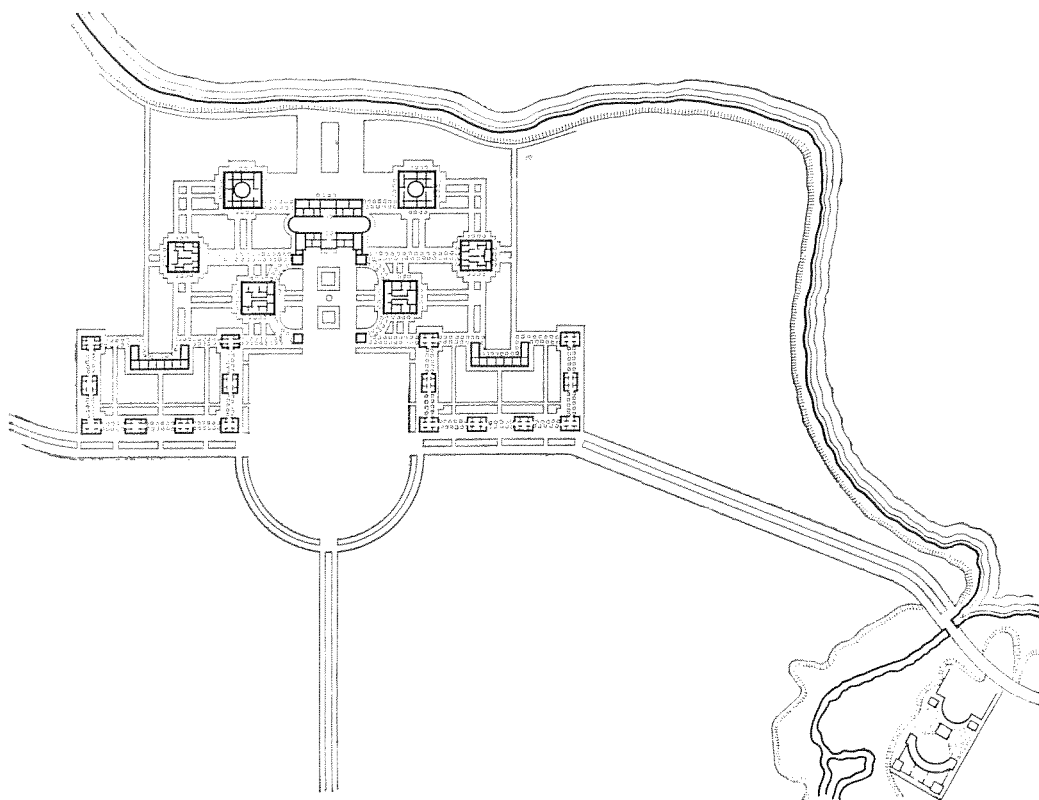

Рис. 105. Планировка усадьбы Пелла под Петербургом (реконструкция)

усадьбе Пелла, как бы втягивает природное окружение через парадные и интимные дворы в систему всего ансамбля (рис. 106).

На различии архитектурно-планировочной структуры загородных усадеб, ярко проявляющемся в течение XVII—XVIII вв., отража-

лось не в малой степени их использование либо с представительной, либо хозяйственной целью. Во многих усадьбах, особенно принадлежащих помещикам среднего достатка, эти два направления сочетались в равной мере, но в крупных усадьбах они заметно разделя-

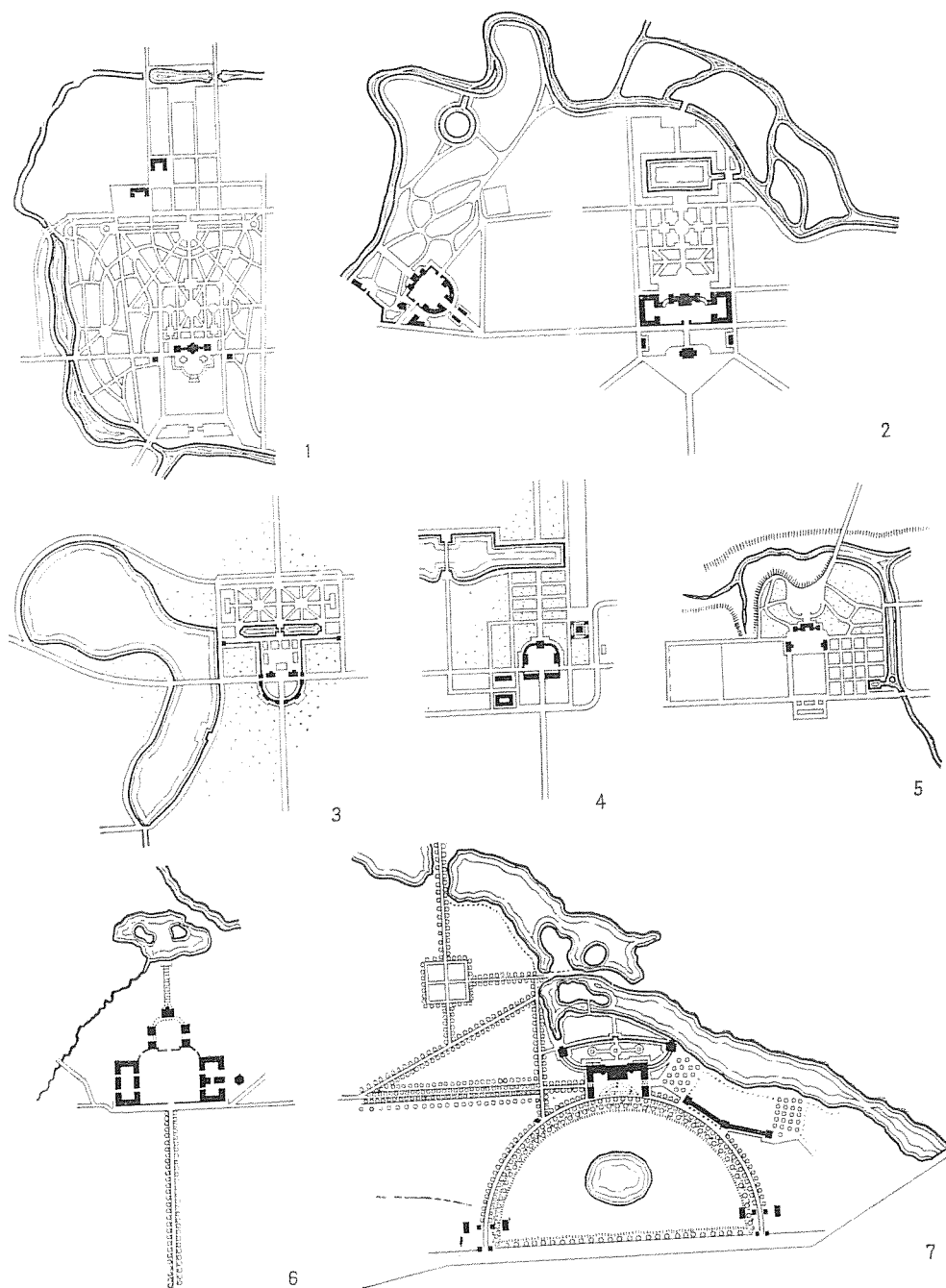
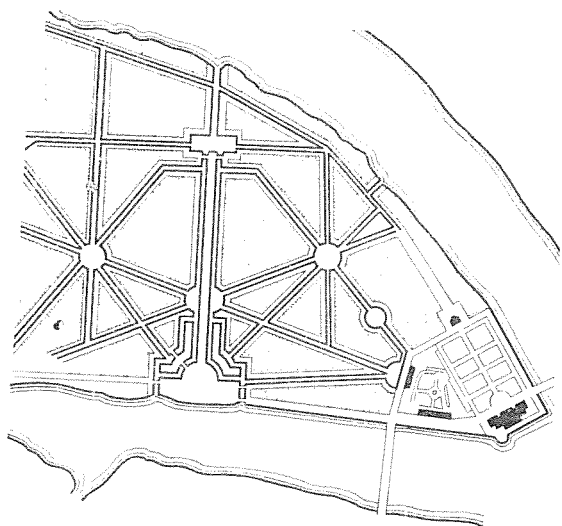

Рис. 106. Планы усадеб с пространственно-развитой группой зданий

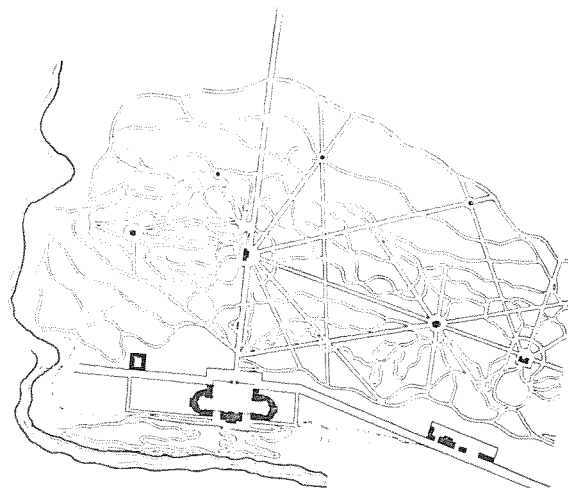
1 — Михайловское; 2 — Ярополец; 3 — Михалково; 4 — Оболяново; 5 — Денешиново; 6 — Середицково; 7 — Горенки

лись. В репрезентативных усадьбах преимущественное развитие получали парки с увеселительными устройствами. На их планировку обращалось особое внимание; здесь размещались разнообразные декоративные сооружения, которые отмечали наиболее значительные композиционные узлы на пересечении аллей при регулярной планировке парка или на берегах водоемов в пейзажных парках. Примерами регулярных построений могут служить Каменноостровский парк в Петербурге и усадьба Надеждино в отдаленной Саратовской губернии, сочетающая

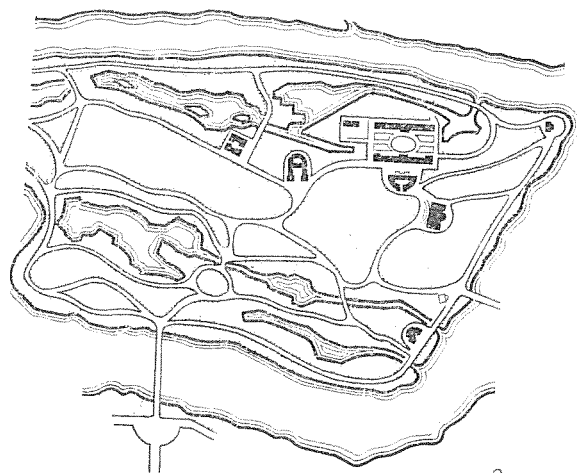
лучевые построения основных аллей с прихотливо извивающимися прогулочными дорожками. Живописная пейзажная планировка с активным использованием водных пространств характерна для Елагина острова по соседству с Каменным островом, для подмосковной усадьбы Отрада, обширной усадьбы Марьино в Курской губернии и др. Определяющее композиционное значение водных пространств — прудов и каналов — можно отметить в небольших подмосковных усадьбах Алмазово, Быково (рис. 107) и некоторых других.

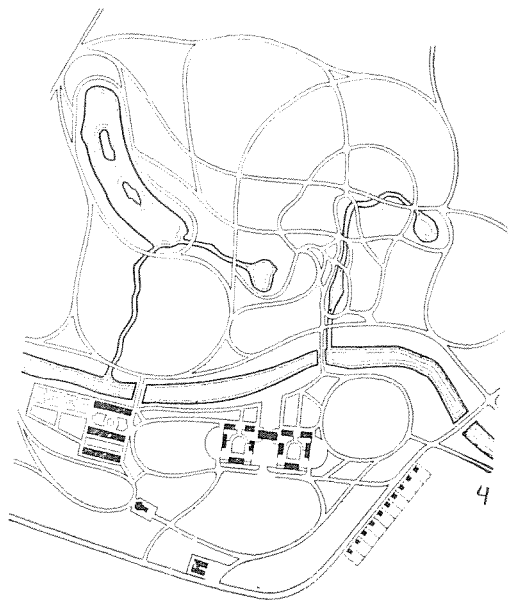
1

2

3

4

Рис. 107. Усадьбы-резиденции представительного-увеселительного характера с прогулочными парками

1 — Каменноостровский парк; 2 — Надеждино; 3 — Елагин остров в Петербурге; 4 — Отрада (Московская губ.)

Для усадеб, где преобладали хозяйственные интересы, все более остро ставился вопрос о рационализации сельского хозяйства. Хозяйственные устройства более органично включаются в общую композицию усадьбы. Это видно в подмосковном Остафье, в усадьбе Алексинно Смоленской губернии, в усадьбе Грузины Тверской губернии, где значительные территории отведены устройствам по переработке сельскохозяйственных продуктов, а также специальное внимание уделено упорядочению жилищ обслуживающего населения. В состав усадьбы входят регулярно распланированные

значительные участки жилых домов для привлекаемого к сельскохозяйственным работам окрестного населения (рис. 108).

В этом направлении ведутся и проектные разработки. Например, в литературных трудах Петербургского вольно-экономического и Московского обществ сельского хозяйства в начале XIX в. широко популяризировались новые методы ведения хозяйства и высказывались соображения о целесообразности организации «соединенных» хозяйств. В этой связи можно рассматривать предложение по реорганизации усадьбы Миловидово, опубликованное

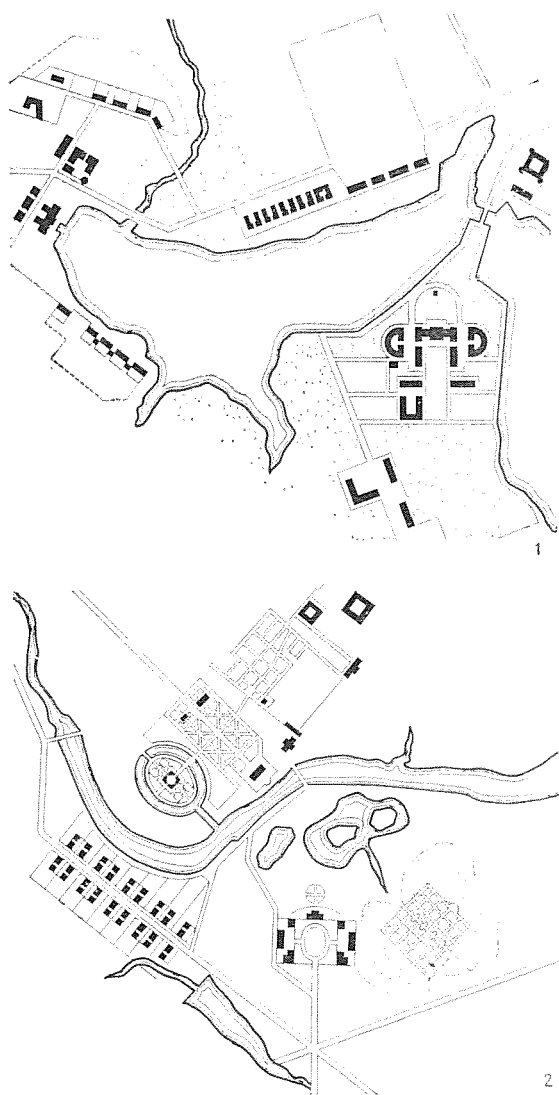

Рис. 108. Усадьбы преимущественно хозяйственного использования

1 — Алексинно; 2 — Остафьево

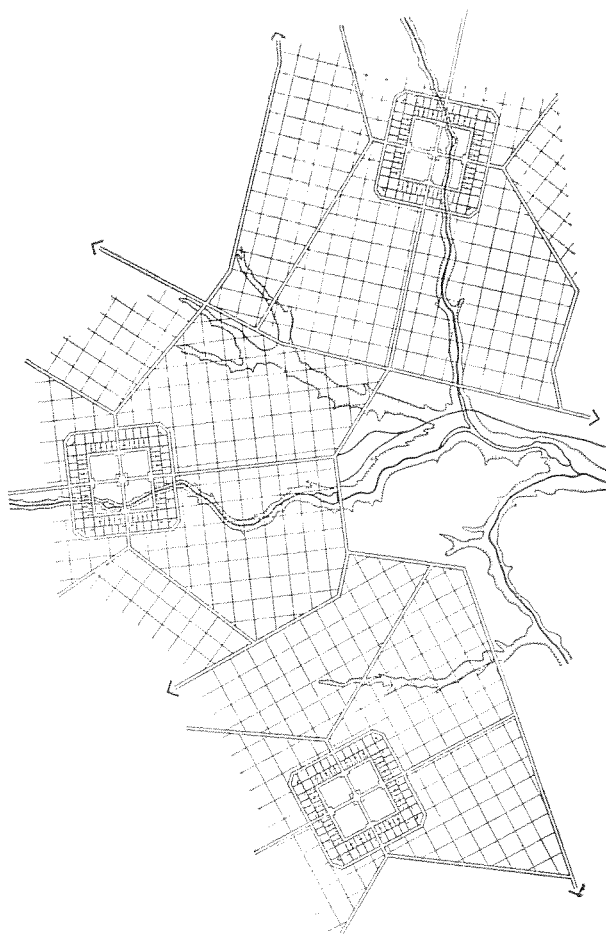

Рис. 109. Реорганизация усадьбы Миловидово Харьковской губернии в «усовершенствованное сельскохозяйственное предприятие» (проект 1829 г.)

№ 25 «Земледельческого журнала» за 1829 г. Все имение по проекту разделялось на три «посада», каждый из которых размещался в центре пахотных полей из того расчета, чтобы их обработка не затруднялась дальностью расстояния от жилищ.

В центре каждого посада находился общий скотный двор, вокруг размещались жилые усадьбы, соединенные с садовыми и огородными участками (рис. 109). Эти предположения не были реализованы, но они интересны как тенденция развития усадебного строительства, где основная территория, ранее предназначавшаяся для разбивки декоративного парка, теперь используется в практических целях, а в усадебную сельскую жилую застройку широко внедряются образцовые типовые проекты.

Развитие городского жилищного строительства на всех исторических этапах было тесно связано с изменениями в структуре населенных мест и, в свою очередь, воздействовало на формирование общей планировочной структуры и на внешний облик городов.

В жилой застройке наиболее контрастно и своеобразно сочетаются традиционные черты, передаваемые из поколения в поколение, и новые решения, непосредственно отвечающие быстроменяющимся жизненным требованиям.

Архитектурно-планировочные контрасты

жилой застройки существовали на всем протяжении формирования и развития городов, были наиболее заметными, хотя в разные эпохи меняли свой характер, принимая различные формы, но не изменяли своего существа.

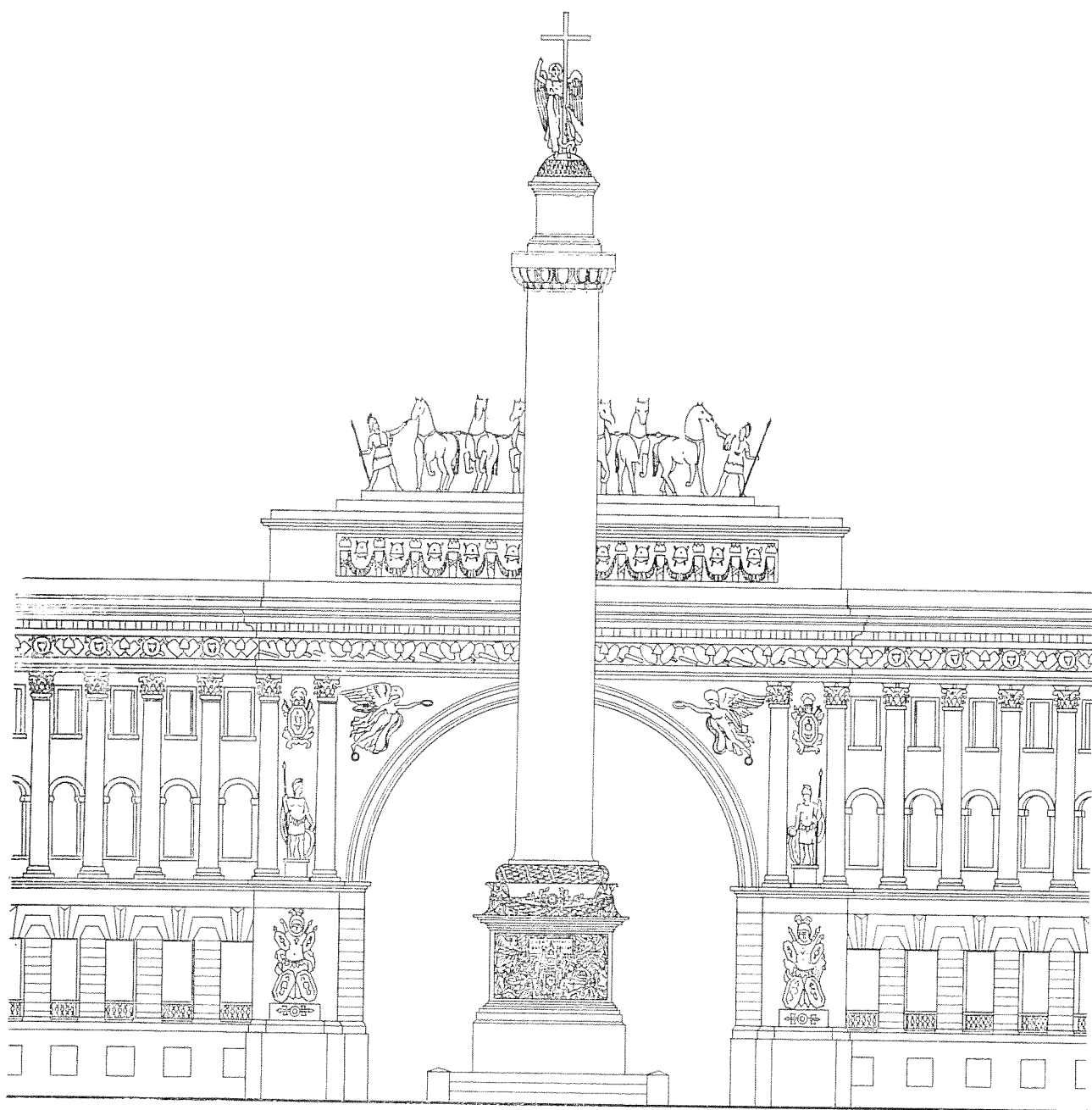
В своей массе городская жилая застройка далеко не всегда представляет собой бесспорную уникальную ценность и поэтому скорее, чем здания общественного назначения, обрекается на снос с тем, чтобы быть замененной другими типами. Вместе с тем в состав жилой застройки входили многочисленные усадьбы, наиболее крупные из которых превосходили по своим объемам и представительности административно-общественные здания. Они задавали тон застройке центральных частей города, выполнялись по проектам выдающихся архитекторов и в наше время охраняются как выдающиеся памятники архитектуры. Общие черты и архитектурно-планировочные приемы объединяли городскую усадьбу с загородной, существенной частью которой были обширные парки с их своеобразной и различной планировкой.

Все эти противоречивые и характерные особенности исторического развития городской массовой жилой и загородной усадебной застройки надо иметь в виду при современной реконструкции сложившихся городов,

Глава 3

ПРЕЕМСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕНТРОВ

1

Отличительные черты русского градостроительства на всех исторических этапах его развития, своеобразие планировочно-пространственных замыслов и художественного облика зданий и сооружений с наибольшей полнотой и разнообразием проявлялись в застройке центральных частей городов. В более ранние времена это были укрепленные кремли, а впоследствии обширные площади, на которых располагались в том или в ином сочетании административные, общественные, а нередко и дворцовые здания, частично используемые как учреждения общественного назначения.

Кремли, монастыри, а также общественные административные здания строились наиболее капитально, были долговечны, обширны и поэтому определяли внешний облик центра города. Осуществляясь постепенно в течение длительного времени, они дополняли друг друга, образовывали многообразные группы, отличающиеся в стилевом отношении, но были пространственно взаимосвязаны с различной степенью художественного мастерства. Образцовые и рекомендательные проекты различных вариантов планировки и застройки центральных городских площадей, регулярно выпускаемые с начала XVIII в., к составлению которых привлекались ведущие мастера архитектуры, помогали в той или иной степени поддерживать качественную сторону застройки городских центров.

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА КРЕМЛЕЙ—ЦЕНТРОВ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ

Объединенное русское государство получило в наследство от эпохи феодальной раздробленности значительное число по-разному укрепленных кремлей. При всем многообразии этого наследия можно выделить общие черты, характерные для их планировки и застройки. Кремль представлялся в своей основе как регулярное, прямоугольное построение, простое и ясное по замыслу. Это понимание укрепленного города-кремля отразилось в литературных источниках. Так, например, в «Сказании о невидимом граде Китеже» описывается расширение существующего города в таких выражениях: «Град тот большой Китеж на сто сажень в длину и в ширину и бысть первая мера мало места. Повеле — же благоверный князь Георгий еще на друго сто сажень прибавить в длину и бысть мера града

тому в длину два ста сажень, и в ширину на сто сажень»¹. Описание города-крепости мы находим в одном из списков популярной сказки о Бове-королевиче. Оно соответствует графической интерпретации «идеального» русского города-кремля на фреске Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь изображен «земной рай», представляющий прямоугольный город с башнями по углам и посередине каждой из четырех стен, окруженный наполненным водою рвом. От башен-ворот в середине каждой стены идут две перекрещивающиеся дороги, расчленяющие территорию «земного рая» на четыре равные части, в каждой из которых помещены строения среди деревьев (рис. 110). Представления об «идеальном» городе отразились также в изображении «горнего Иерусалима» на паперти одной из церквей Ростовской митрополии. Здесь дана такая же регулярная расстановка башен, только внутренняя планировка показана более обобщенно, одной группой условно нарисованных зданий. Эти изображения, сказания и легенды относятся к концу XVI — началу XVII в., но в них несомненно отразились более ранние представления русского человека о хорошо устроенном городе, не усложненные реальными жизненными обстоятельствами и не искаженные практическими требованиями.

Русские зодчие, осуществляя в натуре свои замыслы, активно приспосабливали простую планировочную схему к рельефу местности и вносили в нее те или иные диктуемые природными условиями поправки, иногда настолько значительные, что общие контуры кремля заметно отходили от простого геометрического построения, срастались с холмами, берегами рек и озер, равнинами и широким окружающим ландшафтом. Это внимание к живописным особенностям местности, которая выбиралась для строительства города, засвидетельствовано письменными данными современников, настолько часто повторяющимися, что в записях летописцев они приобретают характер своего рода словесной формулы.

Мастеров-горододелов характеризует глубоко реалистический, творческий подход к строительству, протекавший в непосредственном общении с природой, далекий от всяких

¹ Комарович В. Китежская легенда. М.—Л., 1936, с. 88.

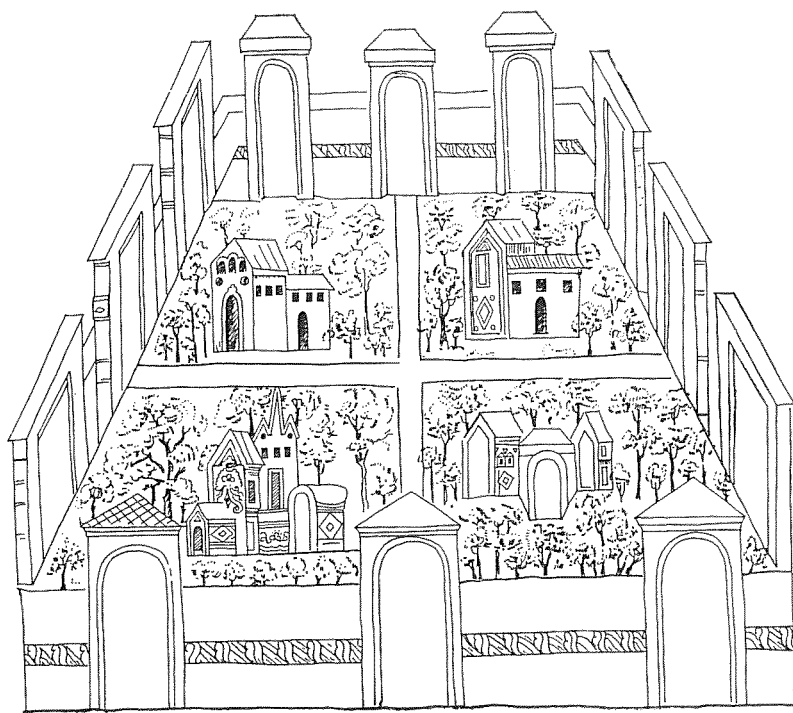

Рис. 110. Изображение «идеального города» на фреске Успенского собора Киприлло-Белозерского монастыря

отвлеченных схем. Они тщательно изучали натуру, интересуясь не только красивым местоположением, но и трезво учитывая военно-инженерные требования. Место для кремля выбиралось не только потому, что оно «полюбилось» своей красотой, но также и потому, что водные протоки, холмы и овраги можно было удобно использовать для усиления оборонительных устройств. Конфигурация крепостных стен, опоясывающих территорию кремля, значительно видоизменялась стратегическими соображениями, и мы не можем правильно понять и объяснить выбор той или иной формы плана кремля, не обратившись к их анализу. Местоположение кремля уточнялось на местности, определяя топографические возможности дальнейшего роста города, подъездные пути к нему, разбивку улиц и размещение основных сооружений внутри стен. Все указанные обстоятельства проявились уже в строительстве кремлей эпохи феодальной раздробленности, но с особой силой и последовательностью они проводились в кремлях городов объединенного русского государства.

Два княжества—Московское и Тверское—претендовали в XIV в. на то, чтобы стать во главе движения за объединение раздробленной на уделы Руси. Это были два притягательных центра культурно-политической жизни русского народа. Первенство в этом со-

ревновании осталось за Москвой. В соперничестве Твери и Москвы вырабатывались определенные общие приемы планировки их центров. Несколько особняком стоял Новгород, стремившийся сохранить и усилить свою самостоятельность как центр северо-западной Руси. Каждый из этих трех городов становится в это время центром интенсивной строительной деятельности. Но если Тверь и Москва в застройке своих кремлей обращались к владимирскому наследию, то новгородцы пытались возродить собственные традиционные архитектурно-строительные приемы, напоминавшие о былой славе Новгорода.

Начало формирования Московского Кремля, как столичного великокняжеского центра, можно отнести к первой половине XIV в., когда выявилась объединяющая роль Московского княжества. К этому времени закрепляется место центрального ансамбля Кремля на вершине холма, господствовавшего среди плотной массы деревянной застройки. Здесь разместился княжеский дворец, сначала деревянный, затем каменный, много раз перестраивавшийся и расширявшийся. Внутренние жилые помещения—набережные палаты—обрамляли с севера и юга внутренний двор с древней церковью Спаса на Бору, открытый на запад к хозяйственным кормовому, хлебному, конюшенному и другим дворам. Задние (Боровицкие) ворота и мост вели к дворцовым слободам и угодьям великого князя в Занеглименьи.

Поблизости от дворца великого князя размещился Патриарший дворец с церковью Трех святителей, со своим конюшенным двором и службами. Они сообщались через Троицкие ворота с патриаршими слободами в Кудрине и под Новинским.

Дворцы великого князя и патриарха были обращены на Соборную площадь, размещаясь по северной и западной ее границам и отступая вглубь, как бы предоставляя лучшие и наиболее выгодные места главным сооружениям Кремля—Успенскому собору, который являлся святыней не только столицы, но и всей страны, и стоящему рядом Архан-

гельскому собору. Несколько позже неподалеку от дворца строится Благовещенский собор.

Выразительность всей этой группы зданий повысилась еще больше после возведения Ивановской колокольни. Пристройка к ней мощной арочной стены-звонницы в начале XVI в. закрепила восточную границу Соборной площади Московского Кремля, которая, не будучи его строго геометрическим центром, стала планировочным, функциональным и художественным ядром. Она объединяла вокруг себя главнейшие здания общегосударственного значения, к ней сходились основные улицы.

В архитектуре Соборной площади, как, впрочем, и во всем Московском Кремле, заложена идея сильного объединенного и независимого государства. В его облике нашло отражение стремление к политическому и культурному объединению различных русских областей. К его переустройству как центра объединенного государства привлекались, помимо московских, также мастера из Пскова, Новгорода, Владимиро-Суздальского княжества и других мест, вносившие в общее дело строительство столицы общерусского государства свои вкусы и художественные навыки, не чуждаясь технических новшеств, привносимых приглашаемыми время от времени иноземными специалистами. Здесь больше, чем где-либо, был заметен тот процесс постоянного обновления и обогащения русской национальной архитектуры и строительной техники, знаменующий многосторонние политические и культурные связи Московского государства (рис. 111, 112).

Непосредственно за кремлевскими стенами на Красной площади Московского посада у главной въездной башни Кремля было построено и другое значительное сооружение своего времени — Покровский собор-памятник в честь Казанской победы. Это был грандиозный монумент, который с большой художественной силой и выразительностью увековечил знаменательное событие — окончательную победу над многовековым врагом Руси.

Перестройка Московского Кремля на грани XVI в. вызвала многочисленные подражания, особенно в бывших удельных столицах. При однородности основных планировочных приемов центры городов — кремли — отличаются разнообразием своего облика (рис. 113).

Среди городов, расположенных вокруг Москвы, большое развитие получила Коломна. Город по величине и значению был в Московском княжестве вторым после столицы. Коломенский кремль, окруженный ранее деревян-

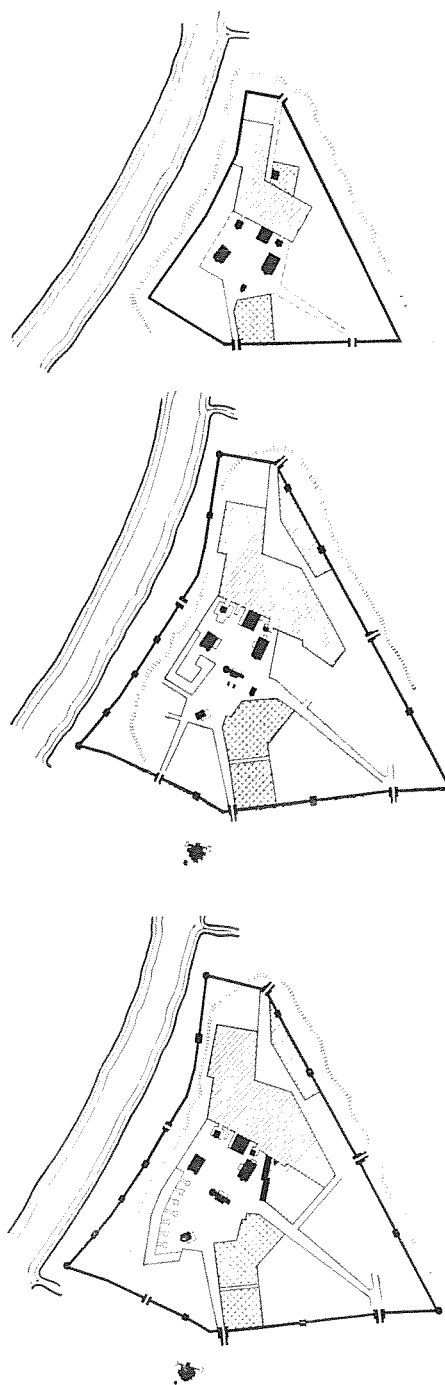

Рис. 111. Этапы развития (1, 2, 3) планировочной схемы Московского Кремля с XV по XVII в.

ной стеной, получил в 1525—1530 гг. каменные стены и башни. Новая стена охватила территорию несколько большую прежней. Как и в Москве, Успенский собор стоял на главной Соборной площади, рядом с ним находилась колокольня. Дворцовая усадьба

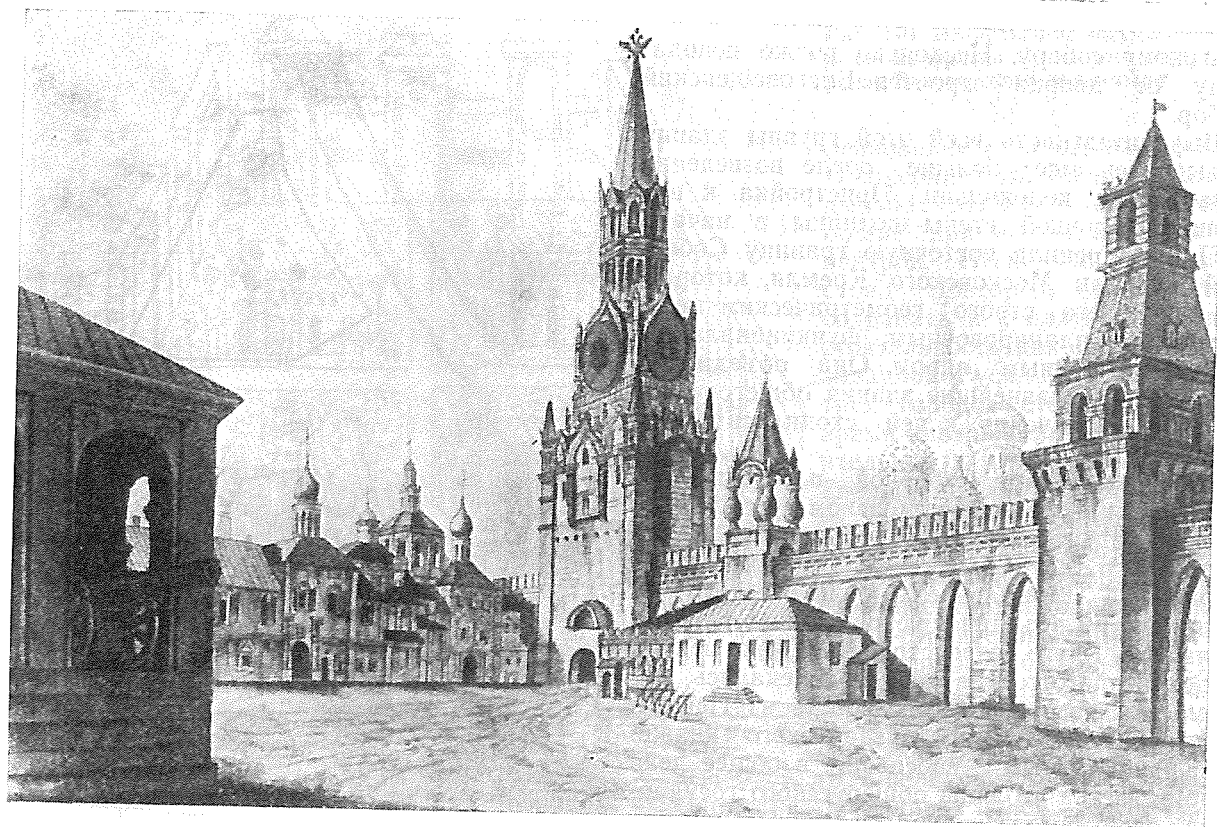

Рис. 112. Застройка Московского Кремля у Спасской башни (слева) и Соборной площади (справа) — рисунки середины XIX в.

занимала место между Соборной площадью и участком крепостной стены, обращенным в сторону р. Коломенки. Противоположная сторона площади к югу от собора была занята обширным владычным двором. Главная улица, ведущая от въездных Пятницких ворот, расположенных в восточной части кремля, была обстроена осадными дворами бояр и жилыми усадьбами. Близ южных Ивановских ворот расположился Брусенский монастырь с шатровым соборным храмом; здесь образовался второй дополнительный центр кремля. Коломенский кремль свидетельствует о сложившихся, прочно входящих в практику строительства, планировочных приемах, о все возрастающем влиянии Московской архитектурной школы (рис. 114).

Рязанский кремль расположен на холме при слиянии двух рек с древними южнорусскими именами Трубей и Лыбедь. Он был окружен деревянными рублеными стенами с 12 башнями, из которых лишь одна — Глебовская с главными проездными воротами — была каменной, охраняя наиболее угрожае-

мый участок кремля. Естественные условия местоположения подсказали почти правильную четырехугольную форму кремля. Рождественский собор на главной площади занимал самый южный участок в застройке кремля, рядом с княжеским и владычным дворами. Вся эта живописная группа сооружений обращена в сторону пойменных лугов р. Оки. Северная половина кремля была занята жилыми усадьбами, осадными и хозяйственными дворами. Рязанский кремль имел центральную площадь, связанную в отличие от Коломенского непосредственно с главными въездными воротами. Здесь же разместились все три кремлевских монастыря — Спасский, Духовской и Казанский.

Казанский кремль после присоединения города к Московскому государству и его перестройки в XVI в. приобрел в своем облике типические русские черты. Его вытянутая конфигурация подчинена рельефу местности. Кремлевский холм был обнесен стеной с 13 башнями, главная проездная башня — Спасская — обращена к посаду. Дорога разделяла

территорию кремля на две части. «Государев двор» — резиденция казанского воеводы — был отнесен в юго-восточную часть кремля, обращенную к посаду, к главным въездным воротам. Вблизи от него разместился Благовещенский собор, выстроенный, как и крепостные стены кремля, псковскими мастерами. За небольшой Соборной площадью, вдоль восточного участка крепостной стены, разместились усадьбы служилых людей. Продольная улица кремля замыкалась высокой пятиярусной «Сююмбекиной башней», построенной по типу дозорных башен в конце XVII в. Казанский кремль дает типичную планировочную схему русского кремля XVI в., однако следует отметить, что «государев» (вернее, воеводский) двор приближен непосредственно к главным воротам, выводящим на торговую площадь посада. Это вызвано, видимо, тем, что наряду с вопросами обороны начинает получать развитие торговая жизнь и административный аппарат приближается к наиболее жизненному центру города — его торговой площади.

Это перемещение административного и культового центра к торговой площади посада еще более наглядно видно на примере Астраханского кремля. Именно здесь по правую и левую сторону от центральных входных ворот расположены воеводский двор и митрополичий дом, который был связан переходом с грандиозным, выстроенным на грани XVII и XVIII вв., пятиглавым двухэтажным собором, далеко видным со стороны волжских просторов. Тут же находился Троицкий монастырь (рис. 115).

Одновременно на северной окраине русского государства возникает город-крепость Олонец, обнесенный деревянной венчатой стеной. Конфигурация Олонецкого кремля близка к вытянутому прямоугольнику, подчиняясь условиям местности. Его восточная часть занята воеводским двором с площадью перед ним. Далее, по обе стороны дороги, разделяющей территорию кремля на две части, расположены торговые ряды, за ними — жилые дома и, наконец, житницы и склады. Олонецкий кремль был осуществлен в середине

XVII в. и является как бы деревянным вариантом рассмотренных выше кремлей.

Планировочные приемы, установившиеся в крупных русских кремлях XVI в., применяются в более упрощенном виде в многочисленных малых городах. Например, Угличский кремль в миниатюре повторяет типичную структуру русского кремля XVI в. с дворцовой усадьбой и Соборной площадью, выдвинутыми к высокому берегу реки, и с монастырем у главных въездных крепостных ворот, служащим им дополнительной защитой.

Несколько иной против Угличского, но принципиально сходный вариант плана мало-

го кремля дает Можайск. Город длительное время был одним из военных форпостов Москвы, прикрывавшим столицу с запада. В 20-х гг. XVII в. происходит строительство каменного кремля с частичным использованием старых стен, повторяющих очертания холма, на котором он расположен. Прообразом можайских каменных укреплений послужила московская Китайгородская стена. Часть территории кремля, примыкающую к Петровским воротам, занимала усадьба воеводы, близ которой находились житницы, амбары, склады и хозяйственные сооружения.

Небольшие размеры кремлей позволяли

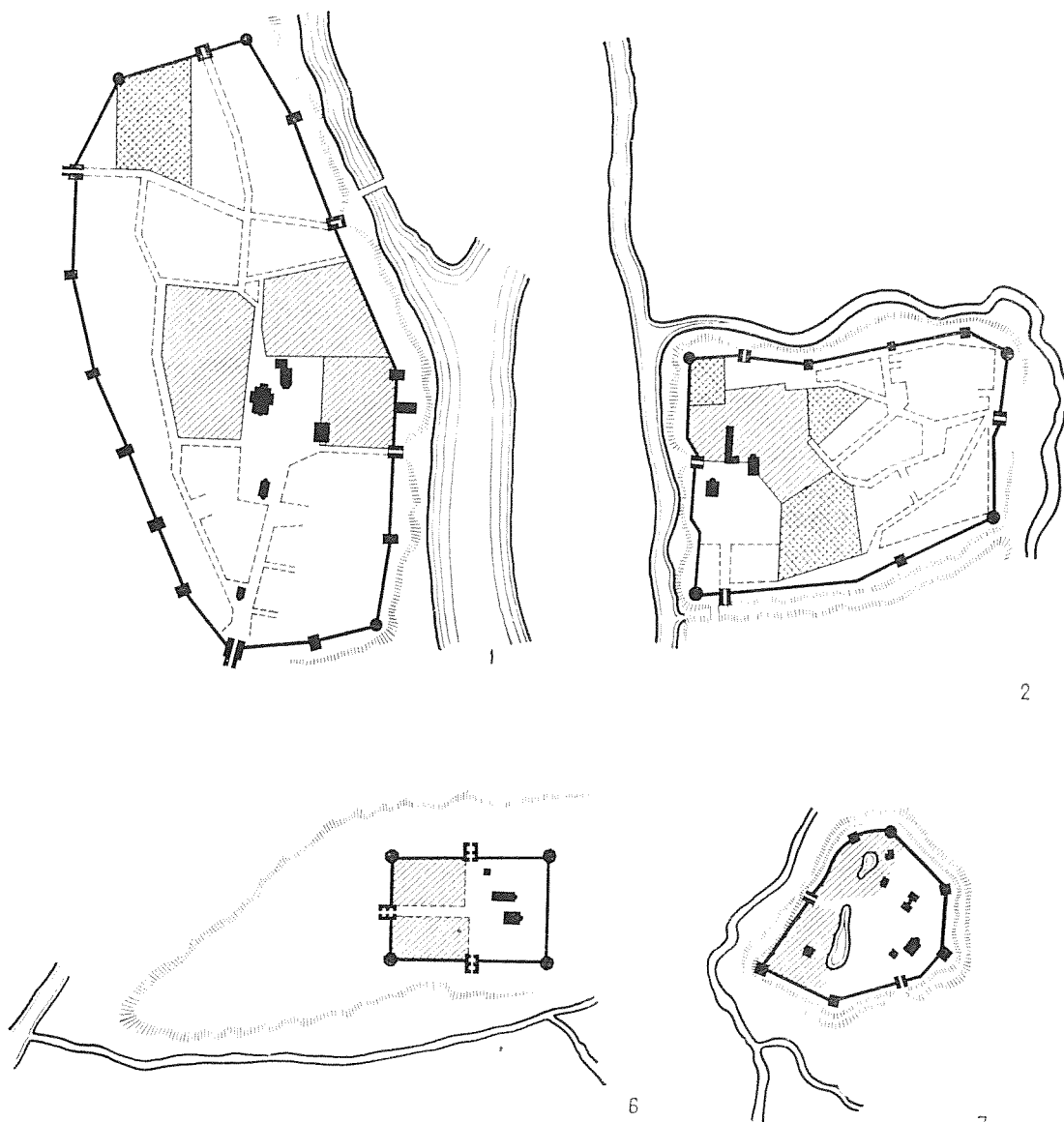

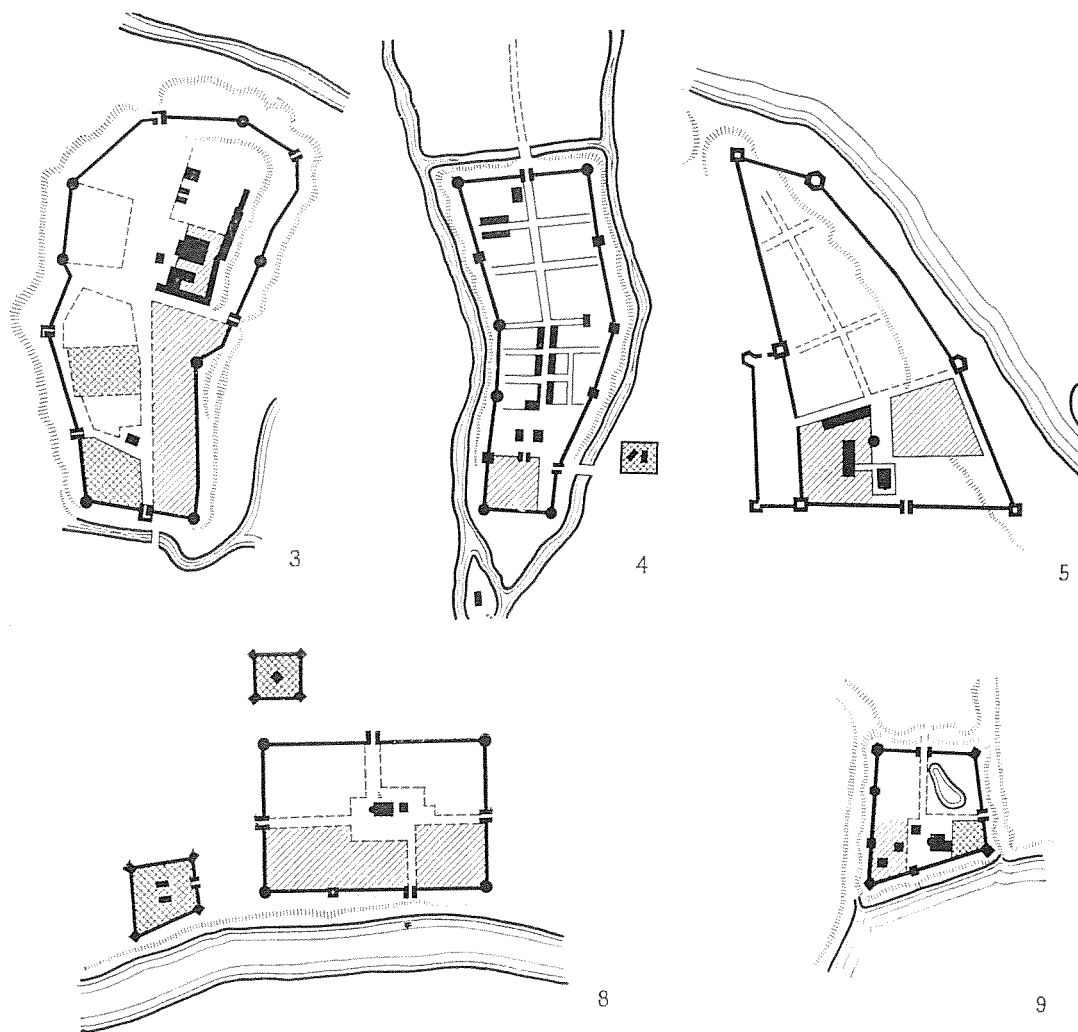
Рис. 113. Застройки кремлей в городах: Коломне (1), Рязани (2), Казани (3), Олонце

последовательно осуществлять регулярное построение их плана, если этому не препятствовали природные условия, а в ряде случаев использовать пропорциональные соотношения, известные в русской архитектуре и ранее. Черты регулярности наиболее законченно проявились в Ивангородской крепости близ Нарвы. Еще более они заметны в Тульском и Зарайском кремлях, стены которых образуют вытянутый прямоугольник с массивными башнями по углам и вдоль стен.

При всем разнообразии планировочных приемов можно отметить ряд общих черт, характерных для организации русского кремля XVI—XVII вв. Например, основная группа культовых и дворцовых сооружений всегда ставилась продуманно относительно главного входа в кремль, направленного от проездных ворот к центральной площади. Здание крем-

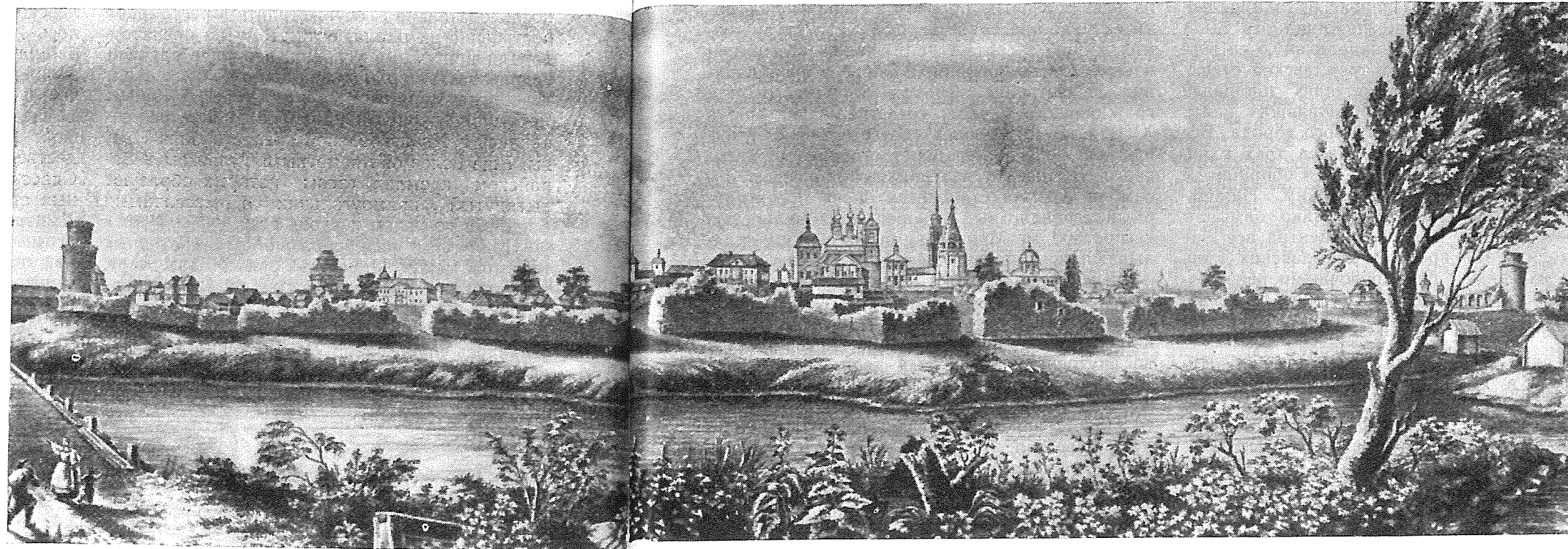
левского собора с древних времен размещалось обычно под углом к проему входной башни с тем, чтобы подчеркнуть объемность здания, лучше выявить его пластические качества. Так поставлены Успенский собор Киево-Печорской лавры, Успенский и Дмитровский соборы во Владимирском кремле, Рождественский собор в Суздальской крепости, Спасо-Преображенский собор в оборонительных стенах Переславля-Залесского, соборы в Дмитрове и Юрьеве-Польском. Со временем асимметричность планировки была осознана как одно из средств художественной выразительности и иной раз создавалась преднамеренно в самом процессе постройки (рис. 116).

Много позже, в связи с внедрением регулярной планировочной структуры городов, все более широко начинают использоваться осевые фронтальные построения, получившие

(4), Астрахань (5), Зарайске (6), Можайске (7), Туле (8), Угличе (9)

Рис. 114. Застройка Коломенского кремля. Общий вид

преобладание в XVIII в. Основная дворцовая и соборная группа кремлевских сооружений располагалась или непосредственно у его главных ворот, или в глубине территории кремля. При ее расположении недалеко от главного входа (например, в Рязанском или Астраханском кремле) господствовали объемы зданий в их контрастном сочетании и в ракурсных сокращениях. Если же центральная группа культовых и дворцовых зданий находилась в глубине кремлевской территории, в удалении от главного входа (например, в Московском, Коломенском или Казанском кремлях), то второстепенные здания

обычно служили фоном, на котором выделялись абрисы основных объемов.

Колокольня, сближенная с массивом собора, вместе с вышками теремов объединяла все многообразие очертаний зданий, составляющих центральное ядро. Собранные вместе, эти сооружения, несмотря на все различие своих форм, а иногда и благодаря ему, выигрывали в своей выразительности. В этом сказывалась особенность творческой деятельности зодчих XVI в., которая являлась одновременно и результатом аналитических размышлений, и трезвых практических расчетов, но вместе с тем выражала живое ощущение

Рис. 115. Застройка Астраханского кремля. Общий вид

человека, наделенного художественной интуицией, верным глазом, глубоким чувством пространства. Примером тому — центральная группа культовых и дворцовых зданий Московского Кремля (рис. 117).

XVII век ознаменовался капитальным переустройством кремлей, приведшим к коренному изменению их облика. Оно коснулось как окружающих территорию кремля укреплений, башни которых надстраивались (Московский Кремль), или выражалось в постановке нового центрального здания на главной площади, изменявшего внешний облик кремля (Рязань, Астрахань и др.). В Мо-

сковском Кремле в первую очередь надстраивается Спасская башня. После переустройства остальных башен Кремль стал восприниматься как единое развитое здание-дворец. Одновременно расширяется главная Соборная площадь Кремля. Ранее она предназначалась и для торжественно-парадной и для административно-деловой сторон жизни города. Теперь эти функции разделяются — первая остается за Соборной площадью, вторая передается значительно расширенной Ивановской площади. Здесь, на месте посольской палаты, строится двухэтажное здание приказов. Несмотря на относительную замк-

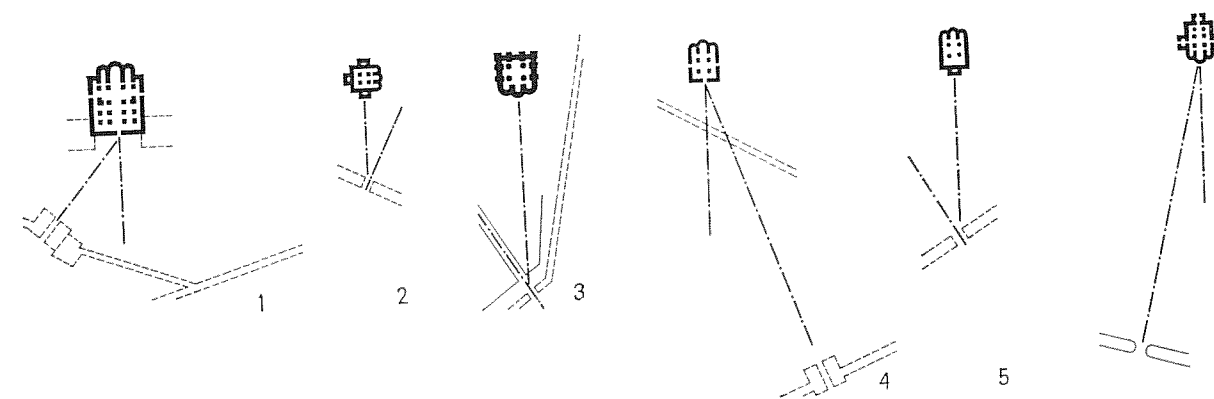

Рис. 116. Различное размещение кремлевских соборов относительно входных крепостных башен (1—6)

путость Соборной и Ивановской площадей, объединяющая их композиционная ось была связана с рекой, отвечая направлению ее русла, и с южным участком кремлевской стены. Этим подчеркивалась связь двух площадей различного назначения, образовавших центр Москвы как крупного столичного города. Все более четко определялась трасса трех улиц, лучеобразно расходящихся от Соборной и Ивановской площадей к Спасским, Никольским и Троицким воротам. Однако замыслы по переустройству столичного центра все еще не выходят за пределы кремлевских стен. В этом их связь с планировочными решениями прошлого (XVII в.) и отличие от задач будущего, проявившихся лишь в конце XVIII в.

В первые десятилетия XVIII в. между Никольскими и Троицкими воротами появилось обширное карре арсенала, внесшее упорядоченность в этот хозяйственно-складской угол Кремля. В. Баженов в проекте переустройства Кремля, составленном в 70-х гг. XVIII в., по существу, не изменил сложившуюся в XVII в. его планировочную схему, но, исходя

из нее, коренным образом переосмыслил архитектурно-пространственную структуру самих зданий в соответствии с художественными идеями своего времени. В споре о преобладании в застройке Кремля культового или гражданского начала, который возник еще в XVII в., В. Баженов в соответствии с духом времени решительно берет сторону гражданского. В проекте ведущим компонентом ансамбля Кремля становится вновь проектируемый грандиозный дворец протяженностью свыше 600 м. Многообъемный, веками складывавшийся силуэт Кремля заменялся монолитным объемом нового сооружения, полностью закрывавшим со стороны р. Москвы древние культовые здания. Соборная площадь — ранее центр Кремля — превращается во внутренний замкнутый двор, ведущее же значение приобретает гражданская, Ивановская площадь.

Проект коренного переустройства Кремля, как известно, остался неосуществленным. Реконструкция центра Москвы пошла другими путями, но замыслы В. Баженова остались заслуживающей внимания попыткой

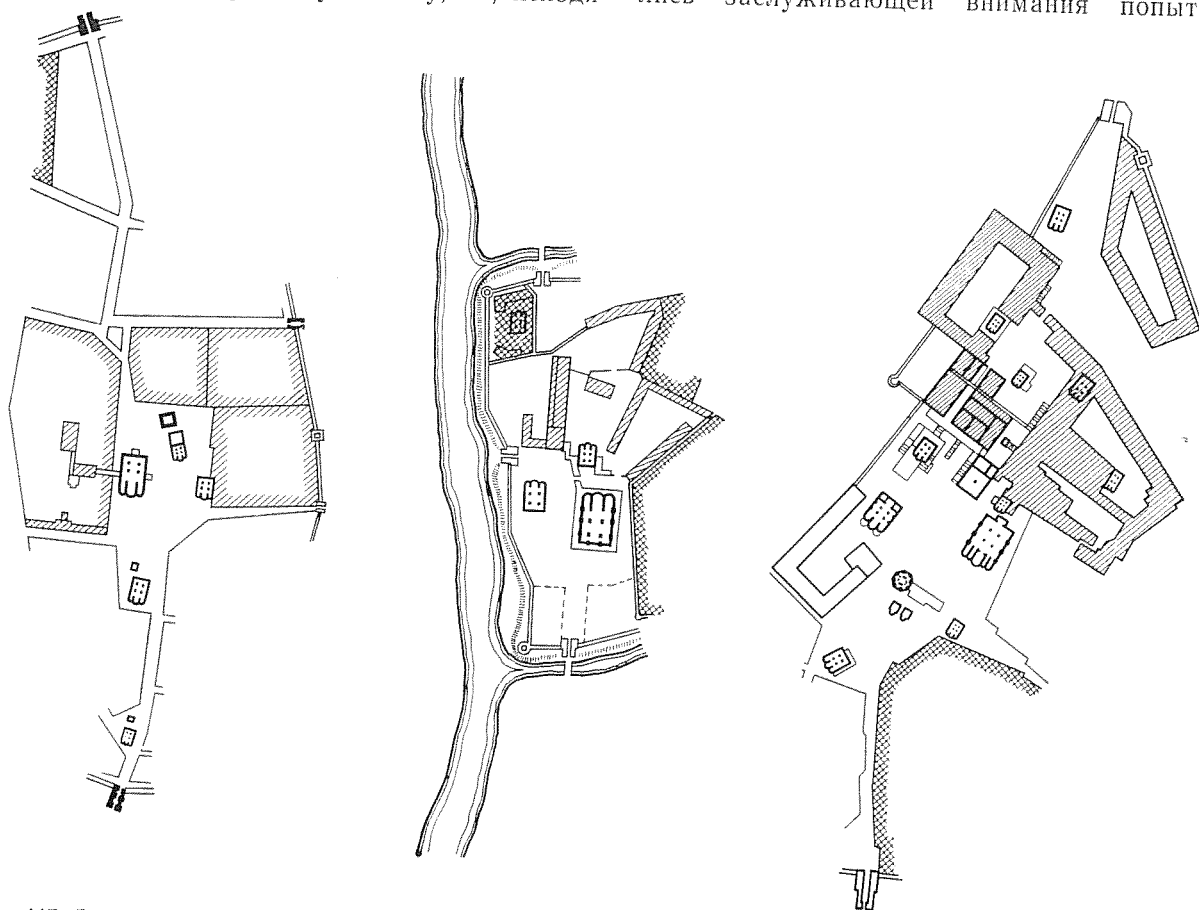

Рис. 117. Застройка центральных площадей в Коломенском (1), Рязанском (2) кремлях и Московском (3, 4, 5)

сочетать новые нарождающиеся принципы построения классического ансамбля с традиционными планировочными приемами древней Руси.

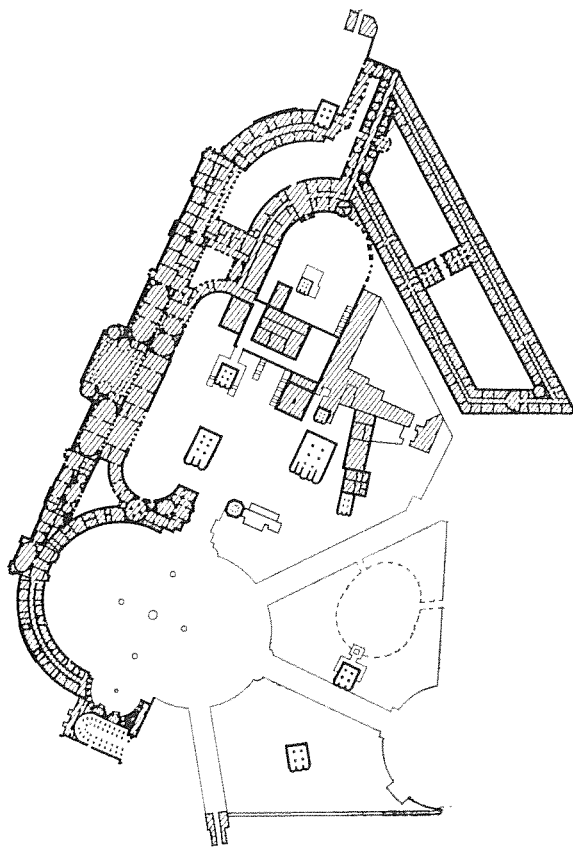
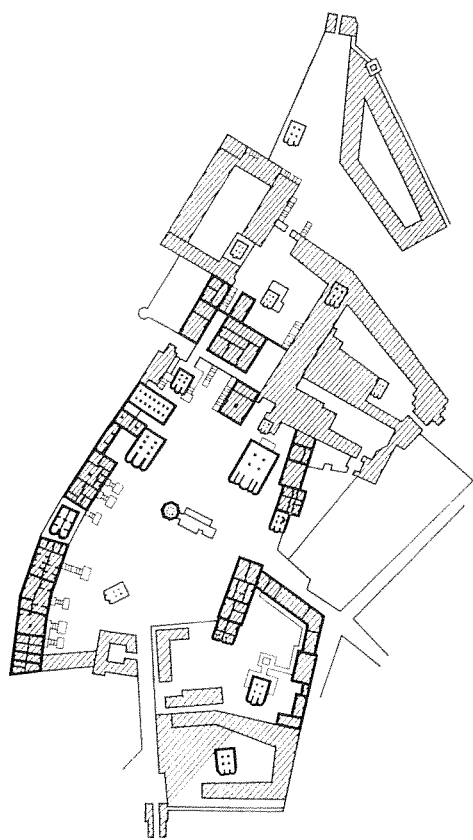
Превращение кремля-крепости в дворец-усадебу или торговый центр-гостиный двор можно проследить в таких городах, как Ростов Великий, Вологда и Архангельск (рис. 118). В Ростове Великом во второй половине XVII в. вместо древнего кремля началось строительство так называемой митрополии. Если раньше кремль города представлял собой одновременно административный, военный и культовый центр, то теперь он становится главным образом резиденцией одного лица с его двором, теряя общественный, общегородской характер и превращаясь как бы в личное владение. Основное значение, несмотря на обилие надвратных и других церквей, приобретают жилые и хозяйственные постройки, связанные в одну общую монументальную группу зданий.

Почти одновременно с ростовским кремлем в Вологде происходит переустройство архиепископской резиденции, огражденной, как

в Ростове, прямоугольником стен, которым придан крепостной облик. В действительности же они с внутренней стороны являются составной частью многочисленных жилых, хозяйственных и складских помещений.

В Рязани значительным событием было строительство в конце XVII в. грандиозного Успенского собора, который стал во всех отношениях подлинным новым центром города. Примерно такую же роль в городской застройке имеет и Астраханский кремлевский кафедральный собор, возникший на грани XVII и XVIII вв. Собор стоит на самом высоком месте и на десятки километров виден из-за волжских далей.

В XVII в. в Казанском кремле помимо надстройки башен была сооружена дозорная башня, представляющая собой уступчатое многоярусное сооружение, увенчанное шатром. Выразительный силуэт башни и ее значительная высота существенно изменили силуэт кремля, получившего мощную вертикаль, способную объединить не только кремлевские постройки, но и разросшийся город-посад.

Кремле в XVII — середине XVIII в.

В малых кремлях, таких, как упоминавшиеся выше Тульский и Зарайский, после перестроек в XVII в. еще больше обозначился контраст мощного объема собора в центральной части кремля и геометрически правильной крепостной оградой с симметрически расположенными башнями.

Кремли перестраивались с целью превращения их из военно-оборонительного сооружения в резиденцию гражданских властей и местопребывание административных учреж-

дений. Этот процесс с особой наглядностью отразился в Московском Кремле. Оборонительные крепостные башни получают декоративные завершения. Хозяйственное использование крепостных стен последовательно реализовано в Архангельске, где предпринимается попытка укрепить гостиный двор, превратив его в крепость на северных рубежах государства. Затраченные на постройку укреплений гостинного двора средства с лихвой окупались сдачей в аренду и наем боевых помещений, приспособленных к нуждам торговли. Архангелогородская крепость начинается собой тот длинный ряд прямоугольных в плане гостиных дворов, которые строятся в XVIII в. почти во всех городах России.

В планировочных схемах кремлей и монастырей-крепостей есть много общего. В их состав входили те же строения разнообразного назначения — культовые и оборонительные, жилые и хозяйственные, но относительно небольшая площадь монастырей, компактность центральной группы зданий, различных по форме и назначению, придавали планировке специфические черты.

Монастырские строения обычно располагались как бы концентрическими поясами. Срединное место занимал соборный храм с примыкающими к нему приделами. Тут же поблизости находилась трапезная и звонница. Далее размещались жилые и хозяйственные постройки и, наконец, крепостная ограда, каменная или деревянная. Суровые стены монастыря обрамляли выступающий из-за них законченный, замкнутый и компактный «куст» строений, отграниченный от внешнего мира. Непосредственно за ними располагались постройки вотчинного монастырского хозяйства, а затем «подмонастырье» — обширные земельные владения, населенные «вотчинными издольщиками»-крестьянами.

Застройка внутреннего пространства монастырей характерна сочетанием сооружений различного назначения, теснящихся друг подле друга, порой соединяющих противоположные стилистические приемы, рассчитанных и на силуэтное восприятие издали, и на обозрение в непосредственной близости. Внутренняя планировка предопределялась хозяйственно-бытовым укладом жизни и культовыми требованиями. Однако диктуемая сверху каноническая схема получала многообразное архитектурно-планировочное выражение в процессе своей реализации. Здания строились постепенно, по мере потребности и наличия материальных возможностей, различными артелями мастеров. Но мастера, осуществлявшие здания, были носителями устояв-

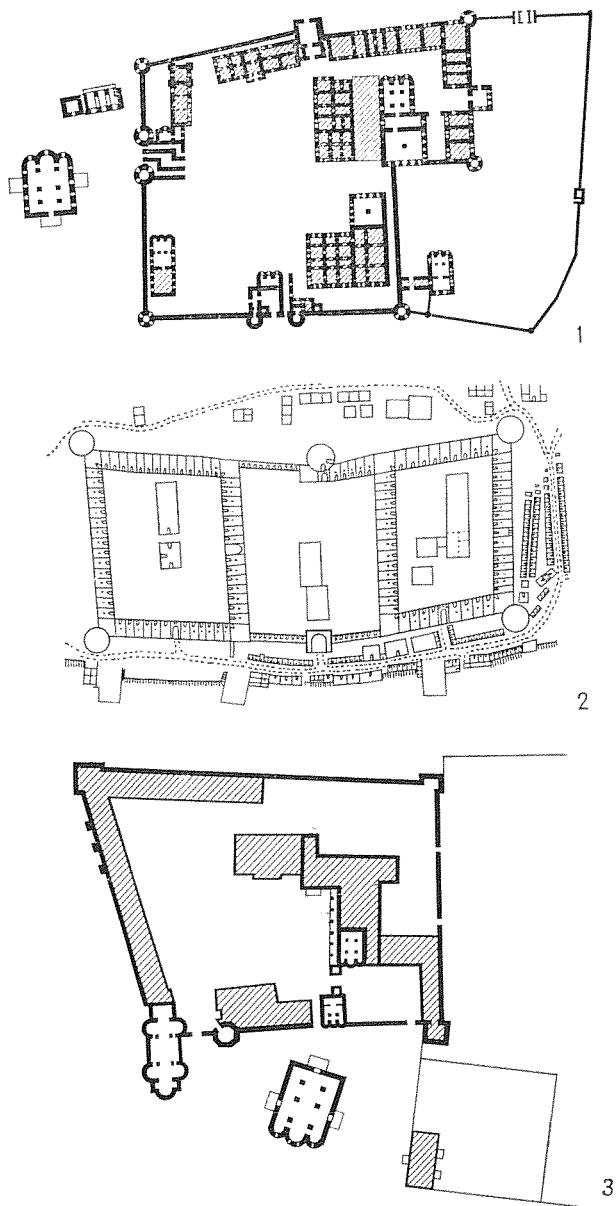
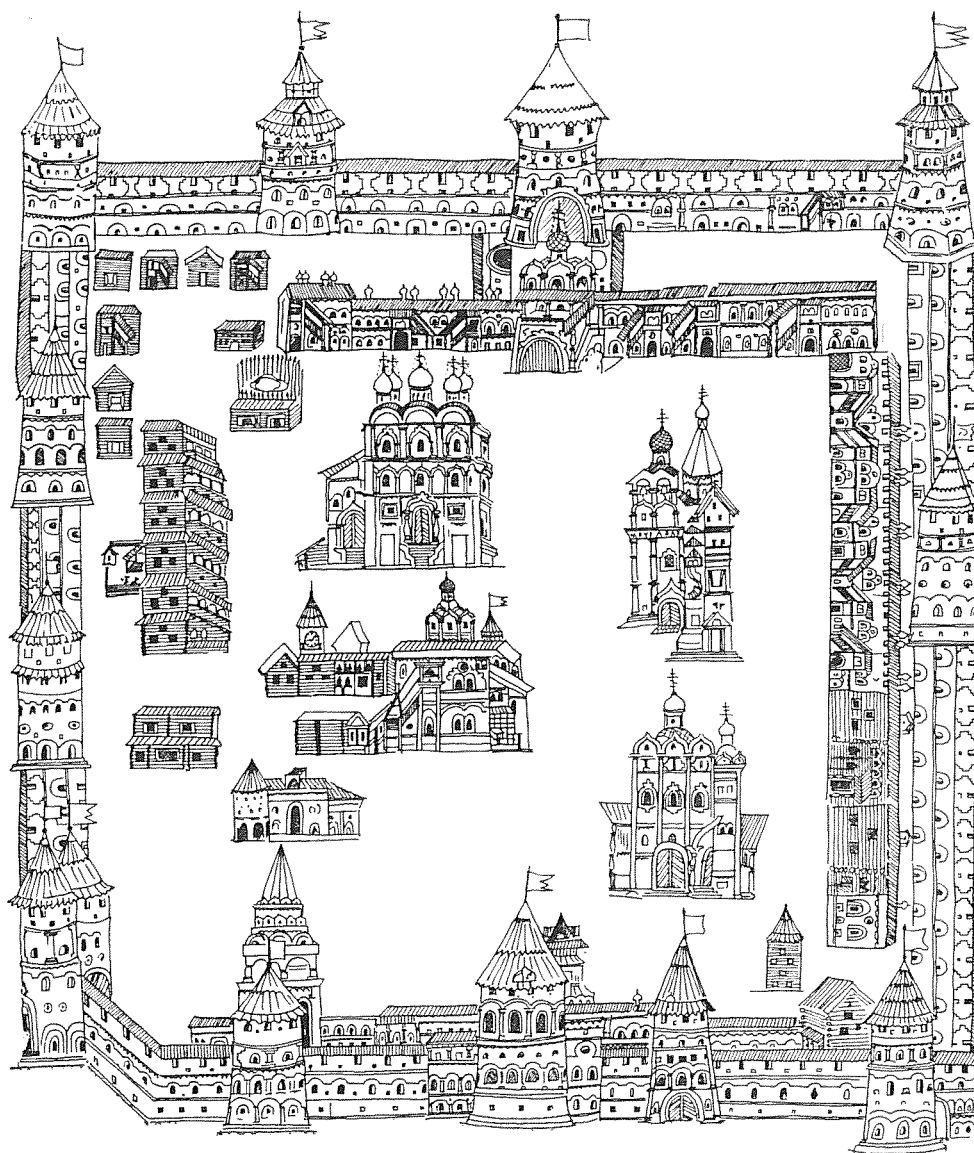
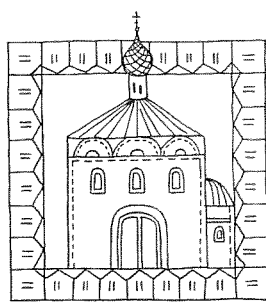

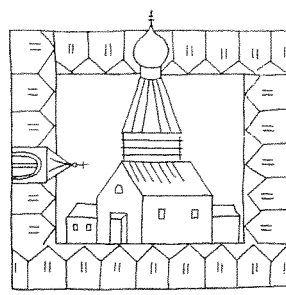
Рис. 118. Застройки кремлей-резиденций митрополитов в Ростове Великом (1) и Вологде (3), и кремля — гостинного двора в Архангельске (2)

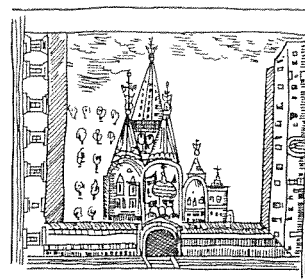
2

3

4

5

Рис. 119. Застройка крупного монастыря на примере Троице-Сергиевой лавры (1) и малых монастырей (2—5)

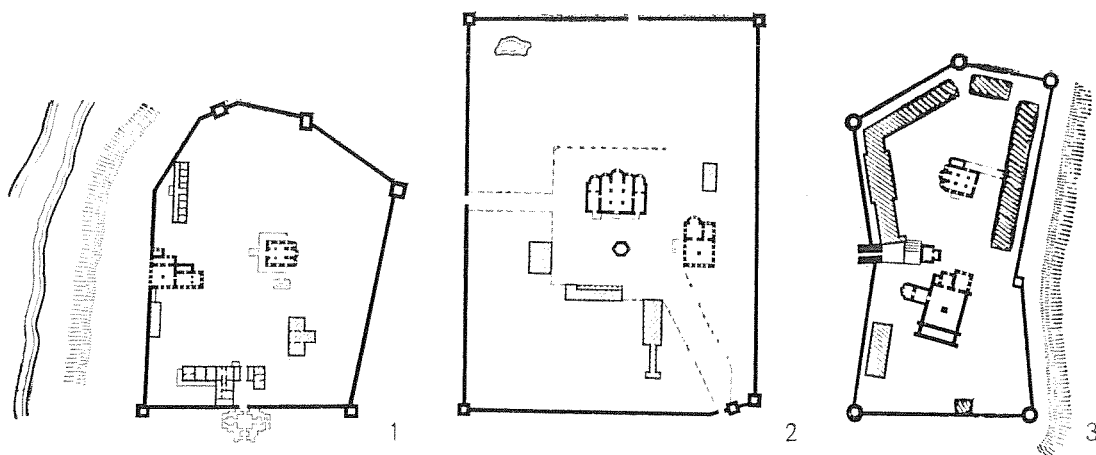

Рис. 120. Застройка Саввино-Сторожевского (1), Болдинского (2) и Андрониевского (3) монастырей с центральным размещением главного здания

шихся традиций. Те новшества, которых не чуждались строители, основывались на усвоении и использовании большего практического опыта их предшественников. Общая спаянность и художественная слаженность достигались прежде всего учетом жизненных требований и единством понимания архитектуры.

Монастыри с их большими каменными или деревянными храмами, кельями и службами за крепкой монастырской стеной выделялись среди городской застройки так же резко, как обширные укрепленные дворы-усадыбы феодалов. Это был маленький замкнутый обособленный городок со своим хозяйством и житейским распорядком. Еще более походили на небольшие укрепленные городки монастыри вне городских стен, особенно умножавшиеся в XIV—XV вв.

Превращение монастырей в настоящие крепости началось в XVI столетии, когда развернулась острая борьба вокруг монастырского землевладения. Плану монастыря-крепости придавали обычно более или менее правильную конфигурацию, по периметру размещались кельи, а в центре размещался собор. Расположение келий четырехугольником восходило к глубокой древности, когда укрепления городищ сочетались с жилыми помещениями. Однако планировочная схема монастыря не сковывалась жесткими правилами геометрического построения, живо и естественно приспособляясь к местным природным условиям. Направление стен и расположение башен в значительной степени корректировалось особенностями местоположения. Примером является Троице-Сергиева лавра, один из старейших среднерусских монастырей. В продолжение своего многовекового существования

монастырь активно рос и обстраивался, неоднократно меняя свой архитектурный облик в зависимости от требований времени. Первоначальный центр монастыря образовывал одноглавый белокаменный Троицкий собор и башнеобразная Духовская церковь «под колоколами», окруженные прямоугольником келий. В XVI в. территория монастыря значительно увеличивается, грандиозный Успенский собор становится его центром, а многоярусная колокольня, появившаяся позже, лишней раз подчеркнула ведущую роль собора как центрального сооружения всего комплекса, обозримого отовсюду. Прямые, замыкающие перспективы, отсутствовали. Асимметричность общего построения, вызванная реальными нуждами, становилась продуманным планировочным замыслом (рис. 119).

Те же планировочные приемы мы видим и в других монастырях, сохранивших хотя бы частично свои древние черты. Например, главный Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода (современник древнего собора Троице-Сергиевой лавры), расположен центрально относительно основной территории монастыря под углом к главному входу. Монастырь был расширен и значительно переделан в XVII в., получив другой облик, особенно в связи с постройкой трапезной и часозвони, но первоначальный архитектурно-планировочный замысел ясно чувствуется и сейчас. В одном из старейших московских монастырей — Андрониковом — Спасский собор был воздвигнут в начале XV в. в центре прямоугольника монастырской ограды. В дальнейшем появилась трапезная (перестроенная в начале XVIII в.); надвратная Рождественская церковь и собор становятся лишь одним из звеньев среди вновь появив-

шихся зданий. Болдин монастырь на Смоленщине дошел до нашего времени без существенных переделок его центральной группы. Мощный пятиглавый собор занимает центр всей территории, своим строгим силуэтом и нерасчлененным тяжеловесным объемом он выделяется среди других зданий, расположенных поблизости от него. Центральный объем собора поддержан живописным объемом трапезной с шатровым храмом и монолитной звонницей (рис. 120).

Со временем монастыри становятся крупными хозяйственными предприятиями, увеличиваются в размерах, а значение жилых, хозяйственных и бытовых построек возрастает. Большую роль приобретает трапезная с целой группой подсобных помещений. Среди рядовых келлий выделяются настоятельские. Собор обрастает приделами, увеличивающими и усложняющими его объем. Их небольшие размеры смягчали контраст между культовыми и рядовыми, хозяйственными и жилыми группами зданий, в свою очередь разраставшимися. Теперь не одно только здание собора, а вся группа культовых, жилых и обслуживающих построек составляли архитектурно-планировочное ядро монастыря, образуя как бы одно сложное комбинированное сооружение, соединенное в своих отдельных частях галереями и переходами.

Процесс сращивания изолированных сооружений в единую компактную группу многообразен. Его можно проследить на примере большого числа русских монастырей XVI в., таких, например, как ярославский Спасо-Преображенский, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов (рис. 121).

Один из наиболее древних Спасо-Преображенский монастырь был основан как форпост Ярославля в начале XIII в., тогда же был осуществлен соборный храм Преображения. Постепенно к нему примкнуло несколько приделов, образующих живописную группу, растянувшуюся с севера на юг. Напротив находилась Воскресенская церковь с трапезной. Весь этот комплекс зданий непосредственно примыкал к главным воротам.

Кирилло-Белозерский монастырь — один из самых крупных на севере России — играл значительную политическую и хозяйственную роль в жизни страны. Он беспрестанно обстраивался и расширялся. К старому центру монастыря вскоре пристроили малый Ивановский монастырь, а в XVII в. присоединили обширную территорию для хозяйственного использования. Центр Кирилловского монастыря, сформировавшийся в XVI в., поблизости от северных въездных ворот, включал Успенский

собор, к которому примыкали три одноабсидных придела. Неподдалеку, со стороны южных озерных ворот, расположился обширный храм со звонницей и трапезной. Во втором поясе вдоль крепостных стен размещались жилые и хозяйственные строения.

Невдалеке от Кирилло-Белозерского монастыря, на берегу Бородаевского озера, расположился небольшой Ферапонтов монастырь. Кубический массив его Рождественского собора окружала открытая галерея с небольшой звонницей. Второй группой монастырских строений была трапезная при Благовещенской церкви со звонницей. Одномасштабность, од-

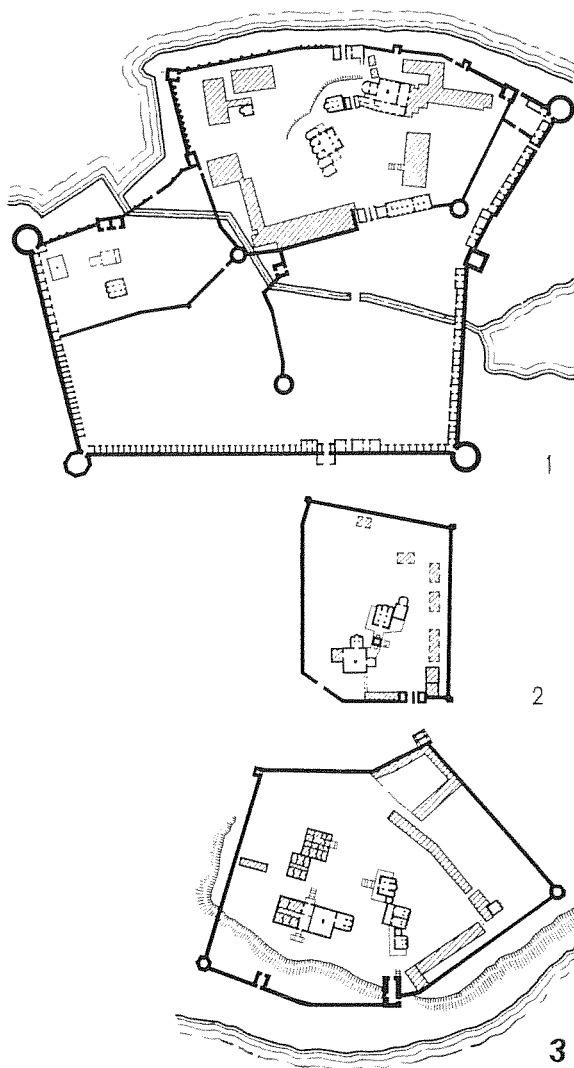

Рис. 121. Застройка Кирилло-Белозерского (1), Ферапонтова (2) и Спасского (3) монастырей с центральным расположением группы главных зданий

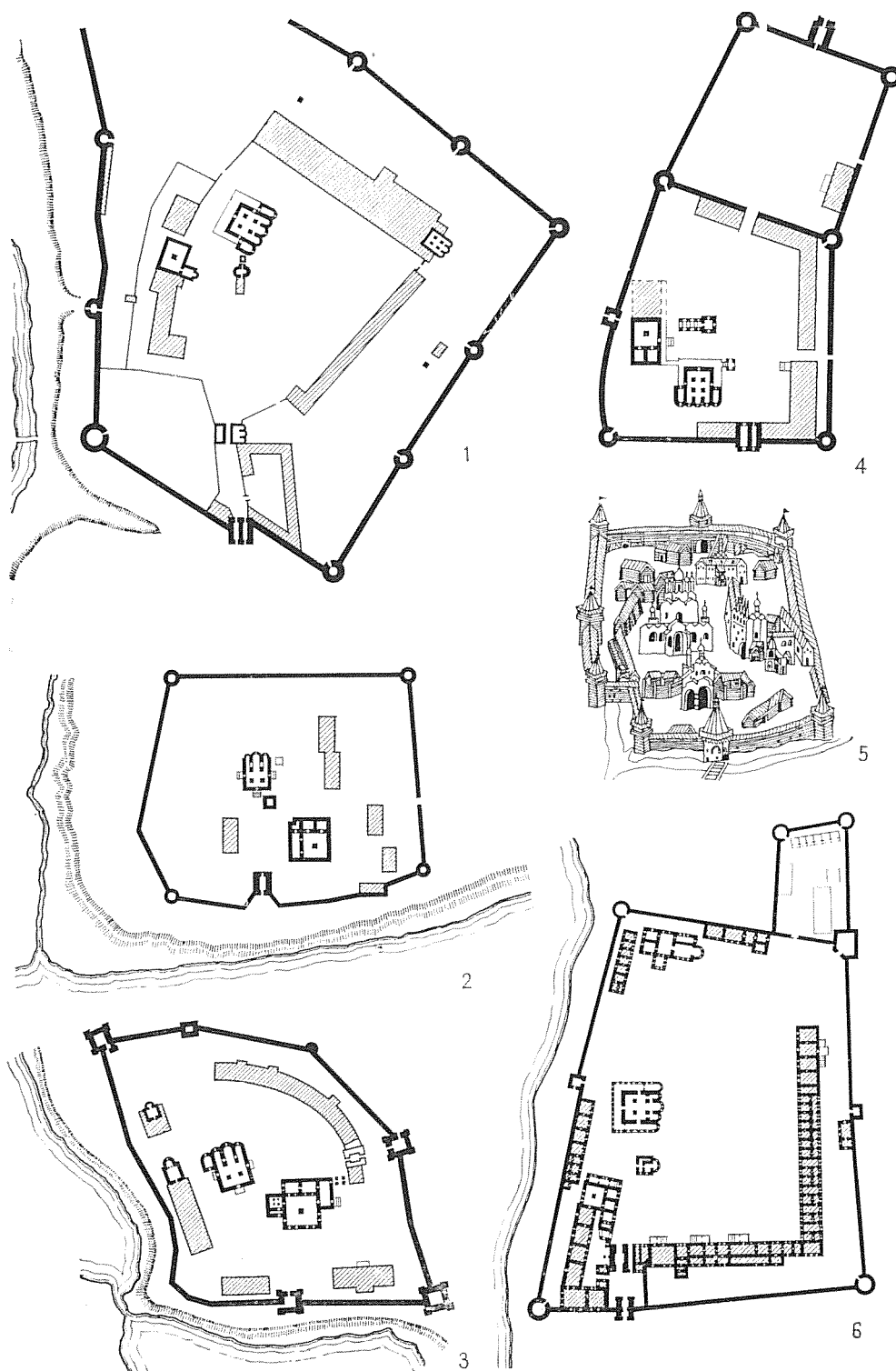

Рис. 122. Застройка Спасо-Ефимьевского (1), Успенского (2), Пафнутьева (3), Ипатьевского (4), Тихвинского (5), Макарьевского (6) монастырей с выделением площади перед главными зданиями

нотипность деталей связывают все эти сооружения в одно целое.

Разросшиеся здания трапезной и настоятельских келий группируются поодаль от собора, очерчивая границы Соборной площади. В результате ее пространство получает ведущее значение в планировке центральной группы монастыря. Такой вариант планировочной структуры внутренних пространств монастыря можно в той или иной степени отметить для суздальского Спасо-Ефимьевского и Пафнутьева Боровского, московского Новоспасского и макарьевского Калязинского монастырей.

В одних случаях разнообразие облика отдельных сооружений, образующих компактную группу, небольшие по размерам территории, обрамленные крепостными стенами, привлекают внимание к объемно-пространственным качествам застройки монастыря (как, например, в Иосифо-Волоколамском, старинном Успенском или костромском Ипатьевском). В других случаях, особенно там, где преобладают вытянутые в плане протяженные жилые и хозяйственные здания, более четко выделяется очерченное ими открытое пространство площади. И тот, и другой планировочный прием организации центральной группы сооружений монастыря получил широкое распространение. Он прослеживается в своеобразной интерпретации в таком уникальном в отношении своих архитектурно-пространственных качеств монастыре, как Иосифо-Волоколамский с его высокой многоярусной колокольней, расположенной возле собора у его северо-западного угла и в московском Новоспасском монастыре, где открытая паперть-галерея окружает собор с южной и западной сторон, соединяя его с обширной трапезной, небольшой Знаменской церковью-усыпальницей у северо-западного угла собора, звонницей у северо-восточного угла и больничной церковью у северной стены монастыря. В самых различных интерпретациях этот прием применялся строителями провинциальных рядовых монастырей, менее примечательных по своим архитектурным качествам. Примером может служить Троицкая Оптина пустынь близ г. Козельска. Небольшое, четырехстолпное в плане здание Троицкого собора тесно связано с пристроенной к нему колокольней и трапезной (рис. 122).

Постоянное стремление к упорядочению, единству и усилению значимости центральной группы сооружений приводит к присоединению колокольни-звонницы к основному объему собора при одинаковой ориентации этих зданий. Вырабатывается прием как бы фронтального развертывания основных зданий — собора, трапезной и колокольни — перед главным

входом. В качестве примеров можем назвать московский Симонов, ростовский Авраамьев или северный Соловецкий монастыри (рис. 123). К Успенскому собору Симонова монастыря с севера примыкала колокольня, а с юга — Сергиевская церковь, на подклете с обширной трапезной, куда вела открытая лестница. Подобное решение центра характерно и для Авраамьевского монастыря близ Ростова Великого. Его Богоявленский пятиглавый собор осложнен двумя столпообразными приделами и колокольней. Все вместе они составляют своеобразную живописную группу, соединенную переходом с трапезной церковью к югу от собора. В Соловецком монастыре монументальный Преображенский собор с приделом Зосимы и Савватия, с Ни-

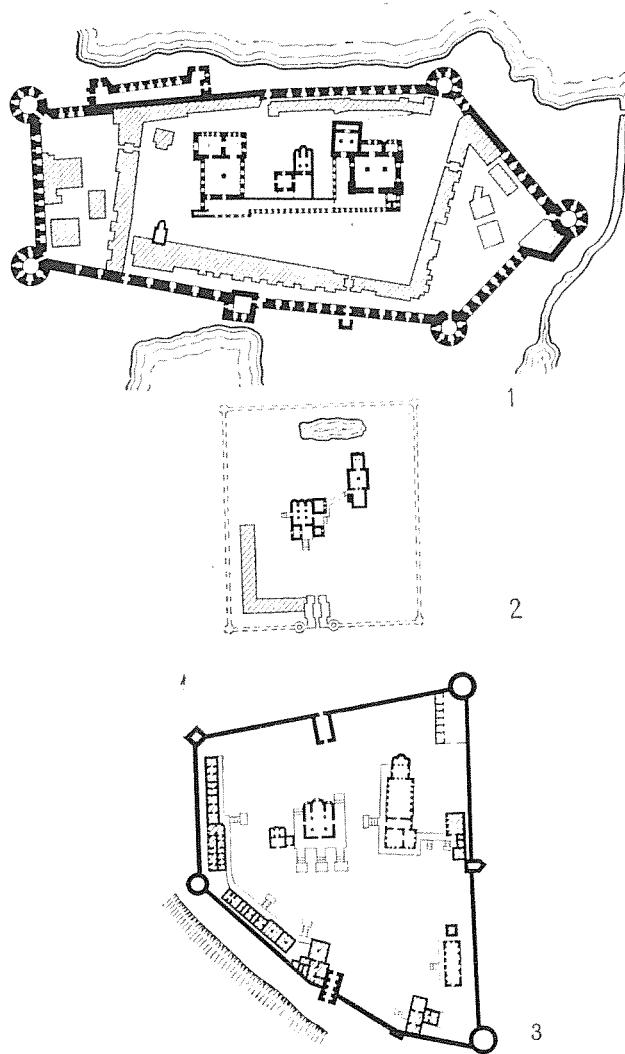

Рис. 123. Застройка Соловецкого (1), Авраамьева (2) и Симонова (3) монастырей с объединением основных зданий наружной галереей

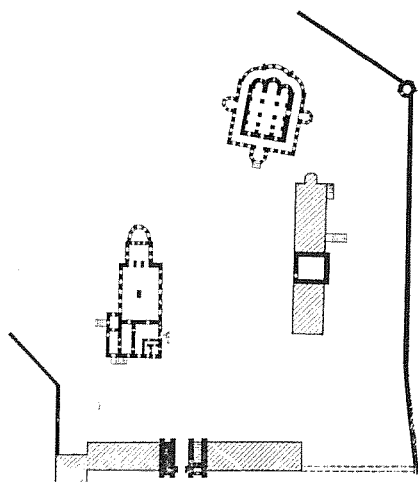
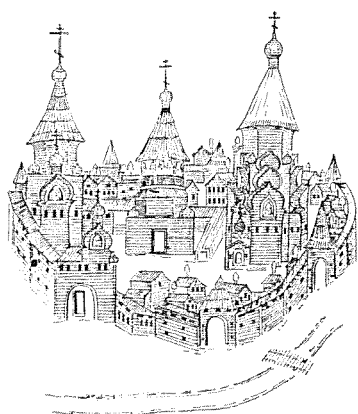
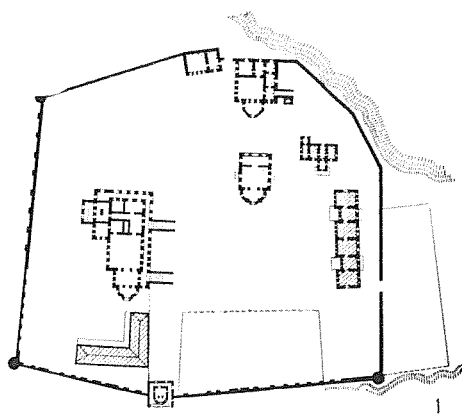

Рис. 124. Застройка Солотчинского (1), Александро-Свирского (2) и Иверского (3) монастырей по периметру главной площади

кольской церковью с трапезной и колокольней расположены в ряд и объединены между собой двухъярусной галереей. Вся группа

представляет как бы одно сложное здание с главным фасадом, обращенным к входным воротам.

Прием фронтального развертывания основных зданий — собора, трапезной и колокольни — находит свое дальнейшее развитие в построении центральной группы таких типичных для XVII в. монастырей, как Александро-Свирский, угличский Воскресенский, ростовский Спасо-Песочный, в Кижском и ряде северных погостов (рис. 124). Наряду с фронтальным разрабатывается и другой вариант упорядочения постановки монастырских зданий в виде глубинно-пространственного построения. Для XVII в. этот прием может быть охарактеризован постановкой храмов в Ярославской слободе Коровники или во Флорищевой пустыни близ Гороховца (рис. 125, 126).

В XVII в. капитально перестраиваются укрепления Троице-Сергиевой лавры и других монастырей, пострадавших во время польской интервенции. Стены, а особенно башни, ранее занимавшие скромное место в общем облике монастыря, теперь украшаются богатой архитектурной декорацией. Башням придают сложную обработанные верха, над входными воротами надстраивается церковь. Так, например, в середине XVII в. была предпринята постройка каменных оборонительных сооружений Кирилло-Белозерского и Троицко-Калязинского монастырей, в суздальском Спасо-Ефимиевом монастыре строится уникальная по декору и архитектурному решению въездная башня. Эти же черты можно проследить и в Иосифо-Волоколамском, а также в Борисоглебском монастыре близ Ростова, где осуществление двух храмов над северными и южными воротами изменило его внешний облик, превратив монастырь в подобие обширного дворцово-усадебного комплекса Ростовской митрополии (127).

Наряду со стенами и башнями, колокольне, ранее скромной по размерам, придается особое значение. Все подчинено ее динамическому силуэту, поддерживаемому шатровыми завершениями башен. Особо последовательно эти новые идеи проведены в застройке Новодевичьего монастыря, оформившейся ко второй половине XVII в. Здесь стоящие в ряд трапезная, собор и колокольня образуют ритмически нарастающий силуэт, заканчивающийся величественным взлетом многоярусной колокольни (рис. 128). Идея высотного построения колокольни, утвердившаяся в XVII в., целиком была перенесена и далее, в XVIII в., когда, например, Д. Ухтомский

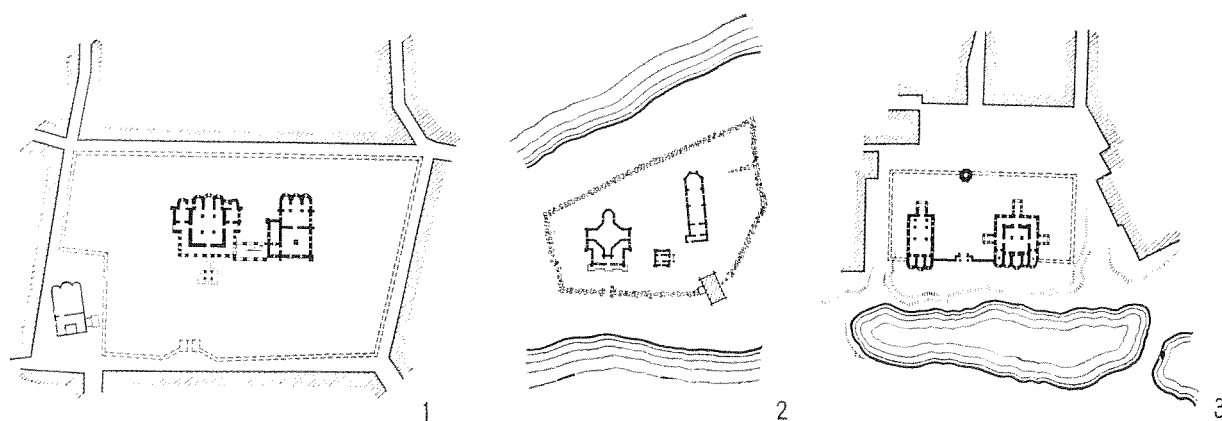

Рис. 125. Застройка Воскресенского монастыря (1), группы зданий в Кижях (2) и Коровниках в Ярославле (3) с фронтальным размещением основных зданий

сооружает многоярусную колокольню Троице-Сергиевой лавры, а В. Растрелли проектирует колокольню Смольного монастыря в Петербурге.

Монастырское строительство второй половины XVII в. направляется патриархом Никоном, деятельность которого оставила заметный след в развитии русского культового зодчества этого времени. Первой крупной постройкой, осуществленной по его заданию,

был Иверский монастырь на одном из островов Валдайского озера. Патриарх стремился воссоздать монументальные формы русской архитектуры, очистив их от светских элементов, которые все сильнее проникали в архитектуру посадских храмов и их декор. Но исторически обусловленный ход развития жизни не мог быть остановлен, страна вступала на дорогу, которая вела к развитию светского начала в культуре и искусстве.

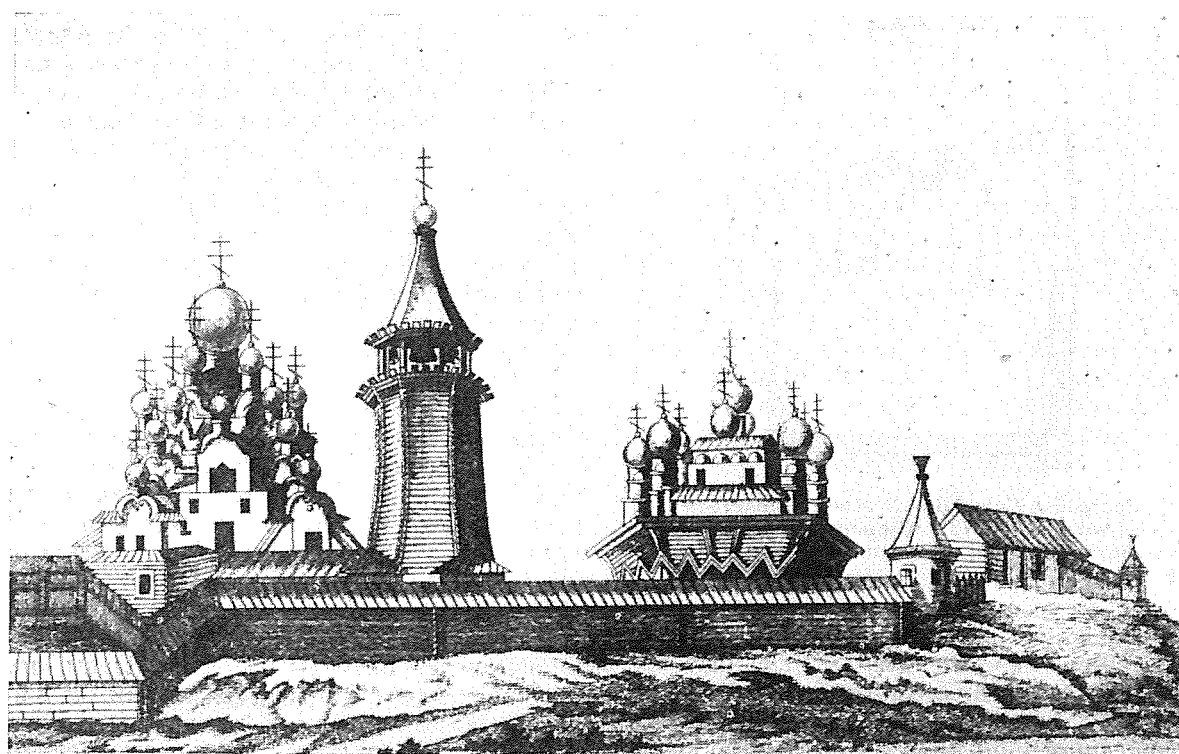

Рис. 126. Погост в Кижях. Общий вид

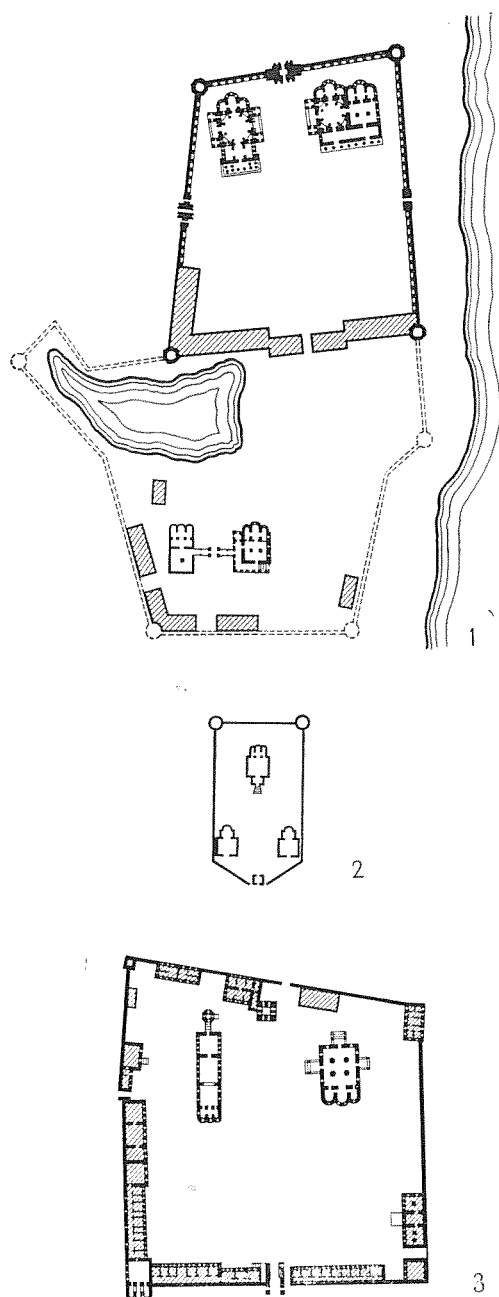

Рис. 127. Застройка Спасо-Яковлевского монастыря (1), Макарьевского погоста (2), Флоритцевой пустыни (3) с пространственно-осевым расположением главных зданий

Наиболее оригинальным и выразительным сооружением, предназначенным реализовать эти идеи, был Ново-Иерусалимский монастырь. Его строительство велось «хитростью по Иерусалимскому образцу». Было задумано перенести в Подмоскowie топографию «святых мест». Главный — Воскресенский —

собор строился по подобию Ново-Иерусалимского храма, но в целом был далек от своего прообраза. Наименования, связанные с евангельскими легендами, реализовывались в русских национальных формах со всеми планировочными чертами, характерными для своего времени.

Положительная черта строительной деятельности, развернувшейся по заданию патриарха, заключалась в том, что в век увлечения богатым декором зданий создавались произведения, выделяющиеся по лаконизму и силе выразительности, отталкиваясь от образцов прошлого, но не теряя живой связи со своим временем. Это направление получило наиболее полное и своеобразное выражение в московском Донском монастыре, осуществленном в конце XVII в. В центре правильного квадрата его стен с ритмично расположенными башнями поставлен собор, имеющий почти одинаковые фасады, обращенные к каждой стороне четырехугольника стен. Эти последние воспринимаются, подобно стенам Ростовской митрополии, не как крепостная ограда, а скорее как фасады общественного сооружения. Глядя на них снаружи кажется, что это передняя стена здания, за которой должна быть расположена анфилада помещений (рис. 129, 130).

Элементы гражданской архитектуры, наметившиеся и все сильнее проявлявшиеся в кремлевском и монастырском строительстве XVII в., получили свое широкое развитие в XVIII в. Архитектурно-планировочные веяния, связанные с преобразовательной государственной политикой этого времени, отразили два величественных столичных монастырских комплекса — Смольный и Александро-Невский. Исполненные в новых стилистических формах, они по своей планировочной структуре продолжают и развивают традиции предшествующего времени.

В Смольном монастыре крупный массив собора, увенчанный пятиглавием, занимал середину внутреннего двора, обрамленного сплошными двухэтажными корпусами келий. Неосуществленная многоярусная колокольня, стоящая по фронту жилого корпуса, обращенного в сторону города, должна была возглавить всю систему угловых церквей, келий и башен внешней ограды. Александро-Невская лавра, возникшая одновременно с основанием новой столицы на берегу Невы, представляла огромный прямоугольник келий и хозяйственных помещений, тянувшихся в виде сплошного корпуса по границам отведенной для него территории. Троицкий собор разместился в разрыве между корпусами, обра-

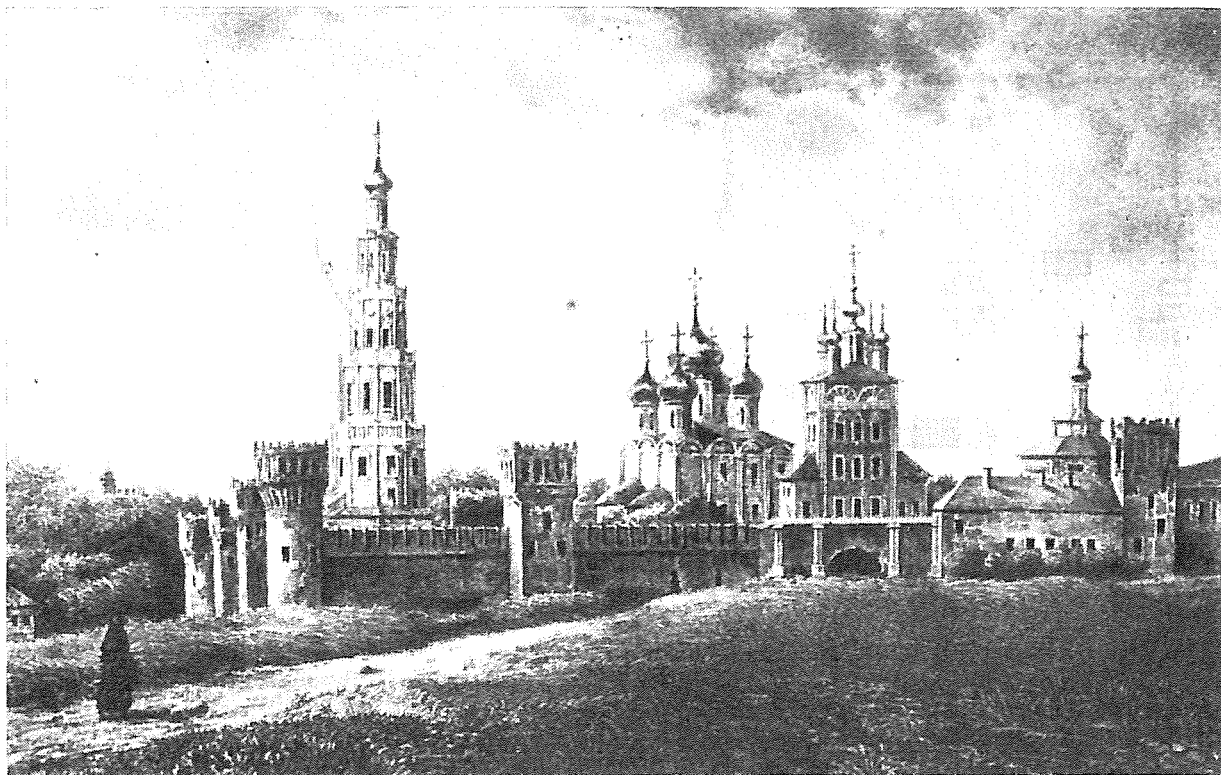

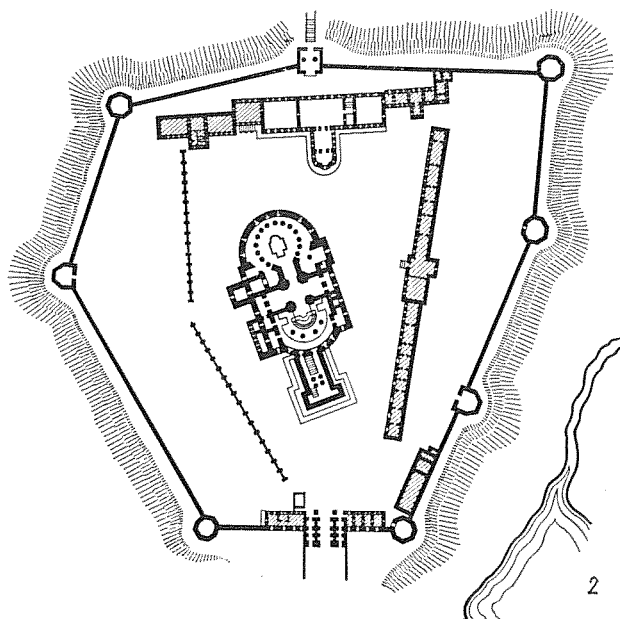
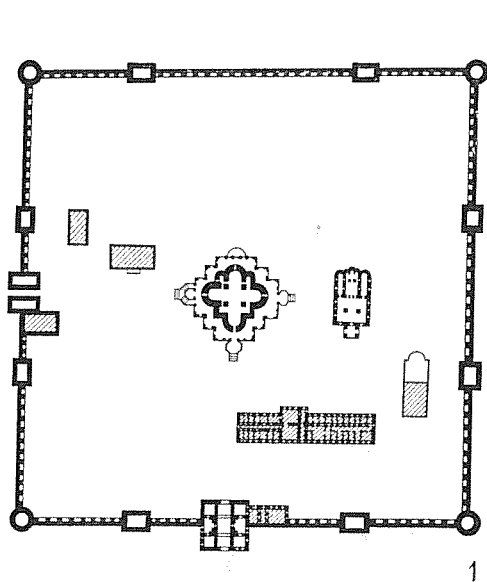
Рис. 128. Новодевичий монастырь. Общий вид

щенными к р. Неве, оставляя внутренний двор свободным от застройки (рис. 131). В несколько иной трактовке эта же схема применена в небольшом погосте села Виноградова Московской области, возникшем в третьей четверти XVIII в.

Секуляризация земельных угодий монастырей в XVIII в. подорвала их экономическое и хозяйственное могущество. Строительство монастырей сильно сокращается, многие из них упразднены. Все чаще монастыри начинают играть роль «богоугодных» заведений-госпиталей. Планировочные идеи монастырских ансамблей, так многосторонне и тщательно разработанные в прошлом, проявляются в переработанном виде в крупных гражданских комплексах воспитательных и инвалидных домов, которые хотя имеют задание вельможных заказчиков устраиваться «применяясь как в Париже», но практически исполняются на основе органического продолжения и развития в новых условиях и новыми средствами тех положений, которые были намечены предыдущим веком — XVII. Так, архитектурно-пространственные концепции, проявившиеся в Донском или Смоленском монастыре, сходны по планировочной схеме

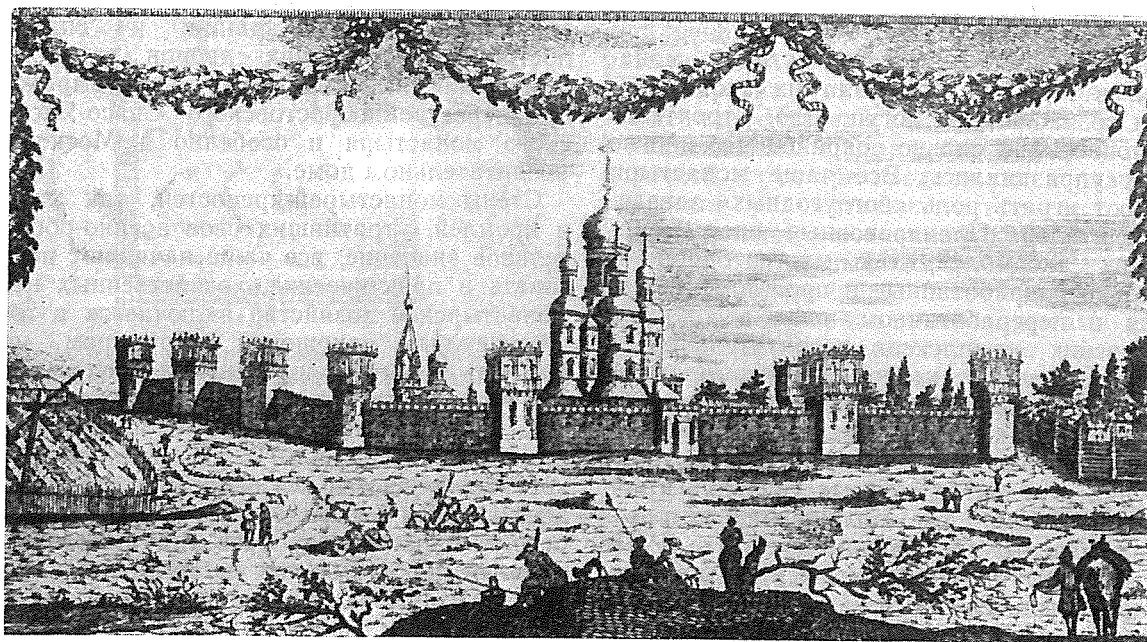
с «Гошпитальным и инвалидным домом» Д. Ухтомского, где центральное место занимает собор, увенчанный древнерусским пятиглавием. Продолжают разрабатываться глубинно-пространственные построения центральной группы зданий и сплошная обстройка внутренних дворов подсобными помещениями, нашедшие свое выражение при перестройке ростовского Спасо-Яковлевского монастыря и особенно в Московском воспитательном доме.

Стены монастырей-крепостей, так же как и кремлей, утративших свое военно-оборонительное значение, все чаще начинают использоваться в практических, хозяйственных целях, монастырское хозяйство включается в торгово-денежные отношения. Примером могут служить новые стены Кирилло-Белозерского монастыря, в которых часть нижнего яруса аркад-печур была закрыта и приспособлена для жилья и складов. То же мы видим в московских монастырях, особенно расположенных в центре города. В этом можно усмотреть общность путей развития монастырей и кремлей, некоторые из которых, как, например Архангельский, заменяются укрепленным гостиным двором.

Первые проекты регулярной перестройки планов городов отводят гостиным дворам ведущее место. Они превращаются в подлинные центры городов, заменяя собой древние кремли. Подобные замыслы мы видим в Новгороде, для которого в 30-х годах XVIII в. был составлен план регулирования Вечевой площади на Торговой стороне города у Ярославова дворища с расчисткой от старой застройки предместной площади и размещения на месте Ярославова дворища обширного прямоугольного гостинного двора. В первом,

оставшемся неосуществленным варианте регулярной перепланировки Ярославля, составленном, видимо, местными силами в 60-х гг. XVIII в., новый центр города представлял собой большую торговую прямоугольную площадь, расположившуюся на территории бывшего торгового двора. В юго-западной ее части, напротив храма Ильи Пророка, намечался прямоугольный в плане гостинный двор, заменивший собой утративший свое значение старый кремль на мысу при слиянии рек Которосли и Волги. Тот же прием был применен

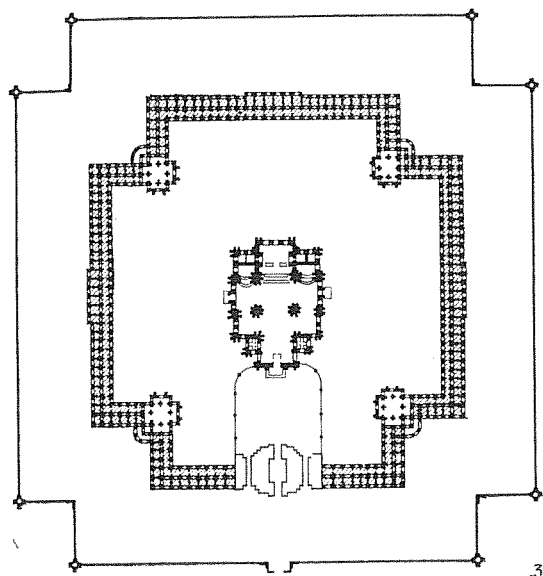

Рис. 129. Застройка Донского (1), Ново-Иерусалимского (2), Смольного (3) монастырей в конце XVII — середине XVIII в. с центральным расположением главного здания

Рис. 130. Донской и Ново-Иерусалимский монастыри. Общий вид

и в первоначальном, неосуществленном варианте регулярного плана Костромы. Проектом было предположено упразднить скученные и мелкие помещения на главной торговой площади в стороне от Кремля и заменить их обширным, прямоугольным в плане гостиным двором. Примерно в это же время для Симбирска и Уфы был разработан проект гостиного двора, соединенного с целой группой административных и складских зданий, в основу которого была положена круглая площадь, сплошь обстроенная по периметру

торговыми помещениями (рис. 132). Все эти проектные разработки и замыслы постепенно подготавливают радикальную реконструкцию центров городов в связи с их сплошным переустройством по регулярным планам, начавшуюся в последней четверти XVIII в.

Однако как ни решительны были реформы первой половины XVIII в., как ни глубоко перетряхнули они устои русской жизни, все же их проведение не означало разрыва с исторически сложившимися традициями русской градостроительной культуры. Органический

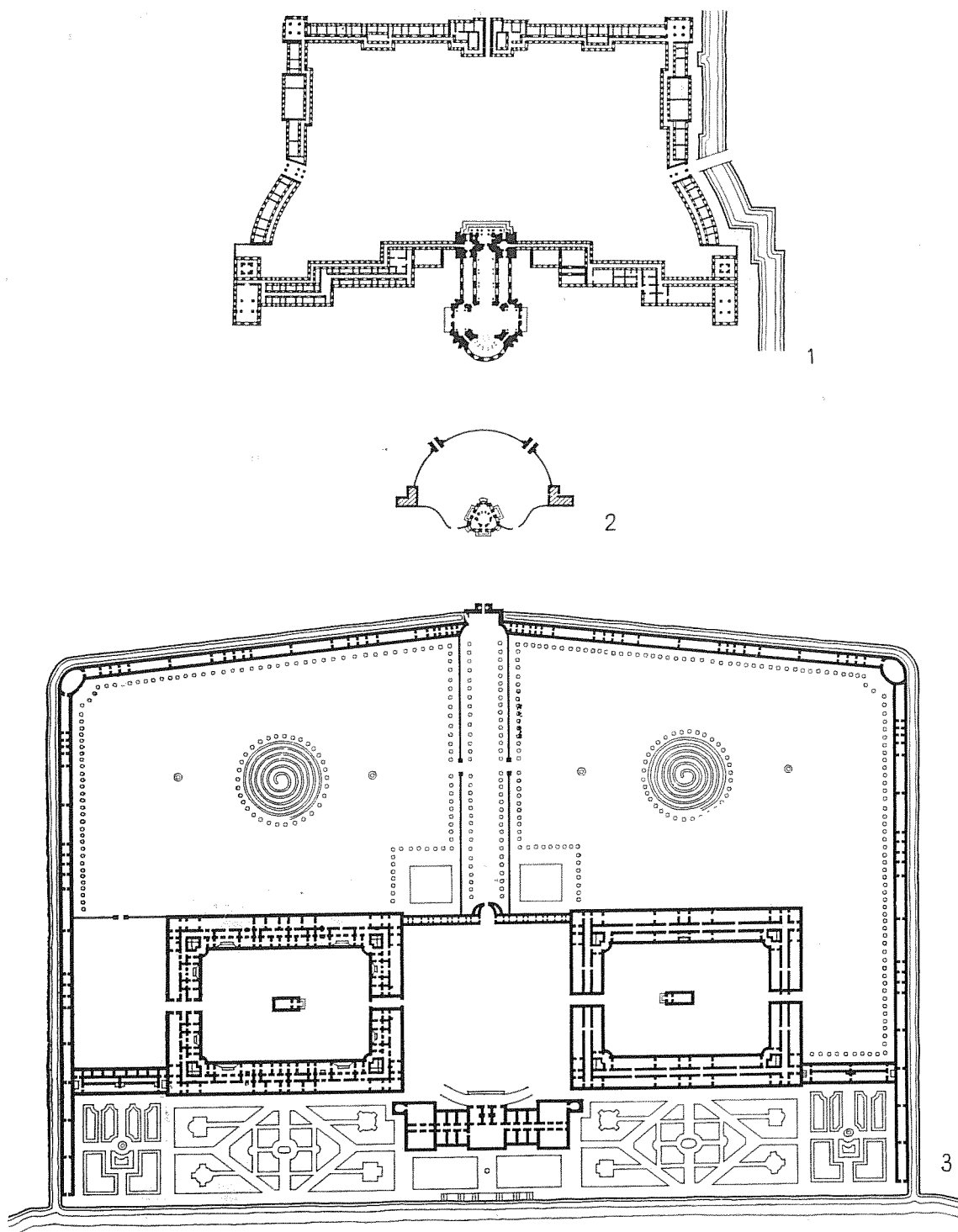
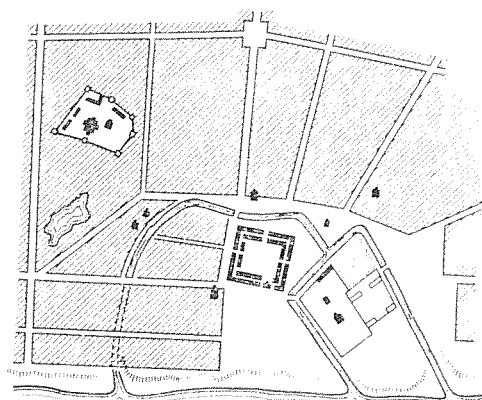

Рис. 131. Застройка Александро-Невской лавры (1), погоста Виноградово (2), Воспитательного дома в Москве (3) с размещением зданий по периметру участка

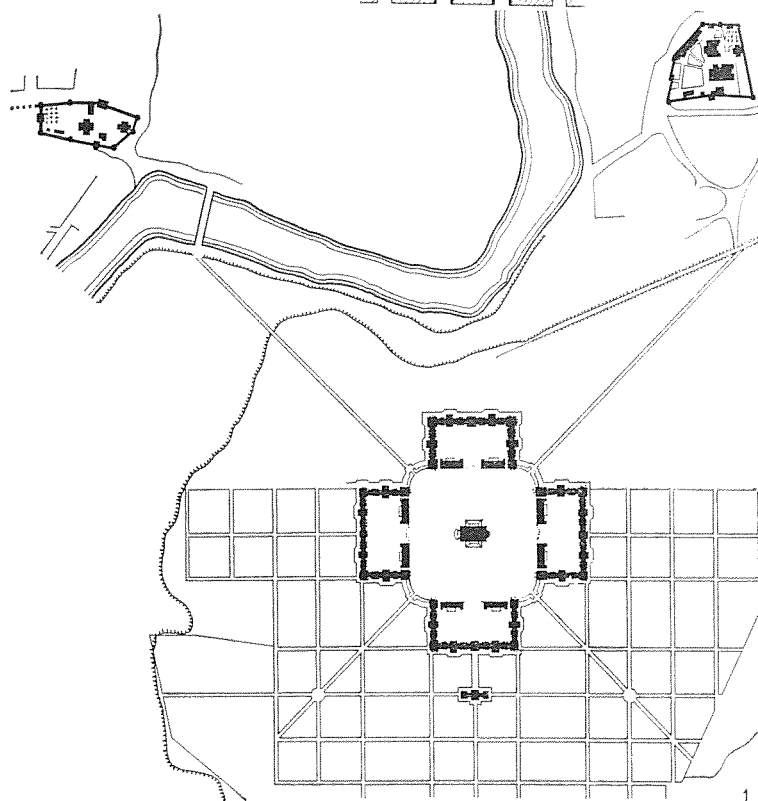
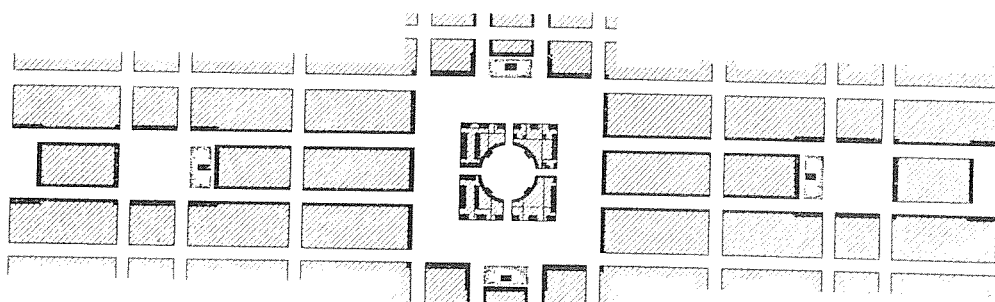
Рис. 132. Размещение пнвалидного дома в Москве (1) и гостинных дворов на центральных площадях Ярославля (2), Костромы (3) и Уфы (4) при переустройстве городов по регулярным планам

2

3

1

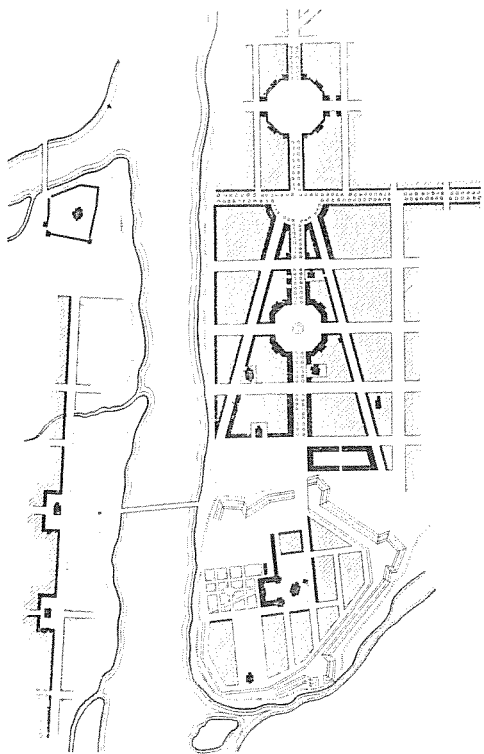

Рис. 133. Регулярная планировка центра Твери во второй половине XVIII в.

процесс развития строительства этого времени преемственно связан с веками выработавшимися навыками и вкусами, выросшими на народной основе.

ПЕРЕУСТРОЙСТВО ЦЕНТРОВ ГОРОДОВ ПО РЕГУЛЯРНЫМ ПЛАНАМ

Переустройство городов второй половины XVIII в. по регулярным планам коснулось прежде всего общегородских центров, где должны были быть размещены административно-общественные здания, обслуживающие представителей власти и правительственный аппарат. Именно здесь закладывались начала решительного упорядочения города на регулярной основе. Можно отметить общность главнейших архитектурно-планировочных решений, доходящих в малых уездных городах до стандартных приемов. Однако в пределах этой общности сохранялось большое разнообразие. Индивидуальность города не только не стирается, но в ряде случаев проявляется с новой силой.

Центральная городская площадь, перестав быть частью дворцового ансамбля, теряет и его характерные черты. Все чаще появляются открытые площади, все теснее становится связь площади с регулярной уличной сетью. Чередование отдельных отрезков уличной се-

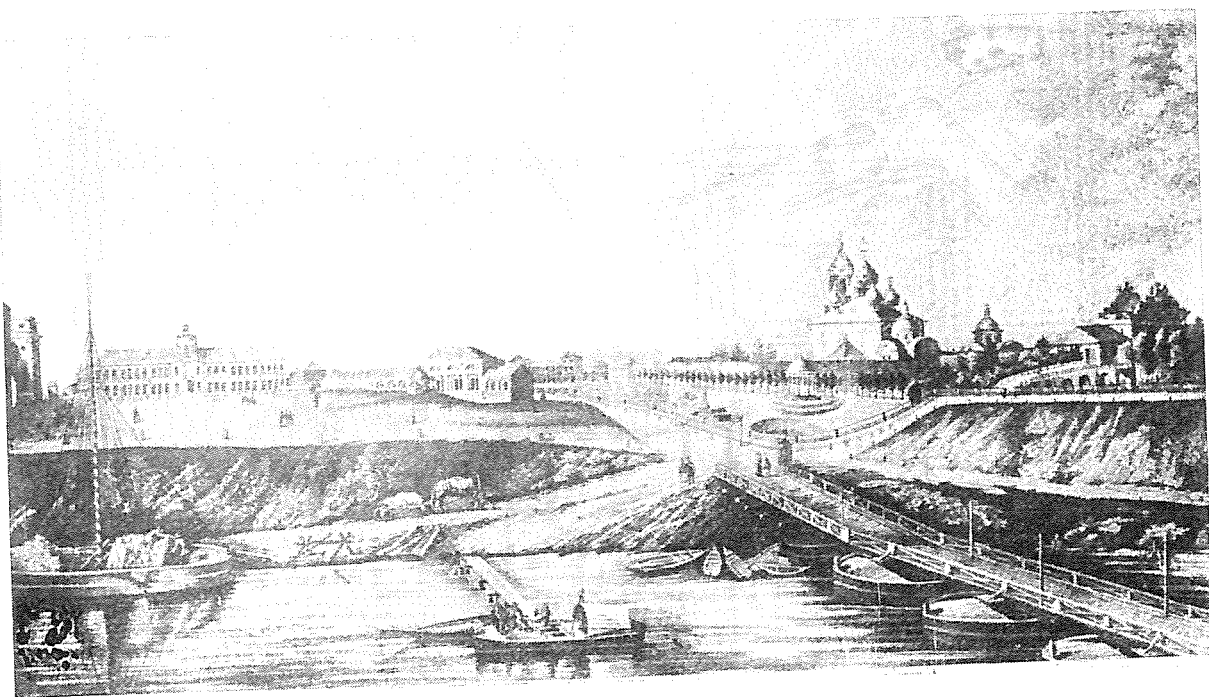

Рис. 134. Центральная часть Твери. Общий вид

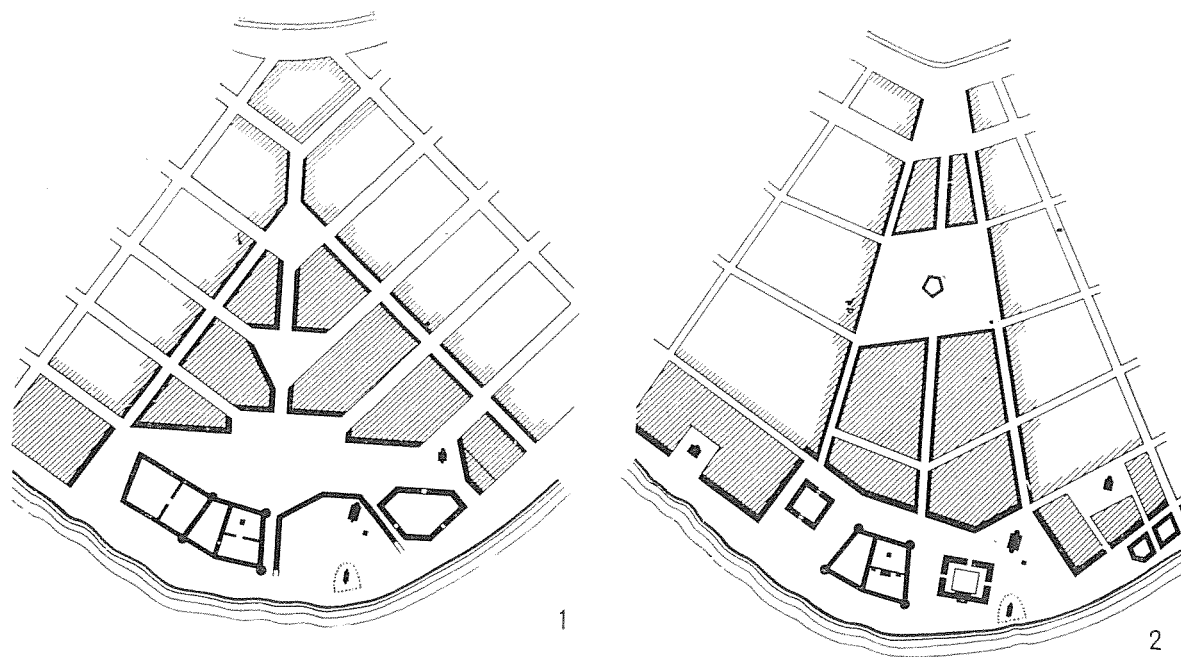

Рис. 135. Варианты регулярной планировки центра Архангельска (1, 2)

ти с регулярно размещенными площадями придавало переустраниваемым городам законченность и порядок. Площадь в городе оценивается прежде всего с чисто утилитарной стороны как органическая часть целесообразно построенного регулярного плана города. Наряду с этим утилитарное построение площади является предпосылкой и для ее эстетической оценки. Большое внимание уделяется архитектурным ориентирам. Тщательно выискиваются места для выигрышного размещения здания, становится общепризнанным, что одно красивое здание превращается в столько украшающих город зданий, сколько различных точек зрения дается для его обозрения. Особую популярность приобретают лучевые построения плана, позволяющие одно и то же здание видеть последовательно с различных видовых точек. Это подчеркивание эстетических качеств площади, раскрывающей свободные перспективы, особенно понятно в условиях тесно застроенных городов. Старые приемы формирования замкнутой площади перерастают в новые с решительным преобладанием типа открытой площади, с прямыми перспективами, соединяющими и зрительно сближающими не только соседние, но и отдаленные планировочные узлы города. Наряду с прямолинейностью уличной трассы и замыкающими перспективами проводится выравнивание за-

стройки по красной линии и по высоте. Возникает настойчивое стремление к уничтожению разрывов между домами, чтобы сделать более четкой пространственную организацию улицы. Большое внимание уделялось организации перекрестков, рекомендуется на них срезка углов с тем, чтобы движение на пересечениях получило бы больший простор. Эти скошенные углы по мере возможности оформляются однородными сооружениями, чтобы усилить художественный эффект перекрестка.

Если в проектах городов конца XVIII в. старый принцип изолированной предфасадной площади иной раз совмещался с новым приемом свободной открытой площади, то с начала XIX в. она рассматривается как общегородское пространство, подчиняющее себе всю окружающую застройку. С новой силой выдвигается требование геометрической правильности площади в виде круга или многоугольника с равными отрезками между вливающимися в нее улицами. Обычно это или трехлучевая система улиц, сходящихся к площади, или сквозные диаметры, проходящие через площадь, или две взаимно перпендикулярные оси, в месте пересечения которых образуется площадь.

Трехлучевая система как организующий планировочный прием построения центра города применяется наиболее часто. В одних

случаях трехлучевая система имеет главенствующее значение, определяя план всего города, в других — она лишь отмечает отдельные ответственные участки плана города. В самом построении трехлучевой системы мы встречаемся со случаями, когда три луча расходятся от въездной площади к центру и от центральной площади к периферии. Первый случай находит достаточно большое распространение в таких городах, как Тверь, Архангельск, Углич, Калуга, Рязань, Петрозаводск и др. В первых трех городах центральный луч является и основной осью композиции центральной части города. Это с большой четкостью выражено в плане Твери, где от полукруглой въездной площади расходятся три луча в направлении к кре-

постным валам кремля (рис. 133, 134). Значение центрального луча подчеркивается главной восьмиугольной площадью с административными зданиями. Он продолжен на территории кремля и завершается группой собора, колокольни и путевого дворца. Застройка улиц единообразными блокированными жилыми корпусами с четкими ритмическими членениями стен создает ощущение единства и цельности художественного замысла и планировочной упорядоченности. Недаром застройка центра Твери рекомендовалась в качестве образца для многих других городов.

Центр Архангельска имеет также четко выраженную трехлучевую основу с лучами, расходящимися от въездной площади к центру, к берегу р. Северной Двины (рис. 135). Однако в противоположность Твери ни в планировочном отношении, ни по характеру застройки эта трехлучевая основа плана Архангельска ясно не выражена. Боковые лучи скорее могут быть отнесены к прямоугольным участкам плана, повернутым под углом друг к другу, сообразуясь с поворотом русла реки и линией берега, а площади по центральной оси скорее можно рассматривать как уширения уличных пересечений.

В некоторых других случаях трехлучевая система применяется как бы формально, искусственно внедряясь в сложившийся план города. В разной степени это можно проследить в планах центров Калуги, Рязани, Петрозаводска и некоторых других городов. Так, в вариантах планировочной структуры центра Калуги сочетается бульварное полукольцо с круглыми площадями на месте переломов

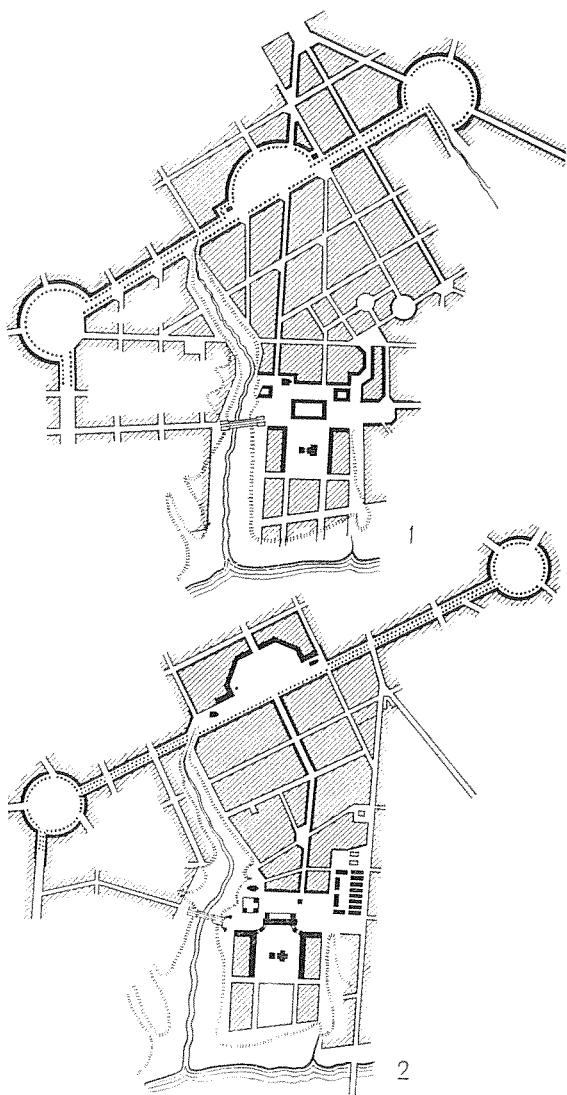

Рис. 136. Варианты регулярной планировки центра Калуги (1, 2)

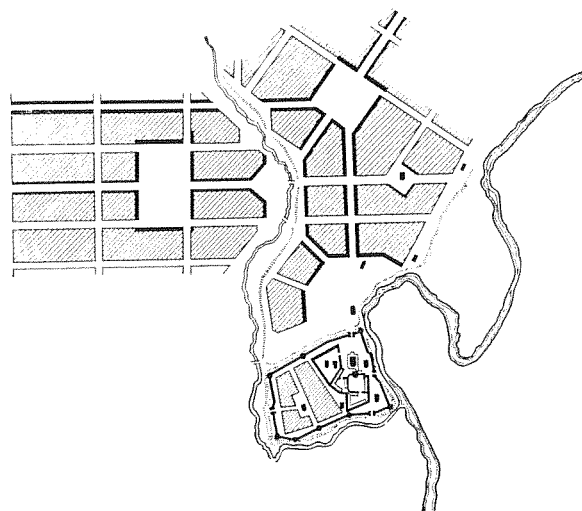

Рис. 137. Регулярная планировка центра Рязани

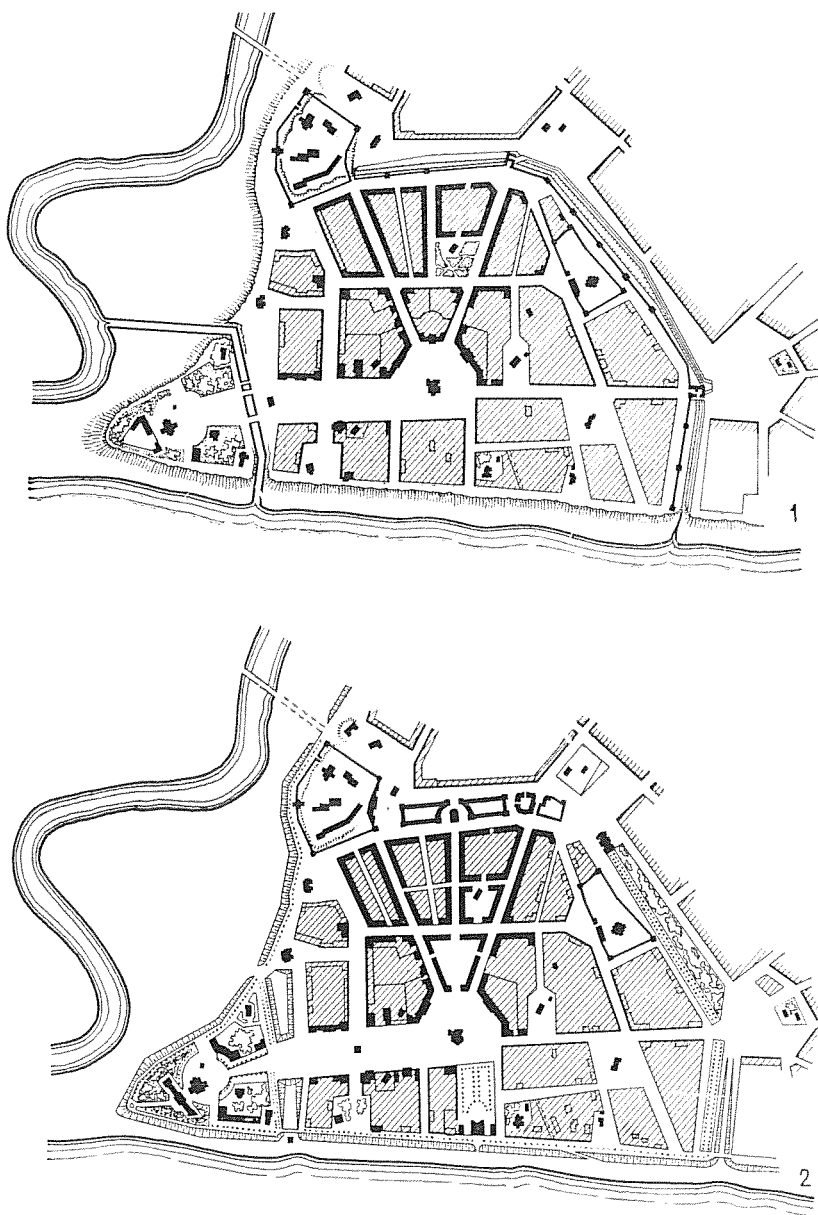

Рис. 138. Варианты регулярной планировки центра Ярославля (1, 2)

его направлений и трехлучевая система, в которой развитие получил лишь крайний правый, ведущий через полукруглую торговую площадь к центру (рис. 136). Такую же недостаточную четкость планировочной структуры центра можно отметить в Рязани, где задуманная трехлучевая схема как бы теряется в общем прямоугольном построении улиц города (рис. 137).

Случай, когда три магистральных луча расходятся от центральной площади к пери-

ферии, встречается также достаточно часто. После Петербурга наиболее яркими примерами такого построения являются центры Ярославля и Костромы. В Ярославле главная площадь города закрепились на месте бывшего торгового центра, т.е. на Ильинской площади. Ее середину занял храм Ильи Пророка, а по границам разместились корпуса присутственных мест и дом генерал-губернатора. Соборная площадь на территории древнего кремля образована старым собором XVI в., в непосредственном соседстве со зданием Демидовского лицея, учрежденного в начале XIX в. Их соединяет парадная площадь, обстроенная по периферии культовыми сооружениями Афанасьевского монастыря и гражданскими сооружениями XIX в. Перспективу двух лучей, отходящих от Ильинской площади, замыкают живописный силуэт древнего Спасского монастыря, протяженная аркада гостиного двора и остатки старых крепостных ворот (рис. 138).

Наиболее выразительна лучевая схема центра Костромы. Ее ядром становится полукруглая торговая площадь с симметрично расположенными прямоугольниками гостиных дворов в стороне от кремля. Отсюда расходится пучок радиальных магистралей, переходящих в дороги, связывающие Кострому с внешним

миром. В последующих вариантах планировки и застройки центра города вводятся уточнения в конфигурацию главной площади, конкретизируется застройка ее периметра (рис. 139, 140).

Если в Ярославле и Костроме новая лучевая структура центра ориентируется на обширные торговые площади, то в таких городах, как Нижний Новгород, Казань, Ростов Великий, крупные, капитально застроенные кремни продолжают оставаться центрами го-

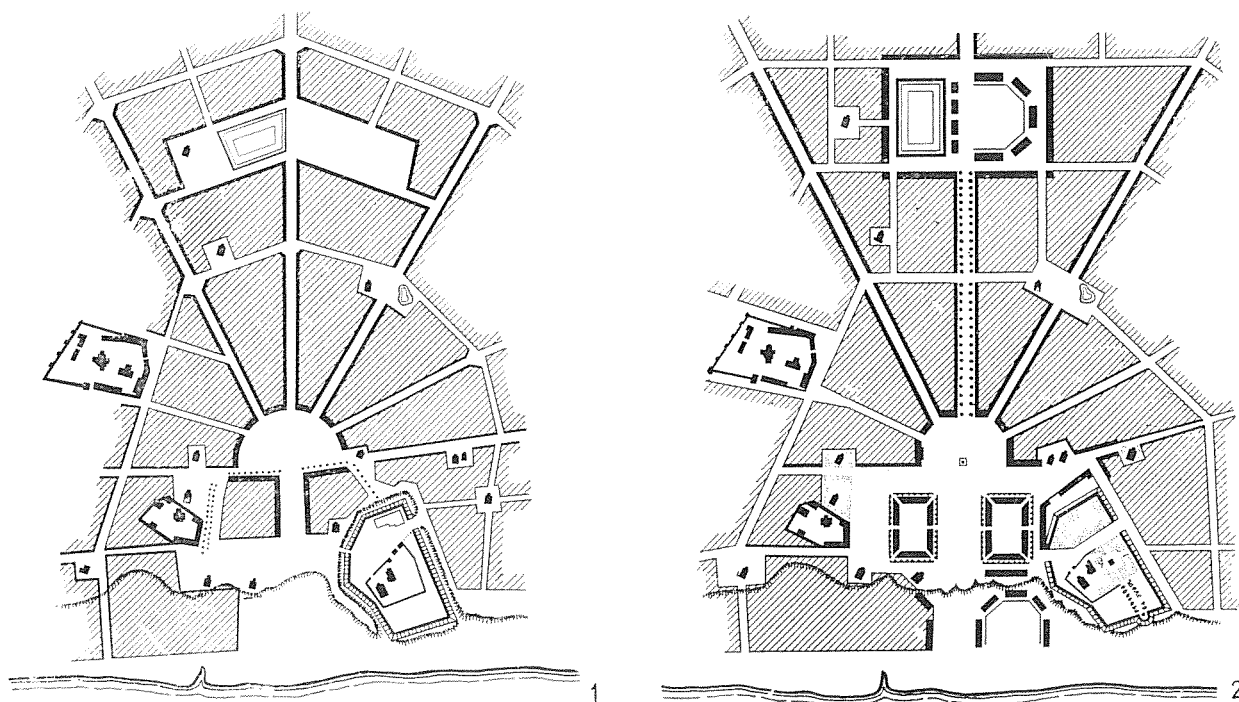

Рис. 139. Варианты регулярной планировки центра Костромы (1,2)

родов, от которых расходились или к которым сходились лучи главных улиц. В Казани трехлучевое построение только намечается, резко преобладает правый луч — главная улица, обстроенная основными капитальными зданиями, формирующими облик центра города. В Нижнем Новгороде привлекает внимание застройка в пределах обширного кремля, лучевые же улицы имеют лишь планировочно-структурное значение и формиру-

ются рядовой застройкой (рис. 141). В Ростове Великом вокруг кремля — резиденции митрополита, — обнесенного земляными укреплениями, образуется обширный полуциркульный луг, по внешнему периметру которого развевывалась городская застройка. Лучевые улицы со всех сторон были направлены в сторону кремля, его господство неоспоримо. Кремль как бы противостоит городу, застройка которого является общим фоном

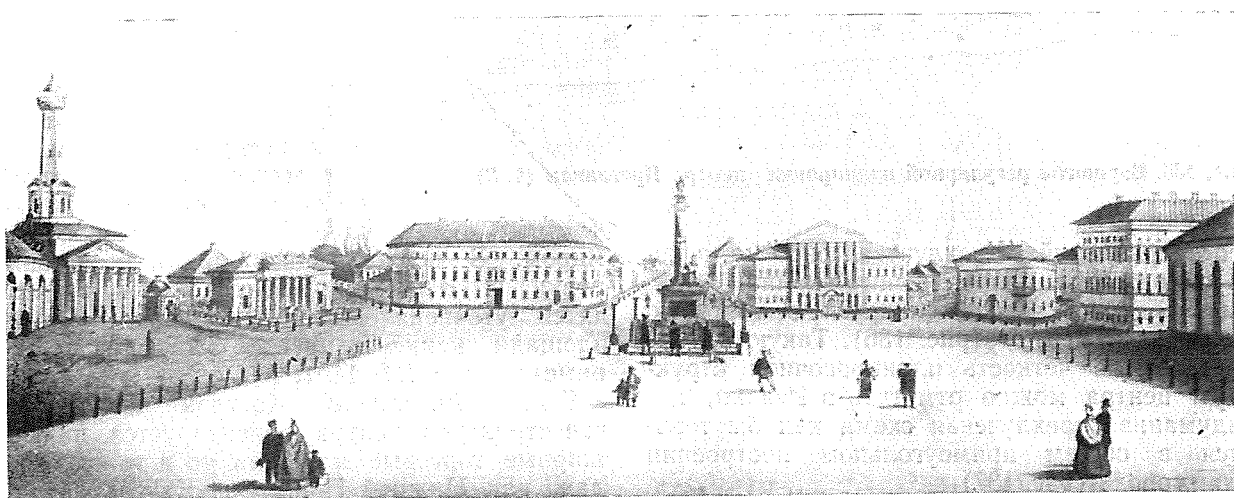

Рис. 140. Застройка центральной площади Костромы. Общий вид

для него (рис. 142). Это соединение различных взаимодополняющих планировочных схем можно проследить в ряде центров других городов. Например, в Воронеже трехлучевое построение, ориентированное на комплекс Митрофаньева монастыря, сочетается с широким прямым проспектом вдоль реки, где были размещены административные здания на обширных прямоугольных площадях (рис. 143, 144). Для центров многих городов применялась прямоугольная сетка улиц, где выделялись площади разных размеров и конфигураций, на которых располагались те здания, значение которых нужно было подчеркнуть и выявить. Примером, заслуживающим внимания, стал проект центра Тамбова, где четко выделены

группа административных зданий, занявших территорию бывшей крепости, большая торговая площадь и участок Казанского монастыря. Такое же сочетание административного центра в пределах сохранившихся стен кремля, развитого торгового центра под его стенами и Петропавловского монастыря при общей прямоугольной сетке улиц мы видим в центре Астрахани (рис. 145).

На формирование регулярной планировки и застройки центров названных городов, а также таких, как Владимир, Вологда, Смоленск и др., имевших развитую застройку в прошлом, в значительной мере повлияла их ранее сложившаяся структура. Это выразилось, например, в своеобразном «двоецентрии» каждого из этих городов, в основе которого

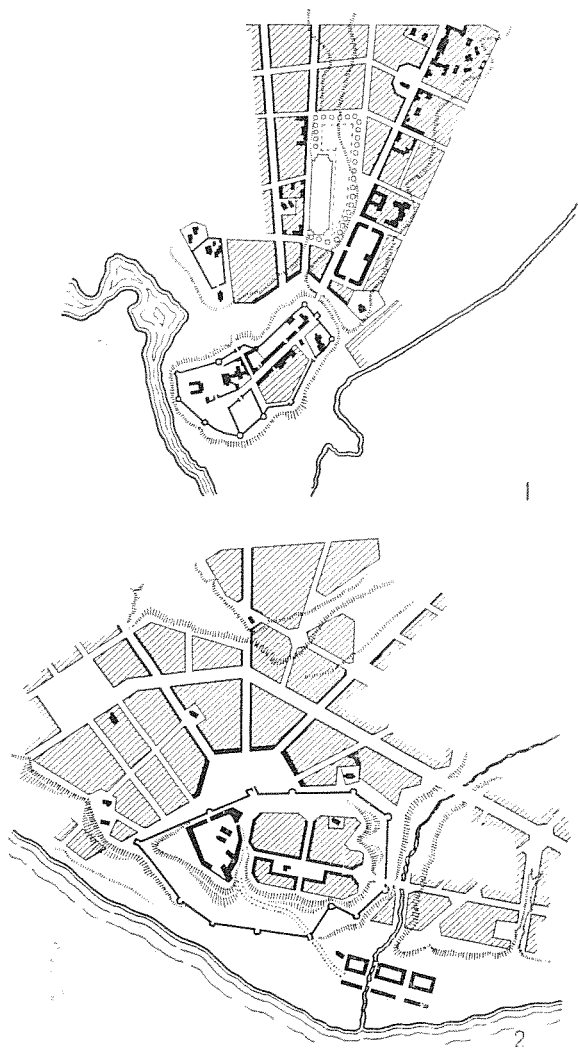

Рис. 141. Проектные предложения регулярной планировки центров городов Казани (1) и Нижнего Новгорода (2)

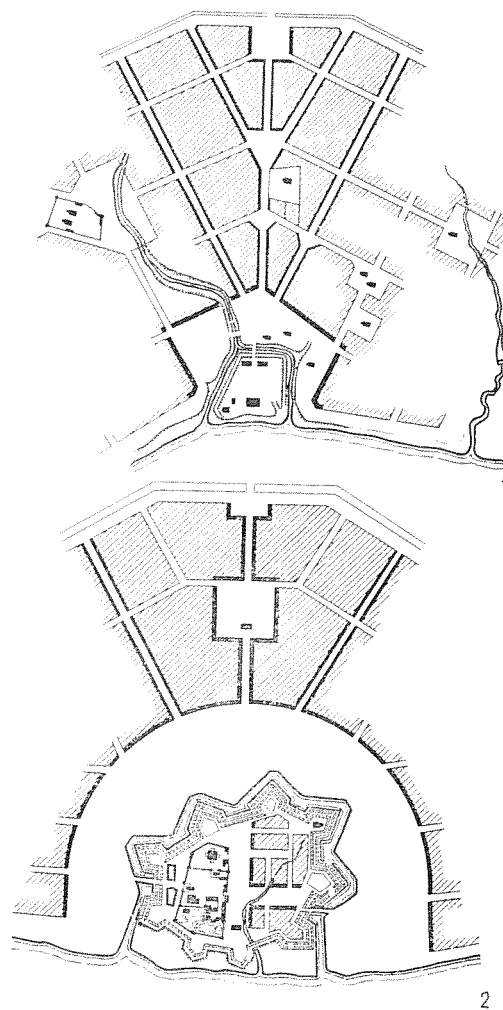
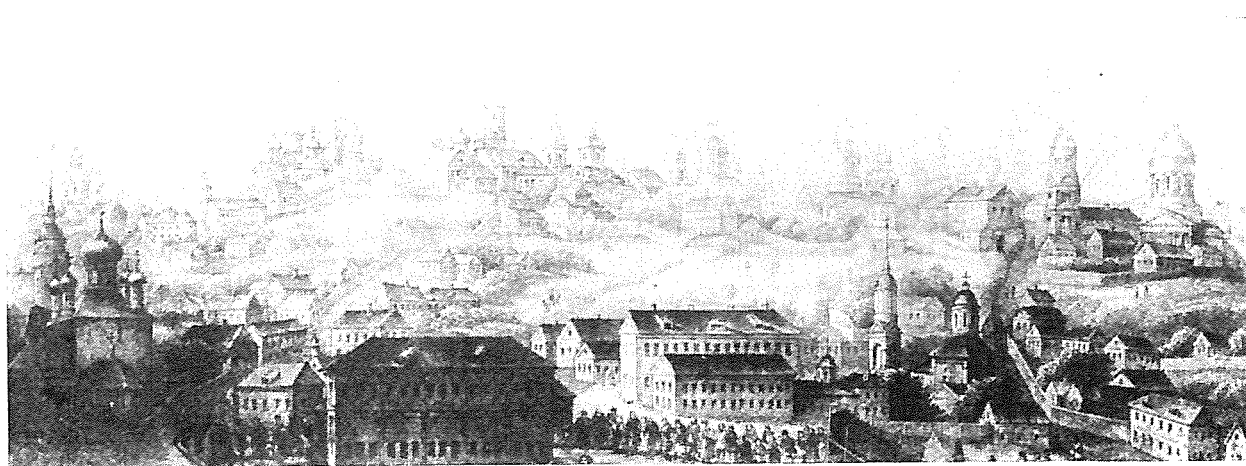

Рис. 142. Проектные предложения регулярной планировки центров Углича (1) и Ростова Великого (2)

Рис. 143. Варианты регулярной планировки Воронежа

Рис. 144. Центральная часть Воронежа. Общий вид

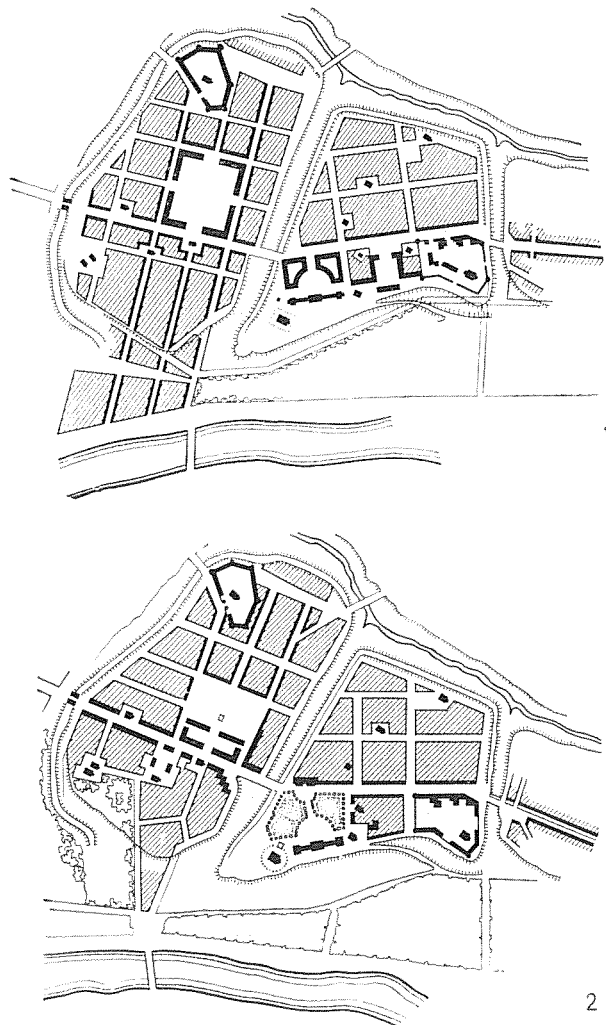
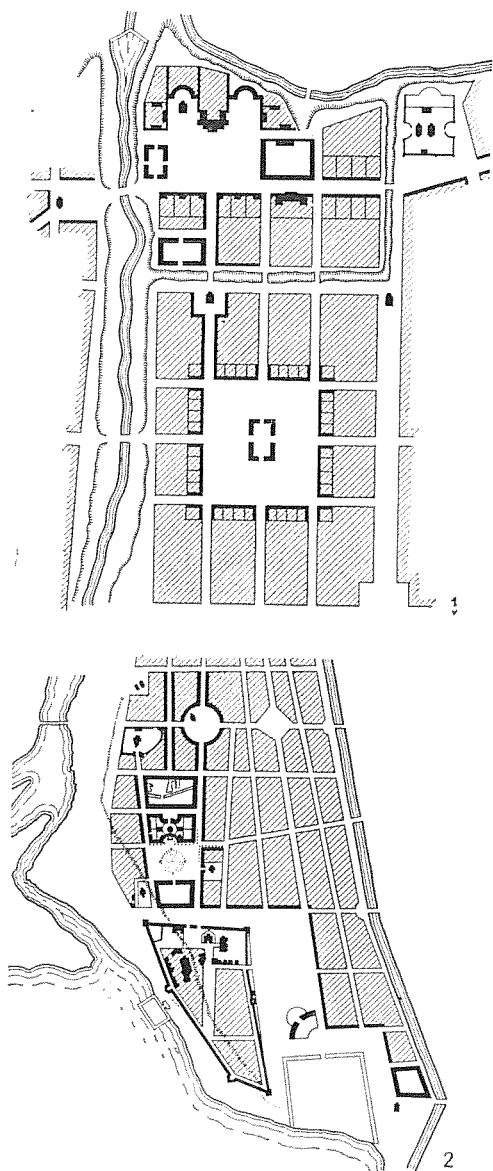

Рис. 145. Варианты регулярной планировки центров Тамбова (1) и Астрахани (2)

Рис. 146. Варианты регулярной планировки центра Владимира (1, 2)

лежат площади, образовавшиеся в свое время вокруг кремля, и площади, возникшие в бывшем посаде, территориально примыкавшем к укрепленной части города (рис. 146, 147).

До сих пор речь шла о центрах крупных городов, возглавлявших наместничества, а позже губернии. Но многочисленные проекты упорядочения центров городов были сделаны в то же время и для небольших по размерам уездных городов. Нередко в планировке отдельных групп уездных городов использовались в более упрощенном виде планировочные приемы возглавлявшего их губернского города. Это можно видеть хотя бы на примерах городов Одоева, Венева и др., входящих в одно наместничество.

В центре уездных городов нужно было расположить небольшое число «казенных» зданий — дом городничего, небольшой гостинный двор, присутственные места и др. Была разработана даже типовая схема расположения всех этих зданий в одной взаимосвязанной группе, которая определяла бы облик застройки городского центра. Но в связи с этим возникла задача избежать однообразия внешнего вида центров малых городов при повторном использовании и применении типовых проектов общественных зданий, собранных в одну группу. Для этого было необходимо выработать особые приемы планировки центральной площади каждого города, придать им различные размеры и очертания. Например, планы

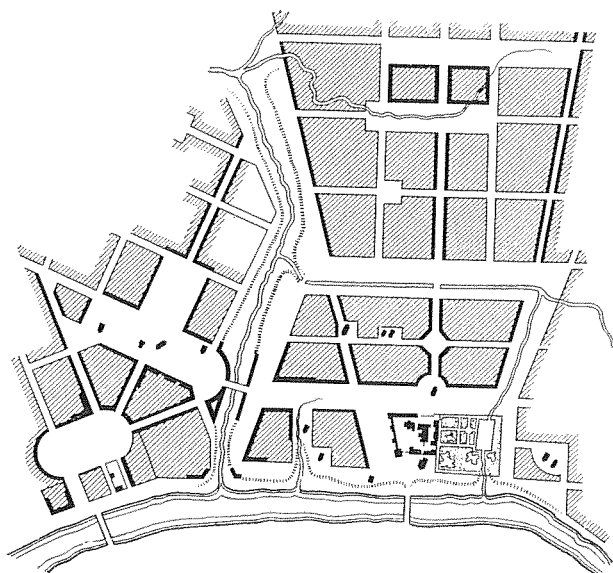

Рис. 147. Варпаны регулярной планировки центра Вологды

центральной площади Золочева и Землянска имеют многогранную конфигурацию, но в последнем главное здание сдвинуто на границу площади, в то время как в Золочево оно поставлено посередине. В таких городах, как Хотмыжск и Калитва, площади прямоугольны, но в одном случае ее пространство открыто в сторону реки, в другом — замкнуто застройкой со всех сторон. Прямоугольные площади имеют различные размеры и соотношения сторон, поэтому и типовая группа зданий, находясь в различном окружении, воспринимается по разному (рис. 148). Эти меры общепланировочного характера были достаточно эффективны и в какой-то мере решали задачу пространственного разнообразия центров малых городов при одинаковости их застройки. Однако не все проекты оказа-

лись осуществленными в полной мере, причем некоторые претерпели в процессе дальнейшей застройки те или иные изменения, что не могло не отразиться на их архитектурной цельности.

Наряду с активной градостроительной деятельностью в средней полосе России, где широким фронтом велись работы по реконструкции и переустройству сложившихся городов и упорядочению застройки их центров, быстро развивалось строительство городов на юге России, в Новороссии. Здесь в большинстве случаев приходилось закладывать новые города в малообжитых местах или же преобразовывать укрепленные поселения оборонительных линий в административно-торговые центры. Особое внимание обращалось на создание городов, которые должны были стать опорными пунктами административной и хозяйственной жизни обширного края.

Вслед за Херсоном, главным городом на берегу Черного моря, основывается Екатеринослав на

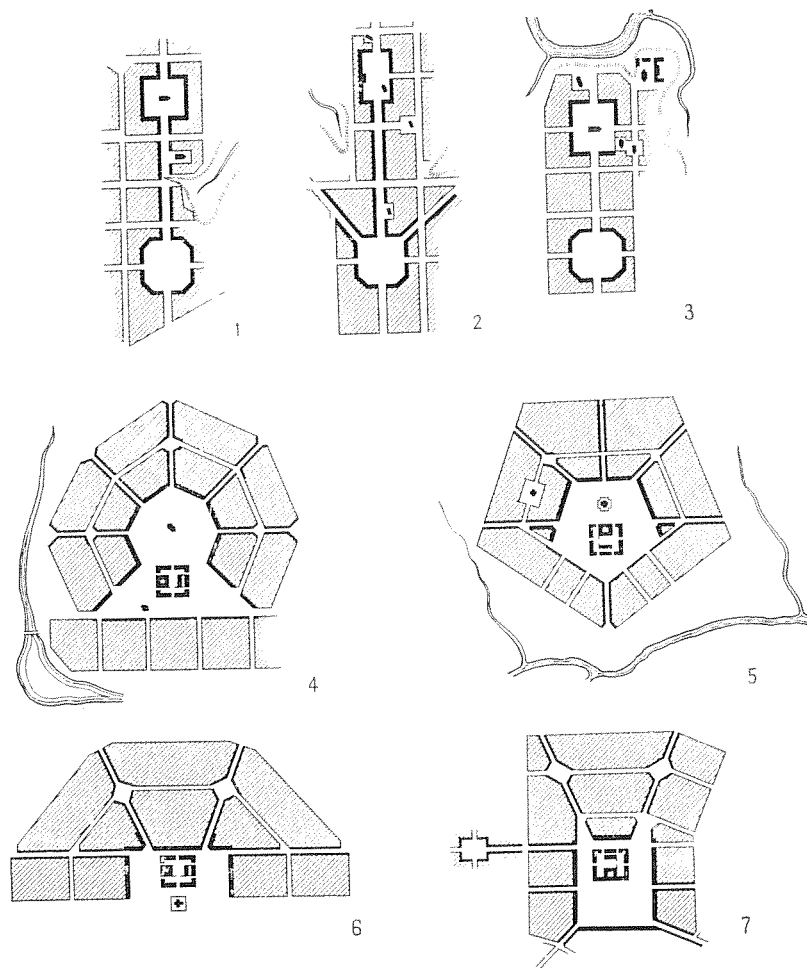
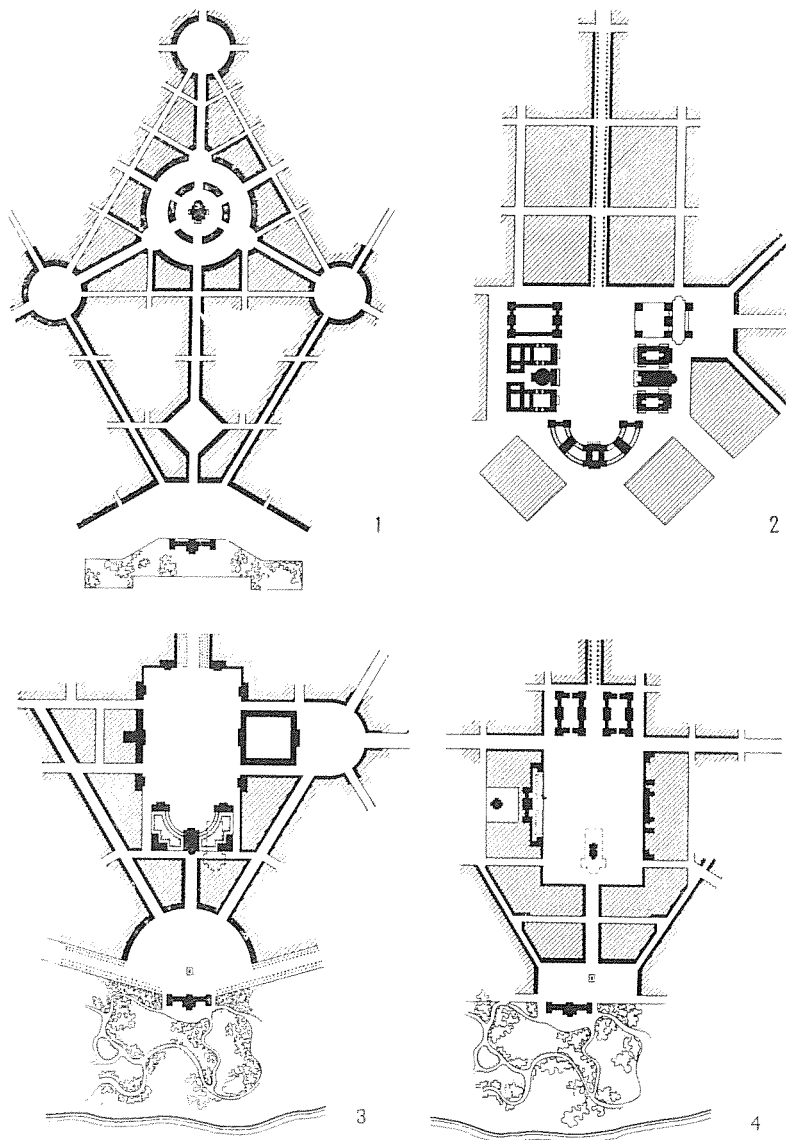

Рис. 148. Сопоставительные схемы регулярной планировки центров малых городов: Каширы (1), Белева (2), Венева (3), Землянска (4), Золочева (5), Хотмыжска (6), Калитвы (7)

Рис. 149. Варианты регулярной планировки центра Екатеринослава: по атласу Т. Мезвинского (1), по проекту К. Геруа (2), по проекту И. Старова (3), по проекту В. Гесте (4)

правом берегу р. Днепра. Первая попытка планировки центра города, относящаяся к 1784 г., носила отвлеченно-геометрический характер без какой-либо характеристики содержания застройки. Несколько позже наместник Новороссии Г. Потемкин представил на утверждение Екатерины II развернутую программу строительства столицы Новороссии «из великолепных зданий ..., достойных высокому сего града названию». Эта программа получила свое графическое воплощение в проекте планировки центра города, который был составлен французским архитектором К. Геруа. Однако проект, составленный по «начертанию» Потемкина, был рассчитан больше на внешний эффект и не отвечал практическим потребностям города и возможнос-

тям его осуществления. Поэтому уже через два года его пришлось коренным образом пересматривать. Для этого был приглашен один из ведущих архитекторов того времени И. Старов. Он прежде всего уточнил содержание застройки центра города. Вместо пышных, грандиозных, но мало полезных сооружений им предусматривается наряду со зданием наместнического правления и собором менее представительные, но практически необходимые постройки. План города становится более четким и выразительным. Наиболее возвышенное место занимает центральная площадь. Широкая въездная магистраль, обсаженная несколькими рядами деревьев, замыкалась величественным зданием собора. На берегу реки перед дворцом наместника намечалась боль-

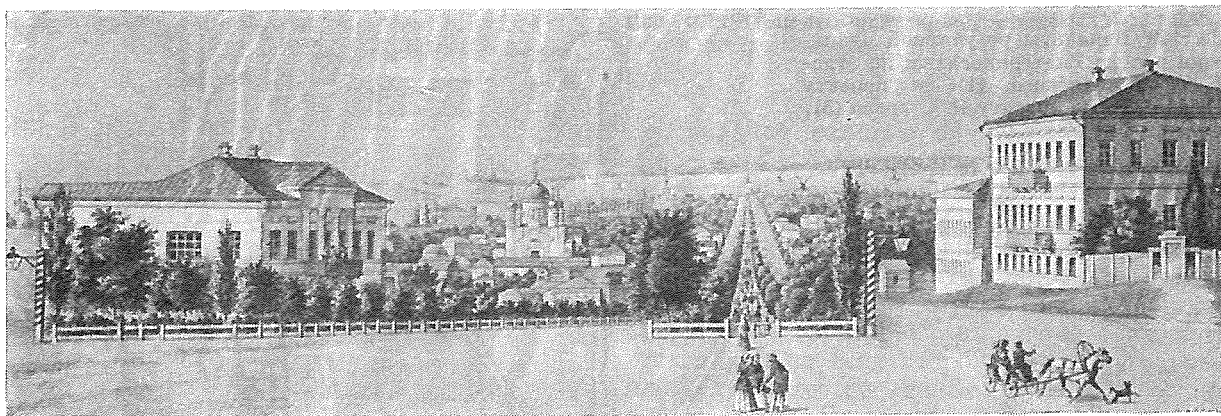

Рис. 150. Центральная часть Екатеринослава. Общий вид

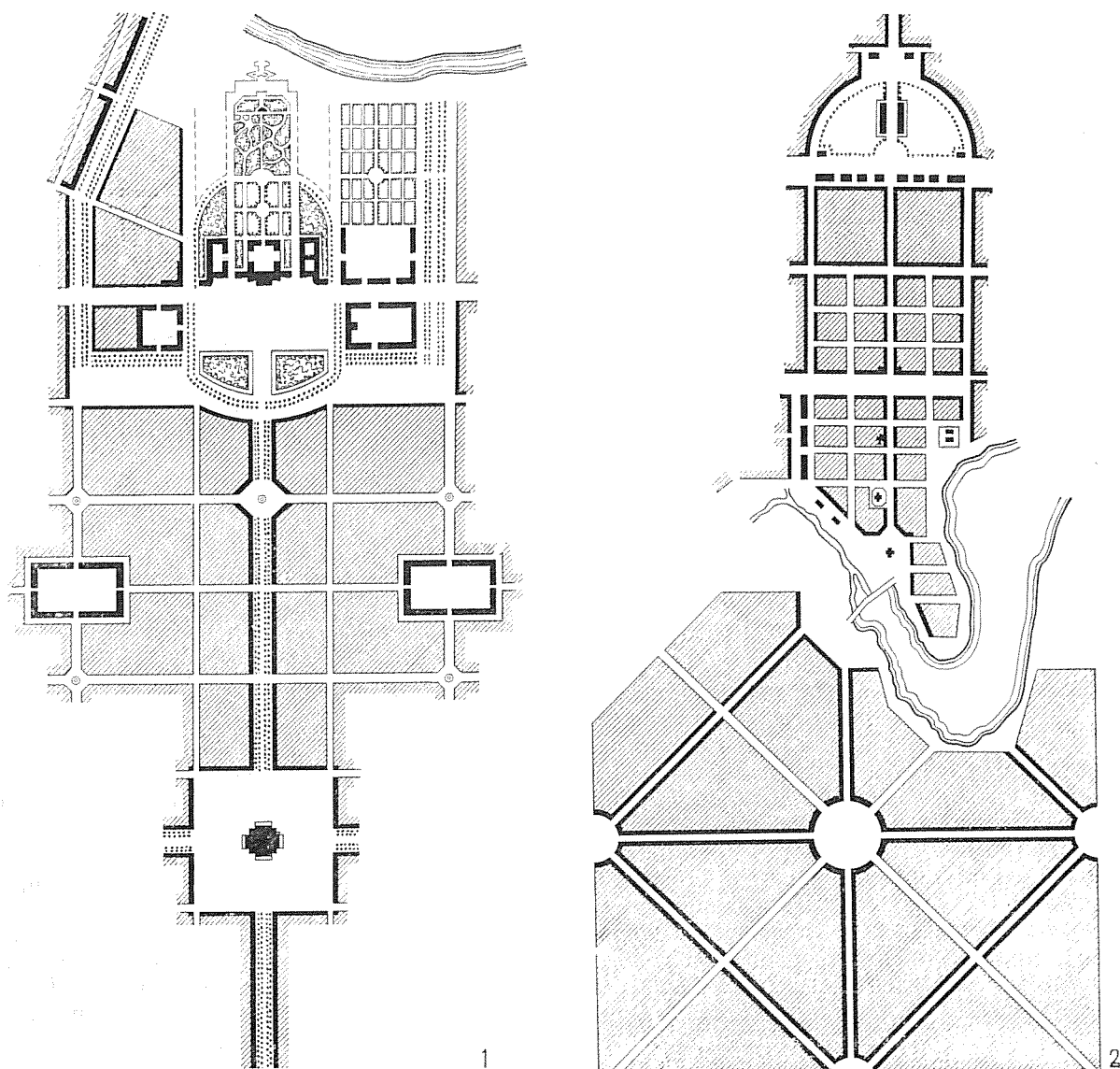

Рис. 151. Регулярная планировка центров Вознесенска (1) и Бахмача (2), неосуществленные проекты

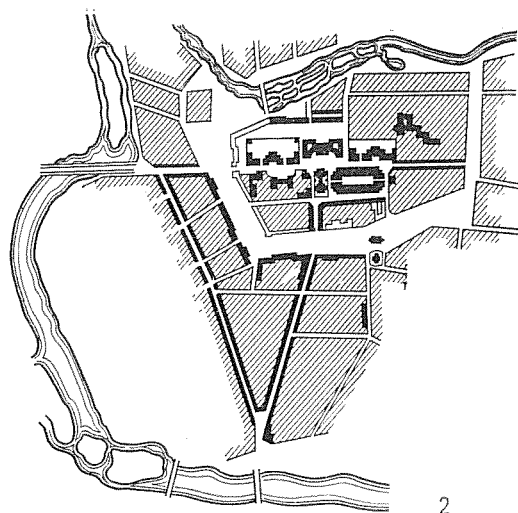
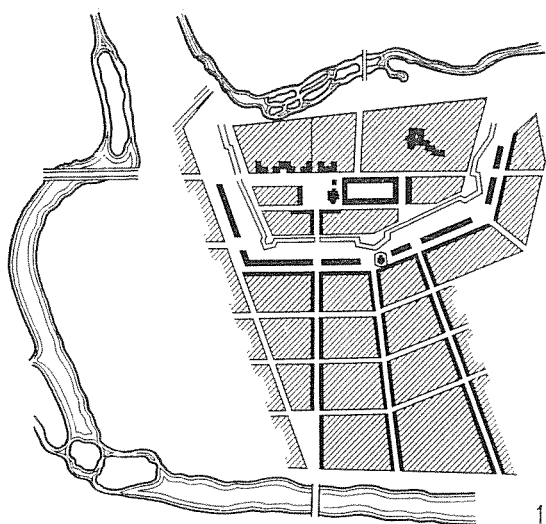

Рис. 152. Варианты регулярной планировки центра Харькова (1, 2)

шая полуциркулярная площадь. От нее расходятся три луча, главный из которых направлен к собору на центральной площади. Правый боковой луч выходит на торговую площадь с прямоугольником гостиного двора

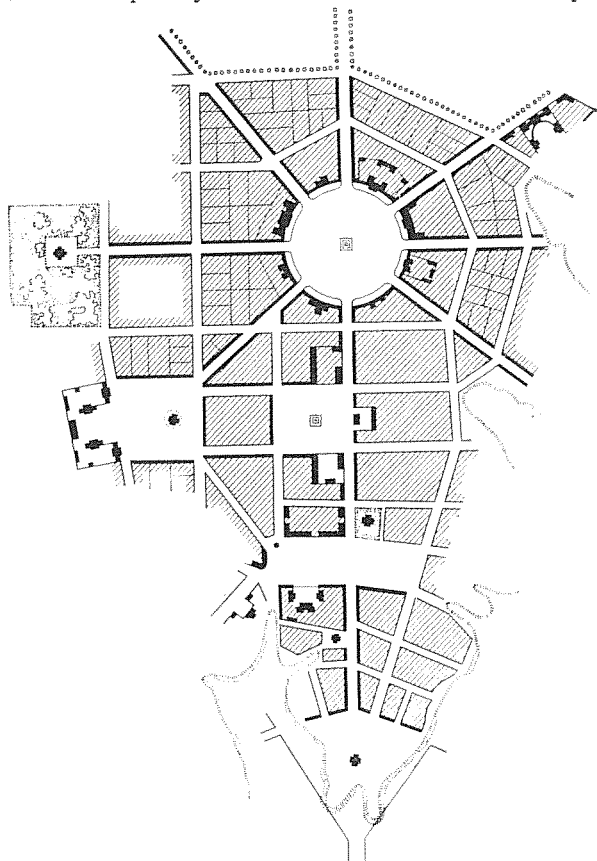

Рис. 153. Регулярная планировка центра Полтавы (вариант)

посередине, которая непосредственно примыкает к северо-западной стороне главной площади и начинает вторую магистраль города, направленную перпендикулярно к первой и ведущей к Киеву и Москве. Основное ядро города, ограниченное обрывистым берегом Днепра и глубоким оврагом, очерчено широким кольцевым бульваром (рис. 149, 150).

Столь удачно начатое строительство центра Екатеринослава вскорости было прекращено и продолжено лишь в 20-х гг. XIX в. по гораздо более скромной программе. Это было связано с решением «столицу Новороссии» образовать не в Екатеринославе, а на новом, необжитом месте в Вознесенске. Проект новой столицы был составлен с большим размахом под общим руководством инж. Ф. де-Волана, но оказался столь же безжизненным и практически непригодным к реализации, как и первые варианты Екатеринослава (рис. 151). К осуществлению города так и не было приступлено. Внимание привлекало практически более необходимое преобразование Харькова и Полтавы как крупных центров культурной и хозяйственной жизни юга России.

Харьков получил первый регулярный план в 1786 г., через 10 лет он был переделан. Тогда же была разработана застройка центра на коротком участке главной улицы в стесненных условиях упраздненной крепости. Основу застройки составило здание присутственных мест и губернской администрации, здесь же размещались собор, гостиный двор и другие торговые помещения. В целом это была своеобразная, компактная группа зданий, выделяющаяся среди рядовой застройки (рис. 152).

Центр Полтавы сложился на свободном месте вне старых крепостных валов. На грани XIX в. для города была намечена круглая въездная площадь, откуда лучеобразно расходились основные улицы. Она и превратилась в главную площадь города, застроенную по периметру основными административными и общественными зданиями по типовым проектам, разработанным для строительства в губернских и уездных городах. К этому же времени на главной площади была воздвигнута колонна в память победы над шведскими войсками под Полтавой, которая завершила застройку центра города (рис. 153, 154).

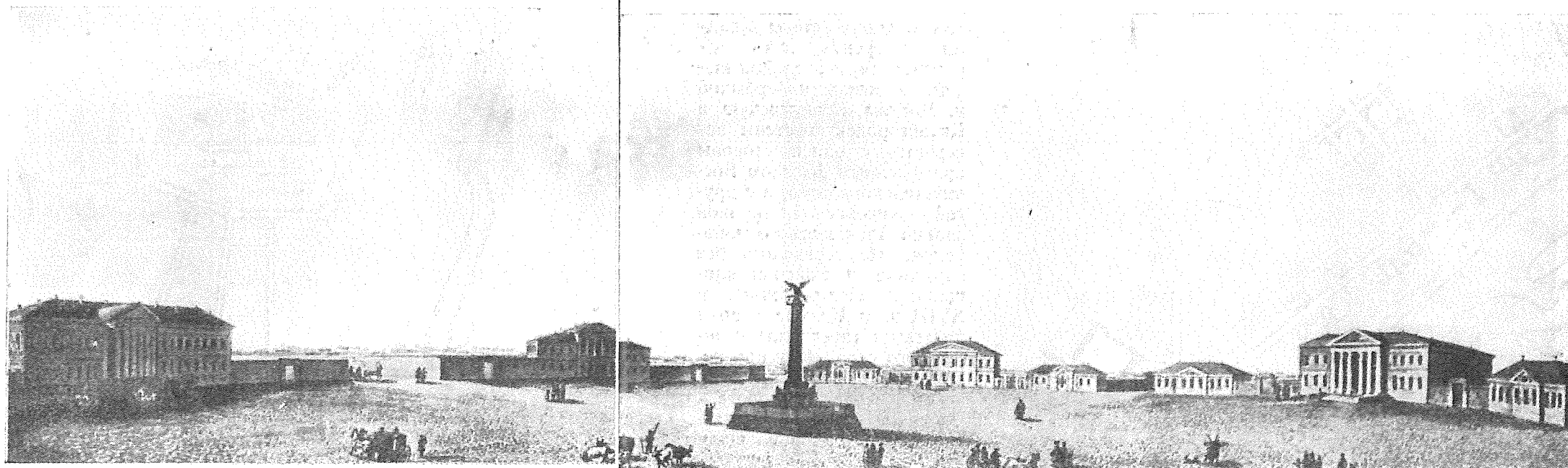

Рис. 154. Застройка центральной площади Полтавы

Центры Харькова и Полтавы, как они были задуманы в начале XIX в., имели оригинальную планировочную структуру со своими собственными чертами, не похожими на те, которые получали реализацию примерно в это же время на территории средней полосы России, хотя и развивающимися на единой основе.

Своеобразными чертами отмечены центры других быстро растущих городов — Николаева и Одессы, где сосредотачивается торговля и развиваются судостроительные отрасли. Схемы планов центральной части этих двух городов вытянувшихся вдоль берега, в основном одинаковы, что объясняется в известной мере их местоположением вблизи крупного водного пространства.

В Николаеве главная улица идет вдоль берега широкой реки Ингул и завершается в одном направлении площадью перед адмиралтейством, а в другом — площадью перед предполагавшимся дворцом наместника (впоследствии на этом месте появилось военно-морское училище). От центральной площади, разделяющей улицу на равные части, шла другая, в глубь территории города, заканчивавшаяся торговой площадью неподалеку от предполагавшихся пристаней на берегу р. Буга. В Одессе центром приморского бульвара сделалась полукруглая площадь, по оси которой была сооружена лестница, спускающаяся к морскому берегу. В одном конце бульвара была сооружена биржа, в другом — был воздвигнут

дворец наместника. От полукруглой площади в глубь территории города идет короткая улица, подводящая к обширным торговым площадям среди жилых кварталов (рис. 155, 156).

Центральные районы Одессы и Николаева могут быть сравнимы только в общепланировочном отношении. Что касается застройки, то центр Одессы, быстро развивавшейся как торговый город юга России и как резиденция наместника, намного превзошел центр Николаева и по своему размаху и по темпам застройки. При общей схеме планировочного построения того и другого города их архитектурный облик существенно различен. Планировочные приемы, выработанные для Николаева и Одессы, в известной мере были перенесены и на другие города. Черноморского побережья, среди которых следует выделить Керчь.

В строительстве городов на юге России крупную и самостоятельную роль играли отечественные специалисты, которые энергично отстаивали свое право руководящего участия в строительстве и протестовали против иностранного засилья. Попытки механического переноса на русскую почву тех планировочных решений, которые разрабатывались в это время на Западе, как это показал опыт проектирования Екатеринослава, Воскресенска и некоторых других городов на юге России, не могли иметь успеха.

ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ЗАМЫСЛЫ МОСКОВСКИХ И ПЕТЕРБУРГСКИХ ЗОДЧИХ ПО ПЕРЕУСТРОЙСТВУ СТОЛИЧНЫХ ЦЕНТРОВ

Центр Москвы в пределах Кремля и его непосредственного окружения в течение XVII в. сложился как законченная группа зданий, чередующихся с площадями, в которых разместились царская резиденция, патриарший двор и правительственный центр государства. В течение 1-й четверти XVIII в. Москва не изменила сколько-нибудь существенно внешний облик своей центральной части. Более всего новшеств в это время было введено на северо-восточной окраине в Лефортове, Преображенской и Семеновской слободах, где начали группироваться дворцовые и государственные общественно-административные здания. Приуздский ансамбль, получивший название Анненгоф, быстро расширяется и развивается. Знать охотно строила свои дворцы вдоль Покровки, Старой и Новой Басманных улиц, соединявших район Кремля с новым центром в Лефортове и Преображенском.

Вместе с тем не оставлялась без внимания и центральная исконная территория Москвы. На Красной площади на грани XVII—XVIII вв. возникли здания главной аптеки —

научный медицинский центр страны, около Спасского моста — «публичная всенародная библиотека», у Никольских ворот — «Комедийная хоромина» — и, наконец, пейхгауз-арсенал в Кремле, построенный в связи с реорганизацией армии. Принимаются меры к переустройству деревянных торговых помещений гостиного двора в Китай-городе. В 30—40-х гг. XVIII в. приступают к упорядочению плана Москвы, обращая особое внимание на благоустройство ее исторического центра. Земляные бастионы, окружавшие Кремль, теряют свое значение, их постепенно уничтожают, что, в свою очередь, требовало урегулирования поймы р. Неглинки. Составляются различные варианты, закончившиеся тем, что реку заключают в подземный канал (рис. 157).

Радикальные предложения по переустройству центральной части Москвы содержатся в «прожектированном» плане переустройства столицы, составленном в 1775 г. Реконструкция и упорядочение центра Москвы происходили в тесной увязке с переустройством всего плана города на основе использования тех возможностей, которые давало его исторически сложившееся радиально-кольцевое построение. Составители проекта стояли на реальной почве исторически сложившегося плана города, и поэтому свои усилия направили на упорядочение кольцевых магистралей, сочетая с ними старые радиальные улицы. Рас-

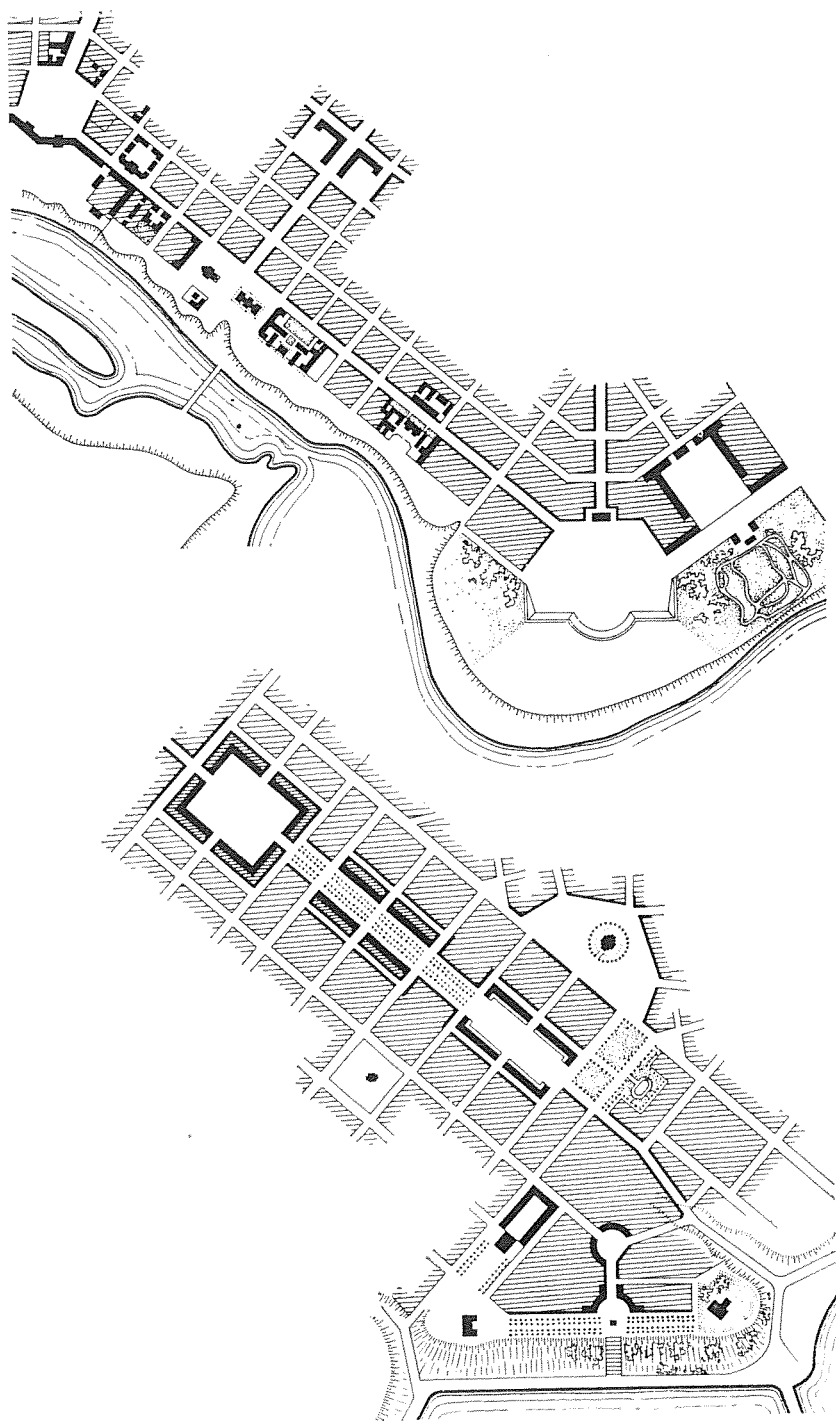

Рис. 155. Варианты регулярной планировки центров Николаева (1) и Одессы (2)

чищались от ветхих зданий пространства вокруг Кремля, предполагалось срыть ненужные и частично осыпавшиеся земляные валы, чтобы открыть перспективы на Кремль. Проектом предполагалось вдоль р. Неглинки про-

рукции Кремля. В основу была положена большая эллипсовидная площадь, долженствующая заменить собою Ивановскую. Южная граница, обращенная к Москве-реке, сплошь застраивалась дворцовым корпусом.

тив западной стены Кремля построить пять огромных прямоугольных зданий, а вдоль набережной р. Москвы Кремлевскую и Китайгородскую стены завершить с одной стороны протяженным фасадом Воспитательного дома, а с другой — живописной группой зданий Алексеевского монастыря. Не оставалось без внимания и Красная площадь. Построенные в XVIII в. в Кремле здания цейхгауза (арсенала) и окружного суда оформили переход от Красной площади через Никольские ворота к Соборной и Ивановской площадям. На самой площади было построено новое здание торговых рядов в виде двух обращенных друг к другу вытянутых корпусов, ориентированных от Воскресенских ворот Китай-города к храму Василия Блаженного. Их поперечная ось была направлена на Сенатскую башню Кремля. При проходе на Красную площадь извне, на месте Воскресенских (Иверских) ворот, Д. Ухтомский проектировал постановку многоярусной башни, которая должна была подчеркнуть значение Красной площади (рис. 158).

Одновременно с составлением плана переустройства центральной части Москвы проектировалась коренная перестройка Кремля под руководством В. Баженова. Дошедшие до нашего времени чертежи отмечают начальную и конечную стадии проектных работ и дают некоторое представление о творческом процессе формирования планировочных идей рекон-

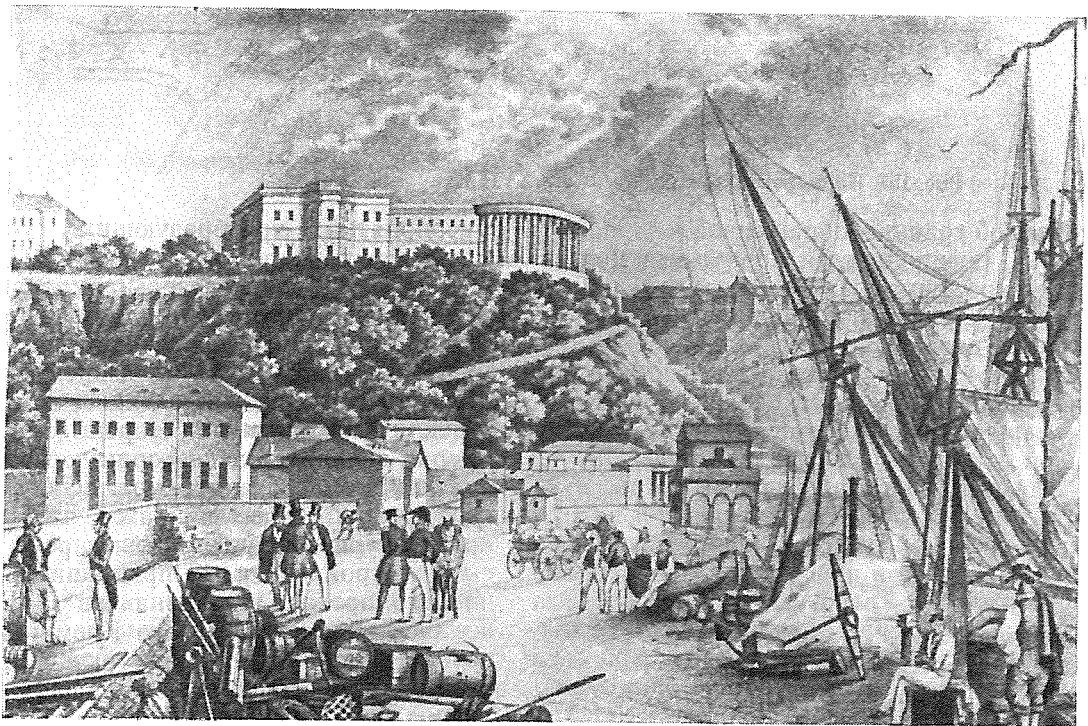

Рис. 156. Застройка центра Одессы со стороны набережной (вверху) и площади у приморской лестницы (внизу). Общий вид

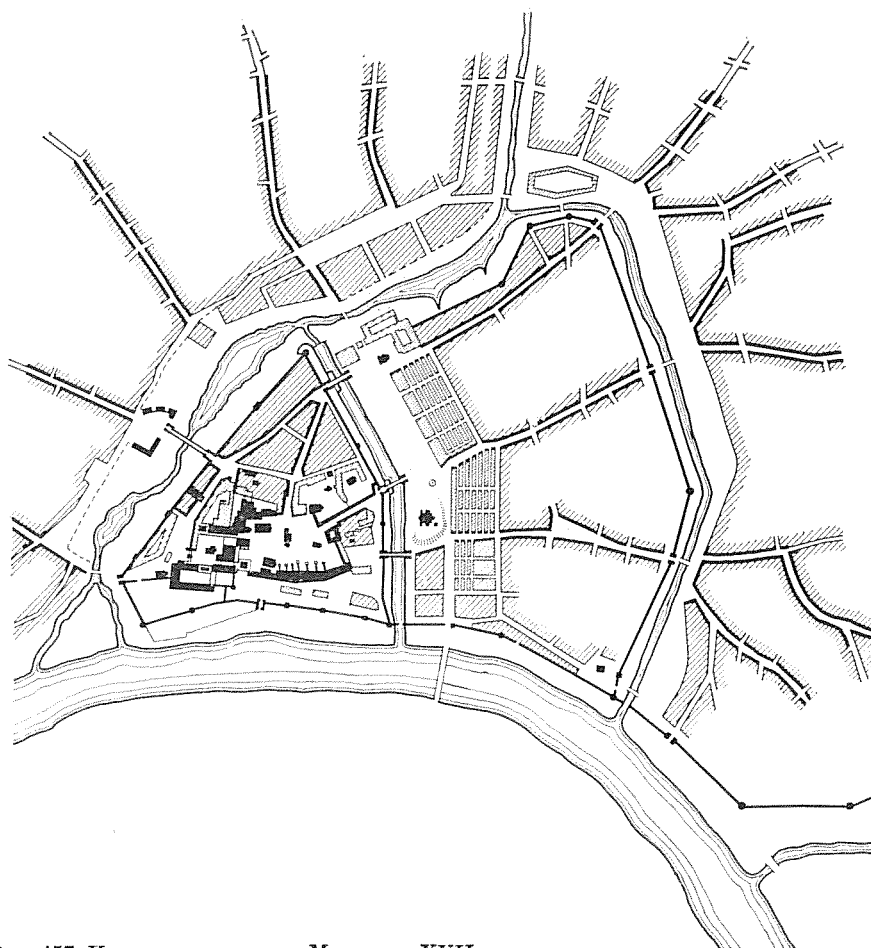

Рис. 157. Планировка центра Москвы в XVII в.

По западной границе, обращенной к городской застройке, предполагался корпус, симметричный заданию арсенала. Все древние сооружения — храмы и дворцы — заключались во внутренний двор. В процессе дальнейших проектных работ была значительно переработана конфигурация дворцового корпуса. Если в первоначальном варианте от центральной эллипсовидной площади расходился целый пучок улиц, которые привязывались к существующим, то в дальнейшем от центральной площади перед главным входом в кремлевский дворец расходились три проспекта в направлении на Воздвиженку, Тверскую и Ильинку. Эта трехлучевая структура должна была стать планировочной основой московской уличной сети и подчинить центральную часть столицы заданию нового Кремлевского дворца. Об этих общепланировочных замыслах В. Баженова можно составить представление, совмещая чертежи переустройства Кремля с планировочной схемой Москвы, которую можно было упорядочить лишь в результате решительных

мероприятий, преобразующих устаревшую структуру центра города (рис. 159).

Наиболее последовательная реорганизация кремлевской застройки была предложена проектом М. Казакова, который составил в 1797 г. «генеральный план кремлевской крепости», дополненный «видом кремлевского строения с полуденной стороны». М. Казаков высоко оценивает неповторимую красоту московских соборов и теремов. Он использует снос здания старых приказов, чтобы открыть архитектурное ядро Кремля к реке и городской застройке. В этом принципиальное отличие его проекта от вариантов В. Баженова, все еще рассматривавшего Кремль как дворцовый комплекс, противостоящий городской застройке. К западу от Соборной площади располагаются над рекой, вдоль бровки кремлевского откоса, три симметричных дворцовых корпуса, включая в эту группу старую застройку. К востоку проектируется громадное здание экзерциргауза. Таким образом, древние соборы и все пространство Ивановской

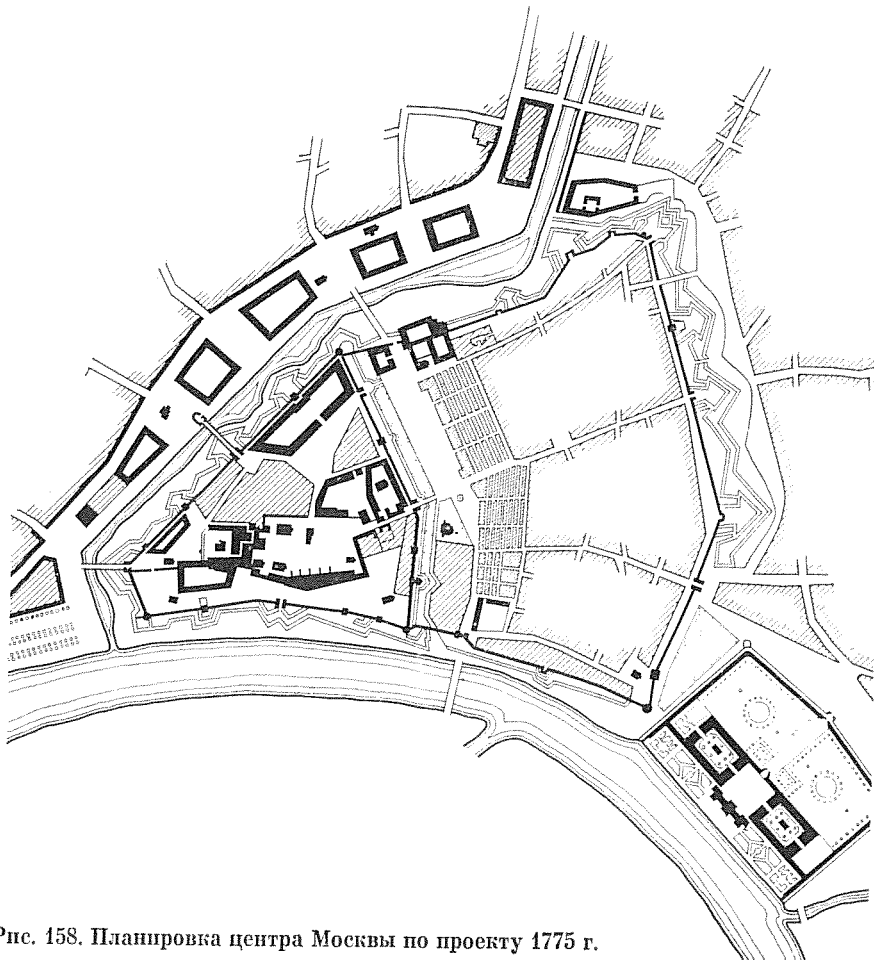

Рис. 158. Планировка центра Москвы по проекту 1775 г.

площади, открытое на Москву-реку, заключены в строгую классическую рамку. У главных ворот Кремля (Спасские, Никольские и Троицкие) устроены небольшие аванплощади, организующие подходы к главной — Ивановской. Проект Казакова дает одно из лучших решений реконструкции Кремля, которое в случае его осуществления могло бы тесно связаться с последующими реконструктивными предположениями, направленными на упорядочение группы площадей вокруг Кремля и Китай-города, прежде всего Театральной площади, и связанными уже с именем О. Бове.

Новые решительные предложения по упорядочению пространства, непосредственно примыкающего к Кремлевской и Китайгородской стенам, были сделаны в плане 1813 г., составленном В. Гесте. План предусматривал восстановление столицы после разрушений, нанесенных войной 1812 г. Так же, как и в «прожектированном» плане 1775 г., В. Гесте оставляет в неприкосновенности Кремль. Основное зна-

чение придается Красной площади. Она приобретает роль пункта, связывающего группу радиальных магистралей, идущих с севера (старую и новую Тверские улицы), с радиальными магистралями, ведущими на юг (Пятницкой и Ордынской улицами, переходящими в Серпуховское шоссе). Площадь значительно расширяется за счет сноса части торговых рядов и расчистки застройки между храмом Василия Блаженного и берегом р. Москвы. Кроме того, к северо-западу от Кремля образуется специальная площадь по оси проектируемой новой Тверской улицы. Пространство у Петровского театра также расчищается, но получившаяся площадь имеет неправильную конфигурацию, а здание театра стоит на ней случайно. Видимо, в проекте не придавалось Театральной площади ведущего значения, все внимание было сконцентрировано на новой Тверской и реконструируемой Красной площадях, лежащих на диаметре север-юг (рис. 160).

К началу XIX в. твердо установилось мнe-

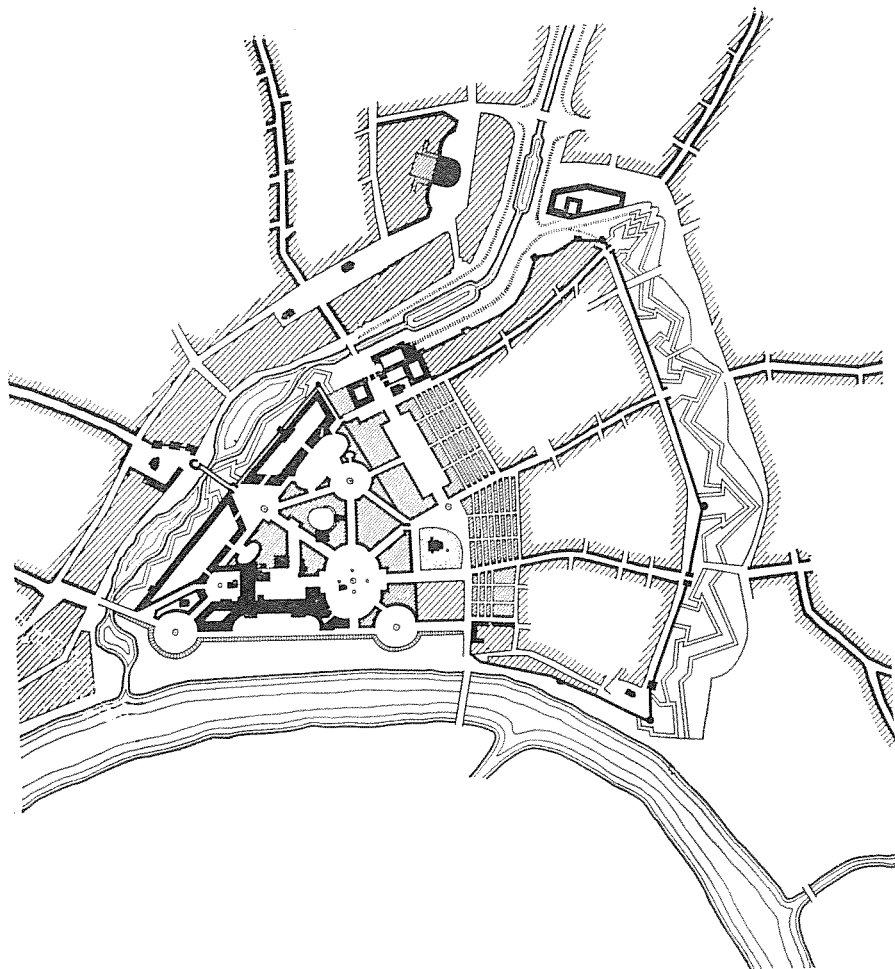
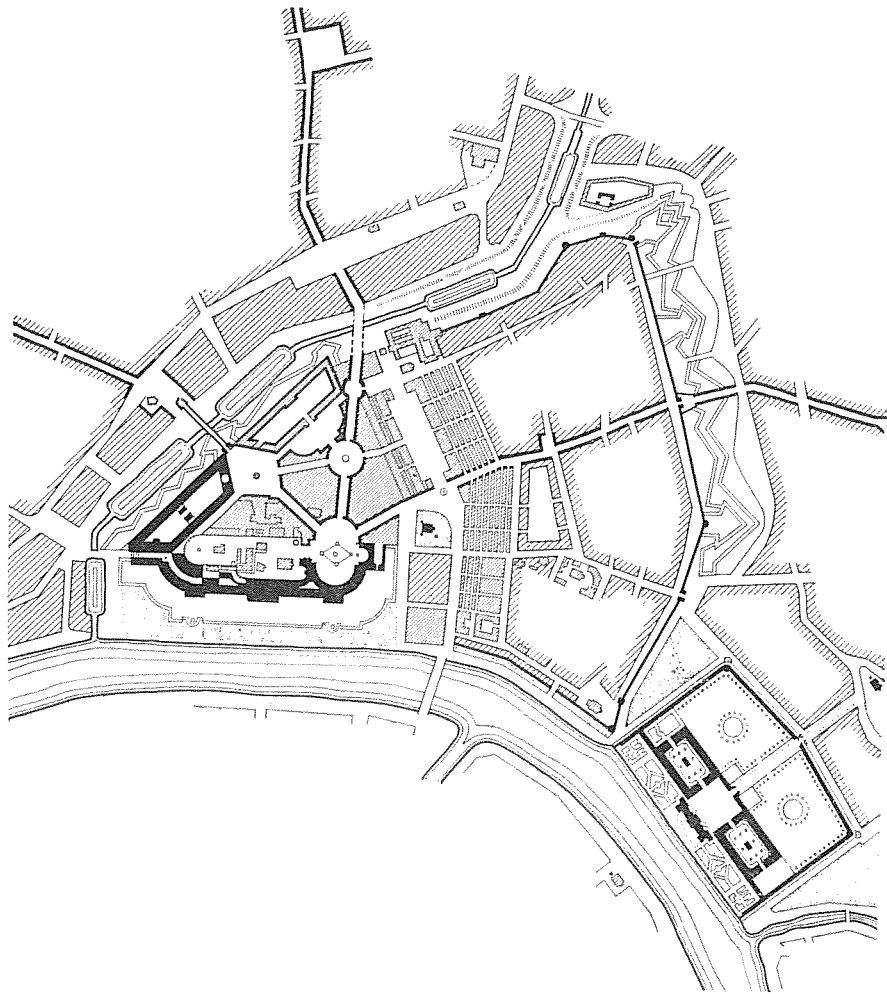

Рис. 159. Планировка центра Москвы по проекту В. Баженова (1-й и 2-й варианты)

ние, что исконный центр города, формирующийся Кремлем и примыкающей к нему Красной площадью, недостаточен для разросшейся Москвы. Возникает идея о создании представительной площади у Петровского театра, которая могла бы получить первенствующее значение в восстанавливаемом центре Москвы и органически связаться со старым городским центром (рис. 161). Организация Театральной площади со сломкой пострадавших во время пожара 1812 г. зданий была предпринята проектом нового плана Москвы, составленным в 1813 г. Однако ее размеры, конфигурация и формы связи с историческим центром Москвы были найдены не сразу. Первоначально предполагалось границы площади довести до Б. Дмитровки, а ее ось направить параллельно этой улице. Так площадь и была изображена на проектом плане Москвы 1817 г. Но лишь после нескольких лет работы проект Театральной площади получил свое окончательное реше-

ние. Главная ось площади вытянулась по меридиану и была ориентирована на шатер Василия Блаженного. Поперечное положение площади выделило ее в цепи пространств, вдоль крепостных стен Кремля и Китай-города. Площадь стала новым дополнительным центром города, органически связанным с Красной площадью и со старым центром Кремля — Ивановской площадью. Эти три площади в своей совокупности и создали центральное ядро Москвы.

Театральная площадь была прямоугольна, ее северная короткая сторона замыкалась мощным объемом Большого театра, обе длинные стороны были застроены четырьмя невысокими зданиями с полуколоннами по фасадам. Арочные проемы, устроенные в первых этажах этих зданий, подчеркивали значительность и пластику мощной колоннады Большого театра. С противоположной южной стороны площадь была ограничена лишь невысокой древней стеной Китай-города и от-

крыта в сторону Красной площади. На Красной площади торговые ряды напротив Кремлевской стены были восстановлены в 1815 г. в духе классицизма. Несколько позже был установлен памятник Минину и Пожарскому, который стал символом освобождения России от иностранного нашествия. Постановка памятника по оси торговых рядов на фоне центрального портика подчеркивала поперечную ось площади, направленную к Кремлю. Красная площадь стала аванплощадью перед Кремлем.

Театральная и Красная площади были связаны промежуточной Воскресенской площадью, на которую выходил фасад присутственных мест, перестроенный из монетного двора. Сторона площади, примыкающая к Кремлю, обрамлена металлической решеткой Александровского сада, разбитого на месте бывших прудов и скрытых земляных валов. Ивановская площадь в Кремле — третья составная часть нового центрального ансамбля

города — была (так же, как и вся территория Кремля) упорядочена.

Перестройка Москвы в первые два десятилетия XIX в., включая четкий прямоугольник Театральной площади, расширившей застройку центра в соответствии с увеличением границ города, происходила в формах, стилистически отличных от древнего Кремля. Но она являлась органическим продолжением московских градостроительных традиций в соответствии с новыми жизненными потребностями города (рис. 162, 163).

Центр новой столицы Петербурга с самого начала оформился как сложное сочетание из двух крупных сооружений и огромной водной поверхности, заключенной между ними. Эти два сооружения — Петропавловский собор и Адмиралтейство — пространственно объединяют всю территорию города, будучи в то же время разобщены широким водным протоком. Возникла необходимость третьей, обобщающей группы зданий, и она появилась на

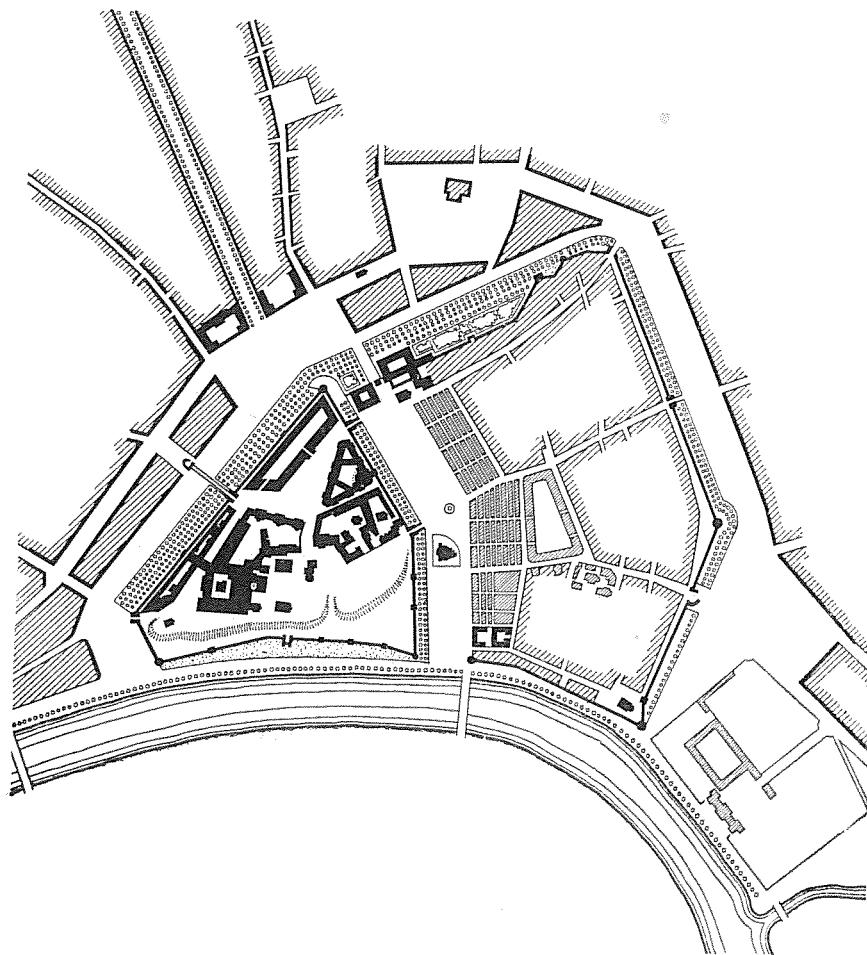

Рис. 160. Планировка центра Москвы по проекту В. Гесте

стрелке Васильевского острова, омываемого двумя почти одинаковыми протоками Большой и Малой Невы, которые, соединяясь, открывают далекую перспективу вверх по течению. На этой как бы совмещенной оси симметрии архитектурного и природного ландшафта нужно было поставить сооружение, которое могло бы дать надлежащую связь всем частям центра столицы. Требуемое решение было найдено не сразу. С середины XVIII в. в течение полувека составлялись различные варианты застройки Васильевского мыса и лишь в начале XIX в. постройкой Биржи и окружающих ее зданий на основе планировочной схемы А. Захарова проблема получила достойное завершение.

Известны четыре варианта застройки стрелки Васильевского острова. Первые два относятся ко второй половине XVIII в.: один представляет проект комплекса зданий Академии наук, второй — проект Монетного дво-

ра. Третий вариант — здание Биржи по проекту Кваренги и, наконец, четвертый — то же здание Биржи, но уже по проекту Тома де Тона, ориентированное на просторы р. Невы. Все эти варианты по-разному решали задачи композиционного единства центральной группы ведущих зданий столицы. В каждом из них независимо от их художественных качеств отражались планировочные идеи своего времени, подчеркивалась содержательная сторона застройки столичного центра, выражающаяся в выборе ведущих сооружений и их взаимосвязанном местоположении.

На всех этапах проектирования застройка стрелки Васильевского острова не рассматривалась изолированно, вне связи с другими сооружениями, формирующими центр Петербурга.

Вначале главенствовала общественно-политическая и военная роль Петербурга, идейно-образным выражением которой были Пет-

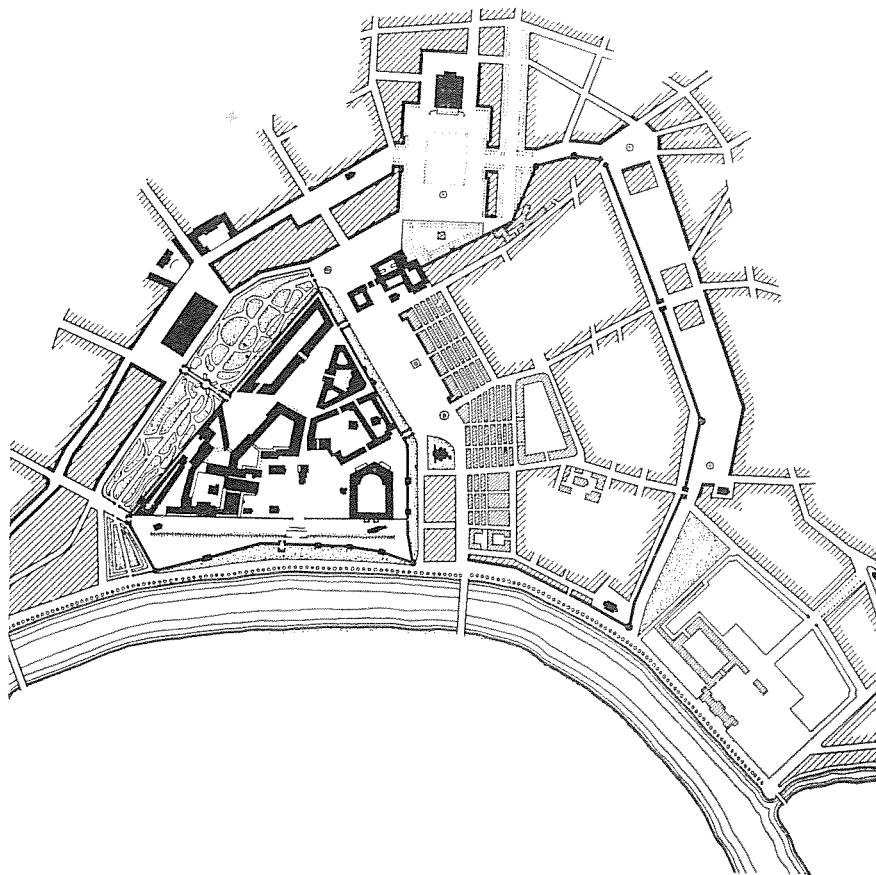

Рис. 161. Планировка центра Москвы по проекту «Комиссии строений»

ропавловская крепость и здание Адмиралтейства. Постепенно она отходит на второй план и к середине XVIII в. выдвигается на первое место репрезентативное значение города, как столицы обширного государства, и если город должен был служить «фасадом Империи», то «фасадом города» должна была стать императорская резиденция — Зимний дворец. Усилия В. Растрелли, а несколько позже И. Старова и сводятся к этому. Каждый из них проектирует перед Дворцом большую замкнутую площадь, окруженную двойной колоннадой, тем самым превращая центральное ядро города в огромный дворцовый парадный двор. Зимний дворец с круглой площадью перед ним является в трактовке Растрелли обширной усадьбой, расположившейся в центре города на берегу р. Невы, окруженной дворцами-усадьбами вельмож, жилыми зданиями обслуживающего персонала и казармами военной охраны. Под впечатлением этой идеи и проектировались первые два варианта застройки Василеостровского мыса, которые относятся к периоду заверше-

ния постройки Зимнего дворца и предполагаемому осуществлению на Дворцовой площади памятника Петру I. Намечаемые там вначале здания Академии наук и Монетного двора ориентированы только на Зимний дворец, как главнейшее здание столицы. Они увязываются только с ним, пространственно подчиняются ему, менее считаясь как с гладью Невы, так и с вертикалями крепости и Адмиралтейства. В этих вариантах сказывается творческая направленность зодчих Петербурга на первых этапах его строительства, которые еще рассматривали город как сумму дворцов-усадоб, а проблему формирования застройки всей центральной части столицы сводили прежде всего к простейшему регулированию массовой застройки и замыкающим перспективам основных магистралей (рис. 164, 165, 166).

Идея более широкой планировочной общности всех частей центра города появилась позже, в конце XVIII в. Ее зарождение и развитие демонстрируют два последних варианта застройки стрелки Васильевского

острова. Кваренги начал осуществление своего проекта биржи в самом конце XVIII в. В постановке ее он все еще, подобно своим предшественникам, воспринимал Зимний дворец и его ближайшее окружение как основную композиционную доминанту города. Но в самой трактовке дворца и его окружения, во взглядах на роль дворца в системе плана города, наступило изменение. Если замкнутые площади Растрелли и Старова целиком принадлежали дворцу, как бы разобщая дворец с городом, то последующие попытки, направленные на упорядочение застройки всего периметра площади, служат средством связи дворца с городом. Устраняется усадебная изолированность, дворец связывается с противостоящей застройкой площади. В этом смысле показательно изменение места для монумента Петра I. Раньше его предполагали поставить перед дворцом в тесном кольце коллонады, теперь он занимает самостоятельное место на отдельной площади, получившей его имя. Монумент обращен не к замкнутому фасаду дворца, а к свободным просторам Невы. С его постановкой получает свое идейно-художественное содержание вторая — Петровская площадь. Постепенно складываются условия для формирования взаимосвязанной группы центральных площадей.

Все эти изменения отражены и в постановке здания Биржи по проекту Кваренги. Он все еще признает главенство императорского дворца в общей композиции центра города, но дворец рассматривается им вместе с городским окружением и водной гладью р. Невы перед ним. Поэтому ориентация здания Биржи несколько изменяется. Если его предшественники по застройке Василеостровской стрелки направляли оси своих сооружений непосредственно на дворец, подчиняясь ему полностью, то Кваренги направляет ось своего здания на водное пространство Невы перед дворцом. Ось Биржи — биссектриса угла, образуемого линиями, направленными от нее к Зимнему дворцу и Петропавловской крепости.

В начале XIX в. новое понимание градостроительных задач проникло повсюду. Центр Петербурга интенсивно перестраивался и достраивался. Возникали и завершались те ансамбли, которые выдвинули русскую столицу на одно из первых мест среди других городов Европы. Недостроенная Биржа Кваренги была сломана, и приступили к строительству Биржи по проекту Томона, в то время как общая планировка всего мыса была произведена А. Захаровым, который был по-

счителем новых планировочных идей своего времени. Свои знания он блестяще приложил к завершению формирования центра Петербурга. Постройки К. Росси и А. Захарова завершают архитектурную организацию Дворцовой и Петровской площадей. Зимний дворец — городская усадьба в трактовке зодчих XVIII в. — превращается вместе с обрамляющими площадь зданиями в часть городского столичного центра. Стало понятным также, что одно здание — доминанта, подобно Зимнему дворцу, не может явиться объединяющим центром разросшейся столицы. Архитектурно-композиционную ось центрального ансамбля нужно было совместить с осью равновесия городского ландшафта. Это понимал А. Захаров и нашел наиболее правильное положение Биржи на стрелке Васильевского острова. Перемены происходили и на левом берегу р. Невы, где А. Захаров перестроил здание Адмиралтейства, а за ним К. Росси завершил многолетние поиски наилучшего решения ансамбля центральных площадей. Невский проспект получил достойное завершение. Он стал ориентироваться не только на шпиль Адмиралтейства, но вышел к обширным пространствам взаимосвязанных парадных площадей.

Вместе с тем и застройка самого Невского проспекта в первую треть XIX в. претерпевает коренные изменения. В начале века вдоль него возникали лишь отдельные крупные здания, которые, вместе взятые, образовали протяженное пространство, направленное к центру города. Крупные реконструктивные работы, предпринятые под руководством К. Росси, связали протяженное пространство проспекта с примыкающими к нему сооружениями, площадями и открытыми пространствами.

В результате длительного проектирования, связанного с переустройством Александринского театра, был отобран и реализован вариант с прямоугольной площадью, широко раскрытой в сторону Невского проспекта. Сформировавшаяся в 30-х гг. XIX в. Театральная площадь через короткий отрезок улицы позади здания театра выходит в одном направлении к небольшой предмостной площади, а в другом, пересекая Невский проспект, планировочно связывается с развитым пространством Инженерного замка. Серединная часть Невского проспекта также получает глубинное развитие в связи со строительством Михайловского дворца.

В результате всех этих перестроек центр Петербурга становится пространственно развитым. Композиционная ось Невского проспек-

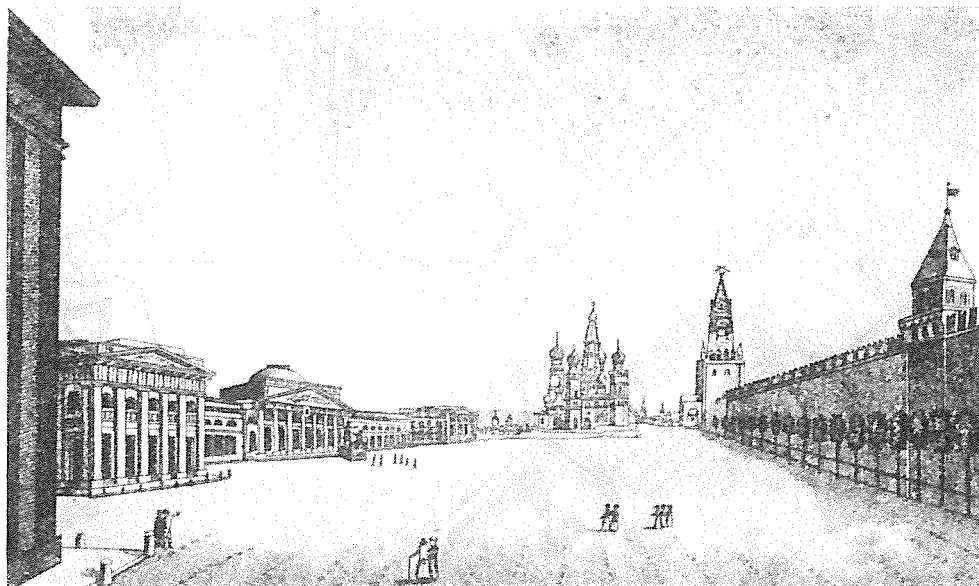

Рис. 162. Застройка Красной площади в Москве

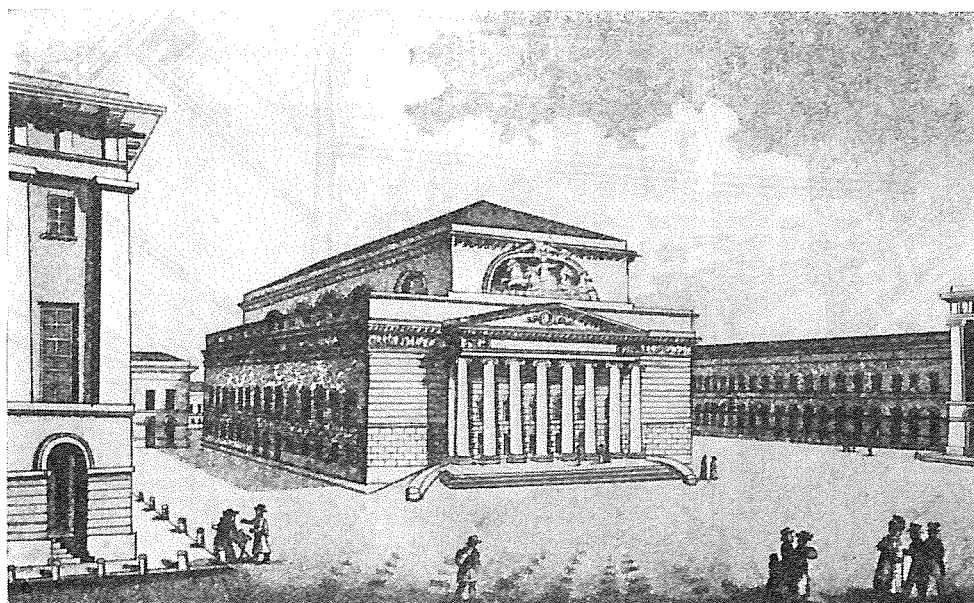

Рис. 163. Застройка Театральной площади в Москве

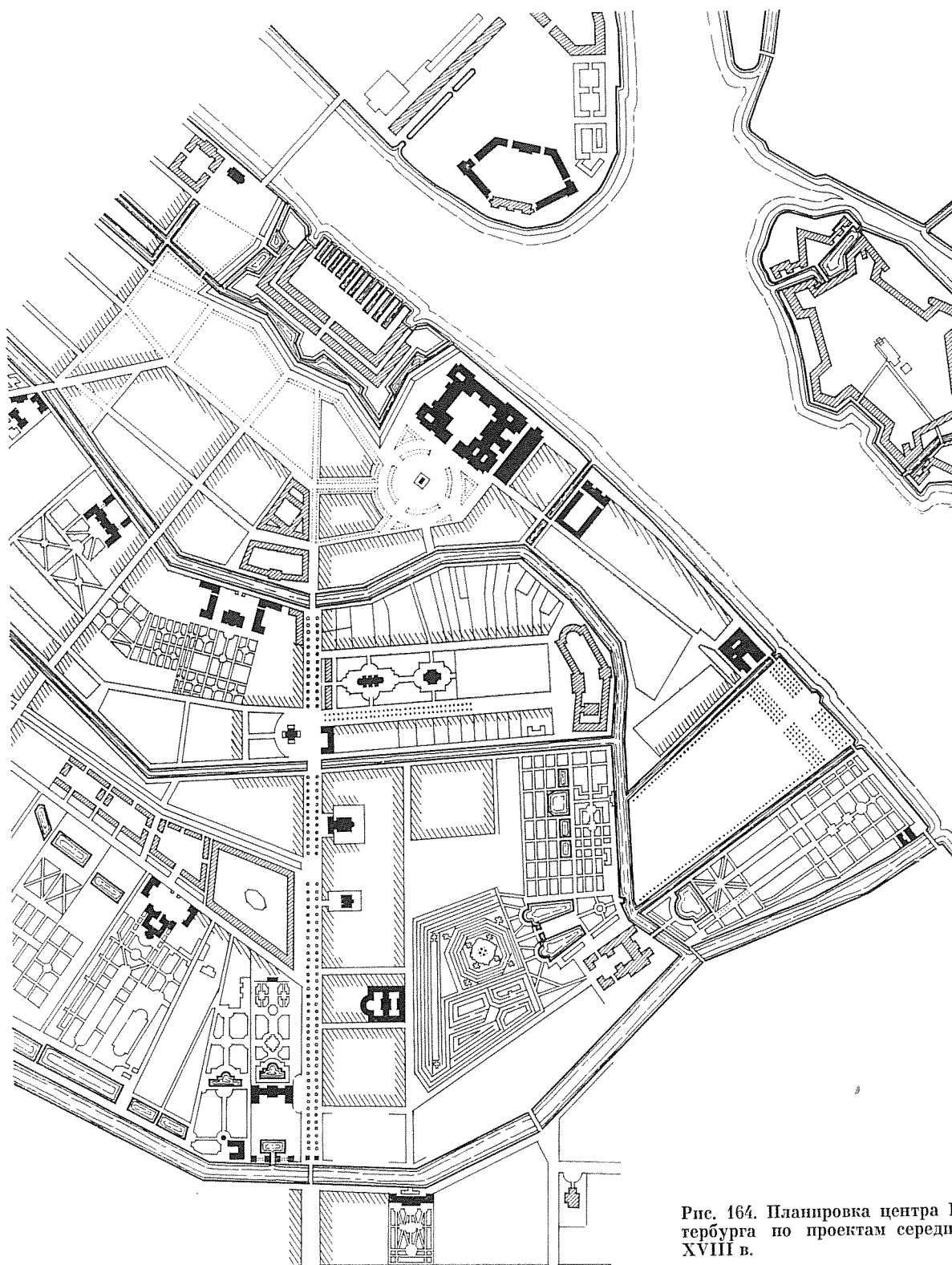

Рис. 164. Планировка центра Петербурга по проектам середины XVIII в.

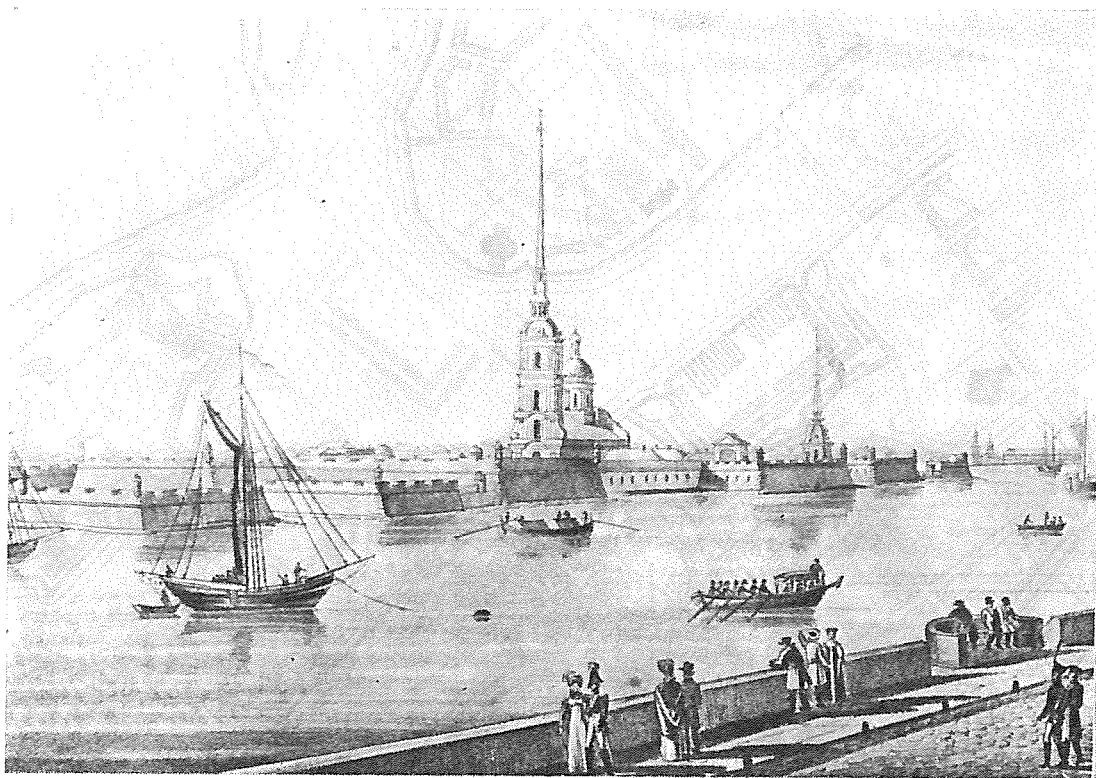

Рис. 165. Петропавловская крепость в Петербурге со стороны Дворцовой набережной. Общий вид

Рис. 166. Застройка Петровской площади в Петербурге. Общий вид

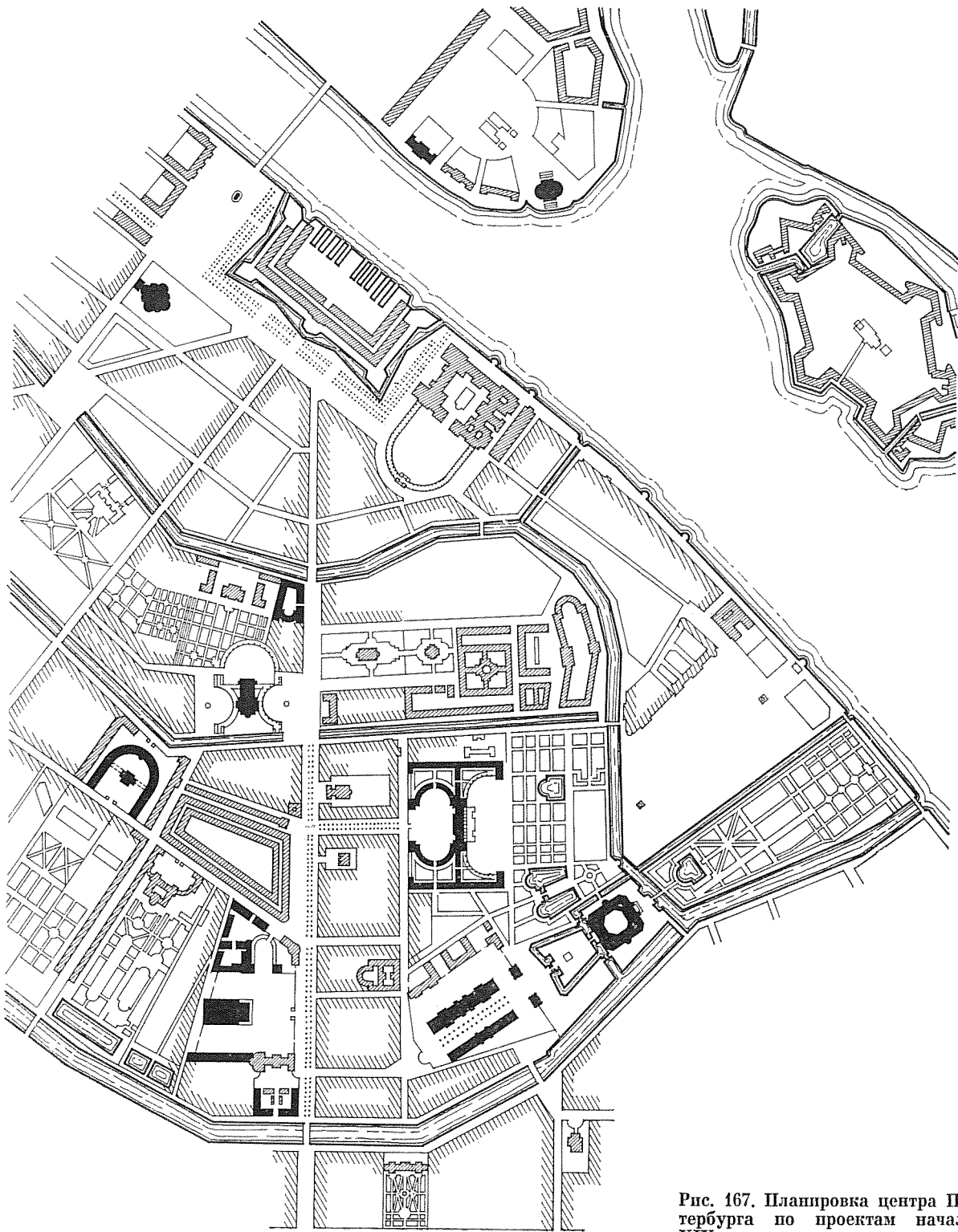

Рис. 167. Планировка центра Петербурга по проектам начала XIX в.

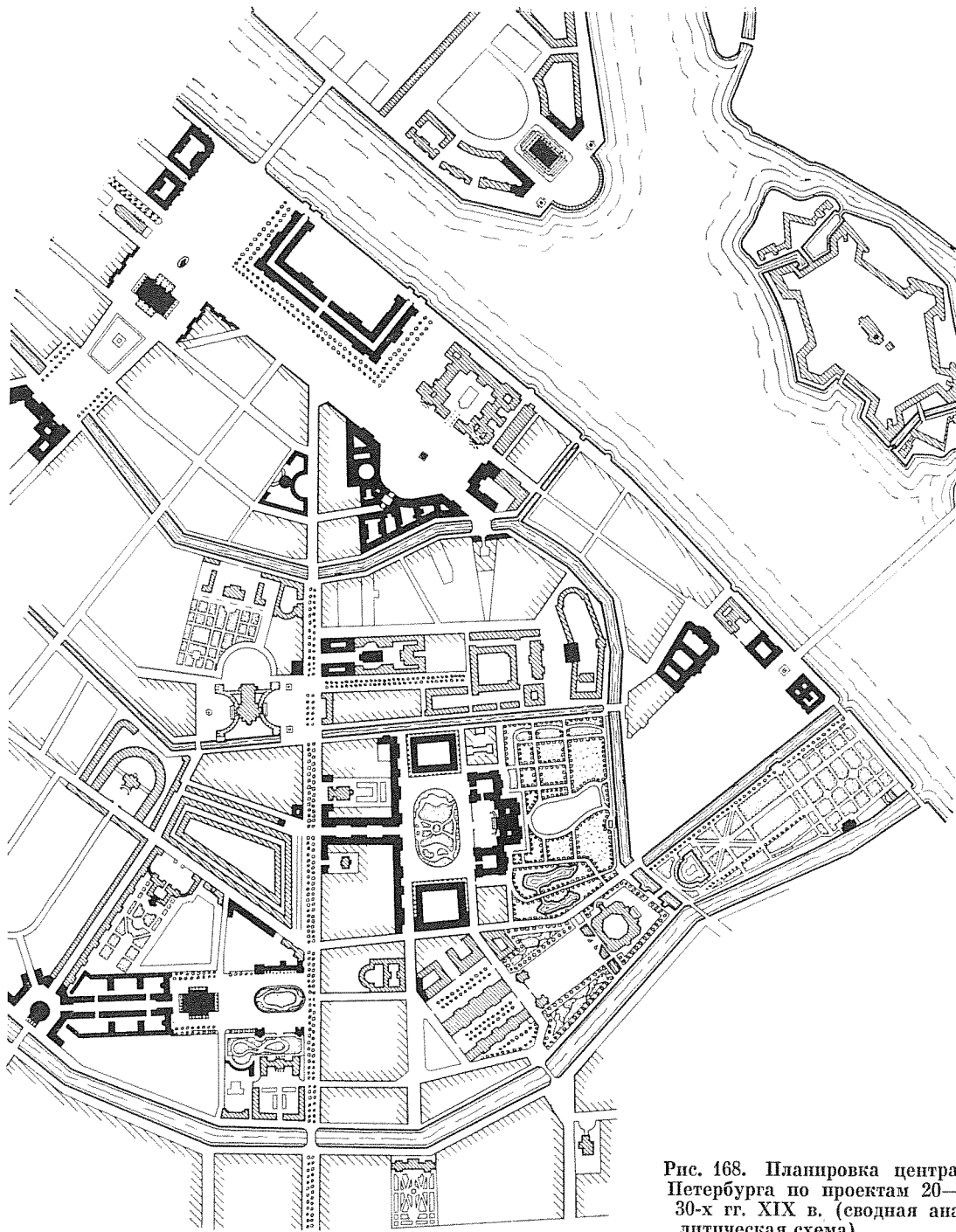

Рис. 168. Планировка центра
Петербурга по проектам 20—
30-х гг. XIX в. (сводная ана-
литическая схема)

та получает первенствующее значение в сложно соподчиненной архитектурно-пространственной структуре столичного центра (рис. 167, 168). Его формирование было в основном завершено, далее оставались лишь второстепенные доделки и уточнения.

Таким образом, примерно полувековая работа над формированием застройки центра Петербурга прошла несколько этапов. Наиболее совершенное и всеохватывающее решение было найдено после усиленных трудов и не столько благодаря талантливости или творческой удаче того или иного мастера, сколько потому, что градостроительные идеи к началу XIX в. были подняты на большую высоту. Оставалось воспользоваться ими для конкретных случаев.

И безымянные мастера XVIII в., и прославленные зодчие начала XIX в. каждый по-своему правильно подходил к решению сложной задачи формирования центра столицы.

Каждый из них понимал, что, застраивая стрелку Васильевского острова или отдельные участки главного проспекта столицы, он тем самым решает задачу усовершенствования структуры города в целом. Но первые творческие шаги были ограничены художественными идеями своего времени, не нашедшими еще путей застройки центров крупных городов как целостной системы. Эти пути были намечены в самом конце XVIII в. и развиты в начале XIX в. В этот период и удалось найти наиболее законченное решение задачи формирования архитектурно-планировочного центра Петербурга во всей его сложности и многообразии.

Сопоставительный разбор сложного и длительного пути зарождения, развития и формирования центральных частей русских городов дает внушительную картину творческой активности и совершенствующегося мастерства отечественных зодчих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные проблемы преобразования и реконструкции исторически сложившихся городов, сохранивших памятники архитектуры, решаются на основе их предшествующего развития, когда прежде достигнутое участвует в создании современной планировочной среды и ее перспективном усовершенствовании. Шедевры прошлого обогащают пространственную характеристику современных городов. Реставрация и восстановление памятников культуры и новое строительство становятся единым творческим процессом реконструкции и перспективного преобразования исторически сложившихся городов. В настоящее время наметился переход от разрозненных мероприятий по сохранению и выявлению художественных качеств исторических сооружений к их соединению с новыми градостроительными решениями. Элементы старых архитектурно-планировочных систем переосмысливаются и воспринимаются как живая традиция, как неотъемлемая часть вновь возникающих пространственных построений.

Одним из условий сохранения и восстановления зданий, представляющих историческую ценность, является их приспособление для современных нужд, что позволит определить условия их сохранения и возможности включения в современную застройку без ущерба для их функционирования как художественно-культурных ценностей. Правильное, продуманное использование исторического архитектурного сооружения дает ему как бы вторую жизнь, позволяет устанавливать с прошлым преемственную связь, оставляя в то же время простор для развития новаторских устремлений. Но если отдельные исторические здания сложны для современного использования, то гораздо более трудную задачу представляет правильное использование целых групп сохранившихся зданий и сооружений и даже обширных частей города, выделяющихся по своему архитектурно-пространственному облику. При этом нельзя упускать из виду, что современный человек воспринимает и оценивает окружающий его предметный мир иначе, чем люди прошлых эпох. Восприятие исторически обусловлено, находится в постоянном развитии, и определяясь уровнем градостроительной культуры, связано с данной эпохой и ее представлениями.

При использовании памятников необходимо учитывать специфику их архитектурных

форм и сложившегося облика, их положение в плане города и, наконец, содержание новой окружающей застройки. Не в меньшей степени правильное и эффективное использование сложившихся в прошлом архитектурно-художественных ценностей зависит от направленности культурно-хозяйственного развития данного города. Это в значительной мере определяет круг возможностей практического использования зданий, представляющих историко-художественную ценность и характер их связей с многообразной и сложной жизнью города.

Для того чтобы многообразная деятельность, связанная с реконструкцией сложившихся городов, использованием исторического наследия и охраной культурных ценностей, проходила успешно, она должна опираться на определенную методику, т. е. на совокупность способов и приемов, обеспечивающих наиболее целесообразную, систематическую и последовательную организацию этой деятельности во всех ее планировочных звеньях и на всех этапах.

В настоящее время градостроительная практика становится все более разветвленной, и отраслевое рассмотрение различных входящих в ее сферу дисциплин, без представления об их совокупности, не может привести к удовлетворительным результатам. В связи с быстрым ростом потребностей общества и усложнением жизненных процессов, происходящих в городах, прежние практические возможности и теоретические положения в их сложившемся виде уже не могут удовлетворять современным, а тем более перспективным требованиям. Архитектурно-градостроительные проблемы не могут быть решены без тесного содружества с техническими и гигиеническими, а также с историческими и гуманитарными науками, на основе соединения научного творчества и архитектурного искусства. Становится необходимым переход к пониманию реконструкции исторически сложившихся городов, обладающих ценными памятниками архитектуры как сложной системы межфакторного, междисциплинарного порядка, позволяющей сформулировать не только специфические требования к каждой из привлекаемых научных дисциплин, но обращающей основное внимание на характер взаимоотношений между ними.

Системный подход, который внедряется в градостроительную деятельность, должен быть распространен и на вопросы сохранения и использования памятников культуры в их связях с современнойстройкой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ		3
ГЛАВА 1. ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕЕМСТВЕННО- ГО РАЗВИТИЯ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ	Источники русского градостроительства Планировочное своеобразие городов феодальных княжеств Развитие градостроительной культуры объединенного русского государства Переустройство планировочной структуры городов на регулярной основе	7 14 25 47
ГЛАВА 2. ГОРОДСКАЯ ЖИЛАЯ МАССОВАЯ ЗАСТРОЙКА И УСАДЕБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	Жилая — массовая и усадебная застройка древнерусских городов, ее развитие и переустройство по «образцовым» проектам Особенности пригородного и загородного усадебного строительства	81 103
ГЛАВА 3. ПРЕЕМСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕНТРОВ	Планировка и застройка кремлей-центров древних городов Переустройство центров городов по регулярным планам Планировочные замыслы московских и петербургских зодчих по переустройству столичных центров	121 146 159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		

ВИТАЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАВРОВ

РАЗВИТИЕ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ ГОРОДОВ

Редакция литературы по градостроительству и архитектуре

Зав. редакцией Т. Н. Федорова

Редактор Г. И. Тимошкина

Мл. редактор В. Б. Бараева

Внешнее оформление художника
Э. С. Филимонова

Технический редактор В. Д. Павлова

Корректоры И. В. Медведь, Л. П. Бирюкова

Сдано в набор 15/VII—1976 г.
Подписано в печать 8/X—1976 г. Т-17382
Бумага типографская № 1
Формат 84×108¹/₁₆ д. л.
18,48 усл. печ. л. (уч.-изд. 18,25 л.)
Тираж 5.000 экз.
Изд. № XIX—6181
Заказ № 652. Цена 1 р. 31 к.

Стройиздат
103006, Москва, Каляевская, 23а

Владимирская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
600610, г. Владимир, ул. Победы, д. 18-б.